

Энциклопедия тайн и сенсаций

ТАЙНЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

Энциклопедия
тайн и сенсаций

ТАЙНЫ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
ОТКРЫТИЙ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТАЙН И СЕНСАЦИЙ

**ТАЙНЫ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
ОТКРЫТИЙ**

**МИНСК
ЛИТЕРАТУРА
1998**

УДК 910
ББК 26.8
Т 14

Серия основана в 1996 году

Автор-составитель *С. В. Снякович*

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Т 14   **Тайны географических открытий / Авт.-сост. С. В. Снякович. — Мн.: Литература, 1998. — 528 с. — (Энциклопедия тайн и сенсаций).**

ISBN 985-437-661-3.

Опасность — вечная спутница героев. Но не страшна она отважному предводителю аргонавтов Ясону, путившемуся в далекое плавание за золотым руном.

Герои и события известного древнегреческого мифа словно оживают на страницах книги, помогая современному читателю ощутить полную легенд и приключений эпоху античности.

ББК 26.8

ISBN 985-437-661-3

© Литература, 1998

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ 7

ЧАСТЬ I

ЭПОХАЛЬНЫЕ ОТКРЫТИЯ

И ЗАВОЕВАНИЯ 11

ГЛАВА 1

От Атлантики до Инда 11

ГЛАВА 2

Следы римских легионов 42

ГЛАВА 3

Пионеры китайской географии
и загадочная страна Фусан 57

ГЛАВА 4

Разведывательные походы
викингов в Северной Америке 74

ГЛАВА 5

Дороги и царства ислама 92

ГЛАВА 6

Скромное обаяние
Кристофоро Колумбо 108

ГЛАВА 7

Открытие страны пряностей 128

ЧАСТЬ II

ТРАГЕДИИ НЕВЕРНУВШИХСЯ

КАПИТАНОВ 139

ГЛАВА 8

Магеллан, которого мы не знаем 140

ГЛАВА 9	
Жизнь и смерть капитана Кука	152
ГЛАВА 10	
Гибель по вине «ученых» фантазеров	193
ГЛАВА 11	
Крушение Лаперуза	212
ГЛАВА 12	
Ужасное путешествие властелинов юга	226
ГЛАВА 13	
Самый старый человек на самой маленькой лодке	251

ЧАСТЬ III

ВЕЛИЧАЙШИЕ ОТКРЫВАТЕЛИ 270

ГЛАВА 14	
Счастье Фридриха Вильгельма Генриха Александра фон Гумбольдта	270
ГЛАВА 15	
В лабиринтах непознанной Африки	284
ГЛАВА 16	
Разгадка тайн реки Нигер	306
ГЛАВА 17	
«Затерянный мир» полковника Фосетта	318
ГЛАВА 18	
Великий охотник за растениями	331
ГЛАВА 19	
Южная тайна столетий	342

ЧАСТЬ IV

ГЕОМИРАЖИ

И НЕСУЩЕСТВУЮЩИЕ ОТКРЫТИЯ 360

ГЛАВА 20	
Ритуал с позолоченным человеком	364
ГЛАВА 21	
Вытесненные с карт	377
ГЛАВА 22	
Курьезы странствующего острова	388
ГЛАВА 23	
Призраки Ледовитого океана	400

ЧАСТЬ V

ТАЙНЫ ВОЗДУШНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ

И НЕПРИСТУПНАЯ АРКТИКА 413

ГЛАВА 24	
Загадка арктической смерти	415
ГЛАВА 25	
От удара молнии?	432
ГЛАВА 26	
Странный союз полярных крылатых «волков»	444
ГЛАВА 27.	
Загадки и трагедии Красной палатки	451

ЧАСТЬ VI

НЕВЕРОЯТНОЕ ОЧЕВИДНОЕ 470

ГЛАВА 28	
Загадочное наследство адмирала Рейса	470
ГЛАВА 29	
Страшные трапезы Новой Гвинеи	484

ГЛАВА 30	
Очень особая тема	504
ГЛАВА 31	
Приключения без шансов на успех	512
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	525

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

На протяжении всей докосмической истории человечества самым сильным толчком в развитии цивилизаций является открытие и освоение новых земель. Неизвестная природа, новые земные пути, неизведанные богатства и недра, дополнительные и дешевые источники пищевых и трудовых ресурсов, — все это заставляло людей снаряжать военные, торговые и научные экспедиции в самые тайные и опасные уголки Земли. Передвигаясь по воде и под водой, пешком и на лошадях, верблюдах и слонах, собачьих упряжках и воздушных шарах, автомобилях и самолетах, человек почти не оставил «белых пятен» на Земле.

В создании величайшего памятника всех времен и народов — географической карты — участвовали самые различные представители человечества: от законченных преступников и головорезов до откровенных авантюристов, благородных особ, ученых мужей, коммерсантов и просто передовых умов общества. Дневники, письма и документы отважных путешественников содержат не только описания природных особенностей исследуемых земель и акваторий, животного и растительного мира, рельефа, климата и недр. В них наверняка найдутся повествования о захватывающих похождениях и приключениях, связанных с необычайностью ситуаций в незнакомом окружающем мире. В этих жемчужинах мировой литературы содержатся трагедии, сопровождаемые социально-

политическими интригами, жаждой власти, наживы и знаний, бегством от правосудия, оккупацией земель, искренним романтизмом и юмором, желанием прославиться и получить титул, и, наконец, любовью к женщине. Причины географических открытий и исследовательской активности настолько разнообразны, что создают благодатную почву для того, чтобы собрать богатейший литературный материал и вызвать интерес самой широкой аудитории. Отсюда появление идеи и цели настоящего сборника — из необычайно длинного списка географических путешествий и экспедиций познакомить читателя с малоизвестной их стороной — тайнами, интригами и сенсациями.

Однако и здесь любой составитель вынужден ограничиться каким-то временным промежутком истории из-за огромного количества литературных источников по данной теме. В нашей книге, в соответствии с оглавлением, мы коснемся истории античного, средневекового и нового периодов. Возможно, что продолжение этой темы последует в период новейшей истории, например, истории экспедиций Жака Ива Кусто или современных исследователей Амазонии, которые, безусловно, достойны целой книги.

Так или иначе, эта тема остается вечной и входит в жизнь почти каждого человека. Поэтому любая ее интерпретация способна привлечь к себе внимание любого читателя.

Каким бы ни был свет новых исследований, пролившийся на историю географических открытий и путешествий, но обстоятельные и многотомные труды старых профессоров первой половины XX века заставляют зачитываться их

книгами по сей день. К подобным изданиям, представляющим кропотливый анализ многочисленных исторических документов, относится четырехтомник Рихарда Хеннига, выпущенный в свет в Голландии в 1936—1939 гг. Без «историй» Хеннига по древнейшим и средневековым географическим открытиям не обойдется ни один сборник на эту тему. На наш взгляд, выдержки из редких и труднодоступных изданий и комментарии самого Хеннига смогут возбудить капризный читательский интерес. Поэтому приведенные в настоящем сборнике отрывки из книги Хеннига будут встречаться не только в первой части.

Пожалуй, если начинать писать о путешествиях, походах и плаваниях, то, естественно, сразу же напрашиваются истории географических достижений древних римлян, греков и египтян. Однако, было бы несправедливым и значительно сузило наши представления о знаменательных открытиях и завоеваниях, если бы мы не обратились к достижениям тех же китайцев, арабов, других восточных народов, а также викингов, крестоносцев и пиратов XVI—XVII веков. В этом смысле отличным рассказчиком является не только Р. Хенниг, но также известный французский моряк и писатель Жорж Блон и другие исследователи всеобщей истории открытий. Что же касается эпохи именно географических открытий, сделанных испанцами, португальцами, немцами, британцами и французами, то ей будет посвящена вторая часть книги, связанная в основном с подробностями из жизни людей, имена которых никогда не будут забыты: Магеллан, Лаперуз, Фосетт, Гумбольдт, Ливингстон и многие другие.

В отдельной части нашей книги выделены такие, затрагивающие интерес, темы, как трагические воздушные экспедиции, открытия, которых никогда не было, и, конечно же, таинственные исчезновения, судьбы разных людей и экспедиций, связанных с покорением полюсов Земли, поисками новых растений и путешествиями.

Как уже было отмечено, тематика сборника не может быть раскрыта в одной книге. Принципы подбора, переработки и составления материала по данной теме могут быть настолько разнообразны и неопишуемы, что вполне вероятно создание целого ряда подобных изданий. Однако будем считать, что это только одно из таких начинаний.

ЧАСТЬ I

ЭПОХАЛЬНЫЕ ОТКРЫТИЯ И ЗАВОЕВАНИЯ

ГЛАВА 1 ОТ АТЛАНТИКИ ДО ИНДА*

Два слова — «география» и «война» на протяжении всей истории человечества очень часто были близки по своей сути, хоть и далеки по смыслу.

Там, где ступала нога солдата, кроме горя и крови, открывались новые земли, неизведанные природные сокровища, богатство завоеванных городов, а главное, горизонты упоительной власти. Начиная с античного мира и по сей день, армии завоевателей неизменно сопровождали рисовальщики, картографы, историографы, знатоки языков и диалектов и прочие ученые мужи, усердно помогавшие установить право победителей на завоеванные земли. К сожалению, но такова природа событий, — расширяли и продвигали географию войны.

Среди самых эпохальных и значительных по захвату территорий — завоевания Александра Македонского и римских императоров, Чингиз-

---

* Глава публикуется по материалам книг: Шифман И.Ш. Александр Македонский. — Л.: Наука, ЛО, 1988. — 208 с. и Лебедев Н.К. Завоевание Земли. Популярная история географических открытий и путешествий. Т. 1. М.: Военное изд. ВС Союза ССР, 1947.

Хана и династий Османской империи, испанских конкистадоров и, наконец, Наполеона.

Более поздние завоеватели проходили там, где уже ступала нога человека.

В этой главе речь пойдет о самом значительном завоевателе своего времени — царе азиатском, владыке греческом и египетском, Александре Македонском из династии Аргеадов. Проследить весь жизненный путь этого поистине великого землянина вряд ли удастся в рамках нашего сборника. Но раскрыть кое-какие малоизвестные подробности его «географических» подвигов мы попытаемся с помощью некоторых отрывков из книги И.Ш. Шифмана «Александр Македонский».

В общих чертах поход Александра сделал возможной греческую колонизацию Востока, создал условия для интенсивного культурного взаимодействия греков и народов Востока, на основе которого сложилась новая синкретическая цивилизация (эллинистическая), ставшая фундаментом двух культур: европейской и ближневосточной арабской. Поход Александра на Восток в решающей степени способствовал разрушению перегородок между народами Восточного Средиземноморья, а также далеко раздвинул географический горизонт греков и сделал возможными контакты Греции с отдаленнейшими областями тогдашнего мира; он сыграл заметную роль в развитии естественных наук.

Гениальный полководец, стратег и тактик, выдающийся организатор побед — и душитель греческой свободы и демократии... Мужественный, непобедимый воин, рыцарь без страха и упрека — и человек, подозреваемый в отцеубийстве, кровавый палач, не останавливавшийся перед пыт-

ками, казнями и жестокими расправами над целыми народами, странами, городами... Ученик Аристотеля, тонкий ценитель литературы и искусства, человек искушенный в философии, помогавший развитию наук, приобщавший «дикарей» к цивилизации, безоглядно и сознательно шедший — и деспот, беспощадно растаптывавший все вокруг себя, возомнивший себя богом...

Все проходящее из того, что он сделал, ушло, не оставив зримого следа. Но остались живы основанные им города: Искендерун (Александрия при Иссе), Александрия при Египте, Герат (Александрия в Арии), Кандахар (Александрия в Арахосии), Мары (Александрия Маргиана), Ленинабад (Александрия Крайняя, позже — Ходжент). Осталось также стремление к объединению человечества, устранению этнических и культурных перегородок, чему в меру своих сил и в своих политических целях пытался содействовать Александр. Осталось то, что вне зависимости от его намерений способствовало экономическому и духовному прогрессу человечества.

Короткая жизнь Александра Македонского (32 года), оборвавшаяся примерно 2300 лет тому назад, вся была сосредоточена на походе на Восток, разрушении Ахеменидской державы, создании на ее обломках собственного государства (Перены). Оно, по замыслу, должно было охватить весь цивилизованный мир от Атлантического океана до Инда, от Дуная и Северного Причерноморья до Эфиопии. Эта задача при тогдашнем уровне экономических связей, конечно, была совершенно нереальной. У Александра хватило сил для того, чтобы громить своих противников и на какое-то время подчинить себе территории, по которым он

прошел огнем и мечом, но у него не было ни сил, ни средств, чтобы цементировать созданное им государство, сделать прочной свою власть (и своих наемников), хотя он и прилагал для этого максимум стараний.

Чтобы уяснить причины, вызвавшие столь грандиозные события, дадим короткий урок истории.

В результате общественно-политического кризиса Балканской Греции середины 46 г. до н.э. (сильное социальное размежевание, низкая оплата труда, в том числе военных, передел земли, заговоры, восстания и т.п.) зарождалась новая идеология. Выход из тупика, в котором находился греческий мир, демократы видели в экспансии, в том, чтобы массы обездоленных были отправлены за пределы Греции и устроены там на жительство.

Имелось и другое обстоятельство: воспоминание о персидском нашествии. Проповедь единения греческого мира и экспансии выливалась в проповедь похода против персов с целью отмщения за осквернение и сожжение ими афинских храмов во время греко-персидских войн. Идея мести была официальным идеологическим обоснованием.

Итак, объектом греческой экспансии на Востоке должна была стать Персидская держава. Это громоздкое военно-административное образование, возникшее во второй половине VI в. на развалинах Мидийского и Нововавилонского царств, занимало территорию современного Ирана и ряда соседних областей Средней Азии, Индии, Месопотамии, Малой Азии, Переднеазиатского Средиземноморья и Египта. Претендовали персид-

ские цари и на господство в Балканской Греции; они совершили туда в первой половине V в. до н.э. несколько походов, однако натолкнулись на упорное сопротивление коалиции греческих полисов, возглавляемых Афинами и Спартой, потерпели серьезные неудачи и были вынуждены удалиться из Европы.

Персидская держава Ахеменидов (по правящей в ней династии) была конгломератом многочисленных племен и народностей, говоривших на разных языках, живших своей жизнью и сохранивших свои организацию и управление.

Царем Ахеменидской державы стал Дарий III Кодоманн (336—330 гг. до н.э.), которому и суждено было принять удар Александра Македонского.

Но вначале были победы македонского царя Филиппа II (отца Александра) над греческими полисами — Афинами и Фивами, появление на свет Александра, убийство Филиппа (как утверждают некоторые историки, не без помощи уже возмужавшего претендента на трон) и всех возможных соперников Александра, завоевание северной части Балкан и Малой Азии. Потом блестящие победы над всемогущим персом Дарием III при Иссе и Гавгамелах, покорение Сирии, Палестины, Египта. Все эти походы Александра насыщены интригами, убийствами, казнями, заговорами и пиршествами. Вот некоторые интересные подробности этой эпопеи.

Войдя в Иерусалим, Александр приносит жертву богу. Познакомившись с книгой Даниила, он узнает себя в том греке, которому предсказано разрушить Персидское царство. По просьбе первосвященника Александр разрешает

иудеям пользоваться «отеческими законами» и на седьмой (субботний) год, когда иудеи, по обычаю, оставляли землю под парами, не платить налоги. Многие иудеи по предложению Александра вступили в греко-македонское войско.

В Сузах произошел любопытный эпизод, хорошо запомнившийся воинам и вошедший потом в некоторые сочинения об Александре. Он воссел на трон персидских царей, слишком для него высокий, и не мог дотянуться ни до земли ни до скамеечки для ног. Кто-то из рабов подставил Александру стол. Видя происходящее, евнух, бывший ранее в услужении у Дария III, громко заплакал. Его спросили, какая беда с ним приключилась. Евнух отвечал, что не может глядеть без слез на поругание стола, за которым Дарий вкушал пищу. Александр устыдился, усмотрел в своем поступке оскорбление богам-гостеприимцам и приказал унести стол, но в этот момент вмешался Филота (друг и соратник Александра). «Убирать стол не нужно, — сказал он, — наоборот, все случившееся — доброе предзнаменование: пиршественный стол неприятеля Александр попирает ногами». Александр послушался Филоту и велел использовать этот стол в качестве подставки для ног при царском троне.

В своем восточном походе самым враждебным городом Александр объявил Персеполь и отдал его на разграбление.

Многие персы, не желая попасть в руки грабителей и убийц, бросались со стен, поджигали дома и кидались в огонь.

О том, как вел себя Александр во время этой вакханалии грабежей, насилия и убийств, мы почти ничего не знаем. Плутарх рассказывает,

что врываясь во дворец, толпа опрокинула статую Ксеркса. Александр, увидев ее на земле, остановился и произнес: «Что же нам, бросить тебя лежащим за твой поход на Элладу или за твою доблесть и душевное благородство поднять?» Долго простоял Александр над поверженной статуей некогда великого царя, а потом молча ушел. О чем он думал? О превратности и эфемерности власти и счастья? Может быть. Но если такие мысли и посещали Александра, то очень недолго. Он весь был полон ощущением триумфа. Под золотой дворцовой кровлей Александр сел на трон персидских царей и коринфянин Демарат, разрыдавшись по-старчески, сказал: «Какой большой радости лишились те из эллинов, кто умер прежде, чем увидел Александра воссевшим на трон Дария». Так думали, чувствовали многие, и среди них сам Александр.

Четыре месяца он провел в Персеполе. Пирь сменялись пирами, попойки шли за попойками. В конце мая 330 г. до н.э. во время одного из застолий афинская гетера Таис, любовница Птолемея, начала говорить о том, что самым прекрасным из деяний Александра будет сожжение царского дворца; пусть все пирующие во главе с ним отправятся туда и женские руки в один миг уничтожат то, что составляло гордость и славу персов. Разгоряченные вином, победой, женщинами молодые люди повскакивали с мест; кто-то закричал, что сам поведет всех отомстить за греческие святыни, и велел зажигать факелы; кто-то говорил, что совершить подобное подобает только самому Александру. Парменион попытался было урезонить царя: нехорошо уничтожать свое имущество, к тому же и азиа-

ты, если он сожжет дворец, будут относиться к нему не как к человеку, твердо решившему установить свою власть, а как к победоносному авантюристу, не желающему закрепить плоды своих побед. Александр отмахнулся: он хочет наказать персов за то, что они, вторгшись в Грецию, разрушили Афины и сожгли храмы; персы, считал он, должны были понести кару и за другие злодеяния, которые совершили по отношению к эллинам. Веселой толпой, распевая вакхические песни под звуки флейт и свирелей, пирующие двинулись ко дворцу. Первым метнул огонь сам Александр, следом за ним бросила факел Таис. Македонские воины, думая, что здание загорелось случайно, прибежали тушить пожар, но, увидев царя, кидающего в огонь все новые и новые факелы, сами стали делать то же. Обрадованные македоняне наивно полагали, что гибель дворца знаменует собой конец войны и открывает перспективу скорого возвращения на родину. Говорили, что позже Александр раскаялся в содеянном, однако если раскаяние и имело место, то оно наступило слишком поздно. Во время раскопок в Персеполе было обнаружено, что весь пол главного дворцового зала покрыт слоем золы и древесного угля толщиной примерно в 30—40 см; следы пожара были найдены и на колоннах.

В Экбатанах Александр наблюдал нечто невиданное — горящий нефтяной фонтан, бивший из естественной скважины. Его в особенности поразила способность нефти загораться от лучей света, как бы сама собой. Желая показать Александру это чудесное свойство, персы с наступлением сумерек обрызгали нефтью какой-то проулок и

направили на нее свет от факелов; через мгновение весь проулок уже был охвачен пламенем. Вскоре нефть подверглась еще одному испытанию. Александр находился в бане, когда некий афинянин Афинофан, один из его слуг, предложил смазать нефтью мальчика-раба Стефана. Если нефть загорится, то он, Афинофан, поверит в ее чудесную непреодолимую силу. Стефан мгновенно загорелся; пламя удалось потушить с большим трудом, и мальчик после этой «милый шутки» долго и тяжело болел. Почему Александр решился на такое дело? Из юношеского легкомыслия? Из любознательности? Конечно, этот эпизод, хорошо запомнившийся окружающим, лишней раз свидетельствует о большом и постоянном интересе, который Александр проявлял ко всяким загадкам природы. Но разве он не мог предположить, что подобный эксперимент в высшей степени опасен для того, кто ему подвергнется? Не логично ли допустить, что ему, царю Азии, богу и сыну бога, стало в общем безразлично человеческое страдание, лишь бы были удовлетворены его любопытство и страсть к острым ощущениям.

Однако основная задача, ради которой Александр совершил свой переход в Мидию, не была решена. Дарий бежал, и Александр устремился за ним. На 11-й день очень трудного перехода македонские войска прибыли в г. Раги (недалеко от современного Тегерана), находившийся на расстоянии одного дня пути от Каспийских Ворот. Но Дарий был уже за Воротами.

Положение Дария с каждым днем становилось все более безнадежным: воины и свита разбежались, многие сдавались Александру. Наконец

Нарбазан (наместник царя), тысячник персидских всадников, Бесс, сатрап (наместник царя) Бактрии и Согдианы, и Барсаент, сатрап Арахосии и Дрангианы, арестовали Дария. Власть перешла в руки Бесса, которого поддержала бактрийская конница. Наемники-греки, не желавшие участвовать в перевороте, покинули персидский лагерь. Традиция приписывает заговорщикам намерение выдать Дария Александру, либо, если бы последний отказался от преследования, собрать в Бактрии и Арахосии, т.е. на восточных окраинах Персидской державы, новые войска и попытаться отвоевать утраченное царство для себя. То, как разворачивались события дальше, заставляет усомниться в достоверности этого свидетельства. В действительности Бесс ни разу не пытался передать Дария в руки Александра. Более правдоподобно другое: он предполагал сопротивляться на востоке Ирана, а затем, накопив достаточно сил и средств, снова двинуться на запад.

Обо всем, что происходило у персов, Александр узнавал в пути. Через два дня почти непрерывной погони македоняне подошли к лагерю персов, но никого там не обнаружили; еще через ночь они оказались в селении, где накануне останавливались те, кто вез Дария. Велев Никанору, командиру гипаспистов (легких пехотинцев), и Атталу, начальнику отряда агриан, преследовать Бесса по дороге, которую тот избрал, сам Александр посадил на коней 500 пехотинцев и помчался в обход. Пройдя за ночь около 400 стадий (примерно 74 километра), к утру он настиг персов. Последние почти не сопротивлялись: большинство разбежались, лишь

немногие вступили в бой. Едва появились македоняне, Сатибазан и Барсаент нанесли Дарию множество ран и бросили его умирать на дороге, сами же ускакали вместе с 600 всадниками.

Александр успел застать Дария живым; тело погибшего он приказал затем отправить в Персеполь и похоронить в гробнице персидских царей. Дарий погиб в конце июня или июля 330 г. до н.э. Ему было около 50 лет.

Желали они того или нет, но Сатибарзан и Барсаент оказали Александру огромную услугу. Дарий III был устранен, и вина за его трагическую кончину падала не на Александра, а на заговорщиков-персов. Александр мог выступить в роли не только законного (по праву сильного) преемника Ахеменидов, но и (как, должно быть, улыбались его «друзья») мстителя за Дария. Он сокрушался над его трупом. В окружении Александра родилась легенда, будто Дарий перед смертью благодарил Александра за доброту к матери, жене и детям и протягивал ему руку, передавал ему власть и просил отомстить убийцам, и Александр обещал. Вся эта сцена слишком патетична и, главное, слишком для Александра выгодна, чтобы можно было поверить рассказам о ней, вышедшим из македонской среды. Однако трогательная повесть о трагической гибели Дария от руки подлых заговорщиков и о рыцарственном благородстве Александра несомненно сослужила последнему хорошую службу.

Преображаясь в царя народов и почти бога, Александр не мог не иметь в своем окружении недоброжелателей и врагов. Заговоры возникают во время его походов в Среднюю Азию и Индию.

Персы, являясь к царю, обычно склонялись

перед ним, целовали в знак почтения кончики своих пальцев, простирались ниц. Александр стал добиваться, чтобы эти церемонии, унижительные с точки зрения свободных греков, не считавших себя чьими-либо подданными, или македонян, как и прежде, видевших в царе только первого среди равных, совершали также и его греко-македонские «друзья». Теперь царь принимал в громадном роскошном шатре, восседая на стоявшем посредине золотом троне; шатер был окружен тремя подразделениями стражников, греко-македонских и персидских. Уходили в прошлое времена, когда какой-нибудь Филота, Клит или Каллисфен мог запросто явиться в палатку Александра и провести время за дружеской беседой; «друзья» Александра должны были испрашивать аудиенцию и участвовать в царском приеме, превращавшемся в пышное, унижительное для них зрелище.

Как бы то ни было, в армии Александра появились недовольные. Руф так изображает сложившееся положение: «Этой роскоши и нравам, испорченным чужеземным влиянием, старые воины Филиппа, люди, не сведущие в наслаждениях, были открыто враждебны, и во всем лагере у всех было одно настроение и одни разговор, что, мол, с победой потеряно больше, чем захвачено в войне. Теперь они в гораздо большей степени сами побеждены и усвоили гнусные чужеземные привычки. С какими же глазами они вернутся домой как бы в одеждах пленников? Они уже стыдятся самих себя, а царь, более похожий на побежденного, чем на победителя, из македонского главнокомандующего превратился в сатрапа Дария. Он знал, что и

первых из друзей, и войско тяжело оскорбил, и пытался вернуть их расположение щедрыми дарами. Но, я думаю, свободным отвратительна плата за рабство».

Заговор обнаружился вследствие чрезмерной болтливости одного из участников, некоего Димна, открывшего тайну его существования своему возлюбленному Никомаху. Желая покрасоваться перед Никомахом, Димн поведал ему, что через три дня Александр будет убит и в этом замысле принимает участие он сам вместе со смелыми и знатными мужами. Угрозами и уговорами Димн добился от перепуганного Никомаха: обещания молчать и присоединиться к заговору. Однако сразу же после встречи с Димном Никомах отправился к своему брату Кебалину и все ему рассказал. Братья условились, что Никомах останется в палатке, дабы заговорщики не заподозрили недоброго. Кебалин же, встав у царского шатра, куда не имел доступа, ожидал кого-нибудь, кто бы провел его к царю. Ждал он долго, пока не увидел Филоту, задержавшегося у Александра. Кебалин рассказал ему обо всем и попросил его немедленно доложить царю. Филота снова вошел к царю, но в беседе с ним не упомянул о заговоре. Вечером Кебалин, встретив Филоту у входа в царский шатер, спросил, исполнил ли тот его просьбу. Филота отговорился тем, что у Александра не было времени для беседы с ним. На следующий день все повторилось.

Поведение Филоты в конце концов стало внушать Кебалину подозрения, и он отправился к Метрону, ведавшему арсеналом. Укрыв Кебалина у себя, Метрон немедленно доложил Александру, находившемуся в этот момент в бане, обо всем,

что узнал. Александр тотчас же послал своих телохранителей схватить Димна, а сам пошел в арсенал, чтобы лично допросить Кебалина. Получив сведения, которыми тот располагал, Александр спросил еще, сколько дней прошло с тех пор, как Никомах рассказал о заговоре; узнав, что идет уже третий день, он заподозрил недоброе и приказал арестовать самого Кебалина. Последний, естественно, стал уверять, что, узнав о готовящемся злодействе, сразу же поспешил к Филоте. Услыхав имя Филоты, Александр насторожился. Много раз повторял он одни и те же вопросы: обращался ли Кебалин к Филоте, требовал ли, чтобы Филота пошел к нему, — и постоянно получал утвердительные ответы. Наконец, воздев руки к небесам, Александр стал жаловаться на неблагодарность его некогда самого близкого друга. Тем временем Димн покончил с собой. Стоя над умирающим, Александр, как говорили, спросил: «Что дурного я замыслил против, что тебе Филота показался более достойным править Македонией, чем я?» Ответа на свой вопрос он не получил.

В тот момент, когда Александр услышал имя Филоты, судьба последнего и его отца Пармениона была решена. Все дальнейшее разбирательство было сосредоточено вокруг Филоты.

Филоту взяли с постели и закованного, с накрытой головой отвели в шатер Александра.

На следующее утро Александр велел созвать всех своих воинов с оружием: он решил в соответствии с македонским обычаем представить дело Филоты на рассмотрение войска. Здесь Александр прямо обвинил Пармениона и Филоту в организации заговора. Возможность гово-

ритель получил и сам Филота. Однако прежде, чем он начал свою речь, разыгралась характерная сцена. «Македоняне, — сказал Александр, — будут судить тебя. Я спрашиваю тебя, будешь ли ты с ними говорить на отеческом языке?» Филота отвечал: «Кроме македонян здесь много других, которые, я полагаю, легче поймут то, что я скажу, если буду говорить на том же языке, на каком говорил и ты, не по какой-либо другой причине, думаю, но чтобы твою речь поняло большинство». «Видите, — воскликнул Александр, — до какой степени Филота питает отвращение даже к языку отечества? Ведь он один брезгует его изучать. Но пусть говорит, что хочет, а вы помните, что он так же пренебрег нашими обычаями, как и языком». Этот диалог был для Александра очень важен, ведь его самого обвиняли в забвении македонских обычаев. Тепер ловким демагогическим приемом он обрушил это же самое обвинение на того, кого считал одним из руководителей старомакедонской оппозиции. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что сам Александр только что говорил не по-македонски, а по-гречески.

В настоящее время трудно судить, насколько показания Филоты, вырванные у него под пыткой, соответствовали действительности. Плутарх называет обвинения, возводившиеся на Филоту, «мирадами клевет». Фактом, однако, было то, что Филота не донес о готовящемся покушении, и это делало его поведение подозрительным, давало Александру желанную возможность обвинить и погубить как самого Филоту, так и его отца Пармениона.

Александр лично присутствовал при истязан

нии. Лежа за занавеской, он слушал показания Филоты, перемежавшиеся отчаянными воплями и униженными мольбами о пощаде, обращенными к Гефестиону. Говорили, что Александр даже воскликнул: «Таким-то малодушным будучи, Филота, и трусом, ты посягаешь на подобные дела?!» Физических мук царственному палачу было, наверно, недостаточно, он желал наслаждаться еще и нравственным унижением своего врага.

На следующий день на сходке воинов, куда принесли Филоту (сам он уже не мог ходить), были оглашены его показания. После этого на суд армии был представлен Деметрий, также обвиненный в соучастии. Деметрий упорно отрицал все обвинения и требовал для себя пытки. Измученный Филота, опасаясь, что палачи снова примутся за свою работу, дабы вырвать у него сведения об участии Деметрия в заговоре, стал звать к себе некоего Калиса, стоявшего неподалеку. Перепуганный Калис отказался, и тогда все услышали, как Филота проговорил: «Неужели ты допустишь, чтобы Деметрий лгал, а меня бы снова пытали». Эта сцена привлекла общее внимание. Калис побледнел, голос его пресекся. Раньше никто не называл его по имени, и стоявшие вокруг македоняне подумали было, что Филота хочет оклеветать невиновного, однако не выдержавший напряжения Калис внезапно сознался: и он, и Деметрий замыслили убийство Александра.

Солдатская сходка приговорила обвиняемых к смертной казни; по македонскому обычаю, всех их, включая, разумеется, и Филоту, воины побили камнями и забросали дротиками.

За всю свою последующую жизнь Александр еще не раз подавлял заговоры и мятежи в своей бескрайней империи. Его жертвами пали ближайшие друзья и военачальники. Таковы были нравы и право сильнейшего.

В такой сложной по тем временам политической обстановке Александр завоевывает Среднюю Азию, усмиряя мятежи покоренных народов, бунты собственных солдат и аристократические вылазки оппозиционеров. Не забывая при этом обожествлять свою личность...

После жестоких сопротивлений ассакаенов в горной Индии и победой над ними македонские войска вышли к великому Инду. Заняв Дитру — город, покинутый жителями, приняв участие в охоте на слонов, прорубившись сквозь густые заросли в почти непроходимых джунглях, Александр вышел на берег великой реки. Там из строевого леса солдаты построили корабли, и греко-македонское войско поплыло вниз по течению, туда, где, наведя мосты, Александра ждали Гефестион и Пердикка. Здесь его снова встретили посланцы индийского правителя Амбхи-Таксила с дарами и известием, что последний передает ему город Таксилу, один из крупнейших в Северо-западной Индии. На рассвете следующего дня Александр переправил свои войска на восточный берег Инда.

Власть в Таксиле Александр сохранил за Амбхи-Таксилем, но оставил в городе свой гарнизон. Сам же двинулся дальше к реке Гидасп. Здесь, чтобы окончательно покорить еще одно царство, Александр был вынужден столкнуться с местным правителем Пором (Пауравом).

Застав Пору на левом берегу Гидаспа, Алек-

сандр предпринял на правом берегу серию обманных маневров. По ночам его всадники поднимали такой шум, как будто начинали переправу, однако дело на этом и заканчивалось. В конце концов, Пор перестал обращать внимание на действия неприятеля. Усыпив бдительность Пора, Александр переправился на другой берег выше того пункта, где находился его лагерь. Оказавшись на левом берегу Гидаспа, Александр сосредоточил конницу и гипаспистов на правом фланге; перед строем всадников поместил конных лучников; на обоих флангах — легковооруженную пехоту. Устремившись во главе всадников на неприятеля, он приказал пехоте двигаться следом.

Переправе и дальнейшему продвижению Александра попытался воспрепятствовать отряд, который возглавлял сын Пора. Эта операция закончилась поражением индийцев и гибелью их командира. Теперь сам Пор двинулся навстречу Александру. Он имел около 4 тыс. всадников, 300 боевых колесниц, 200 слонов и 30 тыс. пехотинцев. Впереди в одну линию были построены боевые слоны, за ними — пехота, на флангах — конница и колесницы. Александр решил с большей частью своей кавалерии ударить по левому флангу неприятеля; остальных всадников он отправил против правого фланга противника с заданием, когда начнется конное сражение, зайти в тыл к индийцам. Атаки греко-македонской кавалерии вызвали замешательство в армии Пора, и Александр нанес еще один удар — вглубь, по центру вражеского построения. Индийцы бросились к слонам. Вожаки слонов погнались животных против всадников Александра. И тогда он ввел в бой пехоту. Слоны

топтали пехотинцев Александра, рассеивали фалангу; конница Пора атаковала греко-македонских всадников. Последние снова одолели индийцев, и те опять бросились к слонам. Между тем воины Александра оттеснили слонов в узкое место; рая их дротиками, они заставили животных повернуть против самих же индийцев. Началось преследование и избиение бегущих. С тыла на индийцев напали войска под командованием Кратера, которые переправились к тому времени на восточный берег Гидаспа. Сам Пор, проявивший в бою исключительную энергию и большое мужество, попал в плен. Сражение произошло в апреле-мае 326 г. до н.э. В ознаменование победы Александр распорядился выпустить памятную монету — декадрахму — с изображением всадника-македонянина, атакующего индийского царя, восседающего на слоне.

Свою победу Александр использовал для того, чтобы заставить Пора пойти на союз с победителем. Сказанным, в конечном счете, объясняются любезности Александра в адрес Пора, подчеркнутое восхищение его смелостью. Традиция запомнила, что на вопрос Александра: «Как мне с тобой обращаться?» — Пор отвечал: «Почтарски». А когда Александр пожелал услышать более точный ответ, тот сказал: «В этом ответе заключено все». Александр не только возвратил Пору его царство (разумеется, под своей верховной властью), но и присоединил к его владениям другие земли.

На берегах Гидаспа Александр основал еще два города: Никею («победная»; название дано в честь победы над Пором) и Букефалию (город получил свое название в память царского

коня, павшего вскоре после битвы при Гидаспе от ран и старости).

Затем последовала череда сражений с другими сильными индийскими племенами и усмирения местных царей вплоть до того, пока Александр счел, что может теперь беспрепятственно продолжать свое движение на восток. Он пошел к реке Гифасис (современный Биас), рассчитывая, переправившись через нее, вторгнуться в долину Ганга и некоторые районы Западной Индии и Декана. Однако на своем пути Александр столкнулся с неожиданным препятствием — нежеланием его солдат и даже полководцев идти на восток. Восьмилетний изнурительный поход утомил людей. Они не видели смысла в том, чтобы подвергать свою жизнь все новым и новым опасностям. Силы будущего противника казались им невероятно большими: тысячи слонов, десятки тысяч колесниц, сотни тысяч пехотинцев. К тому же здесь были и тяжелейшие, непривычные природные условия — густые тропические леса, кишачие змеями и опасными хищникам, непрерывные проливные дожди и грозы.

Александр пытался подавить пораженческие настроения. На сходке воинов он сделал все, чтобы увлечь их перспективой завоевания всего мира — от одного края Мирового океана до другого: говорил о несметных богатствах, которыми уже осыпал и еще осыплет своих воинов. Все было напрасно. Александру отвечал Кэн, — казалось бы, вернейший, преданнейший Кэн, — и то, что он произнес, уместилось в одно короткое слово: «Домой!»

На следующий день Александр сказал, что пойдет на восток во главе добровольцев, но та-

ких не нашлось. Три дня он просидел в своем шатре, никого к себе не допуская, и, наконец, был вынужден объявить, что дальше на восток свою армию не поведет. Он хорошо понимал, что воевать без солдат или вопреки их желанию невозможно.

Таким образом, на берегу реки Гифасис завоевательный поход Александра был закончен. Шел 326 год до н.э. Александру было 30 лет.

Предстоял долгий обратный путь, строительство крепостей и портов в дельте Инда.

В сентябре 325 г. до н.э. начался поход через Гедросию и Карманию в Персиду. Часть своей армии Александр препоручил Кратеру и послал на север, в Арахосию; оттуда через страну ариаспов она должна была идти на юг для соединения с ним.

Солдаты Александра шли недалеко от океанского побережья. Сначала дорога вела через местность, где обильно рос мирт. Выделяемая этим растением ароматическая смола — мирра — в древности ценилась очень высоко; торговля миррой приносила колоссальные прибыли. Финикийские купцы, сопровождавшие армию Александра, не преминули воспользоваться случаем: они собирали мирру, нагружали драгоценной кладью мулов и ослов и везли ее на запад. Добывали они и благовонные корни нарда. Через некоторое время армия Александра вступила в сухую безлюдную пустыню. Отправив на поиски жителей некоего Тоанта, Александр узнал, что тот повстречал лишь несколько рыбацких семей, обитавших в убогих хижинах, сложенных из ракушечника и рыбьих костей. Воду (не вполне пресную) они добывали в ямах, которые рыли

на берегу моря. Ни продовольствия, ни питьевой воды достать было негде; солдаты тяжело переносили трудную дорогу, палящее солнце, голод и жажду. Не меньшую опасность представляли и проливные дожди, приносимые муссонами. Во время одного из таких дождей ручей, у которого был сделан привал, вышел из берегов; погибло много людей, погибли и вещи, принадлежавшие Александру.

В ноябре 325 г. Александр прибыл в Пуру, столицу Гедросии. Закончив тяжелейший переход через пустыни Юго-восточного Ирана, и вернувшись снова в цивилизованный мир, царь обнаружил, что здесь его ожидают еще большие опасности — заговоры, волнения и мятежи.

Неспокойно было и в самой Индии. Уже на пути из Гедросии в Карманию Александру донесли, что Филипп — сатрап, оставленный им в Индии, убит.

Здесь мы остановимся на еще одном эпохальном, но не сухопутном, а морском походе Александра, хотя и без его участия.

Пока Александр находился в Кармании, к нему прибыли Неарх и Онесикрит с докладом о своем плавании вдоль берега Индийского океана. Командовал экспедицией Неарх. Он отплыл из устья Инда, когда перестали дуть пассаты, в конце декабря 325 г. до н.э. В его распоряжении находилось до 150 кораблей с командой около 5 тысяч человек — финикиян, египтян, греков (преимущественно критян и других островитян). Неарх должен был обследовать прибрежный морской путь от устья Инда до впадения в Персидский залив Тигра и Евфрата. Каких-либо серьезных затруднений в дороге Неарх не встре-

тил. Изю дня в день корабли начинали с утра очередной переход, и гребцы работали веслами под монотонные возгласы келесствов. Сходя на берег, моряки добывали пресную воду; иногда за ней надо было идти в глубь материка. Флото-водец тщательно фиксировал, где довелось проходить между отвесными скалами, где — между прибрежными островами и материком, где встречались подводные камни, а в особеннос-ти — гавани, удобные для стоянок. У пункта Кокалы на побережье страны оритов Неарх сде-лал большую остановку. Как раз в этот момент сюда подошел Леоннат, только что одержавший очередную победу. Пока моряки отдыхали, на корабли загружалось продовольствие, заготовлен-ное здесь еще по приказу Александра. Неарх использовал также удобный момент для ремонт-а судов и для того, чтобы передать Леоннату тех, кто больше не мог плыть, и пополнить за-счет солдат последнего свою команду.

Дальнейшее плавание ознаменовалось столк-новением у устья реки Томер с местными жи-телями, вооруженными тяжелыми кольями с обожженными остриями. Они не знали метал-ла и металлических орудий, пользовались ка-менными рубилами, ходили в звериных шкурах и рыбьей коже. Заросшие густыми волосами люди, раздиравшие ногтями рыбу, произвели на моряков сильное впечатление.

Дальше на запад Неарх плыл вдоль берегов, населенных племенами рыболовов; греки назы-вали их ихтиофагами-рыбоедами. Жители одно-го поселка — Каламы — подарили Неарху овец, прирученных из-за отсутствия травы есть рыбу; другого — Киссы — бежали при появлени греб-

ко-македонского флота. Здесь мореплаватели захватили коз, достали и лоцмана — гедросийца Гидрака, который вел экспедицию до берегов Кармании. Рыбаки из гавани Кофанты запомнились Неарху тем, что не пользовались уключинами, но гребли, быстро ударяя веслами по воде то с одного, то с другого борта. Встреча с ихтиофагами произошла также под стенами небольшого прибрежного городка, располагавшегося на холме посреди плодородной, хорошо обработанной местности. В нем Неарх вместе с Архием, сыном Анаксидота, решил пополнить запасы хлеба. Выстроив суда в походном порядке, Неарх отправился в город. Жители встретили его дружелюбно. Войдя в ворота, Неарх велел стрелкам захватить их, а сам, поднявшись на стену, дал Архию условный сигнал. Видя, что греко-македонский флот быстро приближается к берегу, что воины с кораблей прыгают в воду, горожане побежали за оружием, но их попытки сопротивляться были парализованы стрелками Неарха. В этих обстоятельствах горожане «добровольно» отдали грабителям имевшиеся в городе запасы продовольствия, преимущественно муку из жареной рыбы.

Идя вдоль страны ихтиофагов, флот Неарха столкнулся с китами. Построившись, как для морского сражения, корабли устремились на животных; моряки шумели, стучали, кричали, чтобы отогнать чудовищ. Киты нырнули, а затем, снова появившись на поверхности, постепенно отстали. Мореходы Неарха долго помнили ужас, который они испытали при виде движущихся фонтанов, бивших, казалось, из морской пучины.

Миновав страну ихтиофагов, Неарх очутился у берегов Кармании и повернул свои корабли на северо-запад. Здесь мореплаватели увидели на западе гористый мыс Макета. Это была Аравия; через несколько дней флот прибыл в Гормозию (современный Хормоз), к берегу реки Анан (современный Минаб). Там в приятной местности Неарх устроил длительную стоянку. Моряки разбрелись по стране; кое-кто зашел в глубь материка. И тут совершенно неожиданно для себя моряки встретили человека в греческой одежде, заговорившего с ними по-гречески. Оказалось, что он принадлежит к армии Александра и сам Александр и его лагерь находятся недалеко от Гармозии.

Неарх решил явиться к царю. Вытащив корабли на берег и укрепив стоянку земляными валами и палисадами, он отправился в путь вместе с Онесикритом, Архием и еще несколькими спутниками. Правитель Гармозии известил Александра о прибытии флота, и Александр выслал навстречу Неарху всадников: сначала — один отряд, потом — другой; они с большим трудом разыскали флотоводца в пустыне и доставили его к царю. Неарх подробно доложил ему о своем плавании.

Александр торжественно отпраздновал прибытие Неарха играми и праздничным шествием. Флотоводца, возглавлявшего процессию, воины буквально засыпали венками и цветами. У Александра даже возникла мысль оставить Неарха при своей особе, но тот отказался: он желал сам довести небывалую экспедицию до конца, не только испытать опасности и лишения, но и стяжать всю славу, причитающуюся ее руководителю.

Александр не стал его задерживать. Он и сам был скроен по той же мерке и хорошо понимал человека, стремящегося к успеху, подвигу, славе. Сопровождаемый хорошей охраной, Неарх вернулся к своим кораблям и двинулся вдоль берегов Южного Ирана на запад.

После почти шестимесячного плавания Неарх прибыл благополучно в устье Евфрата, и таким образом был открыт морской путь из стран Малой Азии в Индию. Неарх составил подробный отчет о своем путешествии, но, к сожалению, этот отчет не дошел до нашего времени. Об экспедиции Неарха мы знаем лишь из книги греческого историка Флавия Арриана «История Индии», которая дошла до нас в отрывках.

Казалось бы, что на этом месте можно было бы и закончить великое путешествие-завоевание. Однако, на обратном пути в Пасаргадах, Сузах и Вавилоне Александр продолжает укреплять свою власть, вести борьбу с мятежными сатрапами и умирять солдатские бунты. Еще один интересный факт.

Действия Александра в последний год его жизни свидетельствуют о том, что он продолжал проводить политику, которая уже была намечена им после битвы при Иссе, а затем (и в особенности после битвы при Гавгамелах) со все большей последовательностью воплощалась в жизнь, — сплочение разноплеменного населения огромной державы в массу подданных великого царя.

Средства, которыми Александр пытался достичь своих целей, с расстояния в две с лишним тысячи лет кажутся примитивными и прямолинейными. Находясь в Сузах, он устроил,

согласно персидскому обычаю, грандиозное свадебное торжество: по его приказу 10 тысяч македонских воинов женились на персиянках и других азиатках. Все новые семейные пары получили богатые подарки.

Первым из женихов был сам Александр, ранее уже взявший в жены Роксану. Теперь он сочетался браком с дочерьми Дария III и Атаксеркса II Оха. Вскоре после смерти Александра дочь Дария была убита по приказу Роксаны, очевидно тяжело пережившей появление неожиданной соперницы, да еще из царского рода.

Осенью 324 г. мы застаем Александра в Экбатанах потрясенным внезапной смертью Гепестона — ближайшего друга и помощника. Александр устроил ему торжественные похороны и установил его культ как героя, божества низшего разряда.

Зимой 324/3 гг. Александр совершил свой последний поход — против коссеев (касситов), живших в горных поселках и постоянно беспокоивших своими разбойничьими набегами жителей Месопотамии. Царь ликвидировал опасность и водворил мир. Завершив эту экспедицию, Александр повел свою армию в Вавилон, ставший его последней резиденцией. По дороге он встретил направлявшихся к нему послов из Италии, Африки и далекой Испании. Имеются свидетельства, хотя их достоверность и ставится под сомнение, что побывало у Александра и посольство римлян для выяснения вопроса об антиатах, занимавшихся пиратством: Александр обвинял в этом Рим, под властью которого они находились.

В последние месяцы своей жизни Александр разрабатывал планы завоевания всего Среди-

земноморского мира. Он собирался нанести поражение Карфагену, захватить Северную Африку, утвердиться на Сицилии, совершить поход вплоть до Геракловых Столбов (Гибралтарский пролив). Были у него и другие замыслы: разузнать, с каким морем соединяется Каспийское; захватить Южную Аравию. Для осуществления всех этих планов велись интенсивные подготовительные работы: строились корабли, подбирались и обучались команды в Финикии, Сирии и вообще всюду, где только было возможно. В Вавилоне царь приказал соорудить верфи и вырыть огромный бассейн, рассчитанный на 1000 кораблей. Собирал он и войска: Певкест привел в Вавилон отряд из 20 тысяч персов, которые были зачислены в македонские части. Особое внимание Александр уделял развитию мореплавания в Индийском океане и укреплению морских связей с Индией. Вероятно, этими планами объясняется предпринятая им попытка набрать в Финикии и Сирии моряков и поселить их на берегу Персидского залива.

Когда Александр совершал плавание по Евфрату к реке Паллаконе и через нее попал в озера, он во время плавания потерял царскую диадему, упавшую в тростник. Моряк, снявший диадему с тростника, чтобы удобнее было грести, надел ее себе на голову. В этом усмотрели предвестие несчастья и моряка наказали (по одной версии — казнили, по другой — бичевали). Еще более страшным показалось, что однажды на царском троне обнаружили сидящим никому не ведомого человека в царском одеянии и венце (его казнили).

После очередного застолья (у некоего Медия)

Александр простудился и заболел, по некоторым предположениям, воспалением легких; полагают, что у него была также тропическая малярия. Он пытался заниматься делами, приносил жертвы, велел Неарху готовиться к походу. Но с каждым днем Александру становилось все хуже и хуже; он уже не мог говорить. Солдаты взволновались и пожелали видеть царя; медленно один за другим проходили они мимо постели больного, с трудом пожимавшего им руки и приветствовавшего взглядом.

13 июня 323 г. до н.э. Александр скончался.

После смерти Александра Македонского, хотя основанная им огромная империя и распалась, культурное влияние греков распространилось на весь известный тогда мир. С этого времени наблюдается сильное взаимное влияние восточной и греческой культур.

Центром тогдашней науки стал основанный Александром новый город в устье реки Нил и названный им в честь себя Александрией.

В Александрии был устроен особый дворец муз, который стал называться «Музеумом» и служил местом собрания ученых и философов. Вокруг музеума возникли многочисленные учебные заведения, в которых обучали различным наукам. Здесь же образовалась и первая величайшая библиотека древнего мира; в этой библиотеке были собраны все книги, рукописи и свитки предшествовавших веков на всех известных тогда языках.

В первое время своего существования александрийский «Музеум» насчитывал большое число выдающихся ученых, между которыми особенно выделялись Герофил, Евклид, Эратосфен.

Эратосфен (276 — 194 гг. до н.э.), будучи крайне разносторонним ученым, особенно много способствовал развитию географической науки. Он сделал попытку определить величину Земли, и эту попытку он выполнил блестяще. Признавая вместе с величайшим ученым древнего мира — Аристотелем, что наша Земля представляет собой огромный шар, Эратосфен пришел к заключению, что если вычислить разницу высоты солнца в полдень на небе в двух различных городах, находящихся на одной и той же полуденной линии, и затем узнать расстояние между этими двумя городами, то можно вычислить размер земного шара. Он так и сделал. Определив, что в день летнего солнцестояния в городе Сиенна (Асуане), в Верхнем Египте, в полдень солнечные лучи падают вертикально, так что прямо воткнутая в землю палка не дает тени, Эратосфен сделал заключение, что расстояние от Александрии до Сиены и равно одной пятидесятой части всей земной окружности, а так как расстояние между этими двумя городами определялось в 5000 стадий, то следовательно, окружность Земли и равна 5000 стадий, умноженным на 50, т.е. 250000 стадий, что составляет 39500 километров. (Современные ученые определяют окружность земного шара в 40000 километров.) Так за двести лет до начала нашей эры был вычислен размер нашей Земли.

Эратосфен изложил свои познания в специальном сочинении, которое он озаглавил «Географика», т.е. «Описание Земли». Таким образом Эратосфен первым употребил новое слово для обозначения науки о Земле, и поэтому он

по праву может считаться «отцом географии». К сожалению, сочинение Эратосфена не сохранилось до нашего времени, и о нем можно судить лишь по отрывкам, цитированным Полибием, Страбоном, Плинием и Клеомедом. Все эти отрывки были объединены в одно целое немецким ученым Бернгарди и изданы в 1822 г. под заглавием «Эратосфеника».

Следует добавить, что Эратосфен приложил к своей «Географике» карты, на которых впервые нанес две перпендикулярные линии, из которых одна шла с запада на восток, а другая — с севера на юг. Линия, шедшая в западно-восточном направлении, была названа Эратосфеном «диафрагмой» и разделяла Средиземное море на две половины — северную и южную.

«Географика» Эратосфена вытеснила более древнее сочинение Дикеарха «Описание Земли» и в течение почти целых четырех столетий была единственным произведением по географии, пользовавшимся широкой известностью.

Однако произведение Эратосфена было подвергнуто суровой критике другим александрийским ученым, астрономом Гиппархом, который впервые указал, что при нанесении на карту того или иного пункта необходимо определять его местоположение астрономически. Гиппарх предложил чертить на географических картах не две только линии, как это сделал Эратосфен, а целый ряд перпендикулярных линий, соответствующих градусам земного шара. Так как в то время область суши, известная людям, была гораздо длиннее по направлению с запада на восток, чем с севера на юг, то Гиппарх и назвал градусные расстояния того или иного ме-

ста по направлению к западу и востоку долгой, а расстояние данного пункта от экватора к северу — географической широтой. Эти названия удержались до настоящего времени.

ГЛАВА 2

СЛЕДЫ РИМСКИХ ЛЕГИОНОВ

Кажется странным, что среди тех, кто способствовал развитию географии в древности, фигурирует и душевнобольной император Нерон (54—68 гг. н.э.). Впрочем, представляется маловероятным, чтобы Нерон только из географической любознательности снарядил и провел большую экспедицию. Если по его приказу два римских центуриона, имена которых остались неизвестными, предприняли очень значительное разведывательное путешествие вверх по течению Нила почти до экватора, то для этого, видимо, были особые причины. Поэтому вполне правдоподобным представляется сообщение Плиния о том, что поездка послов была задумана для подготовки к войне против Эфиопии, которая, правда, не состоялась. вполне вероятно, что маршрут путешествия, простиравшийся на юг далеко за пределы, обусловленные стратегическими соображениями, ставил целью отыскание истоков Нила, чтобы тщеславному императору принадлежала честь разрешения проблемы «*caput Nili quaerere*» («отыскать голову Нила», то есть его исток), остававшейся загадкой на протяжении веков. Сообщение Сенеки наводит нас на эту мысль.

Несомненно, достижения двух центурионов

заслуживают признания. Упоминание об узком скалистом проходе, из которого вытекает Нил, свидетельствует о том, что они проникли на юг несколько далее 5° с. ш. Достоверность их сообщения не вызывает сомнений. Ведь упоминание о необозримых и совершенно непреодолимых скоплениях плавучих растений очень правильно характеризует реальные условия на «озере Но» (Нильские болота), у места впадения реки Бахр-эль-Газаль в нильское озеро Мокрен-эль-Бохур. Там из-за плотных спутанных масс травы и других растений толщиной в несколько метров и протяженностью, измеряемой зачастую километрами, передвижение по реке невозможно.

Каким выдающимся достижением было плавание двух центурионов, явствует из того, что даже в новое время первые европейцы достигли этих мест лишь в 1841 году.

Посланцам Нерона не удалось увидеть великие нильские озера, которые тоже стали известны уже в древности, только на 40 лет позже. Они остались в неведении и относительно действительных истоков Нила. Впрочем, слух об этих озерах уже в то время, вероятно, дошел до Римской империи, так как еще за 40 лет до этого Страбон говорил о больших озерах к югу от Нила. Не исключено, что Страбон сделал вывод о существовании озер, из которых вытекает Нил, на основании логической параллели с тем фактом, что Голубой Нил берет начало в таком же озере на Абиссинском нагорье. Возможно, что высказывание Страбона следует отнести вовсе не к озерам, а лишь к Нильским болотам, то есть «озеру Но». Более поразительно, что Сенека (ум. в 65 г.), современник двух отважных римских

центурионов, уже не только приводит название двух озер — «Озеро крокодилов» и «Озеро водопадов» (озеро Виктория с водопадом Рипон?), но уже знает кое-что о снежных горах, которые питают эти внутренние озера.

Лишь в 1863 году Спек и Грант вновь открыли для современной географической науки факт существования озер. Знакомство с высокими горами, наполняющими своими водами озера, состоялось лишь спустя 25 лет. Итак, нам остается с удивлением констатировать, что отважные исследователи Африки XIX века большей частью заново открыли факты, которые уже были известны греческим и римским географам и естествоиспытателям, жившим за 1800 лет до них.

Особенно поразителен тот факт, что в приведенном отрывке Плиния содержатся сведения о племенах пигмеев (акка), обитающих на южной окраине области Нильских болот, которых Швейнфурт вновь разыскал лишь в 1870 году. Весьма вероятно, что сведения Плиния восходят к сообщениям посланцев Нерона, ибо свою «Естественную историю» он написал менее чем через 20 лет после того, как центурионы вернулись из своего путешествия. Но связь между Нильскими болотами и племенами карликов, видимо, была известна задолго до времен Нерона и Плиния. Вероятно с этим связана одна из самых странных, бесконечно часто упоминавшаяся в литературе старейшая легенда древности, отзвуки которой мы находим в «Вальпургиевой ночи» Гёте. Мы имеем в виду рассказ о борьбе между пигмеями и журавлями!

Этот удивительный рассказ восходит к Гомеру. Образы Гомера всегда свидетельствуют о

необычайности и остроте его наблюдений над природой. Именно поэтому издавна не знали, как объяснить образы, которые с культурно-исторической точки зрения были загадочными во многих отношениях.

Прежде всего, как известно, журавль очень миролюбивая птица, которая никогда не решается нападать на людей, даже если они проявляют по отношению к ней враждебные намерения. Далее казалось совершенно непостижимым, откуда Гомер мог получить сведения о карликовых народах, живших на далеком юге, да еще в области больших Нильских болот, которые издавна были местом зимовки европейских журавлей. Как можно было допустить мысль, что Гомер, при его сравнительно узком географическом кругозоре, знал об области, расположенной в глубине Африки между 8—10° с. ш., если даже европейские географы познакомились с ней только в эпоху императора Наполеона.

Как мог Гомер за 400—500 лет до Аристотеля и более чем за 2500 лет до Швейфурта знать об этих географических фактах? Такое предположение казалось настолько фантастичным, что его никогда не принимали всерьез. И все же именно Нильские болота были единственным на земном шаре местом, где действительно можно наблюдать борьбу между пигмеями и журавлями. Акка любят охотиться на этих птиц, прилетающих к ним на зимовку. Между тем зоологами установлено, что журавль с яростью бросается на любого, кто приближается к его гнезду. Поэтому он иногда нападает на пигмеев, если они ему угрожают. Впрочем, вряд ли журавли когда-либо могли

нанести пигмеем «смерть и погибель», как это сказано у Гомера. Итак, Нильские болота — это такое место на земном шаре, где можно было наблюдать бои между пигмеями и журавлями. Но есть ли у нас хоть какое-нибудь основание считать, что до автора III песни «Илиады» мог дойти слух об этих фактах?

Египтологи предоставили в наше распоряжение неопровержимое доказательство того, что за много веков до Гомера при дворе фараона в Нижнем Египте уже знали как о Нильских болотах, так и о населяющих их карликах.

Нильские болота в районе впадения Бахрель-Газала в Белый Нил несомненно упоминались в надписи Рамсеса Великого.

Мы можем с уверенностью предположить, что живущие там карлики и их нравы привлекли тогда внимание египтян. Ведь фараоны и египетская знать издавна питали необычайное пристрастие к рабам-карликам. Мы знаем, что еще в середине III тысячелетия до н.э., во времена VI династии, при длительном правлении Пепи II (задолго до 2280 г. до н.э.), доверенный фараона, по имени Хирхуф (правильнее Хуфхор), предпринял 4 путешествия на юг. Возвращаясь из последнего, он привез с собой карлика, к величайшей радости фараона, который за это отметил его высочайшей милостью и лично распорядился о принятии необходимых мер для доставки ему столь желанного подарка.

В свете этих сообщений мы должны считать несомненным, что еще за 500 лет до Гомера египтянам были известны не только Нильские болота, но и их своеобразные обитатели — пигмеи.

Согласно одному сообщению Страбона, пигмеи Гомера были известны и Гесиоду. Допускают, что в его 60-м фрагменте, изобилующем пробелами и почти недоступном для расшифровки, можно восполнить это слово. Указание на пигмеев в верховьях Нила содержится и у Аристотеля.

Правда, следует учесть, что в древности говорили о пигмеях, обитавших и в других странах: в Западной Африке, Индии, Китае. Однако, весьма древние сведения о карликах, живших в области Нильских болот, слишком точны, чтобы принять их за вымысел.

Посланцы Нерона, которые достигли Нильских болот почти за 2000 лет до исследователей нового времени, в свою очередь, видимо, только вторично открыли места, которые примерно за 2000 лет до них были поверхностно известны египтянам Древнего царства!

А вот еще одна «римская» история. Одно из самых ярких и эпохальных завоеваний — открытие Британии, — несомненно, принадлежит великому римлянину Гаю Юлию Цезарю. О том как это происходило, говорят первоисточники британских походов римлян.

«Хотя лето уже подходило к концу и в этих местах ввиду северного положения Галлии (Франции — примеч. ред.) зимы наступают рано, однако Цезарь решил предпринять поход в Британию, так как знал, что почти во все войны с Галлией оттуда посылались подкрепления нашим врагам; если бы даже время года оказалось недостаточным для ведения войны, то он все-таки считал очень полезным для себя хотя бы только вступить на этот остров, познакомиться с его

населением, и добыть сведения о его местностях, гаванях и удобных для высадки пунктах. Все это галлам было почти неизвестно. И действительно, туда не заходит без крайней нужды никто, кроме купцов, да и они знакомы исключительно с морским побережьем и местностями, лежащими против Галлии. Поэтому, хотя он (Цезарь) пригласил к себе отовсюду купцов, но не мог дознаться от них, ни какова величина острова, ни какие народы его населяют и насколько они многочисленны, какова их боевая опытность и каковы учреждения, ни, наконец, какие гавани в состоянии вместить более или менее значительный флот.

Чтобы осведомиться обо всем этом до начала своего предприятия, он предварительно посылает туда с военным кораблем Гая Волузена, которого считал подходящим для этой цели. Ему Цезарь поручает произвести все необходимые разведки и затем как можно скорее вернуться. Сам же со всем войском отправляется в страну моринов, так как оттуда кратчайшая переправа в Британию. Здесь Цезарь назначил сбор всех кораблей из соседних местностей и флота, построенного им прошлым летом для войны с венетами... Волузен осмотрел все пункты, насколько это было возможно, так как он не решался сойти с корабля и довериться варварам. На пятый день он вернулся к Цезарю и доложил обо всех своих наблюдениях...

Отдав распоряжения, Цезарь дождался подходящей для плавания погоды и около третьей ночной стражи снялся с якоря; при этом коннице он приказал отправиться к дальней гавани, сесть на корабли и следовать за ним... Сам

он достиг с первыми кораблями около четвертого часа дня Британии и заметил, что там на всех холмах расставлены вооруженные неприятельские отряды.

Однако мир был установлен на четвертый день после прибытия в Британию. Те восемнадцать кораблей, которые перевозили конницу, вышли при тихом ветре из верхней гавани. Когда они уже приближались к Британии и были видны лагеря, вокруг поднялась такая буря, что ни один из кораблей не был в состоянии держаться курса, но одни были отнесены к месту своего выхода, а другие — выбросились с большой для себя опасностью — к нижней части острова, которая лежала ближе к западу. Но, когда корабли стали на якорь и их стало заливать водой, они по необходимости должны были, несмотря на темную ночь, выйти в открытое море и направиться к материку.

В ту же ночь случилось полнолуние: а этот день обыкновенно вызывает в океане сильнейшие приливы, что нашим не было известно. Таким образом и военные корабли, на которых Цезарь организовал переправу войска и теперь приказал их вытащить на берег, заливало волнами, и стоявшие на якоре грузовые бросало в разные стороны бурей, так что у нас не было возможности ни управлять ими, ни оказывать, где нужно, помощь. Значительное число кораблей разбилось, остальные же, лишившись канатов, якорей и прочих снастей, сделались непригодными к плаванию; а это, как и надо было ожидать, вызвало большую панику во всей войске. Действительно, других кораблей для обратного перевоза не было; равным образом

совершенно не доставало нужных материалов для починки судов; и, наконец, так как все были уверены, что придется зимовать в Галлии, то в этой местности не заготовили провианта на зиму...

...Дерево и медь с тех кораблей, которые получили особенно тяжелые повреждения, [Цезарь] приказал употребить на починку остальных, а другой необходимый материал привезти с материка. Таким образом, при чрезвычайно ревностной работе солдат он лишился только двенадцати кораблей, а остальные снова были приведены в достаточную готовность...

Ввиду приближения равноденствия и дурного состояния кораблей [Цезарь] не считал благоразумным подвергать свои войска опасностям плавания в период зимних бурь. А сам он выждал подходящей погоды и вскоре после полуночи снялся со своим флотом с якоря. В общем все его суда благополучно достигли материка, и только два грузовых не дошли до тех гаваней, что и остальные, они были отнесены несколько ниже...»

«В консульство Луция Домиция и Аппия Клавдия Цезарь уехал из зимнего лагеря в Италию, как он это делал ежегодно, предварительно приказав легатам, которых он поставил во главе легионов, озаботиться во время зимы постройкой возможно большего количества новых судов и ремонтом старых...

Похвалив солдат и руководителей, он дал им необходимые указания и приказал собраться всем к гавани Иции, откуда, как он знал по опыту, самая удобная переправа в Британию, находившаяся приблизительно в 30000 шагов от материка.

Цезарь прибыл с легионами к гавани Иции. Здесь он узнал, что шестьдесят судов, построенных в стране мельдов, были отброшены бурей и, не будучи в состоянии держаться курса, вернулись на место своего выхода; остальные суда он нашел готовыми к плаванию и вполне снаряженными...

Он пробыл здесь около двадцати пяти дней, так как отплытие задерживалось северо-западным ветром, который дует здесь значительную часть года... Наконец, дождавшись подходящей погоды, он приказал пехоте и коннице садиться на корабли...

А сам он с пятью легионами и таким же количеством всадников, какое он оставил на материке, при заходе солнца снялся с якоря и вышел при легком юго-западном ветре. Но после полуночи ветер прекратился. Цезарь не мог поэтому держаться курса, но был очень далеко снесен в сторону течением, так что на рассвете увидел Британию далеко позади слева. Тогда, следуя снова в обратном направлении, он приказал усиленно грести, чтобы достигнуть той части острова, которая была ему известна по прошлому году как самая удобная для высадки. Солдаты обнаружили при этом весьма похвальную выдержку. Тяжелые грузовые суда при их неустанной гребле сравнялись ходом с военными кораблями. Все корабли достигли Британии около полудня, но врага там еще пока не было...»

«Остров имеет форму треугольника, одна сторона которого расположена против Галлии. Один ее угол, где лежит Кантий (Кент) и куда пристают почти все корабли, приходящие из Галлии, обращен на восток, а другой, ниж-

ний, — на юг. Эта сторона имеет в длину около пятисот миль. Другая, западная, сторона обращена к Испании; в этом направлении лежит Иберния; как полагают, она вдвое меньше Британии; она находится в таком же расстоянии от Британии, как Британия от Галлии. На полпути лежит остров, по имени Мона (Англси); полагают, что там есть и еще несколько небольших островов; о некоторых из них писатели сообщают, что там во время зимнего солнцезаворота тридцать суток продолжается ночь. Но мы в своих расспросах таких сведений не получали и только на основании водяных часов видели, что ночь там короче, чем на материке».

«Длина этой стороны, по мнению вышеупомянутых писателей, семьсот миль. Третья сторона обращена на север, но угол ее обращен главным образом к Германии. Она простирается будто бы на восемьсот миль в длину. Таким образом, весь остров в окружности имеет две тысячи миль.

Наиболее цивилизованные из всех этих народов — жители Кантия, местности целиком береговой, и образ их жизни немногим отличается от галльского. Жители внутренней части Британии большей частью не засевают полей, а питаются молоком и мясом и одеваются в шкуры.

Поняв план врагов, Цезарь двинулся со своим войском к реке Тамезису (Темза), в сторону Кассивеллауна. Эту реку можно перейти вброд только в одном месте, и то с трудом... [Следует военный поход против Кассивеллауны.]

По получении заложников он отвел войско назад к морю; там он нашел корабли отремонтированными и спустил их на воду. Так как у

него было много пленных и несколько кораблей погибло от бури, то он решил перевозить войска на материк в два приема...»

Конечно, короткие отрывочные описания британских походов Цезаря вряд ли воссоздают полную картину завоеваний и открытий Оловянных островов. Поэтому вновь обратимся к комментариям самого Р. Хеннига.

«Цезарь был первым римлянином, перешедшим через Рейн. В консульство Помпея и Красса он даже переправился в Британию... Древним грекам и римлянам даже существование этой страны было неизвестно; римляне сомневались, материк ли это или остров. Цезарь не добился никакой пользы ни для себя, ни для всего государства, кроме славы, что он совершил поход на этот остров...

Когда наступило время года, благоприятное для мореплавания, он снова вернулся в Британию под предлогом, что жители не доставили обещанного числа заложников (ибо они не верили, что после неудавшейся первой попытки он предпримет вторую). В действительности же у него было серьезное намерение захватить остров, так что, не имея этого повода, он придумал бы другой. Он высадился в том же месте, что и в первый раз... [Два столкновения и победное шествие римлян к Темзе. Заключение мира.] Цезарь отплыл с острова, не оставив там своего войска, ибо ему казалось рискованным оставить его зимовать в чужой стране».

Несмотря на подвиг Пифея, даже через 300 лет после его свершения Британия была очень мало известна народам Средиземноморья. На

протяжении двух тысячелетий ирландские и британские месторождения олова играли важнейшую роль в средиземноморских странах, особенно при выплавке бронзы. Однако к концу этих двух тысячелетий страна, где находились месторождения олова, была известна только по названию. О плавлении Пифея либо забыли, либо, без всякого основания, относились к нему с недоверием. Беспорочно, что страна, имевшая столь большое значение для хозяйственной жизни Средиземноморья, так долго оставалась неизученной. Оловянные острова были окружены такой же тайной, как Индия. Мы сталкиваемся с различными удивительно нелепыми и искаженными сообщениями о Британии, например, что до Цезаря об этой стране ничего не было известно.

Решившись дважды пересечь с войском злоещее для римлян Северное море, чтобы проникнуть в загадочную страну, Цезарь, бесспорно, совершил великое и отважное предприятие. Лишь благодаря походам Цезаря началось географическое освоение Британских островов и открылась новая важная эпоха географических исследований Западной Европы.

В трудах Цезаря военные события занимают, разумеется, главное место, тогда как географическим и этнографическим сведениям отводится второстепенная роль. Все прочие сведения об острове и его жителях носят общий характер и основаны на слухах.

Странным представляется упоминание о том, будто даже на побережье Галлии у купцов нельзя было узнать ничего достоверного о Британии. Ведь между Британией и материком должны были издавна существовать значительные

торговые связи. Сам Цезарь говорит о кораблях, совершавших регулярные плавания из Галлии в Кент. Об этих древних водных путях сообщения упоминает Страбон.

Следовательно, сведения, полученные Цезарем, не соответствовали действительности. Невероятно, чтобы, как это было рассказано Цезарю, в Западной Галлии в те времена так мало знали о стране, родственное население которой во время войны часто оказывало галлам вооруженную поддержку. Очевидно галльские купцы не хотели слишком много рассказывать римлянам, подобно тому, как за 80 лет до этого хитрые купцы из Массилии не пожелали ничего сообщить Сципиону и Полибию о своих доходных торговых связях со Страной олова, притворяясь, будто ничего о ней не знают. Именно из-за высокой доходности торговли оловом занимавшиеся ею купцы держали свое дело в тайне и ко всем, кто пытался что-нибудь о нем проведать, относились весьма холодно. Все сведения, которые римляне хотели получить о Британии, они вынуждены были добывать на основе личных наблюдений.

Поэтому поход Цезаря открыл перед географией новые пути и заложил основу для новейших, более подробных исследований, которыми занялся Агрикола. Хотя сам великий полководец, бесспорно, ставил перед собой только военные и политические цели, он все же был первым известным в истории римлянином, который значительно расширил географические знания своего века, причем одновременно о двух областях земного шара — о нижнем Рейне и о Британских островах.

Первый поход в Британию продолжался лишь с конца августа до середины сентября 55 г. до н.э. и был, видимо, неудачным. Правда, этого не видно из изложения событий Цезарем, но такой вывод можно сделать из признания Диона Кассия. Второй поход поддержал славу римского оружия, но тоже не привел к желанной цели — покорению Британии. Он продолжался большую часть лета 54 г. до н.э.

По вопросу о пунктах отправления и высадки обеих военных экспедиций в Британию имеется обширная литература, в результате которой возникли самые различные точки зрения. Гавань Ициу, где начался поход, отождествляли то с Булонью, то с Виссаном, то с Кале, то с Сангатом. В 1865 было доказано, что самым вероятным пунктом отправления представляется Виссан, причем так называемый «portus ulterior» (отдаленная гавань), где на корабли была посажена конница Цезаря, следует, видимо, отождествлять с Сангатом. Значительно больше разногласий вызывает место высадки римских войск в Англии. Это и Дил, и Хайт, и Певенси, и Ренимарш. Так же в исследованиях тех лет ученые доказали, что флот Цезаря 27 августа 55 г. до н.э. по юлианскому календарю, бесспорно, объехал мыс Южный Форленд и пристал, очевидно, у Дила.

Но что нам до ученых споров? Римским походам, завоеваниям и открытиям новых земель за всю историю империи не было конца. Так, например, одними из самых дельных и тяжелых походов, предпринятых римлянами во времена божественного кесаря Августа, были походы в Эфиопию и Аравию. Но об этом можно

узнать из Анкирской (Анкара) надписи, рассказывающей о деяниях Августа в книге Н. А. Маликина «Принципат Августа» (М.-Л., 1949). Мы же последуем за китайскими первопроходцами.

ГЛАВА 3

ПИОНЕРЫ КИТАЙСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ЗАГАДОЧНАЯ СТРАНА ФУСАН

Огромной заслугой Р. Хеннига является то, что он одним из первых дал нам возможность узнать о путешественниках из Индии, Китая, Японии и Ближнего Востока. Его же предшественники нередко преувеличивали заслуги западной («средиземноморской») касты открывателей новых горизонтов. Но на востоке тоже были свои императоры, которые покровительствовали людям, желавшим открывать новые земли, и, конечно же, расширить владения империи.

С помощью Р. Хеннига мы узнаем, как во времена китайской династии У-Ди с 138 по 115 годы до н.э. Китай узнал о своих дальних соседях. Но сначала короткая предыстория.

Несмотря на свою древнюю и необычайно высокоразвитую культуру, китайский народ поразительно долго находился в изоляции от всех цивилизованных стран Запада. Народы Египта, Вавилона, Индии рано научились преодолевать пустыни и моря, отделявшие их от внешнего мира, и вскоре за этим вступили в торговые связи с другими странами. Египтяне до 3000 г. до н.э. торговали с Сирией и «Пунтом», индий-

цы до 2000 г. до н.э. — с областью Евфрата. Положение китайцев было менее благополучно: кроме обширных пустынь, их отделяли от цивилизованных народов Запада высокие, почти лишенные проходов и труднопреодолимые горы. Кроме того, на протяжении многих столетий регулярное сообщение на дальние расстояния затруднялось набегами воинственных враждебных кочевых племен. На востоке Китай омывался Тихим океаном, по которому китайцы почти до 100 г. до н.э. не совершали дальних плаваний. К тому же, если исключить Японию, которая не была известна до нашей эры, плавание по этому океану могло привести китайцев только в соприкосновение с народами, стоявшими на более низком уровне культуры. Возможно, это были американские индейцы. Такая версия существует (см. «Погибшие цивилизации»).

Можно не сомневаться в том, что культура самого раннего китайского государства по среднему течению Хуанхэ была весьма древней и очень высокоразвитой. Если ранние китайские легенды и отличаются некоторым славословием, преувеличивая древность многих культурных достижений, то все же нельзя оспаривать тот факт, что китайская культура не многим моложе египетской и вавилонской. Это такая же древняя цивилизация, как критская, и опережает первые греческие культуры на доброе тысячелетие. Неопровержимым доказательством ее древности могут служить определенные астрономические данные, которые поддаются проверке. Так, мы узнаем, что еще до середины III тысячелетия до н.э. астроном Ю-ши наблюдал

Полярную звезду* и обнаружил, что в день солнечного затмения три планеты стояли вместе под знаком Це, то есть созвездия Рыб. Это явление показалось таким странным, что китайский император Чжун-ю объявил этот день началом новой эры и первым днем нового года. Такое летосчисление сохранилось до сих пор. Развитие астрономии всегда служит верным критерием для определения уровня культуры на заре истории любого народа.

Все попытки доказать, что еще до 300 года до н.э. народы Запада были знакомы с Китаем, пока оказались безуспешными. Более 100 лет назад Роселлини пытался доказать наличие торговых связей между Египтом и Китаем еще около 1600 г. до н.э. на основании фарфоровых изделий, которые он сам обнаружил в египетских гробницах того периода. Однако было доказано, что Роселлини стал жертвой обмана, так как до 600 г. до н.э. китайского фарфора вообще не было!

В период 54-летнего правления одного из гениальнейших государей Китая великой Ханьской династии императора У-ди (140-86 гг. до н.э.) удалось прорвать блокаду, а затем на протяжении следующего столетия совершенно ее уничтожить. Смелый план прорыва блокады был задуман самим императором, а его ловким исполнителем был китайский генерал и путешественник Чжан Цянь, претворявший в жизнь этот замысел с поразительной настойчивостью и энергией на протяжении нескольких десятилетий. Деятельность Чжан Цяня была описана

---

* Наблюдение «Полярной звезды» Альфы Дракона могло иметь место лишь в III тысячелетии до н. э. Примерно от 2000 г. до н. э. вплоть до начала нашей эры вблизи полюса не было ни одной хорошо видимой звезды.

его современником — «китайским Геродотом» Цянем примерно в 90 г. до н.э.

Первое путешествие Чжан Цяня на Запад продолжалось 12 лет, с 138 до 126 гг. до н.э. Из них 10 лет китайский путешественник провел в плену у гуннов. На 11 году Чжан Цяню удалось завязать важные торговые связи в Фергане, Самарканде, Бухаре и Бактрии. В Китай он вернулся только с одним человеком из всех сопровождавших его лиц. Но лишь после покорения гуннов, то есть со 115 г. до н.э., можно было пожинать плоды замечательной деятельности Чжан Цяня.

Однако еще до этого китайский император пожелал завязать непосредственные отношения со Страной слонов (Индией), о которой Чжан Цянь узнал в Бактрии, так как предполагалось, что туда можно попасть, минуя земли гуннов. В 122 г. до н.э. Чжан Цянь пытался проникнуть в Страну слонов, по-видимому, из Сычуани через Сючжоу, но эта попытка закончилась неудачей из-за враждебного отношения диких племен. Даже в случае удачи это предприятие могло привести только к соприкосновению с Бирмой, но не самой страной Шеньду, то есть Индией.

Чжан Цянь получил лишь подтверждение сведений о стране, в которой слоны используются для верховой езды. Вслед за этим китайские купцы из Цинтуфу попытались еще раз проникнуть в Страну слонов и на этот раз добились успеха: они дошли до Бирмы. Возможно, что большие трудности, связанные с отысканием наземных дорог в Индию, побудили китайцев проложить туда морской путь, так как, видимо, около 100 г. до н.э. первые китайские корабли уже появились

в гаванях Индии. Несколько лет назад один английский ученый утверждал, будто китайцы научились мореплаванию у древних египтян, так как древнейшие китайские суда, плававшие по Янцзы, похожи на нильские барки. Впрочем, подобным «открытиям» не следует придавать особого значения. Довольно часто утверждения о сходстве в тех случаях, когда для этого не хватает объективных данных, основывались лишь на игре воображения. Императору У-ди вскоре стало ясно, что поставленной им первоначальной цели можно достигнуть лишь при условии подчинения Китаю гуннских земель в пустынях Таримской впадины. В 121 г. был предпринят большой поход против гуннов, в котором в качестве одного из военачальников принимал участие и Чжан Цянь. Но Чжан Цянь был более удачливым в роли путешественника и организатора, чем полководца. После тяжелого поражения, которое потерпел его главнокомандующий, Чжан Цянь впал в тяжелую немилость и был лишен всех своих званий и почестей. Все же в 121 г. у Сичина и в 118 г. у Мупе гунны были разбиты наголову, а их вождь взят в плен. Враг вынужден был покориться и на долгое время оказался обезвреженным: путь на запад стал свободным!

И тогда опять пробил час Чжан Цяня. Император снова направил его в западные страны, чтобы завязать с ними торговые отношения и заручиться союзниками против покоренных кочевых племен, населявших области, расположенные между Китаем и западными странами. Новое путешествие на запад заняло, по-видимому, 2—3 года. На этот раз Чжан Цянь отправился в область Или к народу усунь и оттуда послал упол-

номоченных к народам, жившим по течениям рек Аму-Дарья и Сыр-Дарья, к парфянам и даже в Индию. Предложения по установлению торговых связей повсюду нашли радостный отклик. Чжан Цянь вернулся в Китай в 115 г. до н.э., когда уже начали всходить брошенные им семена. Умер китайский путешественник через год после своего возвращения и был еще свидетелем того, как первые торговые караваны отправились в открытые им страны. Какое огромное значение имели деяния Чжан Цяня, явствует хотя бы из того, что историк Хирт делит всю историю Китая на две эпохи: до 115 г. до н.э. и после этой даты. В 115 г. до н.э. был открыт «шелковый путь», который вел к народам Передней Азии и Европы; товарообмен быстро достиг значительного объема. Император У-ди был как раз таким деятелем, который мог энергично и в широких масштабах закрепить достигнутый успех. Если бы незадолго до этого события, около 140 г. до н.э., в результате вторжения тохаров не погибло греко-бактрийское царство, Чжан Цянь и император вошли бы в соприкосновение с эллинской культурой. Но император не удовлетворялся успехами, достигнутыми в торговле, и стремился распространить свое политическое влияние на Запад. В 101 г. до н.э. У-ди, собрав большое войско, покорил Фергану и обложил данью страну, в которой за 230 лет до него побывал Александр Македонский! С народом усунь на реке Или император установил дружественные отношения и связал с собой усуньского правителя родственными узами. Китайский император отправил своих лазутчиков дальше на Запад: в одном направлении до Тигра, в другом — до Гекатопилоса, столицы Парфии. Итак, послан-

ники китайского императора в те отдаленные времена уже путешествовали по странам, расположенным у южного побережья Каспийского моря. Повсюду им удавалось установить торговые отношения и дипломатические связи.

Успехи великого императора У-ди были поистине грандиозными. Достоинно внимания то обстоятельство, что, согласно китайскому источнику, вслед за первыми послами парфянского царя в Китай приехали «жонглеры из Ликийи». Ликия — это Римская империя, получившая позднее название Да Цинь. В древнем источнике не упоминается о том, из какой страны происходили эти жонглеры, первые предшественники фокусников и музыкантов, появившихся при китайском дворе в 120 г. Но это не существенно. Примечателен сам факт, что уже около 100 г. до н.э. в Китае появились люди из Римской империи. Едва ли это был единичный случай.

Преемникам императора У-ди удалось сохранить оставленное им ценное наследство лишь на протяжении нескольких десятилетий. Через 50 лет, при императоре Юань-ди, сношения с Западом пришли в полный упадок только по той причине, что интерес к ним был потерян: с 48 г. до н.э. сухопутная торговля стала заметно чахнуть. Она полностью прекратилась в 23 г. до н.э., когда волнения и повстанческие движения в Таримской впадине закрыли «шелковый путь». Связи с Индией, которые поддерживались преимущественно по крутому перевалу через Гиндукуш, при недалёковидном императоре Юань-ди (48—32 гг. до н.э.) прервались. Лишь в 87 г. н.э. они возобновились и на короткое время достигли расцвета. Первые десятилетия после

115 г. до н.э. китайский шелк, видимо не попал за пределы Передней Азии. Сирийские смуты преградили дальнейший путь на Запад. Упоминание шелка у римского поэта Луцилия (ум. в 102 г. до н.э.) относится, без сомнения, к малоценному переднеазиатскому бомбиксу, а не благородному китайскому шелку. Только после покорения Сирии Помпеем (64 г. до н.э.) шелк впервые появился в Риме. Утверждение римского писателя Флора, жившего около 120 г. н.э., о том, что в битве при Каррах (53 г. до н.э.)* римляне впервые увидели шелк, из которого были сделаны знамена парфян, представляется вполне вероятным. Нельзя согласиться с утверждением Диона Кассия, будто еще Юлий Цезарь, в связи с цирковыми представлениями приказывал натягивать шелковые тенты для защиты от солнца. Более вероятно, что прошло еще два десятилетия после битвы при Каррах, прежде чем китайский шелк появился в Риме как настоящий товар. Лишь около 30 г. до н.э. в классической литературе вдруг начинает часто упоминаться китайский шелк, который у Вергилия встречается лишь один раз. Правда, прошли столетия, прежде чем стала известна природа этой прекрасной ткани. Долгое время господствовали самые фантастические представления относительно ее происхождения, вроде того, что шелк растет на деревьях и с них счесывается.

К сожалению, подлинник отчета Чжан Цяня о его путешествиях утерян. В 618 г. он еще хранился в императорской библиотеке, но затем

---

* В битве при Каррах (Месопотамия) римские войска были разбиты парфянами в первом серьезном столкновении двух великих держав древности.

исчез. Нам этот отчет известен лишь из ценных и вполне надежных отрывков. Сведения Чжан Цяня, бесспорно, были очень важны для Китая. Хирт не без основания считает, что «во времена римских императоров Китай был гораздо лучше осведомлен о Западной Азии, чем та о Китае».

Путешествия Чжан Цяня, в любом случае, явились величайшим событием как с точки зрения развития географической науки, так и истории торговли и культуры. Имена Великого императора Ханьской династии У-ди и Чжан Цяня достойны упоминания среди славных пионеров географических исследований и в истории культурного процесса.

Теперь из глубины дохристианских и добуддийских времен перенесемся в Китай конца V века. Сделаем это для того, чтобы продолжить одну тему, содержащую немало загадок, но имеющую много разгадчиков с противоположными мнениями. В одной из книг нашей серии мы познакомились с географическими достижениями китайского буддийского монаха Хуай Шеня, посетившего загадочную страну Фусан, отождествленную современным автором* по ряду признаков с Центральной Америкой. Однако, расширяя свои познания о загадочной Фусан, рассмотрим с помощью комментариев самого Р. Хеннига еще несколько версий, связанных с этой тайной.

Но вначале несколько слов из «Ляншу» (летописи китайской Лянской династии):

«...Вот что сообщил о царстве Фусан, прибывший оттуда в Гинчжоу [монах] Хуай Шень.

---

* Маслов А.А. Невозможная цивилизация. — В кн. Мифы исчезнувших цивилизаций. Саратов: «Надежда», 1996. с.342–365.

Царство Фусан расположено более чем в 20000 ли к востоку от Таханя (согласно исследователю Клапроту — Сахалин). Оно лежит также на восток от Китая. В той стране растет много деревьев фусан, и по ним она получила это название. Своими листьями фусан походит на тунговое дерево. Растет оно из земли наподобие побегов, которые туземцы употребляют в пищу. Плоды этого дерева красного цвета и похожи на груши. Из его коры изготавливают ткань для одежды и вату. Люди строят жилища из досок. Города не обнесены валами. Там пользуются письменами, а бумагу изготавливают из коры дерева фусан. Войска у них нет, и потому им вовсе неведома война...

...У тамошних быков необычайно длинные рога... В повозки впрягают лошадей, быков и оленей. Туземцы разводят оленей в качестве домашнего скота, подобно тому как в Китае разводят коров. Из молока этих животных изготавливают масло. Там растут тутовые и грушевые деревья, которые сохраняют листву в течение всего года. Кроме того, имеется в изобилии виноград. В этой стране нет железа, но зато есть медь. Золото и серебро там совсем не ценятся.

Раньше учения Будды в этой стране не знали. Во 2-й год эры правления Да-мин династии Сун [458] в Фусан пришли из царства Кипин пять странствующих нищих монахов и принесли туда идолов и священные буддийские рукописи. Монахи распространили их среди жителей, которые впоследствии изменили свои обычаи».

Каковы же толкования Рихарда Хеннига, имеющего свою точку зрения, примиряющую и

объединяющую, на наш взгляд, мнения многих «фусановедов».

«Более 200 лет между учеными идет оживленный спор по вопросу о том, в какой именно «стране Фусан» мог побывать китайский монах Хуай Шень, по данным которого летописи Лян-ской династии (502—557) сообщают странные, частично не согласующиеся факты. Но, как это бывает в большинстве подобных случаев, несравненно более правдоподобными представляются самые простые и трезвые толкования, а не сенсационные предположения, усматривающие в бесхитростном рассказе Хуай Шеня не более и не менее как намек на открытие китайцами Америки за 1000 лет до Колумба!

Уже первый ученый, ознакомивший в 1761 году европейцев с приведенной выше цитатой из китайской летописи, перенес Фусан в Америку.

Позднее Клапрот, выдающийся специалист по истории Азии, еще решительнее предостерегал от таких толкований, рассчитанных на дешевую сенсацию. Он подчеркнул, что Фусан не следует искать нигде, кроме самой Восточной Азии, возможно на Японских островах. К мнению Клапрота вначале присоединился только высоко эрудированный французский географ Вивьен де Сен-Мартен. Спустя 40 лет Бретшнейдер, полемизируя по поводу слишком необоснованных гипотез канадского француза Леленда, в свою очередь привел неопровержимые доказательства, подтверждающие, что об отождествлении Фусана с одной из Американских стран не может быть и речи. Бретшнейдер считал, что ничто не препятствует рассмотрению отчета Хуай Шеня как простой сказки и что при

попытке географического толкования названия «Фусан» серьезного внимания заслуживает только одна гипотеза, выдвинутая Клапротом.

Позднее голландский исследователь Шлегель также признал Фусан одной из стран Восточной Азии, хотя склонялся больше в пользу Сахалина.

Хотя плавание китайского или японского корабля в Северную Америку можно было совершить в любое время при помощи «Черного течения» (Куросио), этого «Гольфстрима Тихого океана», возвращение против течения в ту эпоху, несомненно, было делом неосуществимым.

Не подлежит сомнению, что на протяжении тысячелетий многие жители Восточной Азии, гонимые течением Куросио, против своей воли попадали в Северную Америку. Вполне правдоподобно также, что в районе Южных морей течения тоже переносили людей и культурные влияния из Полинезии, Микронезии и Юго-Восточной Азии в Южную Америку.

Еще раньше неоднократно доказывался бесспорный факт существования подобных связей между Восточной Азией и Америкой на основании поразительных совпадений в астрономических представлениях народностей, живших по обе стороны океана, а также в их мифологических образах, например, в изображениях бога преисподней в виде тысяченогого существа. Выдающийся знаток древней истории Америки Уле считал, что уже примерно к 500 г. до н.э. значительное число людей из Восточной Азии переселилось на Американский материк, следуя, вероятно, морским путем. Здесь они выступали в роли носителей культуры, хотя и были ас-

симилированы коренными жителями. Такой же глубокий знаток древней американской культуры Леман пошел еще дальше, предполагая даже, что Восточная Азия оказала плодотворное культурное влияние на Мексику еще в III тысячелетии до н.э. Итак, сам по себе тот факт, что китайский миссионер очутился в Северной Америке во времена Хуай Шеня, еще можно считать вероятным. Но нельзя себе представить, что известие об этом могло дойти до Китая. Поэтому мы, безусловно, должны отвергнуть гипотезу, согласно которой Фусан следует искать на Американском континенте.

Строго говоря, и 20000 ли, отложенные на широте Китая, соответствовали бы, конечно, только 60° долготы и привели бы к Гавайским островам.

Учитывая цветистый стиль китайских авторов, что уже отмечалось ранее, приведенной цифре не следует придавать особого значения, ибо ничего другого, кроме «очень далекий», она не означала.

Упоминание о наличии в Фусане лошадей и быков, а также об умении изготавливать масло уже исключает возможность какой бы то ни было идентификации этой страны с Америкой, где до Колумба одомашненный крупный рогатый скот еще не был известен. Попытка отождествить «быков» с буйволами Северной Америки необоснованна, так как последние никогда не приручались и не использовались для упряжки. И если некоторые комментаторы были склонны отождествить «олений» Хуай Шеня с северными оленями, то по этому поводу следует напомнить, что последних никогда не разводили в

странах с высокой плотностью населения, да еще в таких, где имела своя письменность и где изготавливали бумагу.

Описание дерева фусан во всех подробностях как нельзя лучше подходит к бумажной шелковице, часто встречающейся на островах Восточной Азии. Не может быть больше никаких сомнений, что монах Шень имел в виду это дерево. Американская же агава или алоэ не имеет ни похожих грушевидных плодов, ни коры, пригодной для производства бумаги.

Поскольку в источнике дано превосходное описание реально существующего растения, нет никакого основания считать отчет Хуай Шеня сказкой. Кроме того, бумажная шелковица нигде в Америке не растет, но в большом количестве встречается в Восточной Азии. Следовательно, нельзя считать Фусан восточнее ареала распространения этого дерева. Но если на Сахалине и распространена бумажная шелковица, то это еще не значит, что 1400 лет назад там могли пользоваться письменностью и изготавливать бумагу. Невероятно также, что на Сахалине обитало весьма многочисленное население и была уже сложившаяся государственная организация. По тем же соображениям исключаются и Курильские острова.

Остается одно — отождествлять Фусан с Японией V века.

Так, данные о полном отсутствии в Фусан железа прекрасно согласуются с условиями в Японии, где и в настоящее время ощущается большой недостаток собственной железной руды.

Сообщение Хуай Шеня о наличии в Фусан лошадей также можно рассматривать как один

из весьма веских аргументов против отождествления загадочной страны с Америкой, где этих животных не знали. В Японии же, как известно, лошади тогда существовали. Правда, составленные в III в. китайские летописи династии Вей подчеркивают на основании донесений китайских послов, что в стране Во (северо-запад Японии) совсем не знают лошадей. Однако со времени японского похода в Корею в 363-369 гг. эти животные, несомненно, уже появились в Японии, и спустя 130 лет паломник Хуай Шень уже мог их там видеть.

На первый взгляд может показаться странным сообщение о том, что в 499 г. буддизм уже укоренился в Фусан. Историками твердо установлено, что исповедание буддизма в Японии было разрешено в 552 г., а после победы партии буддистов при императоре Фоме (586/87) он, уже в 621 г., в царствование императрицы Буйко, был объявлен государственной религией. Тем не менее никакого противоречия здесь нет. Несомненно, первому признанию буддизма в Японии должен был предшествовать более длительный период, когда в стране делались попытки насадить это вероучение, что, однако, не получило отражения в официальных государственных хрониках.

В 405 г. через посредство корейца Вани японцы заимствовали китайские иероглифы и приобрели первые китайские книги. Около 426 г. в Японии было введено шелководство, также заимствованное из Китая. Впрочем, китайский шелк, видимо, был известен в Японии значительно раньше, так как имеется свидетельство о подношении в дар японской императрице в 243 г. красно-зеленых шелковых платьев и шел-

кового платка. Кроме того, в V в. через Корею поддерживались дипломатические связи между Китаем и Японией: китайские послы посетили Японию; в свою очередь японские посольства побывали в Китае. Следовательно, такие тесные по тем временам связи вполне помогли укрепиться в Японии буддийским общинам во второй половине V века. Более того, в древних источниках приводится более ранняя дата появления первых буддистов в Японии: хроники «Акай ген року», составленные около 730 г., датируют его 411/12 г. н.э., а записанные еще 667 г. «Най ден року» — 406 г. Независимо от того, какое из этих указаний представляется более точным, можно считать установленным тот факт, что в V в. в Японии уже были буддисты.

Но в отчете Хуай Шеня остается неясным одно сообщение, а именно: об оленях, которых в Фусане использовали в упряжке. Как известно, только северные олени относятся к числу одомашненных человеком. Между тем северный олень, видимо, на островах Восточной Азии не водился нигде, кроме Сахалина, но там Японская культура никогда прочно не укоренялась. Существует предположение, что Хуай Шень, возможно, имел в виду редкий вид оленя — милу, впервые обнаруженный в 1865 г., и находившийся в прирученном состоянии в парке императорского дворца в Пекине. По мнению проф. Штехова, это животное, водившееся, вероятно, в Северной Азии, приручили еще в древние времена. Предположение, что Хуай Шень видел в Японии прирученных оленей милу, недоказуемо, но вполне вероятно. Далее, точно установлено, что в Японии, в полную

противоположность Америке, еще в древности занимались приручением буйволов. Это обстоятельство, как особенно характерную черту своей родины, определенно подчеркивал японец при посещении Китая в 984 г.

И еще один нерешенный вопрос. Почему название «Фусан» можно отнести к Японии, если оно нигде не встречается в японских письменных памятниках? Объяснение этому есть. В древнекитайской литературе Японские острова постоянно именуется «Во» или «Ва». Название «Во» употребляется только в официальных документах и носит несколько презрительный оттенок (бону означает карлики-рабы), отражая притязание китайских императоров на суверенитет над Японией. Вряд ли столь пренебрежительное название могло применить в своем отчете частное лицо, относящееся к этой стране с симпатией. Не исключено также, что из-за многочисленности островов и раздробленности Японии на подвластные местным правителям мелкие округа, насчитывавшиеся в прежние времена сотнями, имелось огромное количество географических и политических названий, не засвидетельствованных никакими источниками. В летописях старшей Ханьской династии, например, название «Ва» относится только к западной части Японии.

Исходя из этих фактов, заключаем, что «страна Фусан» могла находиться только в Восточной Азии, вероятнее всего, где-нибудь на Японских островах. Возможно, название это имеет под собой географическое основание и возникло лишь благодаря очень древнему, неясному сообщению о Японских островах».

**РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ПОХОДЫ
ВИКИНГОВ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ**

Споры о «доколумбовом» открытии Америки всегда подогревались появлением новых загадок в виде археологических находок, древних рукописей, географических карт и легенд, передаваемых из поколения в поколение.

Мы уже писали и будем писать еще о посещении древними китайскими монахами западного побережья Америки. Многие из нас знакомы с тем, что Берингов пролив, представлявший некогда сушу и объединявший Евразию и Америку, мог являться короткой дорогой для первых путешественников с обоих материков, а в более поздние времена — пересекался с обеих сторон, когда покрывался льдом.

Тур Хейердал своим путешествием на «Ра» пытался доказать возможность посещения Америки древними египтянами. Еще более смелой была версия «открытия» Америки римскими легионерами... Любое из этих предположений доказать трудно, но и вульгарно отрицать их также было бы несправедливым.

Какими бы ни казались эти споры, версии и теории, несомненно одно обстоятельство, о котором многие не знают или просто забыли. Это — «доколумбово» открытие Северной Америки норманнами — выходцами из Скандинавии. Открытие викингов строго не зафиксировано в научной литературе, скорее потому, что эти отважные мореходы сами не придавали большого значения своим географическим достижениям. Но явные следы своего присутствия на аме-

риканском континенте они все-таки оставили. Тем более, что их присутствие в соседней Гренландии в XII—XIII веках — факт неоспоримый. Об этом и пойдет речь в настоящей главе, составленной по материалам книги Хеннига и используемых им старинных литературных источников.

Надпись на Кенсингтонском руническом* камне, найденном в августе 1898 года в США (штат Миннесота): «[Нас] 8 готов [то есть шведов] и 22 норвежца [участников] разведывательного плавания из Винланда на запад. Мы остановились у двух шхер в одном дне пути к северу от этого камня. Мы [ушли] на один день и ловили рыбу. Потом мы вернулись, нашли 10 [наших] людей окровавленными и мертвыми. Ave virgo Maria [Благоденствуй Дева Мария], избавь нас от зла».

Надпись на ребре того же камня: «Десять человек из нашего отряда остались у моря, чтобы присматривать за нашими кораблями [или за нашим кораблем], в 14 днях пути от этого острова. Год 1362».

Исландские анналы 1342 г., переработанные в XVII веке гласят: «Жители Гренландии по доброй воле отпали от истинной веры и христианской религии и после того, как отказались от всех праведных обычаев и истинных добродетелей, обратились к народам Америки. Полагают, что Гренландия расположена совсем близко от западных стран. Поэтому-то и случилось так, что христиане воздерживались от плавания в Гренландию».

Сообщение шевалье Ла-Верандри о камне с

* Руны — древние скандинавские надписи на камнях и других предметах.

надписью, найденном в ноябре 1738 года в Северной Дакоте (Канада) во время одной из французских экспедиций: «[Здесь] нашли недавно некоторые древности, которые позволяют сделать вывод, что либо Америка была раньше населена народом, более сведущим в науках, чем тот, который обнаружили прибывшие туда европейцы, либо в эту часть света была некогда предпринята большая военная экспедиция из известных стран земного шара».

Продвигаясь в глубь страны через территории некоторых племен, они не раз в течение многих дней шли по широким безлесым равнинам, покрытым какой-то высокой травой... Пройдя еще дальше на запад — в края, где, насколько мы знаем, никогда не был ни один француз или англичанин, они нашли среди лесов, где-то на обширной равнине, прислоненные один к другому большие каменные столбы. Каждый из этих столбов был сделан из одного камня.

Наконец они обнаружили большой, похожий на столб камень, в который был вделан камень меньшего размера, покрытый с обеих сторон неизвестными письменами. Камень был длиной примерно в 1 французский фут, шириной 4—5 дюймов. Они выломали этот камень и взяли с собой в Канаду, откуда он был отослан во Францию министру графу Морепа. Что стало с этим камнем позднее, им не известно, но они полагали, что в данный момент (1749 г.) он находится в архиве.

Несмотря на расспросы туземцев членами французской южно-морской экспедиции, в какое время и каким народом были воздвигнуты эти столбы, какие предания связаны с ними, что

они сами думают об этом, какими письменами и на каком языке они составлены и т.д., французы не смогли получить никакого объяснения, ибо индейцы знали об этом так же мало, как и они сами. Туземцы могли только сообщить, что эти камни стояли здесь с незапамятных времен. Местность, где были обнаружены столбы, находится примерно на расстоянии 900 французских миль к западу от Монреала.

Из дневника Ла-Верандри (английский перевод 1889—1890 г.) о поселении туземцев в окрестностях, где были обнаружены каменные столбы: «Если все их форты так устроены, то их можно считать неприступными для индейцев. Их укрепления совсем не похожи на индейские.

Среди этого племени встречаются люди как с белой, так и темной кожей. Женщины хороши собой, особенно белые, у многих из них прекрасные белокурые волосы. Как мужчины, так и женщины этого племени очень трудолюбивы. Их широкие и просторные хижины разделены досками на множество помещений; они ничем не загромождены; все имущество туземцев развешано в больших мешках на столбах; их спальни похожи на пещеры, завешанные шкурами.

В их форте много кладовых, в которых хранятся зерно, корм для скота, сало, скроенная одежда, медвежьи шкуры и др. Они хорошо снабжены такими вещами — это деньги страны...

Мужчины сильны и храбры, в большинстве очень деятельны, выглядят хорошо и имеют приятную внешность. В женщинах нет ничего индейского. Мужчины охотно занимаются игрой в мяч на площадях и крепостных сооружениях».

Из отчета директора департамента по делам

индейцев Д. Митчелла (около 1830 г.): «Насколько я мог установить, по языку, нравам, обычаям и образу жизни все мандалы отличаются от остальных американских индейцев, а я довольно хорошо знаком с большинством здешних племен. Кроме языка и обычаев, мандалы отличаются одной физической особенностью: волосы у них большей частью пепельные, глаза голубые или светло-карие, а тип лица европейский».

Итак, наблюдения самих викингов, проникших в глубь североамериканского континента, и исследователей этого региона XVIII—XIX веков приводят нас к еще одной тайне, раскрыть которую берется Р. Хенниг в своих глубоких изысканиях.

В верховьях Миссисипи, на территории, поделенной теперь между штатами Висконсин, Миннесота и Дакота, жили когда-то мандалы, пожалуй, самое необычное из всех индейских племен.

Объясняется это тем, что населенные мандалами земли начали становиться ареной деятельности приходивших с востока белых пионеров только после 1850 г. Однако мандалы уже на протяжении 200 лет привлекали к себе внимание этнографов в связи с тем, что они очень сильно отличались от всех остальных индейских племен внешним обликом, обычаями и религиозными воззрениями. Занимались индейцы земледелием и около 1773 года, когда их посетил Мак-Интош, проживали в девяти хорошо укрепленных городах. Притом в их физическом облике, особенно у женщин, проявлялись признаки, наводившие на мысль о смешении с какой-то северной расой, ибо у «одной пятой или одной шестой всех индейцев была почти белая кожа и светло-голубые глаза». Среди них часто встреча-

лись люди с белокурыми волосами и таким необычным для индейцев выражением лица, что хороший знаток индейских племен Кетлин 100 лет назад категорически заявил по поводу этого «более чем на половину белого народа», что «это не индейцы». Он утверждал это с тем большей уверенностью, что жилища мандалов сильно напоминали древние строения североευропейских народов. В одном предании мандалов к тому же говорилось, что героем племени был белый человек, прибывший в страну в каноэ. В те времена, когда еще ни один чужеземец, будь то переселенец или миссионер, не нашел к ним пути, мандалы рассказывали о добром спасителе, о непорочном зачатии, муках смерти от вражеской руки. Они знали также одну историю о Христе, которая, очевидно, была пересказом библейской притчи о чудесном насыщении 5 тысяч человек, верили в дьявола, рассказывали о грехе прародительницы рода человеческого, о потопе, о спасшемся ковчеге и посланном из него голубе, который принес ветку ивы, и т.д.

Подобные представления еще 200 лет назад поразили первого европейского исследователя, проникшего в эти отдаленные области, — того же француза Ла-Верандри. Он в 1738 году, по поручению французского генерал-губернатора, предпринял путешествие по суше из Канады до Тихого океана. Он захотел воспользоваться этим случаем, чтобы лично познакомиться со странными «белыми индейцами».

Художник Кетлин, американский исследователь, специально занимавшийся изучением индейцев, категорически утверждал, что мандалы «произошли от смешения туземцев с цивилизо-

ванным народом». Но дальше этого чисто теоретического умозаключения исследователи не шли, ибо они не представляли себе, как в эти отдаленные местности, находящиеся на расстоянии более 1500 км от Атлантического океана и заселенные белыми только во второй половине XIX века, в давние времена, задолго до Ла-Верандри, могли попасть европейцы, да к тому же в таком числе, что их смешение с индейцами дало столь заметные результаты.

Однако с течением времени появлялись все новые доказательства того, что несколько сот лет назад в верховьях Миссисипи, несомненно побывали европейцы и что они были скандинавами. В разных уголках штатов Висконсин, Миннесота и Дакота были найдены в земле средневековое оружие и утварь, типичные для скандинавов и определенно указывающие на то, что жители Северной Европы побывали в этих краях в очень отдаленные времена. Постепенно в различных местах было обнаружено много скандинавских секир, топор, железный наконечник копья, огниво. Все эти предметы никогда не изготавливались индейцами и не ввозились колонистами более позднего времени. Гипотеза Кетлина получила очень веское подтверждение благодаря этим находкам, хранящимся в настоящее время в музее в Милуоки. Однако исследователи по-прежнему стояли перед неразрешенной загадкой и не могли объяснить, когда, как и с какой целью прибыли сюда скандинавы, которые в конце средневековья пользовались таким же оружием и утварью, какие были найдены в верховьях Миссисипи.

Однако именно некоторые расовые особенно-

сти индейских племен с давних пор рассматривались как веское доказательство того, что североευропейская и индейская кровь действительно не раз смешивались в отдаленные времена. Но никто из ученых не мог прийти к простому решению, что такое смешение произошло в средние века, считая это невероятным.

Самая поразительная находка прошлого века как будто должна была приподнять завесу над этой тайной, хотя и задала новые загадки, которые долгое время значительно затрудняли работу исследователей.

В 1891 году швед Олаф Оман приобрел ферму у Кенсингтона в штате Миннесота. В августе 1899 года он срубил на своей земле осину, достигшую 70-летнего возраста. При выкорчевке корней оказалось, что они обвилились вокруг огромного серого камня, который, несомненно, уже находился в земле, когда примерно в 20-х годах XIX века начало расти дерево. Почти прямоугольный камень весил 91 кг. Когда камень очистили от земли, маленькому сыну Олафа бросились в глаза странные царапины на его поверхности, оказавшиеся при внимательном рассмотрении руническими знаками.

Находка была тотчас отправлена скандинавскому профессору Миннесотского университета О. Дж. Бреда, который подтвердил, что письмена действительно рунические, и опубликовал первую предварительную расшифровку довольно длинной и выполненной необычайно красивыми знаками надписи. По инициативе Бреда Кенсингтонский рунический камень был направлен в Северо-западный университет (в Чикаго), но там после поверхностной проверки заявили,

что это довольно «неуклюжий подлог», так как на нем якобы обнаружены некоторые английские слова. Этого сурового приговора было достаточно, чтобы находка потеряла цену, и Оман, нашедший камень, в течение восьми лет пользовался им как... порогом у амбара своей фермы. Только в августе 1907 года другой скандинавист, Холанд, который услышал о надписи, извлек камень из недостойного места и подверг его новому изучению.

В дальнейшем Холанд посвятил свою жизнь решению загадки Кенсингтонского рунического камня. Он сообщил об этом камне всем сколько-нибудь известным американским и европейским специалистам, причем не только рунологам и скандинавистам, но прежде всего химикам и геологам, которые должны были высказать свое мнение о степени выветрелости камня.

Уже в 1920 году цепь доказательств, приведенных Холандом, оказалась столь убедительной, что компетентное совещание в Англии высказало следующее мнение: «Эта надпись из дикой, необитаемой местности выдержала все атаки, которым она подвергалась в течение более 20 лет».

Позднее, в 1932 году, Холанд опубликовал результат своих 25-летних исследований в весьма ценном для науки труде. В нем приведен дословный текст всех более ранних заключений, а также данных под присягой свидетельских показаний об обстоятельствах, при которых был найден камень, заключений экспертов о возрасте дерева, под корнями которого был обнаружен камень, и т.п. Холанд использовал любую представлявшуюся ему возможность для выяснения тайны кам-

ня и обобщил все материалы для своей образцовой и, безусловно, убедительной аргументации. Какими бы смелыми и даже неправдоподобными ни казались взгляды Холанда, они были так хорошо и разносторонне обоснованы, что один из самых компетентных американских комментаторов, — Ховгард, публично заявил: «Нельзя «не поддаться» решительности его доводов. Разумеется, и теперь все еще возникают и высказываются сомнения в том, есть ли у нас достаточно оснований одобрить выводы, которые в корне меняют все более ранние представления о знакомстве с Америкой до Колумба». В противовес этому один из самых авторитетных немецких специалистов по данному вопросу, патер-иезуит проф. Фишер (Фельдкирх), в своем письме к автору от 27 августа 1936 года заявил: «Против фактов аргументы ничего не стоят».

К этому следует добавить еще, что упоминавшиеся выше поразительные находки скандинавского оружия и утвари после обстоятельного их изучения заставили проф. Хейгена, одного из известнейших американских скандинавистов (университет Южной Дакоты), прийти к следующему заключению: «В окрестностях Кенсингтона найдено много предметов, которые поразительно согласуются с фактами, сообщаемыми в надписи».

Представляется вполне достоверным, что в средневековье с XI по XIV в. с Североамериканским материком и действительным расстоянием, отделяющим его от Гренландии, были знакомы гораздо лучше, чем в течение всего XV века и отчасти несколько позднее. Ведь еще в XVIII веке такой превосходный знаток Гренландии, как Эгед, полагал, что этот остров отделен от Аме-

рики только узким проливом, через который можно «метать дротики»! Лишь ослабление транспортных и торговых связей с Гренландией после 1410 года было причиной того, что вместе со знанием был также забыт остров Винланд и тем самым утеряны сведения о Североамериканском континенте. Впрочем, о нем и без того знали только в Северной и Северо-западной Европе. Слухи об этом континенте, очевидно, не доходили до романских народов.

В работах Холанда сообщается о новых находках древнескандинавского оружия и утвари, сделанных в сороковых годах XX века в центральных районах США. Так, например, рукоятка скандинавского меча XIII—XV вв. найдена на ферме Хиббинга (Миннесота) 3 июня 1942 г., норвежское огниво — Детройт-Лейкс в 1940 г., железный крюк, обычно применявшийся викингами для швартовки, — на озере Латока. Были найдены и другие предметы, свидетельствующие о посещении средневековыми скандинавами этих районов страны.

Далее Холанд в одной только Миннесоте обнаружил десяток мест, где определенно находили причальные камни, которыми пользовались норвежцы. При помощи этих камней Холанд мог проследить за маршрутом плавания 1362 года на протяжении сотен миль и нанести его на карту. Такими причальными камнями пользовались в течение 1000 лет только норвежцы и шведы.

Чтобы суда не сносило течением, скандинавы обтесывают каменные глыбы на берегу, придавая им характерную форму, и на ночь привязывают к ним тросы. Индейцы не знали этого способа и, кроме того, не располагая железны-

ми инструментами, не могли быстро выдолбить в каменных глыбах характерные желоба, благодаря которым тросы не соскальзывают с камня. Отсюда следует неоспоримый вывод, что только скандинавы могли пользоваться причальными камнями в Миннесоте. Если 10 пунктов, где обнаружены такие причальные камни последовательно соединить на карте линиями, то отчетливо вырисовывается водный путь через штат Миннесоту.

Значит, участники этой поразительной экспедиции в поисках пропавших жителей из Западного поселения в Гренландии вышли в плавание из своей основной базы в Ньюпорте (Род-Айленд). Они прежде всего обследовали побережье, держа курс на север, обогнули при этом Лабрадор и проникли в Гудзонов залив за 250 лет до его «первооткрывателя» Гудзона! Следуя вдоль берега, они добрались до реки Нельсон. Эта мощная река должна была убедить норманнов в том, что новая земля была не большим островом, а огромным континентом и что обогнуть его было делом безнадежным. Поэтому они решили вернуться к своей базе. Но полагая, что плавание по Гудзонову заливу завело бы их слишком далеко на юг, они захотели избежать дальнего морского пути и правильно решили, что по суше быстрее доберутся до цели. Тогда норманны зашли, вероятно, в реку Нельсон и, стараясь пройти на юго-восток, начали искать подходящие водные пути, которые вели бы в этом направлении. Так они попали сначала в огромное озеро Виннипег, а затем, придерживаясь направления на Миннесоту — к Ред-Ривер. Отсюда по причальным камням, Кенсингтонско-

му руническому камню и остаткам норманнского алтаря можно проследить маршрут экспедиции до Миссисипи, где он прерывается. Теперь уже нельзя установить, вернулись ли участники экспедиции на свою исходную базу в заливе Наррагансетт или остались в новой стране, растворившись в племени мандалов, о чем позволяют сделать вывод антропологические особенности этого племени, а также его не индейские обычаи, привычки и архитектура.

Совсем неожиданным было сообщение Холанда об одном из самых загадочных сооружений в Северной Америке, а именно о Ньюпортской башне. Эта башня возвышается в парке многолюдного морского курорта Ньюпорт у залива Наррагансетт на южном берегу острова Род-Айленд (штат Род-Айленд). Несмотря на старательные исследования, длившиеся более 100 лет, и на усердные поиски в восточных штатах, до настоящего времени не было найдено ни одного неоспоримого доказательства пребывания викингов в этой части Северной Америки. Ряд находок как будто свидетельствовал о возможности такого посещения, но не хватало точки над «i». Теперь, она, очевидно, наконец поставлена.

Рафн, высококомпетентный датский ученый, впервые издавший в 1837 году основательное и удовлетворяющее современным научным требованиям исследование, посвященное проблеме Винланда, получил от проживающего в Ньюпорте доктора Томаса Эбба письмо, в котором впервые высказывалось предположение, что Ньюпортскую башню построили норманны. В 1839 году Рафн в дополнении к своему труду писал, что Ньюпортская башня, пожалуй, дей-

ствительно служит новым доказательством открытия Америки норманнами. Это сообщение вызвало большой интерес, как найденный в 1831 году на реке Фолл-Ривер скелет вооруженного человека, который сочли за останки погребенного здесь норманнского воина. Правильно ли это предположение, теперь нельзя установить, так как неизвестны обстоятельства, при которых были обнаружены останки, и нет надежных сообщений об этом факте.

Но вернемся к башне. После долгих споров о норманнском происхождении башни в Ньюпорте, ученые пришли к выводу, что это самое древнее строение в Северной Америке и что в Ньюпорте в средние века находилось временное или постоянное поселение, которое могло быть только норманнским, о чем свидетельствуют руины христианской церкви. Холанд разъяснил, что поисковая экспедиция Пауля Кнутсона, организованная в 1355 году королем Магнусом Эйриксоном, вероятно, имела базу в Ньюпорте. Между тем в надписи на Кенсингтонском руническом камне указывается, что смелые искатели приключений отправились «из Винланда на запад». Отсюда определенно следует, что в XIV веке район полуострова Кейп-Код относили к Винланду. Этим положен конец всем уклончивым гипотезам. Винландом следует считать Массачусетс и Род-Айленд!

Как будто все историки католической церкви не сомневались в существовании христианской колонии в Винланде, хотя этот факт нигде не засвидетельствован.

Различные характерные особенности Ньюпортской башни доказывают, что она действительно сооружена в XIV веке.

Башня отличается характерными архитектурными особенностями, какие присущи лишь скандинавским церквям XIV века: наличие только одного юго-западного входа на верхний этаж через стену, при отсутствии внутренней лестницы, весьма типичный дымоход и конструкция оконных карнизов на верхнем этаже. Все это определенно свидетельствует, что здание возникло именно в XIV веке.

Холанд считает, что здесь, у залива Наррагансетт, находилась, вероятно, главная база экспедиции Пауля Кнутсона. Оставшиеся там норманны должны были несколько лет ждать возвращения своих товарищей из отряда, ушедшего на поиски гренландских переселенцев. Долгие годы ожидания норманны, видимо использовали, чтобы соорудить каменную церковь, которая должна была служить и храмом, и, на худой конец, крепостью. Такое же двойное назначение характерно для 21 церкви в южной Швеции. В этих укрепленных церквях также были верхние помещения, предназначенные для обороны. В большинстве из них, а именно в восемнадцати, тоже был наружный вход через стену на юго-западной стороне.

Последнее слово о следах викингов в Америке должны были сказать лингвисты и рунологи, среди которых нашлись специалисты по созданию мифов, или вовсе изображающие Кенсингтонский камень как подделку. Однако голоса этих пессимистов замолкали после опубликования результатов исследований авторитетных лингвистов-рунологов. Самой веской представляется точка зрения американского языковеда проф. Хагена, который сам посвятил языку и рунам Кенсингтонского камня вполне объективное исследование.

Этот американский лингвист прежде всего вносит незначительные исправления в данное Холандом толкование рунической надписи. Но в общем он полностью присоединяется к выводам Холанда. «Как бы то ни было, Холанд прав в основном, утверждая, что речь идет о подлинном памятнике скандинавской экспедиции, совершенной в 1362 году в глубь Северной Америки... Создавали мифы академики, а не Холанд». Хаген вовсе не оспаривает, что отдельные рунические знаки написаны в необычной для того времени манере, и без оговорок допускает также своеобразие некоторых словообразований и их созвучие с современным английским языком. Однако он подчеркивает, что швед, сделавший эту надпись, не обязательно должен был знать «официальный» рунический шрифт своего времени. Хаген считает, что передачу отдельных «неправильных» гласных можно объяснить различиями в диалектах, и подтверждает это рядом примеров. Так, некоторое своеобразие формы слов, типичное для средневековья, встречается и в других старых литературных источниках.

Известный датский лингвист Тальбитцер писал, что «после всего сказанного своеобразная надпись, ее руны, язык и содержание могут быть признаны подлинными».

Североамериканские скандинависты, согласно устному сообщению Холанда от августа 1950 года, тоже за последнее время отказались от 95% своих прежних возражений против подлинности рунической надписи ввиду убедительных доказательств в пользу противоположного мнения.

Например, Хаген разъясняет, что составитель надписи неоднократно пользовался древними рунами, в то время уже вышедшими из

употребления, а отдельные знаки, например для передачи «w», он, очевидно, сам сконструировал благодаря знанию латинского алфавита. Все это неудивительно для непрофессионального писца. Составитель надписи был, по всей вероятности, родом из шведской области Вестерьётланд, а так как тогда еще не существовало установившегося литературного языка, то, следовательно, диалектизмы были неизбежны.

Относительно включенной в надпись мольбы христианина за своих товарищей, убитых индейцами, которая дала пищу для многочисленных аргументов против подлинности этого памятника, Хаген пишет следующее: «Каждое слово в этой молитве свидетельствует о том, что она была произнесена и начертана человеком, жившим в XIV веке, а не в XIX».

Между прочим, Хаген приводит ряд несомненно подлинных древних рунических надписей, в которых тоже есть отклонения от форм, принятых в те времена.

Следует еще сказать, что датского археолога Брэндстеда (Копенгаген) пригласили в 1948 г. в США, чтобы проверить спорные доказательства. Брэндстед весьма добросовестно провел исследования и 18 ноября 1948 г. представил подробный отчет об их результатах пригласившему его обществу.

О могиле викинга в Бирдморе: что она «несомненно подлинная».

О Ньюпортской башне: «Если бы это простое и красивое сооружение стояло где-нибудь в Европе, то, по моему мнению не было бы никаких сомнений в его средневековом происхождении».

О Кенсингтонском камне: «После долгого и

тщательного изучения я лично склонен считать этот знаменитый рунический памятник подлинным... С археологической точки зрения ничто не говорит против этого камня».

Теперь, после кажущейся разгадки тайн норманнских походов в Северную Америку, мы вправе изучать и другие версии ее открытия, но не принимать во внимание сказанное будет, по крайней мере, невежественно.

Заканчивая главу о норманнах, путешествовавших в Исландию, Гренландию и Северную Америку еще до Колумба на своих прочных морских ладьях, надо сказать, что их достойными соперниками в освоении северных земель и морей были славянские мореходы-варяги. Они покоряли Европейский Север в восточном направлении. Все реки, впадающие в Баренцево и Белое море были открыты ими. Они открыли и начали осваивать Соловецкие острова, острова Вайгач, Колгуев, Новую Землю, Шпицберген (Груммант). Открывая Югорскую землю, русские зверобой (новгородцы) охотились и воевали по всему бассейну Нижней Оби. Отважные скандинавы, если и заходили сюда, то никак не первыми. Наверняка, здесь тоже немало тайн и теперь невозможно определить, куда заходили русские мореходы, если сын Эрика Рыжего — Лейор около 1000 г. добрался до побережья Лабрадора. Тогда моряки и воины не задумывались о том, что надо вести записи своих походов.

Теперь важно одно: серьезных оснований сомневаться в первенстве норманнов в географическом открытии Америки — нет*.

* Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. — М.: Изд. Иностр. лит-ры, 1950.

К арабским открывателям обычно относят всех средневековых мусульманских географов, писавших на арабском языке, хотя среди них были уроженцы и Средней Азии. Так уж сложилось, но взаимного влияния арабских и европейских путешественников географическая мысль не испытала. Страны ислама всегда были закрыты для европейцев. И все-таки, листая «Историю географических открытий и исследований» Дж. Бейкера, Н. К. Лебедева и «Земной круг» С. Н. Маркова кое-что можно почерпнуть.

Одним из первых арабских географов был Ибн-Хордадбех, работа которого «О дорогах и царствах» относится примерно к 850 г. Будучи чиновником, он имел доступ к большим и ценным статистическим материалам. Однако же его книга разочаровывает читателя. В труд Ибн-Хордадбеха включается краткая сводка его научных воззрений, заимствованных у «школы» Птолемея, и ценная сводка данных о великих торговых путях арабского мира; этот труд засорен разного рода баснями, вроде рассказов о китах длиной 1200 футов.

Другим арабским географом этого первоначального периода является Якуби, книга которого написана около 900 г.; его называют отцом арабской географии, поскольку последующие писатели широко пользовались его трудами. С юности Якуби горел желанием узнать как можно больше об отдаленных странах. Сам он был опытным путешественником и, кроме того, собрал большой материал путем опроса людей,

побывавших на Западе или на Востоке. Якуби был серьезным писателем и, в противоположность многим более поздним арабским географам, не мешал правду с вымыслом.

Странствия другого, типичного для этого раннего периода географа Ибн-Хаукаля могут служить хорошим примером прекрасных сообщений внутри мусульманского мира. В 953 г. он проделал путешествие на восток, где в долине Инда встретил географа Истахри, который впоследствии написал книгу «Климаты», снабдив ее картами. Книга эта легла в основу «Книги дорог и царств», законченной Ибн-Хаукалем в 988 г., которая представляет собой географическое, политическое и статистическое описание различных провинций империи халифов. Автор использовал всякого рода сведения, «делающие географию наукой, представляющей интерес как для государей, так и для людей всех сословий», и придал своему произведению широкую общедоступность. Труд Ибн-Хаукаля весьма важен, так как он включает в себе описание мусульманской империи халифов в зените ее могущества.

Однако еще большую ценность представляет большой труд Масуди, объехавшего весь мусульманский Восток от Испании до Китая и побывавшего также, по-видимому, на Мадагаскаре. Хотя этот труд, названный Масуди «Золотые луга», и не является чисто географической работой, но содержит много сведений также географического характера. Целью Масуди было создать нечто вроде энциклопедии знаний того времени. Он имел весьма ограниченное представление о Европе и многое заимствовал у более ранних писателей, но в некоторых вопросах был хорошо осведомлен.

Так, он знал, что Каспийское море было внутренним озером, и первым из арабских географов указал на существование Аральского моря.

Сделавшись властителями почти всего известного в то время мира, арабы предпринимали путешествия в Индию и в далекий Китай. Уже в конце VII века город Кантон в Китае становится значительным портовым городом благодаря торговле арабских купцов. В IX веке под влиянием арабов в Китае — дальше к северу от Кантона, недалеко от устья реки Янтзе-Кианга, возникает торговый город Кан-фу.

Масуди путешествовал по Персии, Индии, Цейлону, Китаю, по берегам Каспийского моря, по Армении, Северной Африке, Египту и Греции. Современники сравнивали его с солнцем, проходящим над всеми странами Земли с востока до запада, и сам Масуди, говоря о путешествиях, применяет к себе слова одного арабского поэта: «Я так далеко заходил на восток, что совершенно забывал о западе; я настолько углублялся в страны запада, что даже забывал название востока». Результаты своих путешествий Масуди изложил в 947 г. в своей книге (как уже упоминалось), названной им «Золотые луга». Это сочинение представляет собой трактат по всеобщей истории, в котором географические сведения занимают несколько глав. «Золотые луга» были одной из самых популярных книг среди мусульман всего мира, и даже еще и теперь она пользуется известностью и считается ученой книгой у народов Ближнего Востока. Из труда Масуди мы узнаем, что арабам были хорошо известны области Центральной Азии; автор, описывая Тибет, называет его «благословен-

ной страной, где жители от счастья не перестают смеяться».

Следующий арабский географ, ал-Идриси, хотя и не самый крупный, с точки зрения европейцев, является, пожалуй, самым интересным. Получив образование в Кордове, ал-Идриси провел долгое время в странствованиях по Европе, где он достиг берегов Англии и Франции, и по малой Азии. Он вошел в круг придворных короля Сицилии Рожера II.

Сицилийский король посылал в окрестные страны опытных путешественников и искусных художников. Возвращаясь в Палермо, они докладывали Рожеру о том, что им удалось увидеть, услышать и зарисовать. Так продолжалось пятнадцать лет. Все эти годы ал-Идриси трудился над обработкой доставленных ему сведений. С железным циркулем в руках он склонялся над картами своих предшественников, проверяя достоверность составленных прежде чертежей, заглядывал в старинные рукописи, сопоставляя их данные с новыми, полученными от посланцев норманнского короля.

Ал-Идриси много путешествовал сам. До переезда в Палермо он посещал Малую Азию, Лиссабон, Англию, Францию, Испанию.

До нас дошли свидетельства о том, как трудился ал-Идриси в Палермо.

Рожер II не жалел ничего для своего ученого гостя.

Однажды ко двору короля была доставлена целая гора серебра, выплавленного для изготовления чудесных предметов. Арабский мудрец построил серебряное подобие небесного свода. Потом ал-Идриси из того же благородного ме-

талла отлили большой диск. Искусные мастера, руководимые арабским ученым, нанесли на выпуклую поверхность мерцающего диска изображения семи климатов земли, «с их странами и областями, берегами и полями, течениями вод и впадениями рек».

Если верить цифрам, приведенным в предисловии самого ал-Идриси к его книге, и более позднему сообщению ас-Сафади, на палермский земной диск ушло не менее шестидесяти тысяч килограммов серебра, а на изготовление небесной сферы — около четырех тысяч двухсот пятидесяти килограммов.

Напрашивается мысль, что для установки диска и сферы потребовалось особое помещение. Им могла быть уже существовавшая к тому времени в Палермо норманнская башня — та, что пять столетий спустя оказалась пригодной для устройства обсерватории.

Король Рожер II страдал неизлечимой болезнью, но не хотел умирать, не дождавшись завершения труда ал-Идриси. А этот труд заключался не только в создании двух серебряных диковин.

Потомок малагских эмиров торопился закончить книгу, дополняющую сведения «Круглого чертежа». Норманнский король еще успел взять в руки манускрипт — «Развлечение истомленного в странствии по областям» и «Китаб Руджжар» («Книга Рожера»). Но он уже не смог осилить семидесяти отдельных карт, приложенных к рукописи. Составленные вместе, они превращались в карту мира. Круглая всемирная карта тоже была приложена к книге ал-Идриси.

Серебряные сооружения ал-Идриси около 1160 года погибли самым неожиданным и обидным образом.

В Палермо начались беспорядки, вызванные недостойным поведением нового норманнского короля Вильгельма Дурного. Заговорщики ворвались в хранилище, где находились сооружения из серебра, разрушили и растащили их по частям.

Ал-Идриси не только пережил это несчастье, но и продолжал свои великие труды. Он написал для Вильгельма Дурного вторую географическую книгу — «Сад приязни и развлечение души» — и составил еще семьдесят три карты.

Созданные им творения заставляют о многом размышлять, удивляться трудолюбию и безграничной пытливости ученого XII века, решившего окинуть своим взором мир от Гибралтара до загадочного «острова» Сила на крайнем Востоке, где на псах звенели золотые ошейники. Сила, по мнению исследователей ал-Идриси, — это Корея или Япония.

Сказочные подробности, не чуждые впоследствии и такому мастеру географических описаний, как Марко Поло, лишь оттеняют множество достоверных сведений, накопленных ал-Идриси. Он, например, уверяет, что Гибралтарский пролив вырыт человеческими руками, знает не только Северную Двину, но и Енисей, Байкал, Амур и даже Или. На одной из его карт изображены грифы, пожирающие пленников. Крылатые чудовища приурочены, по-видимому, к Алтаю. Сказка сказкой, а археологи свидетельствуют об изображениях грифов, найденных в курганах Алтая!

Перечислить все, о чем знал и писал ал-Ид-

риси, невозможно. Достаточно привести лишь некоторые примеры.

Палермский ученый знал о Сибири, не называя ее. Он писал о Кимакии и в одном месте даже подчеркнул, что ему был известен писатель Джанах ибн-Хакан ал-Кимаки.

А кимаки — это обитатели обширной области, расположенной частично в Сибири, между Иртышем и Енисеем, где Кимакия граничила со страной Мрака. На юге кочевья Кимакии достигали Сыр-Дарьи. В Кимакии был лишь один город.

Ал-Идриси обратил свой взгляд в сторону Сибири и Китая.

Известный нам доктор Рихард Хенниг обратил особое внимание на одну драгоценную строчку ал-Идриси: «Китайское море — это рукав океана, который и есть море Тьмы».

«На нашем языке это означает, что Китайское море представляет собой залив Атлантики!» — восклицает по этому поводу Хенниг..

Он говорит, что ал-Идриси уверенно высказал «гипотезу, с которой выступили позже Тосканелли и Колумб, а именно, что Атлантический океан на западе омывает берега страны Катай (Китай)».

Типичным арабским географом является Якут. Он родился около 1196 г., провел много лет в знаменитых библиотеках Мевра (современный Мары в Туркменистане) и составил два «словаря»: географический и библиографический, в которых содержится много подробных сведений, ценный материал о явлениях природы и мало вымысла. Хотя Якут и не является зачинателем этого типа трудов, он все же дал образцовые по

достоверности работы и снискал славу величайшего арабского географа.

В арабский период путешествия с чисто исследовательскими целями были немногочисленны. Имеются сведения, что одна такая экспедиция была отправлена к истокам Нила; она достигла «Лунных гор» и озера, дающего начало Нилу. Несмотря на это, арабские карты Африки мало чем отличаются от карт Птолемея, и мы можем предположить, что экспедиция эта, если она вообще имела место, была повторением более раннего торгового путешествия грека Диогена.

Известна также экспедиция Саллама к Великой Китайской стене. Ему было поручено найти таинственный народ гога и магога. Саллам шел через Армению, до Волги, далее вокруг Каспия, до Уральских и Алтайских гор и вернулся через Бухару в Ирак.

Что касается морских экспедиций, то ал-Идриси рассказывает об одной из них, посланной в Атлантический океан, но в этом рассказе очень трудно разобраться. Вначале путешественники будто бы направились в северные воды, или так называемое Темное море, а после — к экватору, и возможно, что весь рассказ относится к какой-то более ранней атлантической экспедиции. Упоминание об открытии далеко от Европы какого-то острова, на котором живут «красные» люди высокого роста и с гладкими волосами, объясняется, быть может, какой-то прежней попыткой исследовать остров Мадейру*. Если экспедиция

---

* Из причисляемых к Африке островов Атлантического океана обитатели были (до их открытия европейцами) только Канарские острова, но не Мадейра. Поэтому легенда о «красных» людях вряд ли может быть связана с этим последним островом.

эта действительно имела место, то она была первой попыткой исследования Атлантики со времен классической древности.

Что касается Индийского океана, то уже одно существование сказки о Синдбаде Мореходе (знаменитый сборник сказок «Тысяча и одна ночь») несомненно свидетельствует о том, что в этих водах совершались какие-то морские путешествия, а сама сказка, вероятно, основана на древнем отчете о какой-то действительно предпринятой экспедиции с Мадагаскара на Цейлон. Кроме того, имеется также интересное «сказание» об арабских и китайских путешествиях по Индийскому океану, дошедшее до нас от IX в. Оно производит впечатление правдоподобности, и в него входят подробности одного путешествия, совершенного в 879 г. Оно проливает много света на народы и торговлю Дальнего Востока, т.е. Китая, Явы, Цейлона и Индии. В нем упоминаются два арабских порта — Сираф и Басра. Большой интерес представляют также наставления мореходам; они датированы XV в., но содержат данные, уходящие по крайней мере еще на пять веков в глубь арабской истории. Одним из авторов этих наставлений был, по-видимому, лоцман, проведенный португальский флот во время первого путешествия Васко да Гамы от Малинди до Каликута. Эти дошедшие до нас в рукописном виде наставления напоминают современные лоции, с той разницей, что помимо обычно принятых в лоциях сведений, содержат описание торговых путей.

Остается упомянуть еще о трех наиболее известных фигурах в арабской географии, прославившихся прежде всего своими путешествиями.

Они относятся к типу географов, дополняющих своей работой труды компиляторов и настоящих исследователей.

Первый из них — ал-Бируни — провел всю жизнь в занятиях наукой и путешествиях и умер в 1084 г. Он родился в Хиве, какой-то период жизни находился в районе к югу от Каспийского моря, сопровождал султана Махмуда Газнийского во время его вторжения в Индию около 1027 г. Много подробностей из жизни и деятельности ал-Бируни можно найти в упоминавшемся выше библиографическом словаре Якута. Ал-Бируни создал ряд трудов, в том числе описание Индии, «Хронологию», в которой рассматриваются различные методы счета времени, употреблявшиеся у разных народов, а также географический труд под названием «Канон». В тот ценный вклад, что он внес в географическую науку, входит описание путей, ведущих из Ферганы в Восточный Туркестан, описание ферганских городов и короткий рассказ о Непале и Тибете. Большое значение имеет также его описание Индии и ее учреждений в начале XI в.

Отвлекаясь от скучноватой арабской географии Бейкера, вернемся к нашему писателю Маркову, который открывает интересный образ второго арабского исследователя Земли, но никак не путешественника. Имя этого, так называемого «кабинетного», но выдающегося ученого Абу-л-Фида. С помощью его труда «Упорядочение стран» мы узнаем о представлениях и границах средневековой арабской географии в целом.

В 1905 г. в Эртелевом переулке в Петербурге с печатной машины сошли листы книги «О государстве Русском. Сочинение Флетчера». Ныне

это издание стало библиографической редкостью. В нем есть такие строки:

«Особое замечание, извлеченное отличным венецианским космографом Г. Джоном Батистом Рамузием из арабской географии Абильфады Измаэля, касательно направления океана от Китая на север, вдоль по берегу Татарии и других неизвестных стран, а потом на запад, по северным берегам России и так далее к северо-западу».

На полях книги типографским путем была воспроизведена заметка: «Китай. Пределы крайних татар. Некоторые неизвестные страны. Северные берега России. Северо-запад».

Знаменитый востоковед, арабист, академик И. Ю. Крачковский сделал новый перевод этого отрывка непосредственно из арабской рукописи Абу-л-Фиды.

Отрывок гласил, что океан «берет направление на восток, пока не поравняется с пределами земли восточной открытой, а там страна Китай».

Затем океан поворачивает в сторону севера, до тех мест, где находится «преграда» Яджуджа и Маджуджа. Поравнявшись с нею, океан вновь поворачивает, окружает «земли, неведомые по своим обстоятельствам» и уходит на запад, «оказываясь к северу от земли».

Затем он «равняется со страной Русов, минает ее, поворачивает на запад и на юг (юго-запад), окружая землю, и оказывается уже в западной части»

В этом переводе явственно встает очертание морского побережья от Китая, Камчатки, Берингова пролива до Скандинавии и «Дышащего моря» древнерусских сказаний.

Что за «преграда» Яджуджа и Маджуджа или Гога и Магога библейских повествований? Этой преградой могли быть и проливы каменистых Курильских островов, и узкие ворота теперешнего Берингова пролива между северо-востоком Азии и берегом Северо-Западной Америки.

«Земли, неведомые по своим обстоятельствам...» — вероятно, вся полоса сибирского побережья Ледовитого океана. Далее к западу начиналась уже известная Абу-л-Фиде «страна Русов», а за ней лежало знакомое арабам Северное море. В отрывке из Абу-л-Фиды достоверно было все, за исключением Яджуджа и Маджуджа, о которых упоминалось в Коране.

Это — покрытые шерстью страшные существа, четырехглазые дива, не то шипящие, как змеи, не то свистящие, подобно птицам. Древние арабы «поселяли» этих чудовищ на самом северном краю земли.

Но кто же был Абу-л-Фида?

Он жил в 1273—1331 годах. Отечеством Абу-л-Фиды был Дамаск, куда его родители бежали во время нашествия монголов на Сирию и где на берегах Оронто стоял окруженный садами город Хама. Там и княжил отец будущего ученого. Потомок курда Эйюма, он принадлежал к роду тех правителей Египта, что продержались в Каире вплоть до захвата власти мамелюками.

Юный Абу-л-Фида пошел на службу к мамелюкам. Одно время его покровителем считался египетский султан ал-Мансур, о котором ходила молва, что он был тевтонским крестоносцем, когда-то перебежавшим на сторону сарацин.

В самом начале XIV столетия Абу-л-Фида приехал в Каир и явился ко двору султана, сме-

нившего ал-Мансура. Вскоре сирийскому князю был возвращен эмират Хама, и Абу-л-Фида поселился в стране отцов. Из окон своего замка он видел цветущую долину Оронто, стремившуюся к Средиземному морю. Сирийский эмир «распространил путешествиями свои познания», как сказал о нем русский биограф XIX века, и занялся науками и писательством.

В разные годы Абу-л-Фида создал «Начертание истории человеческого рода», жизнеописание пророка Магомета и другие произведения.

Но самым важным творением эмира Хама было «Упорядочение стран» или «Таблицы земель» («Таквим-ал-булдан»), а в просторечии — «География». На русском языке этот труд никогда не издавался, о чем приходится лишь сожалеть.

Раскрыв бронзовый пенал, сохранившийся, по свидетельству арабистов, до нашего времени, Абу-л-Фида прилежно трудился над «Упорядочением стран», не раз дополняя свои черновики новыми сведениями. Он описал около тридцати областей («климатов») земли, в том числе Китай, Индию, острова Восточного моря, Магриб, Андалусию, Атлантику, Среднюю Азию...

В основном книга Абу-л-Фиды была готова в 1321 г. Лет десять ушло на дополнения, поправки и сверку рукописи, к которой сирийский ученый не раз возвращался, не расставаясь с ней до самой смерти.

Абу-л-Фида писал о том, как русы в 843—844 гг. прошли со стороны Черного моря к берегам Андалусии и ворвались по Гвадалквивиру в Ишбилию (так называлась тогда богатая и шумная Севилья).

Абу-л-Фида вызвал из глубины веков образы славян Масуда и Сериба. Они водили свои корабли к берегам Африки и, обосновавшись там, начинали оттуда дальние морские походы. Происходило это в начале X века.

Абу-л-Фида знал творения великого хорезмийца ал-Бируни, который первым назвал Северное море морем Славян, описал Индию и показал пути, по которым сияющий славянский янтарь попадал в Хорезм и Аравию.

Абу-л-Фида приводил сведения об устье Волги, знал о Волжском Булгаре. Около 1300 г. он повстречался с человеком, побывавшим у берегов Северного моря, и записал его рассказ о торговле между приезжими купцами и обитателями Севера. Это был знаменитый способ «немого» торгова, когда купцы, выложив товары в условленном месте, возвращались к месту стоянки каравана. Люди Севера в свою очередь приносили пушнину и клали ее рядом с товарами. Тогда купцы вновь приходили к торжищу и забирали шкуры. При этом ни приезжие купцы, ни продавцы дорогих мехов никогда не видели друг друга. Более того, Абу-л-Фиде рассказывали, что где-то за «городом Арба» люди Севера беспощадно расправляются с пришельцами в заповедную страну и даже их пожирают. Где находился город Арба? На этот вопрос трудно ответить. Может быть, это теперешний Арбаж, к югу от Котельнича?

Встречи с бывалыми людьми, разговоры с пленными монголами, славянами, рассказы арабских купцов о стране Мрака, лежащей за Волжским Булгаром, — вот откуда Абу-л-Фида мог почерпнуть сведения для наброска морского пути из Тихого океана в Атлантику.

Как бы оставляя эту стезю для будущих поколений, Абу-л-Фида рассчитал расстояния других сообщений с Китаем.

По сведениям Абу-л-Фиды выходило, что от Красного моря до Китая — двести дневных переходов по суше. Весь путь был разделен на участки. К примеру, от Красного моря до Ирака надо было идти два месяца. На переход от Ирака до Балха требовалось тоже шестьдесят дней. Между Балхом и Ферганой было двадцать переходов. Далее лежала страна карлуков и область огузов. Пройти их можно было за три месяца и оказаться на «берегу моря, омывающего берега Китая». Читатель уже знает по знаменитому отрывку, что у восточной части Китая океан поворачивает в сторону севера.

Сады Хама не заслоняли от Абу-л-Фиды видений дальних стран. Склоняясь над своими таблицами, в которых он размещал сведения об областях земного шара, Абу-л-Фида не раз размышлял даже о возможности кругосветных плаваний.

И. Ю. Крачковский писал о суровых заботах сирийского эмира, построившего для себя гробницу возле Змеиной мечети в Хама. Там в действительности покоится прах Абу-л-Фиды — Отца спасения, как можно перевести почетный титул арабского ученого.

Третьим выдающимся арабским путешественником является Ибн-Баттута: заслуживает внимания огромный размах его странствований. Родился он в Танжере и 22-х лет от роду отправился в Александрию. Обойдя большую часть Египта, он направился в Палестину, а затем в Мекку. Вернувшись из Аравии, он пошел в Ирак и Персию, а оттуда вторично в Мекку. Из Мекки

он направился обратно в Палестину, пересек Малую Азию, посетил Россию, и, быть может, также и Сибирь.

Из русского путешествия Ибн-Баттута вернулся в Константинополь и предпринял длинное сухопутное путешествие через Туркестан и Афганистан в Индию, где поступил на службу к правителю Дели и в 1342 г. был послан с миссией в Китай. В ходе своего путешествия Ибн-Баттута посетил Мальдивские острова. Вернувшись обратно в Марокко, он не мог успокоиться, пока на свете оставались невиданные им мусульманские страны. Поэтому он сначала побывал в Испании, затем пересек Сахару до Тимбукту. Вернувшись в Фец, продиктовал там описание своих путешествий, представляющее собой один из интереснейших и замечательнейших документов этого рода. Умер он в 1377 г.

Ибн-Баттута, «насколько нам известно, был единственным средневековым путешественником, посетившим земли каждого из современных ему мусульманских властителей, так же как и некоторые немусульманские страны вроде Византии, Цейлона и Китая... В своем труде он ставил себе задачей прежде всего дать описание мусульманского общества во второй половине XIV века. Интерес Ибн-Баттута к людям был сильнее, чем интерес к местам. Он являет собой пример географа «поневоле» в высоком значении этого слова, который собрал свой географический материал только личным опытом или опросом случайных знакомых. В описании подробностей он целиком полагался на свою память».

При всех своих недостатках труд Ибн-Баттута представляет большой интерес, а местами и

высокую ценность. Его книга прозвучала громким заключительным аккордом в описываемой нами интермедии в истории арабской средневековой географии.

ГЛАВА 6 СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ КРИСТОФРО КОЛОМБО

Голубь, несущий бога, — таково значение итальянского имени Кристофоро Колумбо. Он же Колон — во Франции, Колумб — в России и Колумбус — в США и Англии. О ком речь — догадаться нетрудно. Чтобы не беспокоить историю еще раз и не перечитывать классику плаваний Колумба в Америку, попытаемся открыть некоторые тайны портрета и деяний Колумба и посмотреть на него несколько с другой (нетрадиционной) точки зрения. Здесь нам поможет небольшая книга, вышедшая в Санкт-Петербургском университете в 1984 г. Называется она «Открытие Америки Колумбом». Автор ее, ныне покойный В. Б. Ржонсницкий, был замечательным человеком, внимательно и глубоко изучал историю великого путешественника. Отрывки из этой книги и составят основу настоящей главы.

Начнем с малоизвестной подробности, связанной с началом эпохального плавания. Как известно, корабли экспедиции должны были отбыть из испанского порта Палос. До сего же момента было королевское решение (см. хронологию в конце главы — 1492 г., 17 апреля). Вслед за упомянутыми документами вышел указ Изабеллы, в котором она повелевала «в

наказание Палоса за провинность перед короной» предоставить Колумбо на год еще два оснащенных корабля с экипажами. Жители города остались недовольны этим предписанием. Весть же о том, что предстоит идти в западную часть Атлантического океана, часто называемого тогда морем Мрака, напугала даже лучших моряков. 22 мая в Палос приехал Колумбо, но жители неприветливо встретили генуэзца. Кристофоро горячо уговаривал матросов в кабаках принять участие в экспедиции, но успеха не достиг. Почти никто не хотел идти на верную гибель.

20 июня вышел второй указ Изабеллы, налагавший на порт штраф за каждый день задержки и повелевавший городскому управлению Палоса силой взять необходимые для экспедиции корабли с экипажами. Для наблюдения за исполнением указов в Палос прибыл придворный офицер Хуан Пенелоса.

Но и эти жесткие меры не решили проблему. Корабли были взяты, но команды их наотрез отказались участвовать в путешествии, которое они считали богопротивным. Не помогли и уговоры Маркены, настоятеля Рабидского монастыря. Создавшееся положение походило на мятеж. Видя происходящее, Пенелоса издал приказ, приглашавший преступников участвовать в экспедиции. За это им было обещано прощение независимо от тяжести совершенного злодеяния. Но и такой приказ мало помог делу: большинство заключенных предпочли тюрьму смерти.

События в Палосе ярко показали смелость замысла Колумбо. Даже профессиональные моряки

не могли представить себе такого плавания в открытом океане и считали его чудовищным и противоестественным. Колумбо отлично понимал, что выход в рейс с насильно завербованной командой обрекает все предприятие на провал. И он нашел выход. Колумбо уговорил Пинсонов, лучших шкиперов испанского побережья, участвовать в экспедиции. Он обещал Мартину Пинсону поделиться ожидаемой прибылью. Все пять членов семьи согласились участвовать в необычном путешествии. Это коренным образом изменило настроение матросов и жителей Палоса. Под командой братьев Пинсонов моряки не раз выбирались из тяжелых положений. И хотя, по их мнению, плавание на запад через море Мрака задумано людьми, потерявшими рассудок, участие в нем Пинсонов вселяло надежду на благоприятный исход.

Для путешествия предназначались три каравеллы: «Санта Мария», «Пинта» и «Нинья». «Санта-Мария» длиной около 25 метров и водоизмещением 120 тонн представляла собой «нао» — большой корабль, т.е. каравеллу более 100 тонн, имела прямое парусное вооружение (по записям Колумбо, грот с двумя лиселями, фок, блинд, марсель и контр-бизань на корме) и при попутном ветре могла развивать скорость до 10 узлов. «Пинта» представляла собой каравеллу с прямыми парусами водоизмещением около 60 тонн. Третий корабль, официально именовавшийся «Санта Клара», известен под используемым мореплавателями названием «Нинья» («Детка»), происходящим, видимо, от фамилии ее владельца Хуана Ниньо. «Нинья» была небольшой каравеллой с косыми парусами. На всех кораблях комфорт и удобства отсутствовали. Пищу гото-

вили в находившемся на корме деревянном ящике с песком, сверху закрывавшемся от ветра кожухом. В пищу использовались в основном солонина, горох, сухари, растительное масло. Пили вино и воду из бочек, часто испорченную. Только адмирал и капитаны кораблей имели каюты с койками; остальные спали, не раздеваясь, там, где могли.

Основным навигационным инструментом на кораблях был компас. Высота солнца над горизонтом определялась примитивным угломерным инструментом — квадрантом. Время измерялось получасовыми песочными часами, корректируемыми в полдень по Солнцу.

В экспедиции приняло участие 90 человек, в подавляющем большинстве испанцы из Андалузии. Кроме них, на эскадре были Колумбо и еще один генуэзец, один венецианец, один португалец и один крещеный еврей, знавший арабский язык и взятый в качестве переводчика. В составе экипажей не было ни одного военного.

Флагманом «Санта Мария» командовал сам Колумбо. Шкипером на ней был Хуан де ла Коса, а кормчим — любимец Колумбо, 25-летний Пералонсо Ниньо. Он был прекрасным навигатором, в будущем самостоятельно плывал к северному побережью Южной Америки и стал главным кормчим Кастилии.

Капитаном «Пинты» был 50-летний судовладелец и опытный мореплаватель Мартин Алонсо Пинсон, сыгравший большую роль в снаряжении кораблей и комплектовании экипажей. В качестве шкипера в рейс пошел его младший брат Франциско Мартин Пинсон, а в качестве кормчего — Кристобаль Гарсия Сармьенто.

«Ниньей» командовал 35-летний брат Мартина Алонсо капитан Висенте Яньес Пинсон — преданный Колумбо мореплаватель высокого класса. В дальнейшем он участвовал в открытии Бразилии и устья Амазонки. Его шкипером был Хуан Ниньо, брат Пералонсо, образованный мореплаватель, преданный делу экспедиции, а кормчим — Санчо Руис де Гама. Боцман «Ниньи» — Хуан Квинтеро — участвовал во всех четырех экспедициях Колумбо.

3 августа 1492 года в пятницу, незадолго до рассвета, «Санта Мария», «Пинта» и «Нинья» вышли из Палоса и стали медленно спускаться к Атлантическому океану по Рио-Тинто. Первое путешествие началось.

О том как проходило это грандиозное путешествие мы не будем рассказывать. По этим событиям написаны книги и сняты фильмы. Однако, почитаем письмо самого Колумба некоему сеньору Сантахелю. Таким образом, из первоисточника, надеемся, удастся почерпнуть интересные сведения первого открытия Америки и заодно выявить штрихи портрета Колумба.

«Сеньор, зная, что вас обрадует весть о великой победе, дарованной мне Господом нашим на пути моих странствий, пишу вам это письмо, из него вам станет известно, что за тридцать три дня я прошел от Канарских островов к Индиям с флотилией, предоставленной мне государями, светлейшим королем и королевой, и там я открыл много островов и людей на них без счету. И все эти острова я принял во владение с публичным провозглашением и под развернутым королевским флагом, и при этом не было мне оказано сопротивления.

Первому из них я дал имя Сан-Сальвадор в память всевышнего, чудесным образом все это даровавшего; индейцы же называют этот остров Гуанхани.

Второй остров я назвал Санта-Мария де Консепсьон, третий — Фернандина, четвертый — Изабелла, пятый — Хуана, и так я каждому из них присвоил новое имя.

Когда я достиг острова Хуаны, я последовал вдоль его берега на запад, и он оказался столь обширным, что я подумал, не есть ли это материковая земля, не провинция ли это Катая. Но не обнаружил на побережье городов и местечек, кроме небольших поселений, с жителями которых я не мог сговориться, ибо все они сразу же обращались в бегство, я двинулся тем же путем, заботясь о том, чтобы не пропустить большие города и селения.

И пройдя много лиг и не замечая никаких перемен, а между тем берег отводил меня к северу, что противоречило моему намерению, поскольку зима уже началась, я же собирался продвигаться на юг, тем более, что ветер увлекал меня вперед, я решил не дожидаться перемены погоды и возвратился назад в одну из уже известных мне гаваней, откуда я послал двух человек на землю, чтобы дознаться, есть ли там король и большие города.

Они совершили трехдневный переход и нашли множество мелких поселений и людей без счета, но ничего достойного внимания не встретили и поэтому вернулись.

Я достаточно слышался от других, ранее захваченных мною индейцев, что земля эта не что иное, как остров. Поэтому я проследовал

вдоль его берега на 107 лиг к востоку до места, где был острову предел. С этого пункта я увидел на востоке другой остров на расстоянии 18 лиг от Хуаны, и тому острову я тотчас же дал имя Эспаньола. Я направился к нему, следуя северным его берегом (так же, как я шел у Хуаны) к востоку, и прошел 188 больших лиг по прямой линии.

Острова эти, как и все другие, отличаются чрезвычайным изобилием, а Эспаньола в особенности. На ее берегу есть много гаваней, равных которым я не знал в христианских странах, множество больших хороших рек, прямо чудо какое-то.

Земли здесь высокие, и на них множество высочайших гор. Даже остров Тенериф не может сравниться с Эспаньолой.

Все эти горы необыкновенно красивы, формы их бесконечно разнообразны, все они проходимы, все заросли деревьями бесчисленных пород и такой высоты, что кажется, будто они достают неба. Мне уже говорили, что они никогда не теряют листву, и я сам мог в этом удостовериться, ибо я видел их такими же зелеными и прекрасными, какими они были в мае в Испании. Некоторые были в цвету, другие с плодами, прочие в ином состоянии, сообразно их природе. И когда я там проходил в ноябре месяце, пел соловей и другие птицы разнообразнейших видов.

Есть там пальмы шести или восьми видов, и любо глядеть на них: столь многообразна их красота, как, впрочем, и иных деревьев, плодов и трав. На острове есть сосновые чащи на диво, и там имеются обширнейшие поля, годные для посевов, а также мед и множество

разных птиц и всевозможные плоды, и в земле немало металлов и людей там без счета.

Эспаньола — чудо: тут цепи горные и кручи, и долины, и земли тучные, пригодные для обработки и засева, для разведения скота любого рода, для городских и сельских построек.

Морские гавани здесь такие, что, не видя их, нельзя поверить, что подобные могут существовать, равным образом как и реки — многочисленные и широкие, с вкусной водой, причем большая часть рек несет золото.

Деревья, плоды и травы отличаются от тех, что имеются на острове Хуане. На этом острове много пряностей, а также залежи золота и других металлов.

Жители этого и всех других островов, которые я открыл или о которых получил сведения, все, как мужчины, так и женщины, ходят нагишом, в чем мать родила; впрочем, некоторые женщины прикрывают одно место листом или сеткой из хлопчатника, которую для этой цели они делают. У них нет ни железа, ни стали, ни железного оружия, да и не привыкли они пользоваться им и не потому, что они недостаточно умелы или не обладали бы красивым телом (*fermosa estatuea*), а потому, что они на удивление робки.

Нет у них иного оружия, кроме сделанного из тростинок, которые срезают в пору созревания семян; к концам тростинок прикрепляют заостренные колышки. Но и этим оружием они не отваживаются пользоваться.

Не раз мне случалось направлять на берег двух или трех человек в какое-нибудь селение, чтобы завязать переговоры с жителями, и пос-

ледные выходили навстречу неисчислимыми толпами, но как только они замечали, что мои люди приближаются, они обращались в бегство так, что даже отцы не дожидались детей своих. А происходило это не потому, что кому-либо причинялось зло; напротив, везде, где я бывал и мог вступить в переговоры, я давал жителям все, что у меня было с собою, как-то: платье и другие вещи, ничего не получая взамен. Но по природе своей они таковы, что нет средств побороть их боязливость.

Правда, после того как они успокоились и страх исчезал, они становились доверчивыми и с такой щедростью отдавали все им принадлежащее, что, кто этого не видел сам, вряд ли тому поверит.

Если у них попросить какую-нибудь вещь, они никогда не откажутся ее отдать. Напротив, они сами предлагают ее и притом с таким радушием, что кажется, будто они дарят свои сердца. И будь то ценная или ничтожная вещь, они остаются довольными любой мелочью и любым способом, которым ее дали.

Я запретил давать им такие бесполезные вещи, как осколки битой посуды, или металлические наконечники от агухет*, хотя им и удалось получать эти вещи, они казались им наилучшими драгоценностями.

Так, однажды одному матросу удалось получить за агухету золота на два с половиной кастельяно**, а другие за предметы, еще менее ценные, получали взамен куда больше.

За новую разменную монетку отдавали они

* Агухета — пояс-ремешок с бронзовыми или медными наконечниками.

** Кастельяно — золотая монета весом 4,6 г.

все, что имели, будь то золото весом два-три кастильяно или одна-две арробы* хлопковой пряжи. Даже за обломки лопнувших обручей от винных бочек, они, как дикари (como bestias), отдавали, что у них было.

Так как я считал это неправильным, я запретил подобный обмен. Я дал им тысячи хороших и красивых вещей, которые у меня были, желая добиться их расположения и более того, чтобы обратить их в христианство и склонить их к любви и служению их высочествам и всей кастильской нации, дабы они оказывали нам помощь и давали нам все, что сами имеют в изобилии и в чем мы испытываем нужду: ибо они не ведали ни ереси, ни идолопоклонства, а верили, что имеются на небесах силы и благо, и твердо стояли на том, что и я и мои корабли явились с неба; и они укреплялись в этом убеждении, как только исчезал у них страх перед нами.

Эта вера проистекала у них не от невежества — напротив, у них очень острый ум: они плавают по всем морям и приходится лишь удивляться тому, как они рассказывают обо всем виденном; дело лишь в том, что они никогда не видели ни людей, одетых в платье, ни кораблей, подобных нашим.

Как только я прибыл в Индию**, на первом же открытом острове я взял силой несколько человек, чтобы обучившись, они могли бы дать сведения о том, что имеется в этих краях.

Так оно и было: вскоре они стали понимать нас, а мы их, и объяснялись мы то словами,

* Арроба — старинная испанская мера веса (около 11,5 кг).

** Не забывайте, что для Колумба Америка была Индией (примеч. составителя).

то знаками, и польза от этих людей была нам немалая. Я теперь их вожу с собой и постоянно веду с ними беседы, они уверены, что я явился к ним с неба. Где бы я не появлялся, эти люди первые провозглашали это, а другие, перебегая из дома в дом и из селения в селение, громко возглашали: «Идите, идите смотреть на небесных людей».

И так все, как мужчины, так и женщины, после того, как в сердцах их укреплялась уверенность в нас, сбегались к нам, так что на месте не оставался ни стар, ни млад, и они приносили с собой пищу и питье, предлагая нам то и другое с удивительным радушием.

Есть у них на всех островах множество каноэ, сходных с гребными фустами*. Некоторые из них велики, иные же поменьше; есть и такие, что размерами превосходят фусту с десятью или восемью скамьями, хоть они и не так широки, потому что изготовлены из одного ствола. Но ни одна фуста не угонится за ними на веслах, ибо ходят каноэ со скоростью просто невероятной.

И на этих каноэ они плавают вдоль всех этих островов, которым нет счету, и ведут торговлю своими товарами. Я видел на одном каноэ от 70 до 80 человек, и каждый имел свое весло.

На всех этих островах я не замечал большого разнообразия ни в облике людей, ни в их обычаях и языке. Напротив того — все они понимают друг друга, что весьма важно, если иметь в виду, как я надеюсь, намерение их высочеств обратить их в нашу святую веру, к чему они очень расположены.

Я уже говорил, что прошел 100 лиг прямой

* Фуста — легкий гребной корабль, водоизмещением не более 300 тонн.

линии вдоль берега острова Хуаны, с запада на восток, и поэтому я могу сказать, что остров этот больше Англии и Шотландии, вместе взятых, ибо помимо этого пространства на западной стороне острова еще остались две области, в которых я не был; одну из них называют «Аван», и там водятся хвостатые люди. Эти области не могут не иметь в длину меньше, чем 50 или 60 лиг, насколько я мог понять со слов индейцев, которые находятся при мне и которым известны эти острова.

Другой остров, Эспаньола, в окружности больше, чем вся Испания, от Коливре по морскому берегу до Фуентеррабьи в Бискайе, судя по тому, что я прошел 188 больших лиг по прямой линии с запада на восток вдоль одной только стороны острова.

Край этот поистине желанный и, раз увидев его, покинуть его невозможно уже никогда. Этот остров, равно как и все другие, находится во владении их высочеств; и все они богаты еще в большей степени, чем о том я знаю и чем о том я могу сказать. Всеми этими островами я овладел в пользу их высочеств, и они могут распоряжаться ими так же полновластно, как и королевствами Кастилии.

На Эспаньоле в самом выгодном пункте и в наилучшем для добычи золота месте, где всего удобнее вести торговлю как с этой материковой землей, так и с той, что лежит по ту сторону, землей Великого Хана, сулящей великий торг и наживу, я принял во владение одно большое поселение, которому дал имя «Навидад» («Рождество»). В нем я заложил укрепления и форт, которые ныне должны быть уже закончены по-

стройкой, и того ради оставил в нем достаточно людей с оружием, артиллерией и провиантом на год с лишним, а также и фусту, и корабельного мастера, искусного во всех ремеслах, чтобы строить другие фусты. У меня с королем той земли была столь большая дружба, что он считал честью для себя называть меня своим братом и обращаться со мною, как со своим братом.

Если даже его отношение изменилось и стало враждебным к оставленным мною людям, ни он, ни его люди не знают, что такое оружие, и ходят нагишом, как я уже говорил раньше, нет на свете людей более боязливых, чем они, так что оставленных мною людей достаточно, чтобы уничтожить всю страну; но те, что умеют управлять собою, могут чувствовать себя в безопасности.

На всех этих островах, как мне кажется, мужчины довольствуются одной женой, но своему старейшине или королю они дают до двадцати жен. Женщины, по-видимому, работают больше, чем мужчины. Я не мог узнать, имеют ли они собственность (*bienes propios*). Мне, однако, приходилось замечать, что, чем владел один, делили между собой все остальные. Особенно это относится к пище.

На этих островах я до сих пор не встречал людей-чудовищ, как многие того ожидали. Напротив, все люди тут очень хорошо сложены, они не черны, как жители Гвинеи, и волосы у них гладкие, они не рождаются там, где в солнечных лучах большая сила. Правда, солнце тут греет очень сильно, хотя отсюда до линии экватора насчитывается двадцать шесть градусов. На тех островах, где много больших гор, нынеш-

ней зимой была суровая стужа. Но жители привычны к холоду; к тому же они потребляют много мяса, которое они едят в чрезвычайно горячем виде с большим количеством пряностей.

Итак, я не встретил здесь людей-чудовищ и не получил о них никаких сведений, если не считать вестей об острове Куарис, во втором по счету при вступлении в Индию, населенном людьми, которых считают на всех других островах очень свирепыми, и едят эти люди человеческое мясо.

У них много каноэ, на которых они обходят все острова Индии и грабят, и хватают что только могут. Они не уродливее всех других индейцев, разве что только они обычно носят длинные, как у женщин, волосы и употребляют луки и стрелы в виде тростинок с колышками на концах по причине отсутствия железа. По сравнению с другими здешними народами, они чрезвычайно трусливы и свирепы, но для меня они не имеют больше значения, чем все остальные. Эти люди вступают в общение с женщинами на Матинино, первом острове на пути из Испании в Индию, на котором нет ни одного мужчины. Его обитательницы не выполняют обычных женских работ, зато имеют луки и стрелы, такие же, как и упомянутые выше, из тростника и защищают в бою свое тело пластинами из бронзы, которой у них много.

На другом острове, который, как меня уверяли, еще больше Эспаньолы, живут безволосые люди. На острове том золота без счета, и с него и с других островов я везу индейцев в качестве свидетелей.

Таким образом, из одного лишь того, что

было выполнено во время столь недолгого путешествия, их высочества могут убедиться, что я им дам столько золота, сколько им нужно, если их высочества окажут мне самую малую помощь; кроме того, пряностей и хлопка — сколько соизволят повелеть, равно как и благовонную смолу, сколько они прикажут отправить, а ведь до сей поры ее находили только в Греции, на острове Хиосе, и сеньория может продавать ее, как ей заблагорассудится; я дам также алоэ и рабов, сколько будет угодно и сколько мне повелят отправить, и будут эти рабы из числа язычников.

Я уверен, что нашел даже ремень и корицу и тысячи других ценных предметов, которые откроют люди, оставленные мною там на Эспаньоле, я же не мог задерживаться ни в одном месте, поскольку ветер не способствовал дальнейшему плаванию; я задержался только в поселении Навидад, ради того, чтобы укрепить и благоустроить его.

Поистине я сделал бы гораздо больше, если бы корабли служили мне так, как этого требовал разум.

Это достаточно... [пропуск в тексте] и предвечный Господь Бог наш, который дарует всем шествующим по завещанному пути победу в таких делах, что могут казаться неосуществимыми. Эта же победа была особенно примечательна; ибо хотя о землях этих говорили или писали, но заключали о них по догадкам, воочию их не видя, и все это сводилось к тому, что слушавшие эти рассказы, относились к ним, как к сказке, в которой нет и следа истины. А так как наш искупитель ниспослал эту победу нашим светлейшим королю и королеве и их

прославленным королевствам, должно всему христианскому миру проникнуться радостью и справиться великие торжества и торжественно вознести благодарственное моление Святой Троице за то великое ликование, которое будет испытано по случаю обращения стольких народов в нашу святую веру, равно как и блага мирские, ибо не только Испания, но и все христиане найдут в них подкрепление и выгоду.

На каравелле у Канарских* островов 15 февраля 1493 года.

В ожидании ваших повелений,

Адмирал.

После того, как это было написано и я уже находился в Кастильском море, задул такой сильный южный и юго-восточный ветер, что я вынужден был облегчить корабли. Сегодня я вошел в гавань Лиссабона, и это было величайшим на свете чудом; здесь я решил написать их высочествам.

Во всех Индиях всегда стояла погода, какая бывает в мае. Туда я плыл 33 дня, а возвратился в 28, не считая того, что бури задержали меня на 14 дней, в течение которых я блуждал в море. Тут все моряки говорят, что никогда еще не было такой плохой зимы и не погибло столько судов.

Писано четвертый день марта».

Вот так, казалось бы, обыденно состоялось великое географическое открытие. Но это было только начало. Последовало еще три великих путешествия в Америку, а уж какие были последствия... Обратимся опять к Ржонсницкому.

* Вместо Азорских островов в тексте указаны Канарские.

Чудовищная несправедливость преследовала Кристофоро Колумбо и его деяния не только при жизни, но и после кончины. Дело не ограничилось тем, что материк назвали именем Америго Веспуччи. Распространилось утверждение, что задолго до Колумбо Америку открыли норманны (викинги), и якобы он знал об этом. В нашей стране «историография» пыталась представить мореплавателя в качестве пионера европейской работоторговли и колонизации.

Обратите внимание, для того, чтобы объективно установить приоритет открытия Америки, необходимо четко представлять коренное различие между двумя понятиями: первое появление на материке и открытие континента. Несомненно, что норманны достигли побережья Америки за несколько веков до Колумбо. Однако после их плаваний не возникло даже мысли, что открытые ими северные земли — это часть огромного материка, разделяющего два крупнейших океана. Этого континента не было на карте Тосканелли, ни на какой-либо другой карте того времени. Наоборот, сведения, полученные в путешествиях Колумбо, позволили установить существование Америки.

Прекрасный ответ на упомянутое утверждение дал Ланге: «Если генуэзец действительно слышал о путешествиях викингов, то почему не воспользовался этими знаниями? Ведь он позже искал богатую тропическую страну, имеющую мало общего с норманнскими открытиями. Все те, кто пытается принизить деяния Колумба, пусть вспомнят слова Александра Гумбольдта: «В любой век, характеризующийся быстрым развитием цивилизации, будь то географические от-

крытия, находки в области искусства или идеи в науке и культуре, благодаря которым человек пытается снискать себе новый путь, всегда сначала отрицают открытие, потом его значение и, наконец, его новизну, оригинальность. Эти три ступени сомнения, по крайней мере, на время ослабляют и заглушают вызванные открытием приступы зависти и досады... Это традиция, и сама по себе она менее философская, чем обоснование ее причины». Подмечено точно.

Первыми последствиями Великих географических открытий были ограбление, эксплуатация и истребление туземного населения. Это вызвало неисчислимые жертвы и даже гибель целых народов. Превращение обитателей новых земель в рабов началось еще в первой половине XV века сразу же после того, как португальцы появились на восточном побережье Африки. Первая партия пленных африканцев была распродана на невольничьем рынке в Лиссабоне в 1484 г. за 17 лет до рождения Колумбо. Деяния Колумба, получившие высочайшую оценку М. В. Ломоносова, А. Гумбольдта и других ученых разных стран, имеют всемирно-историческое значение.

Путешествия Колумба показали реальную возможность плавания на кораблях того времени через океан. Благодаря этому эпоха прибрежного мореплавания сменилась эпохой океанского, что позволило в сравнительно короткий срок познать большую часть Земли, о которой человек не имел представления. Одной из предпосылок успеха этих путешествий явилось непревзойденное мастерство Колумба как мореплавателя и организатора великого путешествия.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

- 1451 В Генуе в семье ткача родился старший сын Кристофоро Коломбо.
- 1476 Кристофоро Коломбо попадает в Португалию.
- 1479 Женитьба Коломбо на Фелипе Пестрелло.
- 1480—1483 Коломбо создает план достижения стран Восточной Азии западным путем.
- 1484 Король Португалии Жуан II и его «Математическая хунта» отклоняют план Коломбо.
- 1485 Кончина Фелипы Пестрелло. Переезд Коломбо с сыном в Испанию.
- 1492, 17 апреля Составлен первый королевский документ об экспедиции «Договор в Санта-Фе».
- 1492, 3 августа Каравеллы «Санта Мария», «Пинта» и «Нинья» под командованием Коломбо вышли из Палоса в плаванье. Начало Первого путешествия.
- 1492, 12 октября Открытие острова Гуанакани, который Коломбо назвал Сан-Сальвадор (Спаситель) — первой территории Нового Света.
- 1492, 27 октября Эскадра Коломбо подошла к Кубе.
- 1492, 6 декабря «Санта Мария» и «Нинья» подошли к Эспаньоле.
- 1492, 25 декабря Гибель «Санта Марии».
- 1493, 16 января «Нинья» и «Пинта» направились в Европу.
- 1493, 3 марта Коломбо привел «Нинью» в португальскую реку Тежу.
- 1493, 15 марта «Нинья» и «Пинта» вернулись в Палос. Конец Первого путешествия.
- 1493, 25 сентября Коломбо во главе эскадры из 17 кораблей вышел из Кадиса в Новый Свет. Начало Второго Путешествия.

- 1493, ноябрь Открытие Малых Антильских островов, архипелага «Одиннадцать тысяч дев» и острова Пуэрто-Рико. Прибытие эскадры на Эспаньолю к форту Навидад.
- 1494, 24 апреля 29 сентября — Колумбо на каравеллах «Нинья», «Сан-Хуан» и «Кардера» совершает плавание в поисках материка. Обследование южного берега Кубы, открытие Ямайки и архипелага «Сады королевы».
- 1494, 11 июля Возвращение Колумбо в Испанию.
- 1497 Первое плавание Джовани и Себастьяна Кабото к Лабрадору. Отплытие Васко да Гама на поиски пути в Индию.
- 1498, 30 мая Эскадра Колумбо выходит из Сан-Лукарде-Баррамеды. Начало Третьего путешествия.
- 1498, 4 июля Выход кораблей Колумбо «Ла-Нао», «Викеньос» и «Каррео» с островов Зеленого мыса и начало перехода через океан.
- 1498, 31 июля Открытие острова Тринидад.
- 1498, 31 августа Прибытие эскадры в Санто-Доминго, новое испанское поселение на Эспаньоле.
- 1498-1500 Борьба братьев Колумбо с мятежниками на острове.
- 1502, ноябрь Колумбо и его братьев, закованных в кандалы по приказу королевского чиновника, привозят в Испанию.
- 1502, 11 мая Каравеллы «Ла-Капитана», «Ла-Гальега», «Бермуда» и «Вискаина» выходят из Кадима. Начало Четвертого (Великого) путешествия.
- 1502, 30 июля Эскадра Колумбо подошла к побережью современного Гондураса.
- 1504, 7 ноября Возвращение Колумбо в Испанию.
- 1506, 20 мая Кончина Кристофоро Колумбо в Вальядолиде.

В то время как Христофор Колумб искал западный путь к берегам Индии и таинственного Китая и, открыв Новый Свет, думал, что достиг восточных берегов Азии, португальцы упорно преследовали свою цель — отыскать морской путь в Индию, обогнув для этого Африку и следуя затем на восток. В 1486 г. Варфоломею Диасу удалось обогнуть мыс Доброй Надежды и таким образом путь в Индию наполовину уже был открыт. Но смерть португальского короля Иоанна II в 1495 г. временно прервала дальнейшие попытки в этом направлении, и только в 1497 г. новый король Португалии Эммануил решил продолжать отыскание восточного морского пути в Индию. Для этой цели он призвал к своему двору молодого дворянина из провинции Алемтежо — Васко да Гама.

Васко да Гама родился в Синесе, небольшом приморском городке Португалии, в 1469 г. Он уже с молодых лет почувствовал влечение к мореплаванию и участвовал в нескольких экспедициях вдоль африканских берегов.

Экспедиция Васко да Гама отправилась из Лисабона 8 июля 1497 г. Экспедиция состояла из четырех кораблей средней величины. Прочно построенные специально для долгого путешествия, они были снабжены тройной переменной парусов и канатов. Все бочки, предназначенные для воды, вина и масла были скреплены железными обру-

* Глава публикуется по материалам книги Лебедева Н.К. Завоевание Земли. Популярная история географических открытий и путешествий. Т. 1. М.: Военное изд. ВС Союза ССР, 1947.

чами; всевозможные припасы: мука, овощи, лекарства, артиллерийские снаряды и т.п. — все это было взято в изобилии. Команда на кораблях была нанята по выбору, и начальство над кораблями было вверено опытным капитанам.

Адмирал эскадры Васко да Гама командовал самым большим кораблем «Святой Гавриил»; брат Васко да Гама Паоло да Гама командовал кораблем «Святой Рафаил». На каравелле «Беррио» капитаном был Николай Коэльхо, опытный моряк, а на четвертой каравелле с припасами и товарами, предназначенными для обмена с туземцами, — Педро Нуньес. Педро Алемквер, кормчий Варфоломея Диаса, плававший с ним до мыса Доброй Надежды, был взят для того, чтобы указывать путь к мысу Доброй Надежды. Весь экипаж флота состоял из 160 человек.

8 июля 1497 г., в субботу, при первых лучах солнца Васко да Гама в сопровождении своего экипажа и при стечении громадного количества народа, напутствуемый пожеланиями успеха, отправился в путь. Одна каравелла, которой управлял Варфоломей Диас должна была сопровождать Васко да Гама до Сенегала.

Через неделю после отъезда эскадра Васко да Гама достигла уже Канарских островов, откуда благополучно прибыла к островам Зеленого мыса. Дальнейшее плавание совершалось без значительных приключений, и 4 ноября Васко да Гама бросил якорь у африканского берега, в бухте, которую он назвал бухтой Святой Елены. Эскадра оставалась в этой гавани восемь дней, и Васко да Гама определил географическую широту места и подготовился к дальнейшему пути.

На берегу бухты Святой Елены португальцы

впервые увидели готтенотов, или босхисов. Эти туземцы не знали ценности никаких предметов; единственная вещь, которую они, казалось, ценили, была медь; в ушах они носили маленькие цепочки из этого металла. Босхисы очень ловко владели копьями, концы которых они обжигали на огне; туземцы были очень воинственны и даже набросились на португальцев.

Покинув бухту Святой Елены, Васко да Гама направился снова на юг. Педро Алемквер объявил, что они находятся в 30 милях от мыса Доброй Надежды. Действительно, через несколько дней перед взорами мореплавателей показался этот страшный и таинственный мыс Бурь, или, как его назвал король Иоанн, мыс Доброй Надежды, открывающий путь к богатым берегам Индии. 18 ноября эскадра Васко да Гама благополучно обогнула мыс, а 25 ноября корабли вошли в бухту Сан-Брас, где они оставались тринадцать дней.

На берегу бухты Сан-Брас Васко да Гама воздвиг каменный столб в память своего пребывания. Река Инфанта, крайний пункт, достигнутый Варфоломеем Диасом, была вскоре пройдена, и дальше Васко да Гама начал плавание по неизвестным морям. 25 декабря эскадра Васко да Гама уже находилась в виду Патальского берега. Некоторые корабли эскадры были сильно повреждены, и на них почти не оставалось пресной воды. Вследствие этого Васко да Гама зашел в первый попавшийся на пути порт и приказал пополнить здесь запасы. На берегу португальцы были встречены неграми. Вооружение их состояло только из большого лука, длинных стрел и копья, окованного железом. Это были кафры. С кафрами у португальцев установились хорошие отношения, и поэтому Васко да

Гама дал название этой области Земля хороших людей. Бухта, где высадился Васко да Гама в день Рождества, была названа им Порт Наталь, т.е. Гавань Рождества.

Сильные течения замедлили плавание эскадры, и лишь 23 января 1498 г. португальцы достигли устья реки Замбези, где Васко да Гама и пробыл целый месяц, готовясь к плаванию через Индийский океан. Этот перерыв в путешествии был крайне необходим, потому что во время неоднократных бурь корабли получили такую течь, что им была нужна серьезная починка. Кроме того, почти весь экипаж болел цингой, а многие умерли от этой болезни. Туземцы, жившие в этой местности, объясняли Васко да Гама, что за морем живут белые люди, плавающие на таких же больших кораблях, как и португальцы. Кроме того, Васко да Гама встретил в море небольшое судно, на котором он увидел человека в чалме. Васко да Гама решил, что он приближается к Индии, и поэтому назвал реку, в устье которой он остановился, Рекою добрых предзнаменований.

Плывя выше вдоль берега к северу, Васко да Гама 7 апреля утром увидел остров, на котором был большой город с плоскими крышами — это был Момбас.

Флотилия Васко да Гама бросила якорь около гавани, не рискуя войти в нее, несмотря на хороший прием, который оказали жители Момбаса португальцам. Арабы, прибывшие на корабль Васко да Гама, приглашали португальцев в город и говорили, что в их городе живет много христиан. Португальцы поверили было этим словам и обещали приехать на другой день в город. Однако ночью они были встревожены

тем, что к их кораблям подошла большая лодка, на которой находилось несколько десятков вооруженных мавров. Видя, что португальцы бодрствуют, мавры поспешили удалиться.

На другой день момбасский король прислал Васко да Гама богатые подарки, предложил ему учредить в своей столице факторию и уверял, что едва он вступит в гавань, ему будет готов груз пряностей и благовонных веществ. Васко да Гама решил было войти в гавань и отдал приказ поднять якоря на другое утро, но ночью к флотилии Васко да Гама снова приблизились мавры на лодках и хотели было обрубить канаты. Захваченные португальцами два араба сознались, что у них было условлено, как только португальские корабли войдут в гавань, напасть на них и португальцев взять в плен.

Вследствие этого Васка да Гама распорядился скорее покинуть этот остров и отправиться дальше. В 8 милях от Момбаса португальцы захватили на море барку, нагруженную золотом, серебром и съестными припасами. На другой день после отъезда из Момбаса, 14 апреля, португальский флот подошел к Мелинде, богатому и цветущему городу, позолоченные минареты которого, сиявшие под солнечными лучами, красиво выделялись на голубом небе.

Султан Мелинды встретил португальцев очень холодно, но затем согласился заключить с Васко да Гама дружественный союз. Васко да Гама подарил султану драгоценное оружие, а взамен получил съестные припасы и пряности. Сын султана, окруженный своей свитой, прибыл на корабль Васко да Гама и был сильно поражен величиной португальских кораблей. Более всего

туземцы были поражены стрельбой из пушек, так как они еще не знали употребления пороха. Несмотря на самые настоятельные приглашения, Васко да Гама не решился выйти на берег, боясь засады. 22 апреля он отплыл из Мелинды. Султан Мелинды дал ему лоцмана-араба для указания пути к индийским берегам. Этот лоцман, по имени Малемо Кан, бывал в Индии и умел пользоваться компасом и картами; он оказал большие услуги Васко да Гама.

Благодаря искусству и честности лоцмана, а также благоприятным ветрам, корабли Васко да Гама после двадцатичетырехдневного плавания, 17 мая 1498 года, увидели перед собой малабарский берег и на другой день бросили якорь недалеко от индийского города Каликут. Город Каликут (его не следует смешивать с современной Калькуттой) был в то время самым богатым и крупным городом Индии. На его обширном рейде теснились суда всех наций Востока. Сюда привозились все произведения богатой «страны чудес», чтобы расходиться во все страны Европы и Африки.

Едва только португальские корабли бросили якорь, как к ним подплыли четыре лодки и люди, сидевшие в них, пригласили матросов знаками высадиться на берег. Но Васко да Гама, сделавшийся осторожным после событий в Мозамбике и Момбасе, послал на берег в качестве разведчика только одного матроса. Окруженный толпой любопытных, матрос, как оказалось, был отведен к одному мавру Мусаиду, который говорил по-испански. Матрос рассказал ему о прибытии португальских кораблей, и Мусаид отправился с ним к Васко да Гама.

Когда матрос в сопровождении мавра вошел на корабль Васко да Гама, мавр, приблизившись к адмиралу, сказал по-испански: «Добро пожаловать, воздайте благодарение богу, что он привел вас в богатейший край земли». Эта речь на испанском языке поразила Васко да Гама и его спутников и очень обрадовала. Иметь с первого же раза хорошего переводчика было весьма важно. От Мусаида Васко да Гама узнал, что он жил долгое время в Тунисе и там научился испанскому языку. Мусаид рассказал португальцам, что они пристали к индийскому берегу и что все побережье, от мыса Коморина до Мангалора, принадлежит Самудри-радже, что значит «Властитель гор и моря»; резиденция этого властителя находилась в нескольких милях от берега.

На другой день Васко да Гама послал к радже вместе с мавром двух португальцев с сообщением, что прибыл посол португальского короля и привез письма для индийского короля. На корабль Васко да Гама явился посол раджи и попросил адмирала сойти на берег и явиться к радже. Васко да Гама решил последовать за послом раджи. Прежде чем отправиться, он написал духовное завещание и приказал команде, если вдруг не вернется, немедленно плыть на родину без него, чтобы Португалия по крайней мере могла узнать, что морской путь в Индию найден. Затем он простился со всеми своими спутниками и, взяв с собой двенадцать матросов, отправился на берег.

На берегу португальцы были встречены трубными звуками и громадной толпой народа. Жители Каликута имели большей частью бронзовый цвет лица; некоторые мужчины были с

большими бородами и длинными волосами. До пояса все были обнажены, а на бедрах носили передники из бумажной материи. Женщины были большей частью некрасивы; на руках, в ушах и на груди они носили различные украшения из золота и драгоценных камней.

К своему удивлению португальцы всюду встречали признаки высокой культуры страны. Везде виделись великолепные храмы и здания. Когда процессия подошла к одному храму, из него вышли брамины и поднесли португальцам очистительную воду, принятую португальцами за святую. Они подумали, что храм этот христианский, и поэтому вошли в него, чтобы помолиться. В темном углу храма стоял идол, называемый индусами Мари; некоторые из португальцев преклонили перед идиолом колени, приняв его за изображение богоматери, так как они были уверены, что все индусы — христиане, обращенные в христианство еще апостолом Фомой.

Вскоре Васко да Гама был встречен тремя тысячами воинов-телохранителей раджи, которые и повели его к своему властелину. Вид этого многочисленного конвоя смутил португальцев, и они с большим страхом шли ко дворцу. При входе во дворец португальцы были встречены браминами, которые облобызали их и приветствовали, затем португальцев провели в тронный зал, роскошно украшенный. «Властитель гор и моря» — Самудри-раджа, или, как переделали португальцы его имя, Саморин, был уже пожилым мужчиной; одежда — осыпана драгоценными камнями и жемчугом; он небрежно сидел на белых шелковых подушках. На низкий поклон Васко да Гама ответил едва заметным кивком головы, но тем не

менее пригласил португальцев есть — высокая милость в стране, где с повелителем говорят не иначе, как повергаясь на землю. Затем раджа приказал подать прохладительные напитки и фрукты. После угощения Самарин удалился с Васко да Гама и переводчиком в соседний зал, чтобы без свидетелей, как на том настаивал Васко да Гама, объявить о причине своего приезда. Здесь Васко да Гама торжественно заявил радже, что король Португалии, могущественнейший и богатейший властелин западных стран, прислал его заключить дружественный торговый союз с властелином Каликута, главой индийских царей; в доказательство истинности своей миссии Васко да Гама обещал радже доставить на другой день верительные грамоты и подарки португальского короля.

Однако раджа очень подозрительно отнесся к Васко да Гама, тем более что арабские купцы, видя в португальцах своих конкурентов, старались настроить раджу против португальцев, распространяя слух, что те приехали в Каликут лишь для того, чтобы хорошенько ознакомиться с городом, а затем возвратиться сюда с большим войском и завоевать страну.

Вследствие враждебного отношения каликутского раджи Васко да Гама поспешил отплыть из Каликута и отправился вдоль берега Деканского полуострова. Затем он направился к островам Лакедивским, где хотел произвести починку своих кораблей. Во время этой стоянки у Цейлона к Васко да Гама явился человек, одетый по-индийски, и стал рассказывать ему на итальянском языке, что он в ранней молодости был продан в рабство в Индию; он ска-

зал, что состоит на службе у местного раджи, который, узнав о приезде португальцев, послал его к ним, чтобы предложить португальцам в их распоряжение все, что имеется в этой стране. Такое отношение вызвало у португальцев подозрение, и они задержали человека у себя. В конце концов он сознался, что пришел узнать силы португальцев, так как местный раджа хочет напасть на них. Васко да Гама после этого поспешил поскорее окончить ремонт и вскоре отплыл в обратный путь.

Вследствие штиля и отсутствия благоприятных ветров, кораблям Васко да Гама понадобилось целых три месяца, чтобы добраться до восточных берегов Африки. Во время этого долгого перехода почти все матросы заболели цингой, и тридцать человек умерло от этой болезни. 2 февраля 1499 года португальские корабли прибыли, наконец, к африканскому берегу, но, боясь повторения такого же приема, какой им был оказан в Мозамбике, Васко да Гама решил направиться далее, к Мелинде.

Флотилия пробыла пять дней в Мелинде, и экипаж восстановил свои силы. Отсюда Васко да Гама спустился до Момбаса, где решил сжечь корабль «Сан-Рафаэль», так как численность экипажа была так ограничена, что не имелось возможности управлять тремя кораблями. Направляясь далее к мысу Доброй Надежды, Васко да Гама открыл остров Занзибар. 20 февраля благодаря попутному ветру, флотилия обогнула благополучно мыс Доброй Надежды, и таким образом португальцы очутились снова в Атлантическом океане. В середине марта корабли Васко да Гама достигли острова Сант-Яго. Отсюда он послал на

одном корабле своего спутника Николая Коэльо в Лиссабон, чтобы известить короля об открытии Индии.

Сам же остался на несколько дней на островах Зеленого мыса, так как сопровождавший его брат Паоло да Гама был сильно болен и не мог далее продолжать путь. Через некоторое время Васко да Гама передал команду своим кораблем Жоао де-Сао, а сам нанял быстроходную каравеллу и отправился на ней вместе с больным братом в Португалию. Однако ему не удалось доставить больного брата на родину; Паоло да Гама умер по дороге, не далеко от острова Терсеира, на котором Васко да Гама и похоронил его.

Васко да Гама вернулся в Лиссабон в конце сентября 1499 года, пробыв таким образом в путешествии двадцать шесть месяцев. При своем возвращении Васко да Гама был торжественно встречен всем населением Лиссабона, и король щедро наградил адмирала. Из 160 человек отправившихся в это нелегкое плавание, обратно вернулось лишь 55, т.е. одна треть.

Но их трудами была разрешена великая географическая задача — отыскание морского пути из Европы в Индию; этот путь был открыт через восемьдесят четыре года после того, как принц Генрих Мореплаватель отправил первых мореходов для его поисков.

Васко да Гама достиг того, к чему стремился Колумб, и его торжество в Лиссабоне затмило славу последнего. После этого открытия Средиземное море опустело, и процветавшие до того времени Венеция и Генуя, в руках которых находилась торговля с Востоком, пришли в упадок: их место занял Лиссабон.

ЧАСТЬ II

ТРАГЕДИИ НЕВЕРНУВШИХСЯ КАПИТАНОВ

Сейчас мы не будем вчитываться в классику выбранной темы, знакомой еще по школьным учебникам. Вряд ли было бы увлекательным чтение подробностей бортовых журналов и дневников участников географических открытий, бесчисленных военных походов и плаваний, совершенных ради расширения границ империй. Скучным также покажется знакомство с навигаторскими отчетами и нарастающим опытом картографии. Хотя и то и другое составляет основу нашего повествования. Прибегая к литературным очеркам и обработанному материалу, возвышающемуся на огромном пьедестале из научных томов, летописей географии и ее первоисточников, попробуем проявить малоизвестные широкой публике факты и события, которые содержали в себе загадку, тайну или же подчеркивали характер главных действующих лиц. В свое время эти события являлись и сенсацией, и неразгаданной тайной, и трагедией века одновременно.

Какова бы ни была реальность жизни и кем бы ни диктовался ее путь, курс истории открытия Земли прокладывали живые люди — от великих полководцев, императоров, ученых и капитанов флота до простых и мужественных путешественников и искателей приключений.

Каждому школьнику, который имеет «отлично» по географии, известно, что первое кругосветное плавание совершила экспедиция Магеллана, но не каждый знает, что после его гибели на Филиппинских островах только одно из пяти судов экспедиции («Виктория») вернулось в Испанию, завершив кругосветное путешествие. Капитаном этого судна был тридцатидвухлетний Себастьян Эль-Кано — действительный первый «кругосветчик» Земли. В этой главе, используя записи биографа и почитателя Магеллана ученого Антонио Пигафетта и материалы книги английской писательницы Мейрин Митчелл (смотри список литературы), пойдет рассказ об обстоятельствах гибели знаменитого адмирала, а также, что всего важнее, о некоторых интересных подробностях этой экспедиции.

Начнем с дневника Пигафетта — прямого свидетеля гибели Магеллана.

«В пятницу, 26 апреля [1521 г.], Зула, начальник острова Маган (Мактан), прислал к капитан-генералу одного из своих сыновей с козами. Он сообщил, что мог бы послать ему все, что было ему ранее обещано, но не мог сделать этого по той причине, что другой начальник, Силапулапу, отказался подчиниться королю Испании. Он просил капитана снарядить одну шлюпку со своими людьми и отправить их той же ночью, чтобы помочь ему сражаться с этим начальником. Капитан-генерал решил отправиться сам с тремя шлюпками. Мы настойчиво просили его не ездить туда, однако он, как добрый пастырь, отказывал-

ся покинуть свое стадо. В полночь шестьдесят человек в нагрудниках и касках вместе с властителем-христианином, наследником и некоторыми именитыми туземцами двинулись в путь на двадцати или тридцати «балангах». Мы добрались до Матана за три часа до рассвета. Капитан не хотел начинать битву в это время ночи и отправил в качестве посла к туземцам мавра, поручив ему передать им, что если они будут оказывать повиновение королю Испании и признают христианского государя как своего суверена и уплатят нам дань, то он станет их другом, если же они желают другого, то пускай убедятся, какие раны наносят наши копья. Они сказали в ответ, что если у него имеются копья, то копья имеются и у них, хотя и из бамбука, а также колья, закаленные на огне. Они просили нас не начинать наступления теперь, а выждать утра, чтобы они могли набрать побольше людей. Эта просьба объяснялась их намерением побудить нас направиться на поиски их, они же выкопали меж домов ямы, в которые мы должны были попадать. Как только наступило утро, сорок девять человек наших бросились в воду, которая доходила им до бедер. Пришлось проплыть расстояние свыше двух выстрелов из самострела прежде чем добраться до берега. Из-за подводных скал лодки не могли подойти к берегу ближе. Когда мы добрались до берега, туземцы, числом свыше 1500 человек, выстроились в три отряда. Увидав нас, они кинулись на нас с невероятными криками, два отряда обрушились на наши фланги, а один — с фронта. Тогда капитан построил нас в два отряда, и началось сражение. Мушкетеры и лучники стреляли издали, около получаса, однако без всякой

пользы, так как пули и стрелы пробивали только их щиты, сделанные из тонких деревянных дощечек, и руки. Капитан кричал: «Прекратите стрельбу! Прекратите стрельбу!» — но никто не обращал внимания на его крики. Когда туземцы убедились, что наша стрельба не достигает цели, они начали кричать, что будут стойко держаться, и возобновили крик с еще большей силой. Во время нашей стрельбы туземцы не оставались на одном месте, а бегали то туда, то сюда, прикрываясь щитами. Они осыпали нас таким количеством стрел и бросали такое множество копий в сторону капитана (некоторые копья были с железными наконечниками), да еще закаленные на огне колья, да камни и землю, что мы едва были в состоянии защищаться. Видя это, капитан отрядил несколько человек с приказом сжечь их дома, дабы подействовать на них страхом. Вид сжигаемых домов привел их в еще большую ярость. Двое из наших были убиты у домов, мы же сожгли от двадцати до тридцати домов. На нас накинuloсь такое множество туземцев, что им удалось ранить капитана в ногу отравленной стрелой. Вследствие этого он дал приказ медленно отступать, но наши, за исключением шести или восьми человек, оставшихся при капитане, немедленно обратились в бегство. Туземцы стреляли нам только в ноги, потому что мы не были обуты. И так велико было число копий и камней, которые они метали в нас, что мы не в состоянии были оказывать сопротивление. Пушки с наших судов не могли оказать нам помощи, так как они находились слишком далеко. Мы продолжали отступать и, находясь на расстоянии выстрела от берега, продолжали сражаться, стоя по колени в

воде. Туземцы продолжали преследование, и поднимая с земли по четыре-шесть раз одно и то же копьё, метали их в нас вновь и вновь. Узнав капитана, на него накинулось такое множество людей, что дважды с его головы сбили каску, но все же он продолжал стойко держаться, как и подобает славному рыцарю, вместе с другими, рядом с ним стоящими. Так мы бились больше часа, отказываясь отступить дальше. Один индеец метнул бамбуковое копьё прямо в лицо капитана, но последний тут же убил его своим копьём, застрявшим в теле индейца. Затем, пытаясь вытащить меч, он обнажил его только до половины, так как был ранен в руку бамбуковым копьём. При виде этого на него накинулись все туземцы. Один из них ранил его в левую ногу большим тесаком, похожим на турецкий палаш, но еще более широким. Капитан упал лицом вниз, и тут же его закидали железными и бамбуковыми копьями и начали наносить удары тесаками до тех пор, пока не погубили наше зеркало, наш свет, нашу отраду и нашего истинного вождя. Он все время обращивался назад, чтобы посмотреть, успели ли мы все погрузиться на лодку. Полагая, что он умер, мы, раненые, отступили, как только было возможно, к лодкам, которые сразу же двинулись в путь. Властитель-христианин хотел оказать нам помощь, но перед тем, как мы отправились на берег, капитан настоял на том, чтобы он не покидал своей «баланги», а оставался на ней и наблюдал, как мы будем сражаться. Узнав, что капитан убит, он залился слезами. Если бы не злосчастный капитан, то ни один из наших не спасся бы на лодках, так как, пока он бился, другие успели отступить к лодкам. Возлагаю

упование на ваше сиятельство, что слава о столь благородном капитане не изгладится из памяти в наши дни. В числе других добродетелей он отличался такой стойкостью в величайших превратностях, какой никто никогда не обладал. Он переносил голод лучше, чем другие, безошибочнее, чем кто бы то ни было в мире, умел он разбираться в навигационных картах. И то, что это так и есть на самом деле, очевидно для всех, ибо никто другой не владел таким даром и такой вдумчивостью при исследовании того, как должно совершать кругосветное плавание, каковое он почти и совершил.

Бой этот происходил в субботу, 27 апреля 1521 года. Капитан не хотел принять бой в четверг, ибо это был особенно чтимый им день. В этом бою было убито вместе с ним восемь наших людей и четверо индейцев, обращенных в христианство, которые поспешили нам на помощь, другие погибли от выстрелов из орудий на наших лодках. Неприятель потерял убитыми пятнадцать человек, а среди наших раненых было много.

Перед вечером властитель-христианин послал с нашего согласия сказать жителям Мактана, что если они отдадут нам тело капитана и других убитых, то мы дадим им столько товара, сколько они пожелают. В ответ они заявили, что мы напрасно воображаем, будто они возвратят нам такого человека, и что они не отдадут его ни за какие сокровища мира, так как они намерены сохранить его у себя как память [о своей победе]».

Трудно сказать, что сделали жители Мактана с останками мореплавателя. Об обычаях, исчезнувших после крещения висайя (местное племя), не так много сведений. Неизвестно,

можно ли отнести висайя тех времен к «охотникам за черепами». К ним долгое время принадлежали калинга — жители глубинных районов острова Лусон. Многие калинга делали из основания черепа убитых неприятелей ручки, на которых подвешивали гонг. У других племен отрезанные головы передавались местному сторожу, помогая ему охранять деревню от теней усопших и от здравствующих недругов.

Итак, после нелепой гибели адмирала-португальца, главным кормчим флотилии и ее командиром становится баскский дворянин и штурман флотилии Хуан-Себастьян Эль-Кано. Именно он завершает первое в истории человечества кругосветное плавание и приводит свою «Викторию» (один из пяти кораблей) в Испанию, доказав, что земной шар можно обойти за одно плавание.

«Виктория» под командованием Эль-Кано прибыла в Испанию 6 сентября 1522 года, через три года после начала экспедиции. Из 265 человек вернулось 17.

Но мало кто знает, что еще при жизни Магеллана в экспедиции чуть было не вспыхнул мятеж. Однако решительность Магеллана и его смелая тактика помогли ему подавить его. «Викторию», большинство экипажа которой оставалось ему верным, Магеллан захватил так же легко, как мятежники — «Сан-Антонио». Капитан «Виктории» был одним из главарей заговора, и ему вместе с капитаном «Консепсьона» пришлось поплатиться жизнью за свой поступок. Флагманский корабль «Тринидад» и маленький «Сантьяго» остались верны адмиралу, что после захвата «Виктории» обеспечило ему победу.

Во время схватки на «Виктории» ее капитан был убит. На следующий день по приказу адмирала его труп повесили на рее за ноги. Затем Магеллан данной ему «властью веревки и ножа» приговорил мятежного капитана, словно тот был еще жив, к четвертованию, как изменника. Его голова, ноги и руки были насажены на колья, чтобы все могли видеть, что ждет мятежников.

Вслед за «Сан-Антонио» сдался «Консепсьон», и его капитан Кесада был обезглавлен собственным слугой, которому Магеллан пообещал помилование, если он согласится стать палачом своего господина. Капитана Картахену и священника, который попытался поднять мятеж, Магеллан решил оставить на диком берегу Патагонии, когда флотилия будет покидать негостеприимную бухту Сан-Хулиан. Такое наказание, означавшее по сути медленную смерть, сочли еще более суровым, чем кару, постигшую Кесаду. Эти подробности важны, потому что два года спустя в своих показаниях Эль-Кано утверждал, что Магеллан проделал все это для того, чтобы назначить капитанами своих кораблей португальцев (что в общем-то и соответствовало действительности).

Эль-Кано и еще сорок человек также были приговорены к смертной казни, но затем казнь им заменили каторжными работами на время стоянки в бухте Сан-Хулиан. Магеллан не мог позволить себе лишиться стольких людей. Поэтому пребывание Эль-Кано на посту капитана «Сан-Антонио» оказалось более чем кратким.

Для баска свобода не только элементарное право, но и кумир, и нетрудно себе представить, какое унижение испытывал Эль-Кано,

когда, скованный с простыми матросами одной цепью, он с лязганьем волочил ее по палубе, выполняя самую черную работу — откачивая воду из трюма давшего сильную течь «Консепсьона». (Если верить рассказу двух членов экспедиции, дезертировавших на Борнео, Магеллан приказал приводить к нему мятежников по одному и каждого ударял по голове.)

После мятежа Магеллан назначил капитаном «Консепсьона» своего соотечественника Жуана Серрана, а позже, когда флотилия покинула бухту Сан-Хулиан, Эль-Кано был восстановлен в должности штурмана.

Опустим подробности окончания великого путешествия. Лучше с помощью той же М. Митчелл проанализируем некоторые противоречия, возникшие в ходе экспедиции и откроем тем самым интересные факты. Во-первых, поскольку Антонио Пифагетта, человек высокообразованный, отправился к императору самостоятельно, чтобы отдельно представить ему свой собственный отчет о плавании, можно заключить, что он относился к Эль-Кано очень неприязненно. Во-вторых, приехав ко двору, Эль-Кано узнал, что до императора дошли всяческие слухи, в частности, что Магеллан был убит на Мактане не туземцами, а кем-то из своих подчиненных. Противоречивы были и сведения, которые получил Карл V о мятеже в бухте Сан-Хулиан: некоторые называли виновниками испанцев, другие — португальцев. Это объяснялось прежде всего необъективностью показаний, которые давали моряки с дезертировавшего корабля «Сан-Антонио»: одни на допросе высказывались в пользу Магеллана, другие, сторонники его глав-

ного врага, кормчего Иштевана Гомиша, возводили на адмирала серьезные обвинения.

Для разрешения всех этих противоречий император приказал следственной комиссии допросить Эль-Кано и двух его людей. Допрашивание началось 18 октября. Допрашивали их отдельно, и сходство их ответов доказывает, что Эль-Кано и оба его товарища были на удивление правдивы. Ведь предугадать заранее, какие вопросы им будут заданы (этих вопросов было тринадцать), они, конечно, не могли. Показания Эль-Кано наиболее подробны.

На первый вопрос: «В чем была причина разногласий между Магелланом и Картахой, а также другими офицерами флотилии?» — Эль-Кано ответил, что королевским приказом Картаха был назначен инспектором флотилии и, следовательно, Магеллан должен был советоваться с ним перед принятием какого-либо решения. Но Магеллан этого не делал и заявил, будто ничего не знает о приказе. Эль-Кано показал, что другие капитаны и члены экипажа опасались, как бы Магеллан не арестовал их, воспользовавшись тем, что на кораблях было много португальцев.

Далее Эль-Кано заявил, что капитан Картаха и капитан Кесада просили его помочь им добиться выполнения королевских приказов и что он обещал им свою помощь.

Затем последовало крайне важное показание. Эль-Кано заявил, что Картаха и Кесада приказали послать шлюпку на «Сан-Антонио» и захватить его капитана, «чтобы во флотилии не начался мятеж». Если Эль-Кано сказал правду, то недовольные офицеры вовсе не хотели поднимать мятеж, а пытались только принудить Ма-

геллана советоваться с ними. Как уже говорилось ранее, испанские офицеры рассчитывали, что, захватив самый большой корабль флотилии и арестовав его капитана-португальца, родственника Магеллана, они тем самым вынудят адмирала пойти на уступки.

На третий вопрос, касавшийся того, почему были убиты два испанских капитана, а третий оставлен на патагонском берегу, Эль-Кано ответил, как и ранее: потому что Магеллан не желал согласиться с их требованием советоваться с ними. И добавил, что к тому же адмирал хотел передать командование кораблями португальцам. То же самое Эль-Кано отвечает и на четвертый и пятый вопросы, хотя подобное объяснение как будто не может служить ответом на пятый вопрос: «Почему Магеллан провел так много времени в патагонских бухтах, напрасно расходуя провиант и теряя время?» Такое повторение обвинения, выдвинутого им против Магеллана, показывает насколько искренне Эль-Кано верил, что адмирал сознательно подготавливал замену испанских капитанов португальскими. Как мы знаем, такая замена действительно произошла, однако Эль-Кано умалчал о том, что у Магеллана были для этого достаточно веские причины.

Девятый вопрос был таков: «Каким образом велись торговые сделки и все ли точно заносилось в корабельные книги?»

Ответ Эль-Кано тут очень важен. Эль-Кано показал, что с того времени, как его избрали капитаном «Виктории», все до единой торговые сделки заносились к книгу контадора. И изъявил полную готовность отчитаться в них. Но что

происходило раньше, он не знает, так как и Магеллан, и Карвалью делали все, что хотели.

Это обвинение против Магеллана остается недоказанным, так как не сохранилось никаких его записей. Все документы, находившиеся на флагманском корабле («Тринидаде»), попали в руки португальцев, когда «Тринидад» сдался им в сентябре 1522 года после неудачной попытки пересечь Тихий океан и достичь Панамы. Мы не можем судить, справедливы ли были обвинения Эль-Кано в той части, в какой они касались Магеллана. Зато мы знаем, что о Карвалью Хуан-Себастьян говорил правду, так как сообщения других участников плавания подтверждают это его свидетельство.

Одно из заявлений Эль-Кано, сделанных комиссии, крайне интересно. Он указывает, что и Магеллан, и Карвалью, командуя флотилией, не желали сообщать дальнейший ее путь, когда он, Эль-Кано, просил их об этом как кормчий своего корабля.

Десятый и одиннадцатый вопросы касались груза пряностей. «Каким образом, даже учитывая ущерб, нанесенный морской водой, гвоздики по прибытии оказались отнюдь не шестьсот кинталов, занесенных в корабельные книги в момент ее приобретения, а намного меньше? Какое количество гвоздики они скрыли на островах Зеленого Мыса или где-нибудь еще в пути, или в Сан-Лукаре, или поднимаясь вверх по реке?»

Такие вопросы при подобных обстоятельствах кажутся поразительно меркантильными. Сто восемьдесят пять человек погибли во время плавания ради того, чтобы корона могла получить этот груз, который принес ей около трехсот пятиде-

сяти тысяч мараведи чистой прибыли; Эль-Кано сумел доставить его в Испанию только потому, что совершил подвиг, не имеющий себе равного в истории мореходства, но все это не помешало комиссии его величества не только предъявить Хуану-Себастьяну претензии за недовес, но и намекнуть, что он, возможно, припрятал несколько кинталов на берегу в Сан-Лукаре (а ведь его единственным желанием было привести свой корабль в Севилью как можно скорее).

В заключение Эль-Кано было предложено перечислить все случаи на протяжении плавания, когда делалось что-либо противное интересам его величества и в ущерб королевской казне. Ответы Хуана-Себастьяна содержат несколько обвинений против Магеллана, которые остались недоказанными, причем одно из них выглядит никак не обоснованным. Он заявляет, что «Магеллан бросил армаду на произвол судьбы». Это слишком общее обвинение, но, возможно, он имел в виду, что адмирал задержался на Филиппинах, а не отправился немедленно к Молуккским островам*, как требовали королевские инструкции. Он также противоречит всем широко известным фактам, касающимся того, как Магеллан вел флотилию. Далее Эль-Кано заявил, что Магеллан «раздавал штуки материи, собственность вашего величества», и что он, Эль-Кано, «не знает, заносилось ли это в корабельные книги». Как говорилось выше, у нас нет возможности узнать, что проис-

---

* Выдвигалось предположение, что Магеллан задержался на Филиппинских островах, намереваясь устроить там базы для будущих плаваний к Островам Пряностей. Однако так ли это — неизвестно, поскольку адмирал всегда держал свои намерения в тайне. О том, что ему было известно положение Молукк, показывает записка, которую он подал королю перед отплытием.

ходило на самом деле: захватив «Тринидад», португальцы забрали все документы, находившиеся на флагманском корабле.

Эль-Кано добавляет, что при жизни Магеллана сам он ничего не записывал, «потому что не осмеливался». Это заявление просто непонятно — ведь по крайней мере шесть членов экспедиции вели дневники плавания, и четверо из них находились на корабле Магеллана. Из этого мы можем сделать только один вывод: Хуан-Себастьян, как и в предыдущих своих показаниях, старается создать впечатление, что крутой нрав Магеллана внушал страх всем его подчиненным. В заключение он заявляет, что с тех пор, как он сам стал капитаном и казначеем, все до единой сделки заносились в корабельные книги. И что он «готов отчитаться во всем, что им было сделано».

Теперь, исходя из вышесказанного, по своему усмотрению, вы можете делать свои, надеемся, не окончательные выводы о некоторых обстоятельствах первого кругосветного путешествия.

ГЛАВА 9

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ КАПИТАНА КУКА

Стремление достичь цели завело меня не только дальше всех прочих людей, моих предшественников, но и дальше предела, до которого, как я полагаю, может вообще дойти человек...

Капитан Дж. Кук

Человек, который известен всему миру, но при

этом не раскрывший свою личную жизнь и сделавший свое имя бессмертным — капитан первого ранга английского военного морского флота Джеймс Кук. Вряд ли среди великих путешественников найдется более выдающаяся фигура, чем капитан Кук. Мы так и не узнаем, любил ли он запах сирени и умел ли он оценить вкус тонкого вина. Этих красок в портрете легендарного капитана явно не хватает, хотя современники много писали о нем. Личность Кука до сей поры плотно задрапирована в тяжелую парчу его собственной славы, многочисленные дневники и записи Кука также ничего не проясняют, несмотря на все старания его биографов. Очевидно, что сама история скрывает слова и помыслы, исходившие из самой глубины его души. Зато, по собственному признанию Кука, важней всего были его дела и достижение поставленной цели. Поэтому загадочная личность и феномен Кука достойны самой объемной главы сборника.

Наш рассказ — это попытка раскрыть некоторые особенности характера великого капитана, морехода и картографа по основным вехам его биографии, вплоть до нелепой и страшной гибели. В своем повествовании мы будем основываться на книгах английского писателя Э. Маклина*, а также Я. Света**, который напоминает об одном малоизвестном факте: «Двести лет назад в Америке и на морских путях Старого и Нового Света шла война между Англией и ее восставшими североамериканскими колониями. Эти колонии, провозгласившие себя Соединен-

---

* Маклин Э. Капитан Кук. Пер. с англ. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. — 136 с.

** Свет Я. Джеймс Кук. — М.: Мысль, 1979. — 110 с.

ными Штатами, сражались за свою свободу в союзе с Францией. На море американские и французские суда топили и брали в плен британские корабли, военные и торговые.

Было, однако, одно-единственное исключение из этой боевой практики. И США, и Франция объявили неприкосновенными суда третьей экспедиции английского мореплавателя Джеймса Кука. Такому решению способствовал Бенжамин Франклин.

Случай беспрецедентный, но беспрецедентной была и слава Кука, морехода, которого многие его современники сравнивали с Колумбом и Магелланом. Сравнили заслужено».

Итак, Джеймс Кук родился в 1728 году в семье крестьян-батраков в Йоркшире в безвестной деревушке. Каковы перспективы в судьбе человека, родившегося в такое время и с таким «титлом» — догадаться нетрудно. Никто не знает, что спасло молодого Кука от участи пахаря в родной деревне, рыбака или торговца в бакалейной лавке маленького портового городка Стейтс. Возможно, это было проявление высокого честолюбия семнадцатилетнего юноши, природный зов на край земли, воля случая или все вместе взятое. Но только в 1746 г. он оставляет родные края и посвящает себя морю до остатка дней, на целых 33 года. По его собственным словам: «Я протащил себя через все виды морской службы», — можно судить об упорстве и целеустремленности Кука. Вот его краткий послужной список начала морской биографии.

Ученик на судне «угольщике» у судовладельцев Уокеров. О том, как Кук проводил время на судах и берегу, почти ничего не известно.

Нет никаких сведений о том, что в это время, например, он пил или играл в карты. Уокеры, на квартире которых жил молодой Кук, и некоторые его друзья рассказывали, как их удивляли многочасовые занятия Кука штурманским делом, астрономией и математикой. От привычки к чтению он не отказывался никогда, вплоть до последнего дня своей жизни.

С окончанием срока ученичества Кук покидает Уокеров и более двух лет ходит на торговых судах вдоль восточного побережья Англии и по Балтийскому морю. Потом братья Уокеры снова приглашают Кука к себе, предоставив ему должность помощника капитана на барке «Френдшип». Кук принимает назначение. А еще через три года, в 1755 г., ему было предложено вступить в командование кораблем. На этот раз Кук отказался. Он поступает волонтером в военный флот и получает звание матроса первой статьи.

Этот поразительный шаг позволяет сделать определенный вывод и одновременно вызывает недоуменные вопросы. Вывод следующий: намерение сделать капитаном корабля двадцатисемилетнего человека говорит о высокой оценке судовладельцами деловых качеств Кука, его опыта мореплавателя, штурмана и руководителя.

Кук никак не объяснил этого поступка. (Он был на редкость скрытным человеком.) Во время кругосветных путешествий подчиненные ему офицеры часто сетовали на то, что никогда не знают, куда плывут, и узнают о конечной цели перехода только в тот момент, когда она уже бывает достигнута.) Обычно полагают, что решение Кука было непосредственно связано с деятельными приготовлениями Англии и Фран-

ции к столкновению, перешедшему впоследствии в кровопролитную семилетнюю войну.

Досконально известно только то, что Джеймс Кук записался в военный флот 17 июня 1755 г., а спустя восемь дней получил назначение на шестидесятипушечный линейный корабль «Игл», стоявший на рейде в Портсмуте.

«Игл» был назначен блокировать французское побережье. В это время Кук начал вести дневник и занимался этим методично до конца жизни. Нельзя, однако, сказать, что чтение его каждодневных записей вызывает сильные переживания. Он отмечает смены вахт, оценивает качество пищи и напитков, описывает погоду, говорит о патрулировании побережья, об обнаружении и осмотре подозрительных судов, т.е. сообщает скучные подробности, которые теперь, спустя два столетия, не представляют для нас интереса, так как ровно ничего не говорят о самом авторе.

Кук служил на «Игле» с лета 1755 до осени 1757 г. Значение этого периода в жизни Кука определяют не случайные стычки с неприятием, а исключительная возможность шлифовать и оттачивать свое умение, которое так пригодится ему в дальнейшем. В это время он, правда, еще не освоил картографию, но уже прекрасно знал корабль и море. Об этом говорит его быстрое продвижение по службе: матрос первой статьи, затем подштурман, боцман, наконец, штурман — человек, непосредственно отвечающий за прокладку курса, старший унтер-офицер в команде.

Большая карьера Кука начинается в мае 1759 г. На участке реки вблизи Квебека судоходной обстановки не было. Вернее, раньше она была, но французы по вполне понятной причи-

не убрали все знаки, вплоть до последней вешки. На долю Кука и нескольких других штурманов флотилии выпала задача заново промерить и обозначить судоходными знаками проход к южному берегу. Сделать это было очень трудно; на промеры ушло несколько недель. Кук и его коллеги постоянно находились под огнем французских стрелков, из-за чего стремились работать ночью. К тому же французы под покровом темноты подкрадывались на лодках к бакенам и срезали их. Эти вылазки врага приводили англичан в бешенство — каждый раз приходилось не только ставить новый бакен, но и заново проводить промеры дна.

Однако к июню все было готово, и вскоре английская армада, состоявшая из двухсот военных кораблей, пересекла реку, не потеряв ни одного судна. Нет сомнений, что основная заслуга в этом принадлежит Куку: отныне в официальных донесениях его будут именовать «главным сюрвейером».

В течение последующих трех лет по личному приказу лорда Колвилла Кук составляет лоции для плавания вдоль береговой линии Лабрадора со стороны залива Святого Лаврентия, а также вокруг всего острова Ньюфаундленд. В январе 1761 г. лорд Колвилл поручает казначею «выплатить штурману «Нортумберленда» пятьдесят фунтов в награду за неутомимое трудолюбие, которое сделало его мастером судовождения на реке Святого Лаврентия. На следующий год адмирал Колвилл посылает лоции Кука в Адмиралтейство, настаивая на их опубликовании. В сопроводительной бумаге он пишет: «Насколько я могу судить об одаренности ми-

стера Кука, он вполне подготовлен для выполнения работы, которой занимался, а равно и для более серьезных предприятий такого рода». Поистине пророческие слова!

Домой Кук возвратился в ноябре 1762 г. В декабре он женится на некой Елизабете Баттс. Эта женитьба многие годы вызывала недоумение историков. Кук был не легкомыслен и не импульсивен, поэтому трудно представить, чтобы такой уравновешенный, спокойный и осмотрительный человек мог испытать бурное мгновенное увлечение. В то же время, если исходить из склонности Кука не говорить о себе, можно предположить, что он знал свою будущую жену, когда та еще только училась ходить.

В следующие пять лет в жизни Кука не произошло каких-нибудь значительных событий. Он, как всегда, много занимался, пополняя и без того огромный запас знаний и опыта. Весной 1763 года Кук возвращается в Канаду, где все лето проводит топографические съемки и гидрографические исследования, составляет карту ее восточного побережья. Зимой он уезжает в Англию и в течение нескольких месяцев готовит свои карты к опубликованию. Чтобы способствовать его работе, Кука назначают капитаном шхуны, не производя при этом в офицеры.

Поразительный факт: в 1767 г., когда Кук в последний раз уезжал из Канады, он все еще был унтер-офицером. Не менее поразительно и другое: лорды Адмиралтейства той поры, разделявшие снобистские убеждения, что офицером и джентльменом нужно родиться, но нельзя стать, даже не задумывались о производстве Кука в офицеры. Он пришел из презренного торгового

флота, на военном корабле служил рядовым матросом, был беден и незнатен. В Адмиралтействе к тому времени не могли не понять, что в лице Кука они имеют величайшего морехода, навигатора и картографа века. Но выдать ему офицерский патент? Едва ли. Таково было положение дел, пока лорды не осознали, что посылать корабль в кругосветное путешествие под командованием унтер-офицера никак нельзя. Во-первых, это поставило бы под сомнение компетентность и способности тех, кто имел офицерские звания, и, во-вторых, нелепо выглядело бы в работах будущих историков. Поэтому, хотя и с опозданием, они сделали его лейтенантом.

Теперь настало время трех великих путешествий вокруг Земли, возглавляемых Куком и время его бессмертных географических открытий и подвигов. Однако не будем забывать об истинных целях книги и лишь бегло упомянем о географических достижениях экспедиций Кука, останавливаясь подробнее на малоизвестных «личностных» фактах грандиозной эпохи того времени и, в особенности, на обстоятельствах ужасной гибели железного капитана. Обо всем прочем можно узнать у многочисленных биографов Кука и их популяризаторов, издавших сотни научных, околону научных и почти художественных литературных трудов. Мы же вернемся в английское Адмиралтейство конца 60-х годов XVIII века.

Официально Адмиралтейство готовило путешествие в не установленный пока еще район Тихого океана, чтобы 3 июня 1769 г. наблюдать прохождение Венеры через меридиан (т.е. между Землей и Солнцем).

Официальная цель путешествия прикрывала другую, истинную. В те годы Франция стремилась расширить свое влияние и аннексировать как можно больше новых территорий в Тихом океане, чему Англия всячески противодействовала.

Проводя захватническую политику, Адмиралтейство дважды за четыре предшествующих года посылало экспедиции в Тихий океан: первую возглавлял командор Джон Байрон, вторую — капитан Сэмуэл Уоллис. Ни та, ни другая практически успеха не имела.

Свою истинную цель Адмиралтейство тщательно замаскировало: Куку были даны секретнейшие инструкции, о которых, впрочем, очень скоро узнал почти весь Лондон. Инструкции предлагали ему направиться на поиски нового континента.

Многие ученые того времени разделяли убеждение, что в Южном полушарии находится гигантский, опоясывающий земной шар, континент. Однако они имели в виду не Антарктиду, а континент с умеренным климатом, который якобы занимал всю южную часть Тихого океана и простирался вплоть до Южной Америки и Новой Зеландии. Некоторые географы рисовали даже фантастические карты этого района — следует помнить, что всего лишь двести лет назад люди практически не знали ничего об этой части планеты. Главным приверженцем теории существования южного материка был некий Александр Дальримпль, по случайному совпадению также один из астрономов Королевского общества. Он настолько безоговорочно верил в существование этого континента, что надежда открыть его стала смыслом жизни.

Для плавания был выстроен неуклюжий ту-поносый «угольщик» «Индевр» — прочный, но небольшой для столь грандиозного предприятия. При самом благоприятном ветре и всех парусах давал не более семи узлов, но был прочно шит и имел замечательную устойчивость.

На судне предстояло разместить около ста человек, а также огромное количество припасов и экспедиционного снаряжения.

Члены научной экспедиции и команда являли такое же разнообразие, как и груз, который они брали с собой.

Команда включала сорок матросов, несколько гардемарин, двенадцать солдат морской пехоты, восемь писарей и слуг*.

Среди ученых, назначенных плыть на «Индевре», наиболее заметной фигурой был Джозеф Бенкс, член Королевского общества, состоятельный молодой человек, который вместо того чтобы проводить время в светских клубах Лондона, как это было принято в ту пору, предпочитал заниматься естествознанием и уже успел стать чрезвычайно опытным и квалифицированным натуралистом. Все знали, что Бенкс купил себе место на борту «Индевра»; говорят, он заплатил десять тысяч фунтов стерлингов — целое состояние по тем временам. Но Бенкс отправился в плавание не ради развлечения. Свою преданность избранному в жизни пути он подтвердил позже, когда стал президентом Королевского общества.

Последним членом экипажа была коза, но

---

* Согласно записи Кука, сделанной 26 августа 1768 г. по выходе из Плимута, команда «Индевра» состояла из 94 человек (30 офицеров, 32 матроса, 13 слуг, 13 солдат и 6 ученых). Однако в первоначальный список не попали три матроса и слуга.

это была отнюдь не обыкновенная коза — в составе экспедиции Уоллиса она уже обошла вокруг земного шара. Ей предписывалось снабжать офицеров свежим молоком.

Однако даже в этой наиболее щедро снаряженной и тщательно подобранной из всех английских экспедиций не обошлось без неполадок. Выяснилось, что человек, назначенный на должность шеф-повара, имеет лишь одну ногу — заметный недостаток для путешествующего по морю. Раздосадованный, Кук потребовал найти замену, однако у того, кто сменил первого повара, не хватало руки.

«Индевр» вышел из Плимута в августе 1768 г. До острова Мадейра, который увидели 13 сентября, дошли без происшествий, однако, когда бросали якорь, канатом захлестнуло и потащило на дно бухты помощника штурмана. Вытащили его мертвым. Эта смерть тем не менее не произвела удручающего впечатления на команду, что было характерным для той эпохи.

На Мадейре экспедиция пополнила запасы воды и вина (когда узнаешь, сколько рома и вина потреблял ежедневно каждый моряк военно-морского флота в те времена, задаешься вопросом, как «Индевру» удалось дойти до острова Уайт, не говоря уже о том, как он сумел обойти вокруг света!), на корабль погрузили свежую говядину, фрукты и овощи. Все эти продукты Кук считал — и не без основания — важным средством борьбы с цингой и включал их в обязательный рацион команды наряду с кислой капустой. Когда два матроса отказались есть свежее мясо — это случилось в первые недели плавания — Кук немедленно подверг их наказанию, приказал выпороть.

Рождество на «Индевре» встречали на полпути между Рио и мысом Горн. Из записей Кука и Бенкса можно заключить, что огромное расстояние, отделявшее матросов от дома, не испортило их обычного рождественского настроения. «В День Рождества, — пишет Бенкс, — все добрые христиане, говоря по правде, напились столь чудовищно, что вряд ли ночью остался хоть один трезвый человек на корабле; благо еще, что ветер был весьма умеренным — должно быть господу ведомо было, в каком состоянии мы находились». Кук ограничивается более лаконичной записью: «Вчера праздновали Рождество, и на корабле не было трезвых». Можно представить, что творилось на борту «Индевра» в рождественский вечер 1768 г., если учесть, что каждый член экипажа ежедневно получал столько пива, сколько мог выпить, а также пинту вина либо полпинты рома или бренди.

В этом случае проявилась еще одна, пожалуй нетипичная, черта Кука. В определенных условиях он мог быть очень терпимым. Для поддержания на борту дисциплины Кук прибегал к строгим мерам, но без излишней жестокости, и только в исключительных случаях, за особо тяжкие преступления, приказывал обрезать преступникам уши. Если обстановка позволяла и близкой опасности не предвиделось, Кук охотно разрешал своей команде отдохнуть и снять напряжение, что всегда делалось единственным известным матросам способом. Сам Кук в часы всеобщего пьянства совершенно не замечал происходившего. Однажды солдаты и матросы «расслабились» до такой степени, что Кук был вынужден отправить их на берег и два

дня терпеливо ждал, пока они придут в себя и будут в состоянии выполнять свои обязанности.

Широкой публике того века и в более поздние времена Кук представлялся суровым, сухим и неприступным человеком. Однако для своих подчиненных он был отцом-командиром, которого они боготворили чуть ли не до идолопоклонства.

После мыса Горн экспедиция вышла на просторы Тихого океана. Сам Кук неоднократно с тревогой отмечал, что всюду на Тихом океане, куда ступил белый человек, он оставляет о себе память: рано или поздно и совершенно неминуемо приходят туда грабежи и опустошения. Определенно одно: после 24 января 1769 г. тихоокеанские территории уже никогда не стали такими, какими были прежде.

И до Кука, конечно, в этих водах бывали европейские мореплаватели, такие, как Дрейк и Кирос, но их пребывание прошло бесследно. Бесстрашный, стремительный Бугенвиль, французский моряк — искатель приключений, проскользнувший сквозь английскую блокаду побережья Канады как раз в то время, когда Кук там служил, зашел ненадолго на Таити и двинулся дальше своей дорогой. Тех вод коснулось и днище корабля Тасмана, но он дошел только до западного берега Австралии (тогда Новой Голландии). Командор Байрон, вечный неудачник, проплыл весь Тихий океан, не встретив ни одной живой души, или, может быть, ни одна живая душа не встретила его. Уоллис тоже побывал на Таити, но больше нигде не был.

И вот теперь, впервые, в воды Тихого океана вошел человек, который, куда бы он ни на-

правил свое судно, всякий раз умел точно проложить его курс; человек, всегда определенно знавший, где он находится.

Это был человек, который — так обычно говорят циники — собирался открыть Тихий океан для нужд и на потребу современной западной цивилизации. Написаны даже книги, безоговорочно осуждающие Кука за те бесконечные беды, которые он навлек на тихоокеанские народы.

13 апреля 1769 г., через восемь месяцев после отплытия из Англии, «Индевр» достиг острова Таити. К моменту завершения первого этапа путешествия в списке больных не значилось ни одного человека, за все восемь месяцев не было ни одного случая цинги — явление для того времени необычайное. Сказалась настойчивость, с какой Кук требовал соблюдения установленного им рациона питания. Кислая капуста была выдвинута на первую линию обороны. Вначале — Кук отмечает это в судовом журнале — матросов и солдат невозможно было заставить употреблять в пищу чужестранный продукт, однако вскоре проблема была решена. Кук приказал офицерам есть капусту на глазах своих подчиненных, всячески смакуя и расхваливая ее. В результате наиболее любопытные матросы захотели тоже попробовать деликатес, а за ними капусту стали есть все, причем в большом количестве, так что пришлось даже ограничивать порции.

Белые и островитяне свободно и охотно общались. Почти каждый вечер Кук и его офицеры ужинали в компании местных вождей и старейшин либо в их хижинах, либо у себя, на борту судна.

Налаживание отношений с местным населе-

нием, главным образом с оживленно-любезными таитянскими девушками, взяли на себя матросы и солдаты.

Кук не только прекрасно знал обо всем, но даже, когда видел, что с наступлением темноты местные девушки карабкаются к нему на корабль, ничуть не препятствовал им в этом и не пытался сделать вид, будто ничего не замечает.

Прошло почти шесть недель, прежде чем «Индевр» покинул Таити. За это время Кук обошел остров со всех сторон и самым тщательным образом вычертил его береговую линию. Затем предстояло провести очистку днища корабля, отремонтировать баркас и демонтировать форт.

Перед самым уходом в дальнейшее плавание на судне Кука произошло событие, о котором стоит сказать, поскольку оно имело продолжение. Солдаты морской пехоты Уэбб и Гибсон дезертировали с корабля и вместе с двумя таитянскими девушками спрятались в горах, послав Куку письмо, извещавшее об их намерении остаться на острове. Кук расценивал случившееся как весьма серьезное происшествие, подрывавшее дисциплину и его собственный авторитет; к тому же каждый человек у него был на счету. Он не имел права разрешить им остаться еще и потому, что не хотел создавать прецедент: их пример побудил бы других поступить так же и не многие на «Индевре» тогда отнеслись бы к попытке навсегда поселиться на Таити как к тяжкому преступлению.

Кук отреагировал на побег подчиненных в типичной для него манере, быстро и энергично. Он арестовал полдюжины местных вождей и запер их на судне в качестве заложников.

Вождей, естественно, такое обращение удивило и оскорбило, так как они не были причастны к дезертирству солдат. Кук и не пытался возложить на них вину; он коротко и ясно заявил, что вожди будут освобождены лишь после того, как солдаты вернутся на корабль. Поскольку же Кук обладал замечательной способностью убеждать людей в том, что каждое его слово имеет цену, результаты не замедлили сказаться. Местные проводники вывели поисковую группу к убежищу дезертиров, и в самом коротком времени Уэбб и Гибсон были водворены на корабль.

Происшествие с беглецами знаменательно в одном отношении. Кук в этом случае применил тактику, к которой он прибегнет снова и снова в ходе обследования Океании.

Всякий раз, когда обнаруживалась значительная пропажа, в которой был повинен кто-нибудь из местных жителей, или совершалось другое серьезное преступление, Кук незамедлительно брал заложниками несколько местных вождей и держал их до тех пор, пока не получал украденную вещь либо самого злодея. Практика эта была в равной мере проста и эффективна, она действовала безотказно, словно заклинание, вплоть до последнего случая, когда она в конце концов отказала, и тогда Кук заплатился за нее жизнью.

От Адмиралтейства Кук получил секретный приказ искать Южный континент, продвигаясь до сорокового градуса южной широты. К различным идеям и гипотезам Кук обычно относился без предвзятости, полагая в принципе, что его дело не строить предположения, а активно искать ответы на поставленные вопросы,

однако в этом случае он с самого начала сомневался в существовании мифического континента. Кук прошел на юг почти тысячу пятьсот миль, пока не достиг 40° южной широты, предела, поставленного ему Адмиралтейством, однако никаких признаков большой земли так и не обнаружил. Теория Дальримпля получила, таким образом, первый ощутимый удар. Кук не собирался продолжать поиски. Погода стояла преотвратная, океан не успокаивался ни на один день, паруса и снасти требовали постоянной починки, да и люди уже работали из последних сил. Короче, «ревущие сороковые» оправдывали свое название. И Кук изменил курс.

7 октября юнга Николас Юнг, сидевший на мачте, увидел землю. На корабле мальчишку звали «малыш Ник». Поэтому мыс, который он разглядел, Кук назвал в его честь мысом малыша Ника. Малыш Ник был первым европейцем, увидевшим восточный берег Новой Зеландии.

Кук знал, что перед ним Новая Зеландия. Было известно, что эти острова существуют, но этим и заканчивались сведения о них. За сто двадцать шесть лет до Кука западное побережье Новой Зеландии посетил Тасман, единственный среди исследователей Тихого океана, который мог сравниться с Куком своими мореходными способностями. Тасман ушел в свое эпохальное плавание из Батавии, бывшей тогда столицей Голландской Ост-Индии, открыл Тасманию, которую считал частью Австралии, затем Новую Зеландию и, наконец, обошел всю Австралию, но при этом сделал огромный круг по Тихому океану, так что к восточному побережью континента даже не подходил.

Таким образом, Новая Зеландия была обнаружена, но и не более того. После Тасмана никто из европейских мореплавателей ее не видел, да и сам Тасман ничего определенного о ней не сообщил.

Кук был более прилежным исследователем.

Открытие новых земель редко сопровождалось столь неблагоприятными обстоятельствами, как на этот раз. Попытка высадиться на берег не удалась. Ибо на берегу стояли воины маори и вид у них был откровенно воинственный. После нескольких стычек с ними английские морские пехотинцы бросили эту затею. Кук прекратил бессмысленную бойню и двинулся на юг в надежде найти подходящую бухту и мирных маори.

Здесь стоит заметить, что все решения, касающиеся плавания, принимались Куком, и только им одним. На нем лежало все бремя ответственности, и, хотя по временам офицеры роптали, недовольные его манерой держать свои намерения в секрете, тем не менее они доверяли ему полностью. Иногда, правда, он устраивал внешне демократические совещания, но делалось это только ради того, чтобы Кук мог сообщить своим подчиненным решения, принятые им единолично. Подлинно известен только один случай — это произошло во время его путешествия на «Резолюшне», когда Кук действительно захотел узнать мнение команды. По истечении заранее обусловленного срока плавания, когда кораблю предстояло вернуться в Англию, он предложил своим людям провести еще один год в Тихом океане и в Антарктике! И они согласились.

Далее, курсируя вдоль берегов Новой Зеландии, Кук тщательно картировал их, теперь уже навсегда «привязывая» огромные острова к земному шару, исследуя при этом их топографию. Кук бродил по окрестным возвышенностям. Он обладал необыкновенной способностью, столь сверхъестественной, что казался ясновидящим — мог точно сказать, что скрывается за холмом. Если он считал, что путешественники должны в скором времени увидеть землю, впереди оказывалась земля. Так он предсказал существование пролива между Северным и Южным островами Новой Зеландии, а затем и открыл этот пролив, вполне заслуженно названный его именем.

17 февраля увидели землю, которую Кук принял за большой остров и в знак признательности Бенксу за предложение назвать пролив именем Кука назвал его островом Бенкса. Это была одна из двух существенных ошибок, которые Кук допустил в период плавания вокруг Новой Зеландии. В действительности перед ним лежал полуостров, однако перемычка, соединяющая его с основной территорией Южного острова, настолько незначительно поднимается над водой, что заметить ее было нелегко.

26 марта экспедиция снова оказалась в заливе Королевы Шарлоты (открытом еще в феврале), завершив плавание вокруг Южного острова и окончательно разрушив тем самым многие мифы и неверные представления об этой стране. Теперь Кук окончательно установил, что она состоит из двух отдельных островов и что никакого континентального массива поблизости нет. Можно понять реакцию членов Королевско-

го общества, когда Кук привез эту неприятную для них новость.

Карта Новой Зеландии, вычерченная Куком, поражает точностью.

Добравшись до восточного побережья Австралии, Кук изобразил на карте Австралию и Тасманию соединенными, но в своем журнале записал предположение, что их разделяет пролив.

Еще одно досадное обстоятельство — Кук прошел мимо лучшей гавани мира — Сиднейской. Нелегко ему было и в районе Большого Барьерного рифа, где пришлось лавировать в бесконечном лабиринте подводных и надводных скал, мелей и рифов. Но в целом Кук занимался тем, что любил больше всего: чертил одну за другой превосходные карты и давал имена всему, что попадалось ему на глаза. Трудно представить то количество островов, бухт, заливов и мысов, которым Кук дал названия. Еще одна черта его натуры — замечательно изобретательный ум; капитан никогда не испытывал затруднений при выборе названия.

О том, как «Индевр» возвращался домой через коралловые рифы знаменитого лабиринта в поисках прохода на просторы Индийского океана и как 12 июня 1771 года вернулся домой, мы не будем рассказывать. Опустим подробности того, что после эпического плавания, опоясав земной шар, Кук пришел в Батавию (о. Ява), бывшую в то время форпостом цивилизации, не имея на борту ни одного больного; из Батавии же «Индевр» уходил госпитальным судном. От малярии умерло более половины команды. Важно одно — в пользу Британии были аннексиро-

ваны Новая Зеландия и Австралия, не считая множества островов и других географических объектов.

Так завершилось первое кругосветное путешествие Кука, которое длилось два года и одиннадцать месяцев.

Не совсем ясно, кто был вдохновителем второй экспедиции и каковы были основные мотивы ее организации. Само возникновение этой идеи окружено таинственностью. Порой подобные предприятия возникают из ничего, о них начинают говорить, слухи растут, обрастая подробностями, затем неожиданно принимаются за чистую монету, и идея становится реальностью. Разумеется, к этому приложило руку Королевское общество: оно считало себя полуправительственной организацией и пользовалось немалым влиянием в верхах. Разумеется, и сам Кук не был пассивен. И ведущие географы того времени, в первую очередь Александр Дальримпль, который все еще цеплялся за свою теорию Южного континента, настаивали на второй экспедиции. Однако право на окончательное решение оставалось за лордами Адмиралтейства.

Несомненно, Кук получил полную свободу касательно своих намерений. Этому есть подтверждения. В дневнике своего первого путешествия Кук писал: «Лучше всего при плаваниях, совершаемых ради дальнейших открытий в Южных морях, держать курс к Новой Зеландии с первой стоянкой на мысе Доброй Надежды, где можно пополнить запасы. Надо идти к югу от Новой Голландии, затем через пролив Королевы Шарлоты, где можно заготовить воду и топливом; при этом следует принять меры, чтобы

выйти из пролива Королевы Шарлоты в конце сентября или начале октября, но не позже, ибо у вас в распоряжении будет целое лето. Пройдя же пролив, где обычно дуют западные ветры, идите в самых высоких широтах, каких сочтете нужным придерживаться. Если вы не обнаружите земли, у вас будет время до конца лета обойти мыс Горн. Если не обнаружите материка и поставите перед собой иные цели, то держите курс на север. Тогда, посетив уже открытые острова, вы сможете, пользуясь пассатами, отойти к западу в поисках островов, о которых упоминалось выше, и тем самым завершить открытия в Южных морях».

Поскольку этого маршрута Кук в основном и придерживался, нет сомнения, что Адмиралтейство с ним было полностью согласно.

13 июня, спустя год и один день после того, как Кук привел в Англию свой «Индевр», «Резолюшн» и «Адвенчер» покинули Плимут.

Началась вторая экспедиция в поисках Южного континента.

17 января 1773 г. корабли Кука пересекли Южный полярный круг — до этого ни одно судно не углублялось так далеко на юг. На следующий день они увидели ледяное паковое поле, т.е. сплошной лед на поверхности моря, в отличие от отдельных глыб — айсбергов, которые отламываются от лежащих на земле ледников. Паковый лед, простиравшийся до самого горизонта, вскоре стал настолько плотен, что пришлось остановиться. Кук вновь повернул на север, удовлетворенный тем предположением, что если Южный континент Дальримпля и существует, то он постепенно уменьшается в размерах.

Кук «крейсировал» вдоль побережья Антарктиды — если можно употребить это слово, учитывая непрерывные штормы. Три недели он двигался на восток, следуя примерно по 60-й параллели, хотя в одном случае он достиг 62-й параллели и от земли Уилкса его отделяло всего триста миль.

Лишь 17 марта Кук взял курс на северо-восток, к Новой Зеландии. Он был удовлетворен. Да, он ничего не открыл, но установил один несомненный факт: где бы ни лежал Южный континент, его нет в южных широтах между Южной Африкой и Новой Зеландией.

Другими словами, Кук установил, что Южного континента нет в южной части Индийского океана. Ему оставалось удостовериться, есть ли он на юге Тихого и Атлантического океанов. Для того, чтобы оценить величие открытий Кука, следует помнить, что никто до него не исследовал южные полярные воды ни Индийского, ни Тихого, ни Атлантического океана. Куку предстояло пройти все три океана за одно плавание. При этом следует учесть, что он дважды обошел центральную часть Тихого океана, продолжая то же самое путешествие. Первое и меньшее из этих двух плаваний по протяженности было достаточным, чтобы в ходе его обогнуть такой материк, как Австралия. Масштабы второго — из глубин Антарктики почти к экватору, на много тысяч миль от Новой Зеландии к острову Пасхи — таковы, что их трудно представить; без сомнения, это было крупнейшее исследовательское плавание, когда бы то ни было предпринятое в Тихом океане.

Во время шторма был потерян «Адвенчер».

Затем маори убили десятерых матросов с «Адвенчера», когда его ремонтировали в заливе Королевы Шарлоты. Неудачи заставили капитана «Адвенчера» возвратиться в Англию. Кук же штурмовал южные широты. Несколько раз он пытался уйти как можно дальше на юг, но холод и ледяные горы Антарктики охлаждали его намерения.

Холодная решимость Кука была подобна мрачной бескрайности полярных вод.

30 января 1774 г. корабль уткнулся в сплошное поле пакового льда, тянувшееся до горизонта. В тот день «Резолюшин» находился на $71^{\circ}10'$ южной широты и на $106^{\circ}34'$ западной долготы. Эта точка была крайним пределом продвижений Кука к югу. Далее не проникал еще ни один человек. Путешествие в январе 1774 г. до сих пор остается одним из самых великих достижений человека.

Перед Куком стояла проблема, что делать дальше. Он достиг всего, чего должен был достичь в Индийском и Тихом океанах, и имел полное право возвращаться домой.

Но Кук предложил пересечь Тихий океан с востока на Запад, пройдя до берегов Австралии маршрутом, которым еще не плавал ни один из исследователей. Затем он намеревался вернуться к Новой Зеландии, еще раз пересечь Тихий океан, в ноябре обогнуть мыс Горн, провести лето, изучая высокие широты Атлантики, и, наконец, после захода в Кейптаун вернуться домой. В кратком изложении этот план не кажется обширным. В действительности же Кук предлагал своим спутникам совершить грандиозное плавание, на которое потребовалось бы не менее полутора лет.

Возражений не последовало: создается впечатление, что все были увлечены предстоящим путешествием. Объяснить это явление нелегко, потому что для обычного моряка военно-морского флота тогда, как и сегодня, не было ничего более заманчивого, чем вступить на трап, который ведет с корабля на берег. Возможно они были настолько рады тому, что вырвались из ледяных объятий Антарктики, что готовы были согласиться на что угодно. Но еще вернее, что многих из них уже заразил микроб исследовательской болезни. Очевидно, они понимали, что принадлежат к элите человечества и им под силу подвиги, которые недоступны другим людям, что они сами творят историю под руководством (это они отлично сознавали) своего боготворимого капитана.

Именно в это время состояние здоровья Кука вызывало всеобщее беспокойство. Ему пришлось вынести громадное физическое и моральное напряжение. Большую часть времени в Антарктиде он провел на обледеневшей палубе под жгучим ветром, к тому же очень скудно питался. Теперь он оказался в постели с «желчными коликами», не мог есть, отказывался от воды и лекарств, и с каждым днем ему становилось все хуже и хуже. Судя по всему, Кук страдал острым воспалением желчного пузыря. Спасли его лишь внимание и забота, которыми окружил его судовой врач Паттен.

Далее следует без каких-либо примечаний посещение о. Пасхи, Таити, Тонга, Новых Гебрид (название, данное Куком), открытие Новой Каледонии, острова Норфолк.

Он открыл Южную Георгию — пустую, бес-

плодную землю, покрытую льдом и снегом, необитаемую и непригодную для жизни. Затем обнаружил бесплодную группу островов, которую также присоединил к британской короне и назвал Южными Сандвичевыми островами, и еще южнее — пустынный клочок земли, названный Южный Туле.

Кук обогнул земной шар в самых высоких широтах, что до него считалось невозможным, и забил последние гвозди в гроб мечты Далиримпля, доказав с полной достоверностью, что никакого Южного континента не существует.

Пора было возвращаться домой. Хотя бы потому, что в Южном полушарии Куку больше нечего было делать. «Резолюшн» пришел в Англию 30 июля 1775 г., через три года и восемнадцать дней после того, как направился в плавание, ставшее величайшим в истории открытий.

После триумфа возвращения лорды Адмиралтейства держали себя с Куком на равной ноге, он был принят королем, произведен в капитаны первого ранга и назначен командиром линейного семидесятичетырехпушечного корабля «Кент», а затем стал главным смотрителем флотского госпиталя в Гринвиче, что должно было, по мысли Адмиралтейства, означать, что к сорока семи годам он сделал более чем достаточно и заслужил почетную, с полным жалованием, отставку.

Кук не был совсем уверен, что его устраивает такая синекура. Он писал другу: «Судьба бросает меня из крайности в крайность. Еще несколько месяцев назад для меня казалось тесным Южное полушарие, теперь же меня собираются ограничить пределами Гринвичского

госпиталя, что, конечно же, не подходит для моей беспокойной персоны. Я признаюсь, что это приятное убежище и доходы мои достаточны, но лишь время покажет, полюбится ли мне легкая жизнь в отставке».

Сомнения Кука были напрасны. Жить в отставке ему тогда не пришлось; как ни трагично, но это время для него так и не наступило. Разрабатывались планы третьего великого путешествия, на этот раз, правда, не в Южные моря.

Адмиралтейство тем временем рассматривало возможность и целесообразность снаряжения экспедиции для открытия Северо-западного прохода, т.е. готовилось осуществить мечту, владевшую умами уже третье столетие. Идея заключалась в том, чтобы проникнуть из Атлантического океана в Тихий, обогнув с севера Северную Америку. За два столетия было предпринято множество подобных попыток; достаточно перечислить в этой связи такие имена, как Кабот, Фробишер, Гудзон и Баффин. В конце XVII в. Баффину удалось пробиться далеко на север — он достиг $77^{\circ}45'$ северной широты, т.е. точки, находившейся почти на полпути от Полярного круга к полюсу. Этот рекорд сохранялся еще в течение ста лет после путешествия Кука. Но и Баффину не удалось отыскать Северо-западный проход.

Адмиралтейство намеревалось предпринять еще одну попытку. На этот раз предполагалось вести наступление с двух сторон. Поскольку в 1728 г. Беринг, шведский моряк на русской службе, открыл пролив между Азией и Аляской, было решено искать Северо-западный проход одновременно со стороны Атлантики и Тихого Океана.

Со стороны Атлантики должен был идти фрегат «Лайон» под командой старого друга Кука Ричарда Пикерсгилла, тогда как со стороны Тихого океана к северу направились «Резолюшн» и «Дискавери».

Оставался открытым вопрос, кто будет командовать Тихоокеанской экспедицией. Разумеется самым подходящим кандидатом был капитан Кук — не только лучшим, но и единственно возможным; однако, учитывая, что он уже и так много сделал и то, что ему дали высокооплачиваемую отставку, Адмиралтейство не считало возможным обратиться к нему снова. Вместо этого лорды додумались до невероятно тонкого и хитроумного плана: пригласить капитана на светский обед, на котором кроме Кука должны были присутствовать первый лорд Адмиралтейства Сандвич, инспектор военно-морского флота Палисер и секретарь Адмиралтейства Стивенс. В неофициальной обстановке решено было спросить у Кука совета: кого, по его мнению, следовало бы назначить главой Тихоокеанской экспедиции. Вряд ли стоит говорить, что из-за стола после обеда Кук поднялся начальником этой экспедиции.

Капитаном «Дискавери» был назначен Кларк, близкий друг Кука и один из самых опытных мореплавателей того времени. Кларк обошел вокруг света с Байроном и дважды с Куком, теперь он собирался в четвертое плавание, которое, кстати, стало для него последним.

12 июля 1776 г., четыре года спустя после начала предыдущего путешествия, капитан Кук вновь отплыл в Тихий океан. Ему пришлось отплыть одному, так как незадачливый Кларк

в это время сидел в долгой тюрьме как гарант за неуплаченные долги своего брата, капитана Джона Кларка, который отправился в чужие края, не расплатившись с кредиторами. В конце концов Кларк был выпущен из тюрьмы, и со значительным опозданием, 1 августа, «Дискавери» поднял паруса. Очевидно, в тюрьме Кларк заболел туберкулезом, ставшим причиной его смерти.

«Дискавери» догнал «Резолюшн» в Кейптауне, который оба корабля покинули 1 декабря. 13-го удалось обнаружить группу островов, названную островами Принца Эдуарда (Принс Эдуард). По правде говоря, эти острова были впервые обнаружены французом Марионом-Дюфреном, но это не помешало Куку переименовать их и присоединить к владениям британской короны. А еще через двенадцать дней Кук обнаружил остров Кергелен, который так и не попался ему на глаза четыре года назад. Сам Кергелен назвал этот остров островом Рандеву, Кук немедленно переименовал его в мыс Блая, в честь своего штурмана, отметив при этом, что никому, кроме птиц, не придет в голову назначать рандеву на столь пустынной и бесплодной земле.

Кук вновь посещает Тасманию, Новую Зеландию, острова Тонга (Дружбы), так и не поспешив пройти Беринговым проливом в северную часть Атлантики.

Создается впечатление, что Кук, человек неумеренной энергии и любопытства, обуреваемый вечным стремлением узнать, что же лежит за следующим поворотом дороги, потерял, по крайней мере на время, всякое желание открывать что-либо новое. Ему не раз говорили об остро-

вах Самоа и островах Фиджи к северу от Тонга, и оба этих архипелага, по сравнению с громадными переходами Кука через Тихий океан, находились на расстоянии вытянутой руки от островов Дружбы. Ему рассказывали о десятках других островов неподалеку от Тонгатапу, но Кук не обращал на это никакого внимания и продолжал бесцельно, словно зачарованный, продвигаться между островами Тонга. Кук был настолько благодушен, что позволял местным девушкам жить на борту корабля — вместе с моряками они медленно плыли от острова к острову, словно в сладком сне.

Мы никогда не узнаем правды. Кук, разумеется, никак не объясняет в дневнике причин своей задержки.

17 июля корабли взяли курс на Таити и прибыли туда 12 августа. И вновь Кук демонстрирует загадочную бездеятельность, с удовольствием тратя время на встречи со своими старыми, испытанными друзьями на Таити и островах Общества.

Корабли продолжали свой путь, и 18 января заметили два гористых острова. Здесь Кук сделал свое последнее большое открытие — обнаружил Гавайские острова. Ниихау и Кауаи были самыми западными из крупных островов этого архипелага. Кук назвал их Сандвичевыми островами — в честь своего друга и покровителя первого лорда Адмиралтейства (этим именем он награждал направо и налево земли и воды в Атлантическом и Тихом океанах); теперь же их снова называют Гавайями.

2 февраля корабли взяли курс на северо-восток, к Новому Альбиону, западному побережью

Северной Америки, к которому они приблизились 6 марта в пункте между 44-й и 45-й параллелями, неподалеку от полуострова, названного Куком Кейп-Фэрзуэтер (мысом Дурной Погоды). В течение следующего месяца кораблям пришлось вынести серию очень неприятных штормов, которые замедлили их продвижение к северу. Достигнув Америки, корабли были настолько истрепаны непогодой, что требовали срочного ремонта.

Когда корабли были приведены в порядок, они вновь взяли курс на север. Океан был неспокоен и требовал от штурманов непрерывного внимания. Кук снова вошел в рабочую форму и не переставал заниматься составлением карт, съемкой берегов и придумыванием имен всему, что видел. Однако даже неистощимая изобретательность Кука стала его подводить, и капитан начал повторяться, давая островам и мысам имена, которые он уже использовал в Южных морях.

Береговая линия постепенно склонялась к западу и наконец повернула точно на запад — корабли шли вдоль южного берега Аляски. «Резолюшн» набирал воду так интенсивно, что Кук снова стал искать тихую бухту. Он нашел ее и назвал именем принца Уильяма. Корабль был вытасчен на берег. Оказалось, что швы между досками обшивки разошлись и пакля вылезла. Отремонтировав «Резолюшн», путешественники направились дальше.

9 августа Кук, следуя вдоль восточного побережья Берингова пролива, дошел до крайней северо-западной оконечности Северной Америки. Хотя на карте Г. Ф. Миллера у этого пункта была надпись: «Берег открытый геодезистами

Гвоздевыми в 1730 году*, Кук присвоил мысу, открытому русскими первопроходцами, название «мыс Принца Уэльского».

Затем Кук пересек пролив и ввел корабли в залив Св. Лаврентия, врезанный в чукотский берег.

11 августа Кук двинулся на восток к Америке. Обогнув мыс Принца Уэльского, Кук вышел к северному берегу Аляски. Напрасно он надеялся вступить в этих местах в сквозной северо-западный проход. На $70^{\circ}20'$ с. ш. и $161^{\circ}50'$ з. д. путь кораблям преградили непроходимые льды. Пришлось повернуть на юго-запад.

Кук был огорчен неудачей: северо-западный проход найти не удалось. Оставалась смутная надежда на открытие Северо-восточного прохода, и Кук в поисках его направился к северным берегам Сибири. 29 августа Кук достиг северного побережья Сибири у мыса Норд (ныне — мыс Шмидта). Но и тут льды оказались непроходимыми.

Надежда на открытие проходов из Тихого океана в Атлантический рухнула. Кук прошел Берингов пролив, на этот раз с севера на юг, и, следуя вдоль западного берега Аляски, открыл обширный залив Нортон. К его южному берегу нельзя было подойти из-за сплошных мелей.

Кук высказал предположение, что в этих местах в море впадает большая река. Догадка справедливая — здесь вливается в залив Нортон великая река Юкон.

Вблизи ее устья корабли прошли 18 октября. А 2 октября 1778 года они бросили якорь в бухте Самгундхе на Уланашке, где экспеди-

* Г.Ф.Миллер ошибся на два года. Открытие состоялось в 1732 году.

ция побывала три месяца назад. Здесь 14 октября состоялась первая встреча с начальником русского поселения Герасимом Григорьевичем Измайловым. «Я убедился, — писал Кук, — что он отлично знает географию этих мест и что ему известны все открытия, совершенные русскими, причем он сразу указал на ошибки в новых картах».

22 октября на «Резолюшн» побывал начальник русского поселения на острове Умнаке Яков Иванович Сапожников. Он сообщил Куку, что в Петропавловске съестных припасов очень мало и что они там необычайно дороги. Под влиянием этого сообщения Кук решил пойти на зимовку не в Петропавловск, а на Гавайские острова. Кто же мог знать, что на Гавайях Кука ждет гибель и что в Петропавловске экспедиция, потерявшая своего руководителя, получит все припасы в большом изобилии, и при том бесплатно!

26 октября корабли покинули Уналашку и направились на юг. Ровно через месяц они подошли к острову Мауи в Гавайском архипелаге. Этот остров не был открыт при первом посещении архипелага, так же как и соседний, самый большой остров Гавайи, к которому суда приблизились 1 декабря. Издали заметны были снежные вершины двух гигантских вулканов — Мауна-Кеа и Мауна-Лоа. Шесть недель корабли не спеша шли вокруг острова по часовой стрелке. Это было нелегкое плавание, повсюду у берега рассеяны были бесчисленные рифы. Корабли пришли в отчаянное состояние, они давали течь, мачты, рангоут, паруса нуждались в срочном ремонте. В сердцах Кук в записи от 19 декабря 1778 г. гневно отозвался о безобраз-

ных порядках на флоте, где, как правило, стали снабжать суда никуда не годным припасом. Кук явно имел здесь в виду графа Сандвича и главу Корабельной Палаты Паллисера. Это критическое замечание было исключено из текста дневников Кука при их первой публикации.

16 января 1779 года корабли вошли в обширную бухту Кеалакекуа на западном берегу острова Гавайи. Суда встречала восторженная толпа островитян, не менее тысячи каноэ вышло навстречу гостям. 17 января Кук внес в свой дневник последнюю запись. В ней он отметил, что «человек по имени Тоуха [Као], который, как мы скоро узнали, был особой духовного сана... появился весьма церемонно и во время этой церемонии вручил мне поросенка, два кокосовых ореха, кусок красной материи; эту материю он обернул вокруг моих бедер».

Ни Кук, ни его спутники не подозревали, что верховный жрец Као возвел его в ранг великого божества.

По гавайским древним легендам добрый и могучий бог Лоно должен был возвратиться к этим берегам на плавучем острове. Так и случилось: в дни праздника бога Лоно на острова пришел Кук на двух плавучих островах и, естественно, сам того не ведая, стал богом.

Здесь и начинается главная трагедия жизни Кука — его нелепая гибель.

Богокапитан Лоно обосновался в бухте Кеалакекуа. Он приказал оборудовать на южной части бухты обсерваторию. На северном берегу этой бухты в селении Кавалоа была резиденция верховного вождя Каланиопу.

26 января 1779 года Каланиопу с большой

свитой и всевозможными дарами прибыл на «Резолюшн». В торжественной обстановке Кук и Каланиопу обменялись именами и тем самым навеки скрепили узы дружбы.

Но уже 2 февраля Каланиопу стал допытываться у моряков, когда, наконец, бог Лоно покинет остров Гавайи. Вечные узы оказались непрочными по вине гостей.

Матросы и офицеры творили всяческие бесчинства, а вожди и многие жрецы возмущались неистовым обжорством спутников бога Лоно. Возмущались потому, что все припасы Каланиопу велел им доставлять на борт бесплатно. И кроме того, гости отвратительно обращались с местными женщинами. На Гавайях не знали единобрачия, и нравы там были весьма свободными. Но моряки чинили прямые насилия, а матрос Уильям Наш сознательно заражал женщин венерической болезнью. Правда он получил за это две дюжины плетей, однако на его друзей это наказание не повлияло.

Кук понял намеки Каланиопу и 4 февраля корабли ушли из бухты Кеалакекуа.

Однако фок-мачта, которую уже ремонтировали в бухте Нутка пришла в полную негодность 8 февраля. Надо было немедленно ввести корабли в удобную бухту и переправить на берег мачту.

Но кроме бухты Кеалакекуа, поблизости не было сколько-нибудь сносных гаваней. «В 10 часов, — писал лейтенант Кинг, — спустили фордевинд и пошли к бухте Каракакуа (Кеалакекуа), проклиная и оплакивая нашу фок-мачту». 11 февраля суда вошли в бухту Кеалакекуа, и два дня спустя моряки свезли фок-мачту

на берег. Островитяне встречали гостей без энтузиазма. Они успели утратить веру в новоявленного бога Лоно и уже 13 числа дважды вступали в драку с пришельцами, причем гости оба раза применяли огнестрельное оружие.

В дальнейших печальных событиях во многом виновен был сам Кук. Три кругосветных плавания расшатали его нервную систему. В первом и во втором плаваниях он сдерживал себя. В третьей экспедиции колоссальная перегрузка дала о себя знать. Миншипмен Дж. Тревенен писал, что Кук часто впадал в ярость, причем все его тело сводило судорогами. Тревенен называл припадки «хейва», поясняя, что «хейва — это такая пляска у островитян южных морей, которая очень напоминает конвульсии и прыжки».

В ночь на 14 февраля был украден большой ялик, который стоял на якоре близ корабля «Дискавери». Капитан Кларк доложил об этом Куку. Глава экспедиции невероятно разгневался и между семью и восемью часами утра высадился у селения Кавалоа. Кука сопровождали девять солдат морской пехоты и их командир Филипс.

Кук, обуреваемый яростью, намерен был захватить Каланиопу, доставить его на «Резолюшн» и там держать до тех пор, пока не будет возвращен ялик.

Чтобы ни одно каноэ не могло выйти из бухты, капитан Кларк послал две шлюпки — одну к селению Кавалоа и другую в южную часть гавани.

В описании дальнейших событий царит полный разнобой. В рапорте их единственного очевидца — англичанина лейтенанта Филиппа нет

ясности, а другие участники экспедиции изображали то, что произошло в Кавалоа, каждый на свой лад.

Но были очевидцы-гавайцы. В 1825 г. русский мореплаватель О. Е. Коцебу внес в свой дневник любопытные показания старого островитянина Калемаку, который воочию видел, при каких обстоятельствах погиб Кук.

А дело происходило так. С отрядом морской пехоты Кук явился к Каланиопу и потребовал, чтобы вождь безропотно подчинился Куку и пошел к шлюпке. По пути он встретил одну старуху и каких-то вождей, и все они стали уговаривать Каланиопу не подчиняться приказу Кука.

Кук схватил Каланиопу за руку, желая увести с собой. Памятуя о том, что в третьем плавании Кук быстро терял власть над собой, можно предположить, что он применил меры физического воздействия. Калемаку говорит, что незадолго до этой сцены из шлюпок, которые патрулировали бухту, была открыта стрельба по нескольким каноэ. Раненый выстрелом из мушкета островитянин, прибежал к месту, где находился Каланиопу, и слезно стал умолять вождя не идти на корабль. При виде окровавленного соплеменника разгневанная толпа набросилась на Кука и его отряд.

Судя по свидетельствам Филипса и Кинга, столкновение началось с того момента, когда один из гавайцев кинулся на Кука. Кук выстрелил в него из двустволки, но либо заряд был холостым, либо выстрел дан был дробью, — во всяком случае нападающий не пострадал. Островитяне после этого еще более осмелели. Кук

дал приказ «всем в шлюпки» и вторым выстрелом убил одного гавайца.

«Необходимо было применить силу, — писал Кинг, — и м-р Филипс приказал солдатам стрелять; часть солдат выполнила приказ, после чего индейцы набросились на них с величайшей яростью, опрокинули и потащили к воде. Оружие теперь оказалось бесполезным. Те, кто умел плавать, добрались до шлюпок, другим здесь же разбивали головы.

Капитан Кук в это время был справа от м-ра Филипса и сержанта. М-р Филипс был сбит с ног и получил удар кинжалом в спину, затем нападающий отошел, чтобы нанести новый удар, но м-р Филипс оправился, встал на колени и выстрелом в упор поразил туземца насмерть.

Это счастливое обстоятельство вынудило туземцев отступить и дало м-ру Филипсу возможность прорваться к шлюпкам. Туда же поспешил капитан Кук, и он был уже у самой воды, когда один вождь ударил его в шею и в плечо острой железной палкой; капитан упал лицом в воду. Индейцы кинулись к нему с громким криком, сотни их окружило тело, добывая упавшего кинжалами и дубинами... С нашей стороны кроме капитана Кука погибли капрал и три солдата морской пехоты».

Произошла немислимая утрата. Трудно представить себе, что командора нет на свете. Некоторые офицеры предлагали немедленно открыть огонь из пушек и уничтожить все живое в бухте Кеалакекуа. Смертельно больной капитан Кларк принял мудрое решение: отказаться от карательных мер и мирным путем добить-

ся, чтобы островитяне выдали останки покойного командора. На следующий день Кинг вступил в переговоры с гавайцами. Они обещали выдать тело Кука, хотя сделать это было трудно: труп руководителя экспедиции был растерзан на месте схватки.

А ведь Кук однажды сказал натуралисту А. Спаррману: «Не могу понять, зачем Магеллану понадобилось вступать в никому не нужную стычку с туземцами». В порыве ярости Кук повторил трагическую ошибку Магеллана и погиб в столь же неоправданной схватке с гавайцами.

Вечером 15 февраля двое островитян привезли на борт кусок бедра. Решено было добиваться выдачи остальных частей тела.

17 февраля завязалась стычка у места водозабора. Лейтенант Джон Рикман с группой матросов ворвался в близлежащее селение; каратели сожгли полтора хижин и убили семерых островитян, причем Рикман вывесил для всеобщего обозрения две человеческие головы. Кларк велел сбросить эти «трофеи» в море.

20 февраля вожди и жрецы передали останки командора — скальп, голову без нижней челюсти, бедренную кость, кости предплечья и кисти рук. По рубцу между большим и указательным пальцами (на Ньюфаундленде у Кука в руках взорвался патрон) останки были опознаны.

22 февраля прах капитана Кука был предан морю, а на следующий день корабли покинули злосчастную бухту Кеалакекуа.

Выполняя предназначения Кука, Кларк повел суда на север для поисков северо-западного прохода.

По пути к Берингову проливу корабли 29 ап-

реля 1779 года вошли в Петропавловскую гавань. Там моряки были тепло приняты главным правителем Камчатки премьер-майором Магнусом Бемом. Бем безвозмездно снабдил экспедицию провиантом и корабельным припасом. Кларк передал правителю Камчатки сводную карту открытий экспедиции и большую коллекцию океанических ценностей.

Затем корабли прошли Берингов пролив, но на 70° с. ш. дальнейший путь им преградили ледяные поля. 27 июля Кларк повернул на юг. 22 августа, на подходе к Петропавловской гавани он скончался, и командование экспедицией принял на себя Джон Гор.

В Петропавловске корабли простояли до 8 октября 1779 г., и гостей снова встречали там весьма радушно. На этот раз они имели дело не с М. Бемом, отбывшим в Петербург, а с временным начальником Камчатки капитаном В. И. Шмалевым.

Путь из Петропавловска к берегам Англии проходил через воды Японии, Индийский и Атлантический океаны. В устье Темзы корабли вошли 7 октября 1780 года. Плавание продолжалось пятьдесят месяцев и двадцать пять дней.

По своему значению третья экспедиция Кука уступала его прежним плаваниям. И не потому, что Куку и Кларку не удалось найти северо-западный проход — он был открыт лишь спустя много десятилетий после Кука, — а в силу того, что одним из объектов третьей экспедиции оказалась та часть Тихого океана, где в ходе русских открытий XVII—XVIII веков уже были разрешены главные географические проблемы.

Основное достижение последней экспедиции Кука — это открытие Гавайских островов. Бесспорно, важны были и его открытия на западном берегу Аляски, совершенные по ориентирам, уже намеченным русскими мореплавателями.

Общие результаты деятельности Кука огромны. Он на опыте своих беспрецедентных плаваний показал, что Мировой океан не только в северном, но и в южном полушариях превышает по площади Мировую сушу. Удалив с географической карты Южный материк, Кук положил на нее оба острова Новой Зеландии, восточное побережье Австралии, Новые Гебриды, Новую Каледонию и множество небольших островов и атоллов.

Сэр Хью Паллисер, инспектор военного флота, друг и коллега Кука в течение долгих лет, первым разгадавший его гений, воздвиг в честь легендарного капитана мемориал в своем поместье в Бакингемшире. Там есть такие слова: «Он обладал в выдающейся степени всеми качествами, требуемыми его профессией и для великих начинаний; вместе с тем он обладал высокими и привлекательными достоинствами превосходного человека. Он был холоден и рассудителен в суждениях, прозорлив в принятии решений, деятелен в их осуществлении, упорен и осторожен в своих предприятиях, никогда не терял бдительности и осмотрительности; его не устрашили трудности и тяжкие разочарования, он был щедр в благодарности, никогда не терял присутствия духа, всегда отдавал себе отчет в своих действиях и сохранял ясность мышления».

В экспедиции Беринга было не все благополучно. В те жестокие времена была сильна власть «слова и дела». Гвоздев, Генс, Хитрово, Овцын, Павлуцкий и другие участники экспедиции уже побывали в застенках и тюрьмах.

Кто-то явно преследовал одаренных и смелых людей.

Тайные доносы, ложные оговоры, затяжное следствие с пристрастием вредили делу Великой экспедиции.

В 1735 г. лейтенант Петр Ласиниус заплатил своей жизнью за попытку пройти из устья Лены в Восточное море. Из его команды в живых остались только восемь человек. Остальные погибли во время зимовки всего в ста двадцати верстах от Лены. (Ласиниус должен был прибыть с запада на Камчатку или Анадырское устье.)

Селенгинские геодезисты П. Скобельцин и В. Шетиллов, бывшие когда-то вместе с Абрамом Ганнибалом у ворот Китая, искали дорогу к Восточному морю и Большой земле «из Иркутска через Нерчинск».

В 1734—1737 гг. они доходили до реки Зеи, исследовали Шилку, Аргунь и Амур. Беринг отправил карту и путевые записки геодезистов в Петербург.

Судьба же самого Беринга и его последней экспедиции была трагична из-за поисков выдуманной лжеучеными земли, называемой Землей Жуана да Гамы. Вот как это случилось.

Первые сведения о Японии поступили в Европу от всеведущих иезуитов в 1566 г. Среди испанских и голландских мореплавателей в начале XVII столетия распространились слухи, что к востоку от этого островного государства расположены земли, необычайно богатые серебром и золотом. Слухи были столь интригующими, что управление голландскими колониями из Батавии (ныне Джакарта) снарядило к берегам Японии экспедицию из двух судов. Корабль «Кастрикум» шел под командованием де Фриза, а «Брескус» вел Степ. Корабли разошлись у южной оконечности Японии и Фриз продолжил свое плавание на север. Он побывал у берегов Иезо и Южно-Курильских островов. Его отчет и внес великую путаницу. Остров Итуруп он обозначил как «Землю Штатов», придав ему совершенно неопределенные очертания, а восточнее его на карте он показал «Землю Кампании», что могло быть только Урупом, но мореплаватель заверял, что это — часть Северной Америки. Де Фриз побывал и у берегов Сахалина, после чего в ноябре 1643 года вернулся на Формозу (Тайвань). Шесть лет спустя на карте португальца Тексейра (Тешейра) появилась «Земля Жуана да Гамы», расположенная по 44—45° северной широты к северо-востоку от Японии.

Кто такой да Гама? Откуда он взялся? Это был португальский моряк первой половины XVII века. Ходили слухи, что при плавании из Китая в Мексику он наткнулся на эту Землю. На картах этой части Тихого океана возникла полная неразбериха. Ничего, собственно говоря, страшного в этом не было, как и вполне простительны ошибки мореплавателей при тех сред-

ствах навигации и наблюдения, не говоря уже о полной до того неизведанности.

Беда была в другом, причем на первый взгляд совсем не опасная. Возникла легенда о том, что на Земле Жуана да Гамы неисчислимы количества серебра. Хорошо известны рыбацкие и охотничьи побасенки.

В тавернах и портовых кабаках бывалые моряки несли несусветицу о Земле Жуана да Гамы, на которой стоит только побывать, чтобы обеспечить себя на всю оставшуюся жизнь. Легенды обрастали подробностями, в которые трудно было поверить, но совершенно неотразимые по своей заманчивости. Дошло даже до того, что стали утверждать, будто бы большая часть Земли Гамовой — из серебряной руды, которая распускается наподобие сахару. Об этих баснях будто бы было доложено Петру I Евреиновым и Лужиним. Не столь важно, как отнесся царь к этим слухам, более значительно, что они сохранили свою прочность. Всего 5—6 лет прошло со дня смерти государя, когда Жозефом Делилем по поручению сената была составлена карта с «точным» обозначением расположения «Земли Кампании» и «Земли Жуана да Гамы». Более того: в 1739 г. Иваном Кирилловым в Петербурге была издана «Генеральная карта Российской Империи», на которой можно было видеть эту «серебряную землю».

21 мая 1739 г. капитан Мартын Шпанберг вышел из Большерецка в «японский вояж». Его манила призрачная Земля Жуана да Гамы. Французский «географ» Делиль помещал ее на своей карте против Камчатки. На всякий случай Делиль советовал для поисков Земли да-

Гамы спускаться от Камчатки на юг к Земле Компании, не менее призрачной.

Корабли Шпанберга побывали у первых Курильских островов, а затем прошли там, где должна была находиться Земля да Гамы, но не встретили ничего.

Лейтенант В. Вальтон, спутник Шпанберга, отделившись от него, отыскал Японию, побывал у острова Хондо. Русские даже посетили дома японцев. Штурман Лев Казимеров расхаживал по японской «слободе» между деревянными и каменными домами и лавками, рассматривал фарфор, пестрый шелк, ел засахаренную редьку и покуривал японский табак. Когда Казимеров возвращался на корабль, его сопровождали японцы. Один из них преподнес Вальтону серебряный кувшин с красным вином.

Вальтон вернулся на Камчатку. Распивая с Крашенинниковым японское виноградное вино, он рассказывал, что в Японии много винограда, золота, жемчуга и сорочинского пшена. Земли Жуана да Гамы они не нашли, а Земля Компании и Земля Штатов оказались всего только островами Курильской гряды. Так исследователям открывалась истина.

В апреле 1740 г. Алексей Чириков просил Беринга дать бригантину, на которой Шпанберг ходил в Японию. Чириков рассчитывал осмотреть все места, что лежат «от Камчатки меж норда и оста, против Чукоцкого носа и протчия западной стороны Америки». Но Беринг отказал Чирикову, ссылаясь на то, что его предложение противоречит инструкции, врученной капитан-командору в Петербурге. Надо искать Землю Жуана да Гамы.

В столице в свое время Берингу навязали сокровище в виде Людовика де ла Кройера. Это был сводный брат того самого «географа» Жозефа-Николя Делиля, выписанный последним в Россию. Недоучившийся семинарист, а затем офицер французской службы в Канаде, де ла Кройер считался «профессором астрономии».

1727—1730 годы застали де ла Кройера на русском севере. Он определял там широту нескольких пунктов в Архангельской губернии и на Кольском полуострове. «Недостойный наблюдатель» делал при этом грубые ошибки. Только потом выяснилось, что истинная широта Вологды или Тотьмы не соответствует вычислениям де ла Кройера.

Осенью 1740 года де ла Кройер появился в Большерецке на Камчатке. Его сопровождали служители, которые на самом деле занимались запретной торговлей пушниной, а выручкой делились с «профессором астрономии». Красильников, помощник де ла Кройера, определял положение Охотска, Большерецка и Петропавловска, но знатный иностранец все эти труды молодого исследователя приписывал себе.

Вечно хмельной от самогона из камчатской сладкой травы, Людовик де ла Кройер не расставался с картой, составленной его братом перед отправлением Великой Северной экспедиции Витуса Беринга. Южная оконечность Камчатки на этой карте была сильно повернута на запад. Прямо против мыса Лопатка находилась Земля Компании, а справа от нее простиралась Земля Жуана да Гамы, слева — Земля Иезо. На этих трех китах держались все познания Жозефа-Николя Делиля относительно севера Восточного океана.

Кроме карты Делиля мореплаватели получили в Петербурге чьи-то наброски — виды Земли Иезо, какой она должна открыться с моря. Тут же были написаны названия разных местностей Земли Иезо, указаны якорные стоянки, заливы и даже перечислены морские глубины.

Возможно, эти, с позволения сказать, лоции составлял тоже Жозеф Делиль. Рассматривая эту стряпню, спутник Беринга и Чирикова, честный офицер русской службы Свен Ваксель переходил от громкого смеха к гневному возмущению. И Мартын Шпанберг утверждал, что он сам не имел права вводить людей в заблуждение и наносить Землю Иезо на карту, хотя и видел к северу от Японии несколько больших островов.

«Не нужно особых усилий и не требуется большой учености, чтобы, сидя в теплом кабинете, на основании отрывочных сообщений и произвольных догадок, вычертить подобные карты», — говорил Свен Ваксель.

Но Людовик де ла Кройер притащил с собой и разложил на столе карту своего сводного брата. Это произошло в мае 1741 г. в Петропавловской Гавани на Камчатке.

Де ла Кройер торжествовал. Совет офицеров, в котором и он участвовал, постановил плыть от Камчатки, избрав сначала курс «зюйд-остен-остен по правому компасу» до 46° , т.е. к Земле Жуана да-Гамы. Если Земли не встретится, надо от 46° «иметь курс остен-норден».

Когда Земля будет отыскана, корабли пойдут подле нее «от оста к норду и от норда к осту». В том случае, если Земля будет простирается «меж зюйда и оста», то следует плыть на восток, пока Земля не покажется вновь. Вдоль бе-

рега корабли начнут подниматься к северу до 65° северной широты, а потом повернут на запад к Чукотской земле. Тогда будет известно, «сколько меж Америкою и Чукоткою земли расстояния».

Людовик де ла Кройер вскоре взошел на борт пакетбота «Святой Павел» для... «показывания верного пути» Алексею Чирикову, как писал потом об этом уже в Париже Жозеф-Николя Делиль.

Беринг на корабле «Святой Петр» шел вслед за Чириковым. Земли Жуана да Гамы не было и в помине. Под широтой 46°9' Беринг приказал изменить направление.

20 июня 1741 г. на море были буря и туман. Вокруг — водные просторы, никакой Земли Жуана да Гамы не было видно. Французу оставалось утешать себя травяным самогоном да воспоминаниями о своей службе в Канаде.

11 июля 1741 г. были усмотрены стволы деревьев, гонимые волнами, утки и тюлени.

В ночь с 14 на 15 июля мореходы под 55°36' с. ш. увидели землю, покрытую лесом. Это, как оказалось, был остров, который потом получил название остров Бейкер. Восточнее высился остров Принца Уэльского.

У неведомых берегов шумела буря. 15 июля штормовой ветер утих. Люди рассматривали с борта «Святого Павла» горы, увенчанные вечными снегами и покрытые «великим лесом», слышали рев сивучей, лежавших на островных берегах.

15 июля посланные Чириковым люди во главе с Григорием Трубициным, подплыв на лодке к острову, промерили глубины залива. Па-

кетбот пошел на северо-запад, отыскивая место, удобное для якорной стоянки.

18 июля 1741 г. произошло несчастье. На «Святом Павле» находился любимец Чирикова, «ревностный к службе отечества» боцманмат Абрам Дементьев. Он был известен как составитель морских чертежей.

Чириков поручил Дементьеву исследовать гавань возле залива Таканас на острове Якоби, набросать план, собрать образцы горных пород и отыскать источник пресной воды. Дементьев с десятью матросами взяли с собой компас и сигнальные ракеты, погрузили в лодку подарки, медную пушку и не возвратились на корабль.

Алексей Чириков послал на поиски боцмана Сидора Савельева, матроса Сидора Фадеева, плотника Наряжева-Полковникова и конопатчика Горина.

Но и вторая лодка исчезла.

25 июля с борта «Святого Павла» увидели лодку с индейцами. Она вышла из залива, куда были посланы Дементьев и Савельев. Вслед за первым челном показался второй. В первой лодке явственно были видны четверо индейцев; один был в красной одежде. Индейцы прокричали «Агай, агай». Обе лодки повернули обратно.

Два дня искал Алексей Чириков своих людей, но поиски пришлось прекратить.

Почти через двести лет приподнялась завеса тайны над гибелью отважных людей со «Святого Павла». Историк Аляски Т. Л. Эндриус в своей книге в 1922 г. сообщил:

«У племен ситка имеется глухое предание о людях, выброшенных на берег много лет тому назад. Говорят, что их вождь Аннахуц, предок

вождя того же племени, ставшего преданным сторонником белых в городе Ситке в 1878 г., играл ведущую роль в этой трагедии. Аннахуц оделся в медвежью шкуру и вышел на берег. Он с такой точностью изображал переваливающуюся походку зверя, что русские, увлекшись охотой, углубились в лес, где туземные воины перебили их всех до единого...».

Верить Эндрьюсу на слово, конечно, нельзя. Во-первых, клич «Агай, агай» выражает у индейцев миролюбие, слова призыва. Зачем же они, умертвив Дементьева, Сидора Савельева и их спутников, выплыли на лодке к кораблю с приветственными криками?

О первых русских людях на берегу Большой земли помнили долго. Есть письмо Н. А. Шелеховой к графу Зубову от 1795 года. В нем говорится об исчезновении Дементьева и Савельева, но с той лишь разницей, что письмо указывает на гибель в дремучем лесу у американского лукоморья не пятнадцати, а семнадцати русских людей.

Люди, посланные Шелеховым в 1788 г. на Аляску, видели в заливе Якутат светловолосых и белолицых обитателей, живших среди индейцев-колошей. Шелехов думал, что светловолосые — потомки спутников Чирикова, пропавших без вести в 1741 г.

В 1801 г. капитан О'Кейн передавал Александру Баранову, что в порту Букарелли (Бобровом) близ острова Принца Уэльского находили русскую одежду, подбитую лисьим мехом. От Якутата до Букарелли не так уж далеко. После этого рассказа Баранов вспомнил о Дементьеве и Чирикове, первооткрывателях острова Принца Уэльского.

В библиотеке Геттингенского университета хранится карта похода Чирикова, замечательная тем, что на ней показаны все высадки и даже место, где погибли отважные спутники командора «Святого Павла».

Однако продолжим.

Треугольные носовые паруса «Святого Павла» были наполнены свежим ветром. К северу лежал материк Америки. 27 июля открылись высокие горы Фэруэтер и часть матерой земли близ Якутатского залива. Голубые ледники сползали в море. Это была страна ледопадов и диких скал. Впереди была исполинская гора Святого Или.

Чириков повел пакетбот вдоль берега и прошел четыреста верст подле матерой земли. Справа находились остров Каяк, устье реки Медной, Чугацкий залив и Кенайский полуостров с его снежными вершинами. За рогом Аляски шла гряда Алеутских островов. Девятого сентября корабль стоял у каменных берегов острова Адак. Здесь произошла встреча с алеутами, которые показали Чирикову «мужиками рослыми». Командир «Святого Павла» выменял у алеутов древко стрелы, выточенное из кипариса, шляпу и образцы сурьмы.

Людовик де ла Кройер позабавил офицеров «Святого Павла» неожиданным заявлением, что он сразу же узнал в алеутах индейцев, с которыми когда-то встречался в Канаде.

Голод, цинга и жажда мучили офицеров и матросов корабля. Вслед за лейтенантом Иваном Чихачевым умер Михаил Плаутин. 20 сентября заболел цингой сам Чириков.

Через день пакетбот был у восточного берега

острова Агатту. На севере виднелись горы Атту, на северо-востоке — остров Семичи. Чириков настолько ослаб, что был «по обычаю приготовлен к смерти». Но он оказался из тех людей, которые «изнемогают, однако же трудятся». На своем, как он думал, смертном ложе Чириков вел путевой журнал и давал наставления штурману Ивану Елагину. Тот вел корабль сквозь «шторм великий с дождем и градом». С 5 октября корабль окружила «великая стужа», но гряда Алеутских островов была пройдена.

Двенадцатого октября 1741 г. «Святой Павел» вошел в гавань Петра и Павла. За какой-нибудь день до этого умер Людовик де ла Кройер, закончивший свой земной путь у берегов Камчатки.

В начале декабря Алексей Чириков составил два донесения в Адмиралтейств-коллегию. В начале похода «открылось что земли Ивана де Гамма нет», зато мореплаватели на $55^{\circ}36'$ северной широты «получили землю, которую признаваем без сомнения, что оная часть Америки» — так писал в донесениях Чириков.

Он вычислил в русских верстах расстояние от Камчатки до Америки и открытые им земли привязал на карте своего плавания к Камчатке и Северной Калифорнии. (Путь вдоль Американской земли и весь возвратный путь Чириков обозначил красной краской.) Он писал о природе морских течений у американских берегов, о ветрах и туманах Восточного моря. Лучшим временем для походов от Камчатки к Северной Америке Чириков считал август и сентябрь с их ясными днями.

Несмотря на то, что подвиг был свершен и Америка открыта, Чириков в своем донесении

напоминал, что давно указывал на морской путь от Чукотки в сторону американского берега. Тяжело больной, покрытый темными пятнами — признаками цинги, он размышлял, не являются ли Алеутские острова продолжением материка Северной Америки.

«Морской солдат» Семен Плотников увез рапорт Алексея Чирикова с Камчатки в Якутск.

Какова же судьба второго судна Великой экспедиции — «Святого Петра» и командора Беринга?

Когда 20 июня 1741 г. корабли «Святой Петр» и «Святой Павел» разлучились, штурман Беринга Софрон Хитрово начал отмечать в судовом журнале разные примечательные события.

16 июля он записал: «Открылся вид на огромную гору». Это была одна из высочайших вершин Северной Америки. В честь ее и остров Каяк был назван островом Святого Илии.

Когда корабль подошел к Каяку, камчатские аргонавты увидели «огнище и след человеческий и лисиц бегающих».

Софрон Хитрово, Стеллер, казак Фома Лепихин побывали на острове, нашли там земляную юрту, дощатое жилище, но людей не видели.

Из утвари, которой пользовались островитяне, русские взяли лубяной короб, черные стрелы, сосуды, весло.

Прошли вдалеке устье реки Медной, оставили по правую руку Кенайский полуостров, и в полночь 26 июля перед мореплавателями «в мрачном воздухе» предстал скалистый остров Кадьяк».

После этого были открыты остров Укамок, группа Шумагинских островов. Между острова-

ми Шумагина и Андреяновскими люди Беринга впервые встретились с алеутами. Произошло это 5 сентября 1741 г. Первым подарком алеутов были два жезла мира, увенчанные соколиными перьями. Через день Беринг подарил алеутам железный котел и несколько иголок.

Сквозь штормы шел корабль вдоль гряды Алеутских островов, между Новым Светом и Камчаткой. Все ближе был неведомый остров, на котором нашел себе могилу Витус Беринг.

О том, что было дальше, знают все. Песцы глодали ботфорты Беринга, который был еще жив. В предсмертных мучениях Беринг зарывался в песок, чтобы хоть немного согреться. Он погиб, возвращаясь от берегов Нового Света, в море между двумя великими материками.

Беринг верил в злополучную карту Делиля. Когда корабли разлучились, командор решил идти к югу, чтобы увидеть берега Земли Компании, и потерял ради этого несколько драгоценных дней.

«Святой Петр» достиг побережья Америки. Но Беринг не разделял общей радости. Он угрюмо сказал, что не знает, где они находятся. Незнакомая земля страшила его. Когда мореплаватели хотели идти вдоль американского побережья до 65° северной широты, им пришлось спускаться к югу до 48°. Все наоборот: там, где должен был простираться океан, вставала твердь; земля, которую обозначил Делиль, на деле оказалась открытым морем. Впоследствии Свен Ваксель писал, что у него закипала кровь, когда он вспоминал о бессовестном обмане. Он говорил, что обмануты прежде всего честные, храбрые люди, ценители морей, которые вы-

нуждены погибать по вине «ученых» фантазеров.

Сейчас, по истечении времени, по-разному можно истолковывать давно минувшие события. Один из серьезных исследователей высказался в том смысле, что Беринг в Петропавловске подчинился мнению де ла Кройера вопреки собственному убеждению. Вот это последнее-то как раз под большим сомнением. Шпанберг как-то сказал, что однажды Беринг обмолвился, будто бы держал в своих руках корабельный журнал брига «Кастрикум». Пополз слух, и среди экипажа родилось убеждение, что у командора хранится этот журнал, купленный им за большие деньги. Как всегда бывает, не требующая доказательства легенда обрастала подробностями: он же купил его в амстердамской остерии «Летучая рыба» за стопку золотых дукатов еще перед вербовкой своей в далекую Россию.

Сам Беринг ничего похожего не высказывал, и никто вопросов по этому поводу задавать, естественно, не решался. Есть, однако, основания предполагать, что «серебряный призрак» не только пугал командора карой за ослушание, но и привлекал его сам по себе. Достаточно взглянуть на карту плавания пакетботов «Святой Петр» и «Святой Павел». Они прошли одни и те же непогоды и штормы в одно и то же практически время, но насколько прямолинейнее путь Чирикова туда и обратно! Беринг почти все время отклонялся к южным широтам — это все надежда: а вдруг все же наткнемся на серебряную землю, может быть, не точно обозначенную на карте. И обратный от Америки путь — это опять поиски. На рейд острова Каяк Бе-

ринг прибыл пятью сутками позже Чирикова. Историки справедливо упрекают его за то, что он не пожелал исследовать новый берег, а немедленно заторопился в обратный путь. Никакие доводы спутников на командора не действовали, он утверждал, что дорога их возвращения велика, и всякое может случиться, рисковать нельзя. И совсем уже непонятным становится при этих словах его то, что корабли снялись с якоря, не полностью обеспечив себя запасом пресной воды. Командор выгадывал время: еще раз пройти по широтам, где обозначена Земля Жуана да Гамы. А может быть! Он веровал...

Успехи А.И. Чирикова в экспедиции, конечно, несравнимо больше, нежели у Беринга, и не только потому, что он остался жив, привел обратно свой «Святой Павел» и сохранил его экипаж. Он не торопился и привез много полезных сведений о том материке, к которому стремились: о берегах, ветрах, туманах, морских течениях, растительности, населении, обычаях.

Когда «Святой Павел» еще шел в Америку, и на широтах, где на картах была обозначена Земля да Гамы, оказалась чистая водная гладь, «астрономии профессор» заперся в каюте с бочонком самогона из камчатской сладкой травы, после чего стал грозить Чирикову немилостью петербургского начальства за то, что тот не желает искать серебряных берегов Земли Жуана да Гамы.

Чириков неуклонно держал курс на северо-восток, но если бы мы сказали, что «серебряный призрак» его совершенно не коснулся, то такое заявление вряд ли было оправданным. Сам ли, или по приказанию Беринга, значение

поисков серебра он осознавал очень хорошо. Но не обязательно на мифической Земле Жуана да Гамы.

В книге С. Н. Маркова «Земной круг» (см. список литературы), составленной на большой научной основе, есть маленькая глава — «Ломоносов сжимает кулаки». Давайте прочтем ее и наверняка после этого выясним, кто же усердствовал в присвоении открытий русских первопроходцев, в том числе Беринга, Чирикова и других.

Федор Соймонов в 1764 году получил записку от Екатерины Второй. Императрица извещала старого адмирала о том, что получила составленную им карту «об Американских островах».

«Я знаю, что сии острова вашим радением найдены. Так вашим добром да вам же челом», — писала Екатерина.

За две недели до этого она издала тайный указ, в составлении которого принимал участие Михайло Ломоносов. Для поиска морского прохода Северным океаном в Камчатку повелевалось идти из Архангельска на Шпицберген, а затем «в вест, склоняясь к норду» до гренландского побережья, откуда — «простирается подле оного на правую руку к западно-северному мысу Северной Америки».

Поход от Груманта к Америке надлежало хранить в тайне. Но уже осенью 1764 г. в парижской печати было сообщено об этом замечательном предприятии.

Ломоносов в гневе сжимал свои пудовые кулаки. И было от чего. Он набросал тогда горькие строки, найденные потом в его архиве:

«Беречь нечево. Все открыто Шлецеру сумасброднему. В российской библиотеке есть больше секретов. Вверили такому человеку, у коего нет ни ума ни совести», — записал Ломоносов на обороте рисунка, изображающего рукава Северной Двины.

Он говорил о «шумахерщине», о том, что он, Ломоносов, за то терпит, что старается «защитить труд» Петра Великого, с тем чтобы русские показали свое достоинство всему миру.

«Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют», — писал он дальше.

Много горечи накопилось у него к тому времени. Он знал, что еще не так давно Иоганн Даниил Шумахер тайно переправил за границу карту славных походов Чирикова и Беринга. В это же время Жозеф-Николя Делиль скрипел пером, заполняя наблюдательные листы, которые он завел на каждого русского геодезиста.

Ломоносов негодовал на «злобныя поведения господина Миллера», которого обвиняли в разглашении сведений о походах русских на северо-восток.

Кто-то сумел переправить за границу тоже не подлежащую оглашению «Генеральную карту Северного моря». Ее отпечатали в 1749 г. в Берлине, указав, что она составлена по последним исследованиям путешественников из Западной Европы.

А чем объяснить такой случай. К осени 1754 г. было закончено гравирование «Карты новых открытий в Восточном море». Ее изготовлял И. Ф. Трускотт «под смотрение» Миллера, резал русский мастер И. Кувакин. Но печатной

карты этой, кроме одного, якобы пробного ее оттиска, в русских хранилищах не найдено до сих пор.

Тот же Трускотт закончил в 1755 году «Карту земли Камчатки». За ней «смотрел» Миллер.

Делиль, несмотря на резкую отповедь Ломоносова и других русских ученых, однажды пригласил в Сибирь своего соотечественника Жана Шапп д'Отроша. Повод для этого был: 5 июля 1761 года ожидалось прохождение Венеры перед диском Солнца.

Вскоре самонадеянный Шапп появился в Петербурге, откуда поспешил в Тобольск. В то время тогдашний комиссар книжной лавки Академии наук был вынужден донести, что лавка осаждается иностранцами, требующими «Большой Российский Атлас». Эти настойчивые «любители» русской географии проявляли особую любознательность в отношении карт о русских открытиях в Америке.

Шапп, наблюдая Венеру, не оставил без внимания и такие вопросы, как исследование Камчатки или состояние торговли Китая с Сибирью.

Миллеру наблюдатель Венеры прислал около десятка писем, содержание которых до сих пор не известно. Эти послания Миллер хранил в особом разделе своего архива.

Возвратившись во Францию, Шапп д'Отрош написал «Путешествие в Сибирь», полное оголтелой клеветы на нравы сибирских жителей. Сочинение это вышло уже после смерти Ломоносова.

К книге Шаппа были приложены перевод знаменитого труда Степана Крашенинникова

«Описание земли Камчатки» и карты Северо-Востока — несомненно, русского происхождения. Более того, неизвестное лицо, давшее предисловие к переводу, обнаруживало прекрасное знакомство с содержанием предсмертных рукописей героя исследования Камчатки. Трудно сказать, кто был этот скромный, пожелавший остаться неизвестным, знаток архива Крашенинникова.

Во всяком случае, достоверно известно, что Миллер имел доступ к трем камчатским картам, связанным с трудами Степана Крашенинникова.

Но почему Крашенинников так привлек внимание Шаппа? В год, когда д'Отрош приветствовал появление Венеры, заслоняющей Солнце, его соотечественник Жозеф де Гинь в книге по истории гуннов, тюрков и монголов заявил, что еще в V веке нашей эры Камчатка и Алеутские острова были мостом для сообщения Китая с Америкой. После этого иноземцы и осадили книжную лавку Академии наук, а Шапп д'Отрош стал разузнавать о драгоценном наследстве Крашенинникова, умершего в бедности на чердаке дома на Васильевском острове.

Так пристально следили иностранцы за каждым шагом русских людей в сторону Тихого океана. Слишком много знал об этом Ломоносов. Ему портили кровь и Шумахер, и Делиль, и Шапп, и Тауберт и высокоумный и злобный Франц-Ульрих-Теодор Эпинус.

«Если не пресечете, великая буря восстанет», — писал Ломоносов за своим дубовым столом.

В 1764 г., когда Ломоносов уже претворял

в жизнь мечту об охвате материка Америки с двух сторон — от Груманта и от Камчатки, «ученые» шершни особенно старались лишить его покоя.

ГЛАВА 11

КРУШЕНИЕ ЛАПЕРУЗА

Вспоминая этот день, Рис Дискомб, новозеландец по происхождению, электромеханик по специальности и исследователь морских глубин по призванию, признался:

«Рассчитывать мы, конечно, могли только на везение, потому что место для поисков выбрали почти наугад. Можно было только предполагать, что «Буссоль» затонула где-то здесь, к юго-западу от Ваникоро, с внешней стороны полосы рифов, окружающих остров чуть ли не сплошным кольцом. Мы выходили в океан изо дня в день, я нырял в воду и ждал, когда же мне повезет...»

Работа шла медленно, потому что океан вблизи Ваникоро, одного из островов группы Санта-Круз близ архипелага Новые Гебриды на удивление беспокоен, и ясные, тихие дни здесь настоящая редкость. Случалось, подводные поиски приходилось сворачивать уже спустя несколько минут после их начала — громадные волны поднимались неожиданно, и экспедиционное судно спешило к берегу. Но, все-таки, находки появлялись одна за другой. Обломки старинных пушек, куски свинцового балласта... И настал наконец еще один памятный для экспедиции день, когда на одном из таких кусков, очищенном от ила, кто-

то заметил старинное клеймо Брестского судового арсенала (о том, что было до Дискомба мы узнаем в конце главы).

Теперь же сомнений почти не осталось: экспедиция Дискомба действительно нашла место, где затонула «Буссоль» — одно из двух судов, которыми командовал французский мореплаватель Жан Франсуа Лаперуз.

Это было в 1962 году. События же, которые имели самое прямое отношение к поискам энтузиаста-исследователя Риса Дискомба, жителя Порт-Вила на Новых Гебридах, начались чуть ли не на два столетия раньше.

Комментарии и попытку разгадки гибели экспедиции Лаперуза мы узнаем у французского писателя Жоржа Блона*.

Маршрут кругосветного плавания, предписанный Лаперузу, превосходил все, что было известно до той поры: из Бреста идти к Канарским островам, обогнуть мыс Горн, сделать остановку на острове Пасхи, затем на Сандвичевых островах, идти вдоль американского берега на север, снова спуститься к югу, от американского побережья направиться в Японию и достичь Китая; вдоль азиатского берега идти на север, потом снова повернуть к югу и плыть до Новой Голландии (Австралии); вернуться во Францию через Молуккские острова, Иль-де-Франс (остров Маврикий) и мыс Доброй Надежды. Людовик XVI думал проявить щедрость, назначая для завершения кругосветного плавания четыре года. Удивительно, что Лаперуз почти уложился в эти сроки.

---

* Блон Ж. Великий час океанов. Т. 2. Атлантический океан; Тихий океан; Полярные моря. Пер с фр. А.М.Григорьева. — М.: Славянка, 1993.—с.446.

1 августа 1785 года вышел из Бреста с двумя фрегатами — «Буссоль», которым командовал он лично, и «Астролябия». Этот корабль вел капитан Флерио де Лангль. Всего в экспедиции было 242 человека, 17 из них — ученые и художники. Чтобы не оставлять короля в неведении, была разработана программа доставки вестей.

В первом письме Лаперуз приносил королю извинения за небольшую задержку почты. «За четырнадцать месяцев мы обогнули мыс Горн, проплыли вдоль всего американского берега до горы Сент-Эли; исследовали этот берег с большой тщательностью и 15 сентября прибыли в Монтерей. Мы устраивали стоянки на разных островах Южного моря и прошли по параллели Сандвичевых островов пятьсот лье с востока на запад. Я простоял сутки на острове Мауи и прошел новым проходом, который англичане не смогли обследовать».

В менее официальных посланиях, прибывших с той же почтой, подробности были красочнее. Когда «Астролябия» и «Буссоль» вышли из Магелланова пролива, сообщалось там, их встретило целое стадо китов, этих властелинов моря, «хором выпускавших фонтаны». Стоянка в заливе Консепсьон, в Чили, была предлогом для описания совершенно очаровательных, как уверяли корреспонденты, чилийских дам. 8 апреля подошли к острову Пасхи. Мужчины там ходили обнаженными, женщины были лишь слегка прикрыты. Удивительно, что гигантские статуи не возбудили у французов большого любопытства: «Это не идолы, а скорее могильные памятники». Никого не заинтересовало, как перевозились и воздвигались эти тяжелые глыбы. Отношения с

туземцами сложились превосходные, главным образом благодаря тому, что Лаперуз не допускал никаких наказаний за воровство. Напротив, при отъезде французы оставили на острове коз, овец, свиней и посеяли на вулканической почве семена апельсинов, лимонов, моркови, кукурузы, капусты и хлопка.

Сообщение заканчивается на оптимистической ноте, чтобы порадовать Людовика XVI: «До сего времени не пролито ни капли туземной крови, на «Буссоли» нет ни одного больного. Погиб только слуга на «Астролябии». К сожалению, в той же важной почте было еще одно письмо, написанное позднее и совсем не такое утешительное. «Буссоль» и «Астролябия» вошли в естественную, еще не исследованную гавань в южной части Аляски. «Представьте себе водный бассейн, — писал Лаперуз, — такой глубины, что ее нельзя измерить в середине, окруженный очень высокими горами, покрытыми снегом. Я ни разу не видел, чтобы хоть единый порыв ветерка рябил поверхность этих вод. Волновалась она только от падения огромных кусков льда, которые обрушиваясь, производят шум, разносящийся далеко по горам». В середине бухты зеленые, покрытые лесом острова. В знак гостеприимства туземцы размахивают кусками белого меха. «Мы уже считали себя самыми счастливыми мореплавателями, но в это время нас поджидала большая беда, которой нельзя было предвидеть».

Двухмачтовая парусная лодка с «Астролябии» и шлюпка поменьше с «Буссоли» получили задание определить глубину бухты. Проплывая между островами, тридцать моряков высадились на

одном из них, чтобы поохотиться. «Столько же ради удовольствия, как и ради пользы». И вот шлюпка вернулась одна, а ее командир рассказал о случившемся несчастье. Вынесенная из прохода приливной волной, «катившейся со скоростью трех или четырех миль в час», двухмачтовая шлюпка была выброшена на подводные скалы и разбилась. Двадцать один человек, в том числе шесть офицеров, погибли. Все они были молодые люди, самому старшему из них всего тридцать три года. «Не постыжусь признаться, — писал Лаперуз, — что с тех пор, как это случилось, мои сожаления сто раз сопровождались слезами». Бухту называли Гаванью Французов (теперь залив Литуйа), а на срединном острове возвели памятник.

В конце августа 1787 года в Версаль поступили новые вести от Лаперуза. Почта была передана в Макао на один французский корабль 3 января. Личная корреспонденция, лежавшая отдельно, содержала дневник плавания до самой стоянки в Макао и карту северо-западного побережья Америки, которая была, как писал командор, «несомненно самой точной из всех, какие составлялись до сих пор». Лаперуз сообщал об открытии островов Неккер и Лабасс, о заходе «на один из островов к северу от Мариинских, откуда направился в Китай». В первых числах августа он рассчитывал быть на Камчатке, от нее идти к Алеутским островам, а потом плыть, «не теряя ни минуты», в Южное полушарие.

В октябре 1787 года фрегат «Проворный», прибывший из Манилы, доставил новую почту. Из этих писем стало известно мнение Лаперу-

за о китайском правительстве, «самом несправедливом, самом притесняющем и подлом на свете». В Маниле, на Филиппинских островах, еще одно обстоятельство вызвало негодование великого путешественника: «Беда грозит уничтожить остатки благополучия — налог на табак!»

Минет целый год, прежде чем придет сообщение о том, что Лаперуз лишь немного ошибся в намеченных сроках и что в сентябре он был на Камчатке.

К географическим сводкам путевых заметок были приложены секретные сведения, одно из которых касалось Формозы: «Остров Формоза (ныне Тайвань) имеет очень важное значение, и та страна, которая им завладеет, сможет с помощью угрозы добиться от Китая всего, что пожелает».

7 сентября 1787 года в Авачинской бухте, в Петропавловске, «Буссоль» была встречена выстрелами из пушек. Это был салют и приветствие Лаперузу. Комендант русской крепости получил из Версаля сухопутным транспортом депеши, предназначенные французскому капитану. Там было сообщение о присвоении ему звания командора эскадры, подписанное 2 ноября 1786 года.

Теперь стало известно, что оба фрегата ушли в Южное полушарие. Вестей от них не ожидалось до самой остановки в Иль-де-Франс, намеченной на декабрь 1788 года. Людовик XVI был удивлен, получив 5 июня 1789 года почту из Новой Голландии (Австралии), отправленную английским капитаном. 26 января 1788 года туда прибыл Лаперуз после задержавшего его в пути трагического происшествия, о котором он дал подробный отчет.

Еще раз переплыв почти весь Тихий океан, корабли подошли к архипелагу Мореплавателей и сделали стоянку на острове Мауна. Появились туземцы, опоясанные водорослями наподобие мифологических морских богов. Красивые женщины ходили обнаженные. Поведение островитян не было враждебным. Моряки смогли получить кокосы, гуаяву, бананы, кур и свиней. Лаперузу эта краткая стоянка показалась идиллической, мастерство местных жителей привело его в восторг: «Я был удивлен до крайности, когда увидел там большую плетеную постройку. Лучший архитектор не мог бы дать более изящного изгиба краям эллипса, завершающего эту хижину».

Перед отплытием Флерио де Лангль вышел на берег с нарядом матросов, запасавших пресную воду, и прихватил с собой разные мелкие подарки, чтобы оставить у туземцев хорошее воспоминание о французах. Островитяне устроили из-за них драку, самые сильные захватили почти все. Те, кому ничего не досталось, винили за это не своих соседей, а дарителей. Они начали бросать камни, что было очень опасно. Флерио де Лангль мог бы дать команду открыть огонь, но, помня наставления короля, предпочел отдать приказ вернуться на корабль. В него попал камень, и он пошатнулся. Когда сопровождавшие его моряки хотели защитить капитана, их намоченные ружья оказались бесполезными. Двенадцать человек, в том числе и Флерио де Лангль, были убиты.

За два с половиной года экспедиция, которой Людовик XVI желал такого мирного плавания, потеряла тридцать четыре человека. (Участь Магеллана и Кука!)

На этом теряются следы экспедиции Лаперуза. Великая Французская революция, залившая кровью всю страну, задержала и поиски Лаперуза. Лишь в феврале 1791 года Национальное собрание признало «необходимость спасения Лаперуза и его моряков». Только спустя еще семь месяцев из Бреста отплыли два корвета под командованием контр-адмирала д'Антракстро. Прошло уже три с половиной года с тех пор, как «Буссоль» и «Астролябия» покинули Австралию.

Никому не хотелось верить в смерть Лаперуза и его спутников. Может быть, для собственного успокоения предпочитали думать о них как о пропавших без вести, заброшенных на какой-нибудь далекий остров. Командор эскадры продолжал числиться в ведомостях морского флота, и мадам де Лаперуз продолжала аккуратно получать жалованье своего мужа.

Тем временем Брюни д'Антракстро умирает от лихорадки, так и не найдя следов Лаперуза. 21 июля 1793 года тело адмирала хоронят со всеми почестями в океане, а ровно шесть месяцев до того голова короля Франции скатилась на эшафот. Садясь в повозку, которая должна была его доставить на площадь Революции, Луи Капет — исторический факт — спросил своего палача: «Нет ли вестей о Лаперузе?»

Вестей не было.

Дальнейшая история поисков экспедиции Лаперуза вызывает также немалый интерес.

Командир английского судна Питер Диллон много лет исследовал Коралловое море. В этих краях для него не было тайн — кроме одной, в которую он-то и хотел проникнуть.

На острове Тикопия, где он пробыл несколько месяцев, туземцы продали ему за хорошую цену гарду от эфеса шпаги. На ней был выгравирован герб. Питеру Диллону показалось, что это герб Лаперуза. Имя великого мореплавателя знали все моряки мира. Долго плававший в этих морях Диллон говорил на многих местных наречиях, и он стал расспрашивать жителей острова Тикопия. Они ему сообщили, что последние годы к ним привозили серебряные ложки, топоры, чайные чашки те немногие рыбаки, которые отваживались уплыть к далекому атоллу Ваникоро. Жители этого острова, продавая свои сокровища, рассказали историю о двух французских кораблях, которые когда-то, очень давно, сели на мель у их берегов. Одни утверждали, что моряки с кораблей утонули, другие, что они были убиты.

Питер Диллон хотел немедленно отправиться к Ваникоро, но судовладельцы ждали его в Пондишери, и он не осмелился отклониться от своего курса. По прибытии Диллон рассказал обо всем, что слышал, показал гарду шпаги и обратился к Ост-Индийской компании с просьбой послать его на место предполагаемого кораблекрушения. В 1827 году из Пондишери под его командованием вышло судно «Поиск». На борту судна находился официальный представитель Франции Эжен Шеньо.

7 июня подошли к острову Ваникоро. Добиться признания туземцев удалось не сразу, но в конце концов они обо всем рассказали. Много-много лун назад к ним прибыли направляемые Духами два судна, одно из них разбилось на скалах. «Наши предки хотели видеть их вбли-

зи, но те направляли в них огненные шарики, несущие смерть». Потом боги дали благословение стрелам, и предки смогли перебить всех духов с корабля.

Другое судно, рассказали туземцы, выбросилось на песчаный пляж. Его вели не воинственные духи, они раздавали подарки. Их вождь, у которого, как и у других, впереди над лицом выступал из двух пальм длинный нос, разговаривал с луной посредством палки. Другие Духи, стоявшие на одной ноге, день и ночь охраняли лагерь, где за деревянными загородками их друзья строили из большой лодки лодку поменьше. Все одноножки постоянно потрясали железными палками. Через пять лун после прибытия Духи уплыли на своей маленькой лодке.

Как потом догадались, рассказ изобилует сложными оборотами и своевольными прикрасами. Питеру Диллону удалось объяснить некоторые выражения рассказчиков: «длинные носы» были треуголками, «палка, служившая для разговоров с луной» — подзорная труба, «одноножки» — часовые, неподвижно стоявшие на часах, а железные палки — их ружья. На дне моря, совсем недалеко от берега, обнаружили бронзовые пушки и корабельный колокол, на котором можно было разобрать надпись: «Меня отлил Базен, Брест 1785». Выудили якоря и бронзовые мортиры. Туземцы продали Диллону дощечку с вырезанной на ней королевской лилией, подсвечник с гербом (это был, как потом узнали, герб Колильона, одного из натуралистов Лаперуза) и другие мелкие предметы, которые заносились в подробную опись в присутствии Шенью.

В апреле 1828 года капитан Диллон прибыл в Калькутту. Там его ждало новое поручение: лично доставить собранные предметы королю Франции. В феврале 1829 года он приехал в Париж. Карл X сразу принял его, пожаловал ему орден Почетного легиона, назначил 10000 франков в качестве вознаграждения и 4000 франков пожизненной пенсии. По крайней мере одного человека крушение Лаперуза сделало счастливым.

В то самое время, когда Питер Диллон покупал на острове Тикопия гарду от шпаги, из Тулона вышел капитан второго ранга Дюмон-Дюрвиль, официально назначенный для поисков «Буссоли» и «Астролябии», о которых тогда еще ничего не было известно.

Любой портрет Жюля Себастьяна Сезара Дюмон-Дюрвиля позволяет сказать, что характер у этого человека был нелегкий. Он сам рассказывал, как в детстве ему хотелось, чтобы мать называла его волком, позднее товарищи по лицу в Кане прозвали его медведем, а потом офицеры — совой. Несмотря на зоологические прозвища, это был мужчина с хорошей внешностью. В двадцать шесть лет он женился на молодой девушке по имени Адель, необыкновенная красота которой была, по его словам, «лишь самым малым ее достоинством».

И вот Дюмон-Дюрвиль отправляется в плавание на «Раковине», переименованной по этому случаю в «Астролябию», получив двойное задание: расширение научных сведений о Полинезии и поиски следов своего знаменитого предшественника.

Выйдя из Тулона 25 апреля 1826 года, вто-

рая «Астролябия» обогнула мыс Доброй Надежды при разбушевавшемся море (Дюмон-Дюрвиль измерял волны почти 30-метровой высоты), пересекла Индийский океан, прошла через архипелаги Океании в Тихий океан, достигла Новой Зеландии, поднялась к северу до острова Тонгатапу, вернулась на юг до земли Ван-Димена, где в декабре 1827 года бросила якорь под стенами Хобарт-Тауна. За это время были составлены новые карты, сделаны анатомические таблицы, собраны образцы минералов, но судьба Лаперуза оставалась все такой же загадочной.

Несколько упавший духом Дюмон-Дюрвиль стал разбирать почту из Франции, ожидавшую его на этой стоянке. Просматривая уже довольно старый номер «Ла Газет», он обнаружил статью, где некий Диллон рассказывал историю серебряной гарды от эфеса шпаги, принадлежавшей якобы Лаперузу и привезенной с какого-то атолла Ваникоро.

Читая эти строки, Дюмон-Дюрвиль не мог знать, что Диллон тем временем отправился на Ваникоро и забрал то, что осталось от экспедиции Лаперуза. Дюмон-Дюрвиль отдает приказ о немедленном отплытии, и через несколько недель форштевень новой «Астролябии» уже рассекал воды, в которых некогда плавала и затонула предшественница.

Французам было трудно перевести осторожные, неясные и противоречивые объяснения туземцев, но вещественные доказательства были убедительны. «Наши люди, — писал Дюмон-Дюрвиль, — увидели на дне моря на глубине трех или четырех саженей, якоря, пушки, пушечные ядра и особенно большое число свин-

цовых пластинок. Я отправил баркас, приказав поднять со дна хотя бы один якорь и одну пушку, чтобы привезти их во Францию как неопровержимое доказательство крушения наших несчастных соотечественников».

Туземцы вроде бы говорили, что несколько лун назад приезжали белые люди искать обломки, но Дюмон-Дюрвиль не был уверен, что правильно истолковал их слова. Зато у него была уверенность, что он выполнил свое второе задание и может объявить всему миру, где по крайней мере погиб Лаперуз.

Вблизи того места, где разбились корабли, был возведен памятник, очень простая прямоугольная призма высотой в десять футов, увенчанная пирамидой. Когда ясным мартовским утром 1829 года от острова отплывала «Астролябия», на берегу собралось сотни две туземцев. Самые старшие из них были свидетелями трагических событий и, может быть, даже сыграли в них жестокую роль, но более подробные расспросы были бесполезны. Гром пушечных выстрелов на «Астролябии» прозвучавших как последний долг погибшим, распугал всех людей на берегу.

Обратное плавание было долгим и опасным, длилось оно целый год, и вот наконец «Астролябия» причалила в Марселе. Дюмон-Дюрвиль привез с собой 65 новых карт, более 7000 образцов растений, столько же минералов, 10000 анатомических таблиц, многочисленные зарисовки и, самое главное, разгадку тайны гибели Лаперуза. С огромным разочарованием он узнал о недавнем приезде в Париж англичанина Питера Диллона и о том, что его принял Карл Х. Вещи, привезенные Диллоном, находились, веро-

ятно, в Морском музее, так что пушка и якорь, поднятые с таким большим трудом, будут не таким уж важным добавлением. По окончании плавания ни Дюмон-Дюрвиль, ни его спутники не были вознаграждены. «Глубоко опечаленный, уязвленный в самых своих сокровенных чувствах, я отстранился от дел».

Этот отважный капитан погиб в железнодорожной катастрофе с женой и сыном в мае 1842 года, когда отправился из Парижа в Версаль за получением Большой золотой медали Географического общества.

Так, ни Питеру Диллону, ни Дюмон-Дюрвилю не удалось полностью выяснить обстоятельств гибели Лаперуза. Атолл Ваникоро раскрыл свои последние тайны не профессиональному мореплавателю, а известному вулканологу Гаруну Тазиеву. Он отправился туда в 1959 году с бригадой отлично оснащенных водолазов. Лагуна отдала последние остатки: шесть якорей, пушки, ядра, латунные гвозди. Был найден серебряный рубль с изображением русского царя Петра I. Кому могла принадлежать такая монета, кроме участников экспедиции Лаперуза, единственной в XVIII веке экспедиции, достигшей берегов Сибири и плававшей затем в южных морях?

Гарун Тазиев расспросил самого старого человека на Ваникоро, и тот поведал ему очень ясную устную легенду, дошедшую через четыре поколения. В ней говорилось о двух больших кораблях и о том, как погибло много белых людей...

Поэтому Рис Дискомб, упомянутый в начале главы, возможно, был последним исследователем, кому доверило море тайны гибели Жана-Франсуа Гало де Лаперуза.

Едва ли зимовщики мыса Эванс могли предположить, что терпеливый, доброжелательный, воспитанный, но в то же время довольно замкнутый и не всегда приспособленный к условиям антарктической зимовки Эпли Джордж Черри-Гаррард (кличка «Вишенка») — выпускник Оксфорда и участник «без научной квалификации» Британской Антарктической экспедиции 1910—1913 годов, во главе которой стоял капитан первого ранга английских Королевских ВМС Роберт Фолкон Скотт, создаст документ-реквием, второй по значимости и силе после дневника самого Р. Скотта.

Целью Британской Антарктической экспедиции было именно достижение полюса — так считала общественность Англии и читатели газет во всем мире, что ставило экспедицию в их глазах в особое положение по сравнению с предшествующими. И когда события развернулись так, как они развернулись, фокус восприятия широкого читателя сконцентрировался на судьбе именно полюсного отряда. За пределами интересов любителей газетных новостей остались и исчезновение северного отряда во главе с В. Кемпбеллом, и научные результаты экспедиции в целом, и значение случившегося для последующего изучения ледяного материка. На многие вопросы ответили научные результаты экспедиции, дневник самого Р. Скотта, воспоминания других участников экспедиции. Э. Черри-Гаррард, не рискуя из-за недостатка личного опыта настаивать на

своей оценке ряда спорных моментов в деятельности экспедиции, подает эти события глазами их участников, привлекая массу документов и ссылок, что резко выделяет его книгу среди публикаций других участников экспедиции. Отрывки из его книги* и записи самого Р. Скотта составляют основу настоящей главы, рассказывающей, пожалуй, о самой ужасной трагедии в истории покорения Южного полюса Земли.

Прежде чем приступить к изложению интересных подробностей, сообщим о сути страшного путешествия Р. Скотта.

Сам Р. Скотт, объясняя свою неудачу в «Послании обществу», ссылается на непогоду. Действительно, в это время наступила антарктическая зима, которая и не могла быть иной. Важно другое: имевшимися транспортными средствами выполнить намеченный маршрут в более короткие сроки было невозможно. Р. Скотт знал об этом и, планируя возвращение полюсного отряда на период с середины марта до начала апреля, тем самым обрекал свой отряд на испытание антарктической зимой. Можно считать, что выполнение маршрута в таких условиях и такими средствами (в отличие от норвежцев Амундсена) было уже за пределами человеческих возможностей. На фоне этого совершившаяся трагедия выглядит скорее закономерной, чем случайной.

И такой вывод подтверждается еще целым рядом примеров в действиях людей из ближайшего окружения Р. Скотта, прежде всего лейтенанта Эванса. Дело в том, что признаки опас-

---

* Черри-Гаррард Э. Самое ужасное путешествие. Пер с англ. — Л.: Гидрометеиздат, 1991. — 552 с.

ного изнурения людей появились спустя три месяца после начала маршрута. Очевидно, трехмесячный срок — предельный для безопасной работы в данных условиях. Затем начинается борьба за выживание, где любое неблагоприятное стечение обстоятельств может оказаться роковым. В отряде Э. Эванса при приближении к базе (как впрочем, и в отряде самого Р. Скотта) часть людей уже оказалась на грани истощения. Об этом свидетельствует снижение темпа движения, и соответственно, более пологая «ветвь» графика, начиная с конца января. К счастью для людей из отряда Э. Эванса — они возвращались еще в конце антарктического лета. Когда отдельные люди теряли способность идти, до базы оставалось около сотни километров. В сложившейся обстановке любая случайность могла иметь роковые последствия.

В отличие от отряда Э. Эванса, Р. Скотт и его люди накануне гибели оказались в заведомо худшем положении. Во-первых, из-за большого расстояния до базы (свыше 260 км) и, во-вторых, из-за наступившей антарктической зимы. В создавшейся ситуации эти обстоятельства не давали остаткам отряда Р. Скотта каких-либо реальных шансов на благополучное возвращение. Отряд Р. Скотта погиб, исчерпав возможность к действию. В свою очередь причины гибели участников похода на полюс обусловлены ошибками в планировании всей полюсной операции, из которых главная — несоответствие средств (прежде всего транспортных) и цели.

В полюсной операции ни лошади, ни моторные сани не оправдали себя, и в конце концов люди сами впряглись в нарты. Видимо, еще в

процессе полюсного похода Р. Скотт пытался переосмыслить ситуацию и внести ряд корректив относительно собачьих упряжек, роль которых резко возрастала. Собачьими упряжками в его экспедиции заведовал некто Сесил Мирз, фигура неординарная даже в созвездии личностей, зимовавших на мысе Эванс. Р. Скотт принял его в экспедицию по рекомендации непосредственно Адмиралтейства. Этот человек с десяток лет прожил на Дальнем Востоке, хорошо знал его русскую часть, а также прилегающую Сибирь, которую однажды пересек до мыса Челюскина. Он говорил по-русски, по-китайски и даже на хинди. Участник англо-бурской войны. В глазах своих товарищей по зимовке это был бродяга из бродяг и вдобавок искатель приключений, соприкасавшихся странным образом с военным ведомством. Неудивительно, если считают, что этот человек был связан с военной разведкой. Так или иначе, но именно С. Мирз закупил в Хабаровске и Николаевске на территории России несколько десятков собак для экспедиции Р. Скотта, проделав позже аналогичную операцию с лошадьми в Харбине (Манчжурия), а также нанял каюра Дмитрия Гирева и конюха Антона Омельченко — они стали первыми русскими, зимовавшими в Антарктиде. Однако в экспедиции его отношения с Р. Скоттом не сложились, по вине последнего — он слишком любил объяснять С. Мирзу, как надо обращаться с собаками, одновременно недооценивая этот вид транспорта.

1 июня 1910 года «Терра-Нова» вышла из Вест-индских доков в Лондоне, а 15 июня — из Кардиффа. Судно взяло курс на Новую Зеландию,

там были пополнены и уложены его грузы, взятые на борт собаки, пони, моторные сани, кое-какие дополнительные запасы продовольствия и снаряжения. Здесь же поднялись на борт те офицеры и ученые, которые не плыли из Лондона. 29 ноября 1910 года судно, наконец, отчалило, взяв курс на юг. 4 января 1911 года оно прибыло в залив Мак-Мёрдо, и меньше чем за две недели полярники построили себе дом на мысе Эванс и выгрузили все вещи. Вскоре после этого судно ушло. Высаженная на мысе Эванс партия во главе со Скоттом известна как главная партия.

Предполагалось, что для выполнения научных задач экспедиции на Земле Короля Эдуарда VII высадится вторая партия с меньшим числом людей под началом Кемпбелла. В поисках подходящего для высадки места группа Кемпбелла встретила в Тигровой бухте норвежскую экспедицию Руала Амундсена на бывшем корабле Нансена — «Фраме». Кемпбелл с пятью товарищами высадились в конце концов на мысе Адэр и построили себе дом рядом со старой зимовкой Борхгревика. Судно вернулось обратно в Новую Зеландию. Через год оно возвратилось в Антарктику с новыми запасами продовольствия и снаряжения, а еще через два года доставило в цивилизованный мир тех, кто выжил.

На долю главной партии выпало столько приключений и походов, причем одновременно, что, кажется, неподготовленному читателю будет легче разобраться в содержании всей книги Черри-Гаррарда, а не в краткой последовательности событий.

В первую осень были образованы две партии: одной, во главе со Скоттом, предстояло зало-

жить на Барьере склады для похода к полюсу, и она так и называлась — партия по устройству складов; другая должна была вести геологические изыскания в Западных горах — тех, которые образуют западный берег залива Мак-Мёрдо. Это первый геологический поход, а следующим летом с той же целью был предпринят второй геологический поход. Обе партии в марте 1911 года встретились в старой хижине экспедиции «Дисковери» (первая экспедиция Скотта) на мысе Хат и здесь выжидали, пока море замерзнет, чтобы уйти на север к мысу Эванс. Те же, кто оставался тем временем на мысе Эванс, продолжали вести комплексные научные наблюдения. В полном составе главная партия собралась для зимовки на мысе Эванс лишь к 12 мая. Во второй половине зимы три человека во главе с Уилсоном предприняли поход на мыс Крозир для изучения эмбриологии императорского пингвина; это так называемое зимнее путешествие.

Летом 1911—1912 года усилия большинства участников санных походов были направлены на подготовку завоевания Южного полюса. Партия с моторными санями снова отправилась на Барьер, с собачьими упряжками — к подножию ледника Бирдмора. Отсюда двенадцать человек пошли дальше. Четверо из них под командой Аткинсона — первая вспомогательная партия — повернули назад с верховьев ледника на широте $85^{\circ}3'$. Через две недели лейтенант Эванс увел еще двоих с $87^{\circ}32'$ — вторую вспомогательную партию. Дальше к полюсу пошли пятеро: Скотт, Уилсон, Боуэрс, Отс и старшина Эванс. 17 января они достигли Южного полюса и обнару-

жили, что за 34 дня до них здесь уже побывал Амундсен. На обратном пути они прошли 721 уставную милю и погибли в 177 милях от своей зимней базы.

Вспомогательные партии добрались до дома благополучно, правда, лейтенант Эванс был болен цингой в острой форме. В конце февраля 1912 года провиант для возвращающейся полусной партии все еще находился на складе Одной тонны. Болезнь Эванса вынудила срочно пересмотреть планы, и «Вишенке» было приказано взять одного человека и с двумя собачьими упряжками идти к складу и перебазировать продукты. Этот поход можно назвать походом на собаках к складу Одной тонны.

Шесть членов экспедиции во главе с Кемпбеллом, которые в начале 1911 года высадились на мысе Адэр, были весьма огорчены тем, что летом 1911 года им не удалось провести достаточное количество санных походов: в самом начале года ветер отогнал весь морской лед от берега, а сзади их не пускали на плато горы; прохода через них они так и не нашли. Поэтому, когда 4 января 1912 года появилась «Терра-Нова», было решено, что судно высадит их с шестинедельным рационом провианта для санных путешествий и дополнительным запасом галет, пеммикана и другой провизии у горы Мелборн в Убежище Эванс, в 250 милях южнее мыса Адэр и в 200 милях от зимней базы экспедиции на мысе Эванс. Поздно вечером 8 января они стали лагерем в этом месте и помахали вслед уходившему из бухты кораблю. Он должен был зайти за ними 18 февраля 1912 года.

Но вернемся опять в залив Мак-Мёрдо. 16 марта две собачьи упряжки Черри-Гаррада в полном изнеможении вернулись со склада Одной тонны на мыс Хат. От Барьера «Вишенка» еще прошел по морскому льду на мыс Хат, но здесь началась открытая вода и никакой связи с мысом Эванс не было. На мысе Хат находится Аткинсон с матросом, и он обрисовал сложившееся положение примерно так.

Корабль ушел и вернуться уже не сможет — вот-вот наступит зима. Кроме лейтенанта Эванса, больного цингой, он забрал пятерых других офицеров и троих матросов, чей срок пребывания в Антарктиде истек. Таким образом, на мысе Эванс осталось всего лишь четверо офицеров, и четверо матросов — на мысе Хат.

Среди этих новостей самой тревожной была та, что судно не пробилось сквозь тяжелый пак к лагерю Кемпбелла в Убежище Эванс. Все его попытки были безуспешны. Решит ли Кемпбелл зимовать на месте своей стоянки? Или попытается на санях уйти по берегу еще куда-нибудь?

В отсутствие Скотта руководство экспедицией в невероятно трудных условиях, сложившихся в этом и в следующем году, должно было бы, естественно, перейти к лейтенанту Эвансу. Но Эванс в тяжелом состоянии плыл на корабле в Англию. Эта задача легла на Аткинсона, и он с ней справился.

Все беспокоились за судьбу Кемпбелла и его партии, но чем дальше, тем больше к этому беспокойству примешивалась тревога за все еще отсутствовавшую полюсную партию: зима быстро вступала в свои права, погода стояла плохая. Но что могут сделать два человека? Да и

что надо делать? И если делать, то когда, чтобы было больше шансов на успех?

В конце концов Аткинсон решил сделать две попытки.

26 марта он с матросом Кэохэйном вышел с санями на Барьер. Погода была ужасная, но они достигли точки в нескольких милях к югу от Углового лагеря и возвратились. Стало понятно, что южная партия погибла.

Больше ничего нельзя было предпринять, пока не возобновится связь с зимней базой на мысе Эванс. Только 10 апреля удалось на санях проехать к нему по свежему льду. 14 апреля на мыс Хат подоспела помощь.

Тогда и была предпринята вторая попытка. Партия из четырех человек прошла на санях кусок западного побережья, чтобы встретить Кемпбелла и помочь ему. Поход закончился ничем, как, впрочем, и следовало ожидать.

Далее будут изложены и история наступившей зимы, и мучительные колебания: искать ли полюсную партию (наверняка погибшую) с ее документацией или же Кемпбелла с его людьми (возможно живыми). Делать и то и другое было невозможно — не хватало людей. Все считали, что полюсную партию погубила цинга, либо партия провалилась в трещину... И твердо были уверены, что только болезнь или несчастный случай могут помешать людям Скотта найти дорогу к лагерю. Было решено предоставить Кемпбеллу своими силами пробиваться к базе вдоль берега, а самим пойти на поиски полюсной партии и ее документации. «К нашему удивлению, — пишет Черри-Гаррард, — мы обнаружили занесенную снегом палатку в 140 милях

от мыса Хат и всего лишь в 11 милях от склада Одной тонны. Они прибыли сюда 19 марта. В палатке лежали тела Скотта, Уилсона и Боуэrsa. Отс, не дойдя до этого места 18 миль, добровольно вышел из палатки в метель навстречу смерти, старшина Эванс лежал мертвый у подножья ледника Бирдмора».

Найдя тела и документацию участников похода, поисковая партия вернулась на мыс Хат, с намерением отправиться по западному берегу навстречу Кемпбеллу.

История Кемпбелла такова.

Кемпбелл высадился в Убежище Эванс, имея провианта на шесть недель санных походов плюс двухнедельный рацион на шесть человек: 56 фунтов сахара, 24 фунта какао, 36 фунтов шоколада, 210 фунтов галет и запасную одежду. Иными словами, после проведенных по плану санных походов, им оставалось продовольствия на четыре недели весьма скудных пайков. Кроме того, у них были запасная палатка и запасной спальный мешок. Никто серьезно не предполагал, что корабль не сможет их забрать во второй половине февраля.

Партия Кемпбелла провела успешные санные походы и важные геологические изыскания в районе Убежища Эванс. Затем, обосновавшись на берегу, они стали ждать судно. Вокруг до самого горизонта, сколько хватал глаз, простиралась открытая вода, разгоняемая сильным ветром, а судно не приходило. Путешественники решили, что оно потерпело крушение. На самом же деле за пределами их видимости лежал толстый паковый лед, сквозь который капитан «Терри-Нова» Пеннел упор-

но пытался провести судно, пока не встал перед выбором — или уходить, или вмерзнуть в лед. Ему так и не удалось приблизиться к берегу ближе чем на 27 миль.

Вот тогда-то с плато позади них по направлению к открытому морю задули сильные ветры. Такая погода усугубила и без того плохое положение. Убежище Эванс усеяно огромными каменными глыбами; преодолевать их приходилось склонившись вперед и сопротивляясь встречному ветру, а стоило ему внезапно стихнуть, как незадачливый путешественник валялся вперед лицом вниз. Ввиду таких обстоятельств решено было с места не трогаться, подготовиться к зимовке, а весной отправиться берегом на санях на мыс Эванс. Альтернативная идея отправиться берегом на санях в марте или апреле, кажется, никогда всерьез не обсуждалась,

Отряд Кемпбелла между тем разделился на две группы по трое человек в каждой. Первые трое под командой Кемпбелла вырыли в большом сугробе шурф глубиной 6 футов, от него вбок продолбили буром и лопатой проход, а в конце прохода — пещеру площадью 12 футов на 6, высотой 5 футов и 6 дюймов. Остальные трое под командой Левика разыскивали и убивали тюленей и пингвинов, но их попадалось ничтожно мало, и до середины зимы, когда наступила полярная ночь, люди не ели досыта. Один человек обязательно дежурил у палаток — они были уже такие изношенные и ветхие, что оставлять их без присмотра на ветру было небезопасно.

К 17 марта пещера, еще не готовая, могла все же принять троих жителей. Вот что об их

вселении рассказывает в своем дневнике один из участников — Пристли*:

«17 марта, семь часов вечера. Весь день дул сильный юго-западный ветер, ночью усилившийся до бури. День выдался ужасный — надо было перенести в наше временное жилище все необходимые вещи. Ни разу за все время совместного пребывания нервы не были так напряжены, но мы успешно выдержали испытание... Не хотел бы я еще когда-нибудь сделать три такие ходки, как сегодня. Стоило ветру ослабнуть, и я падал в наветренную сторону. Каждый яростный порыв ветра заставлял меня склоняться в противоположном направлении, не меньше десяти раз он поднимал меня вверх и кидал наземь или на валуны».

Пристли продолжает:

«После прибытия бездомной партии сварили суп, который привел всех в самое благодушное настроение. Согревшись от еды, все на час-другой забыли о невзгодах и запели... Зрелище было очень приятное, и стоит закрыть глаза, как передо мной встает маленькая пещера, вырубленная во льду и снегу, с хлопающей на ветру палаткой вместо двери, удерживаемой у краев входного отверстия перекрещенными ледорубом и лопатой... Пещеру освещают три или четыре маленьких жирника, источающие мягкий желтый свет. У стены лежим на спальниках, отдыхая после трудового дня, Кемпбелл, Дикасон и я; напротив, на возвышении, выбитом до уровня пола, сидят Левик, Браунинг и Аббот, обмениваясь впечатлениями о поглоща-

* Пристли Р. Антарктическая Одиссея. — Л.: Гидрометеоздат, 1989.

емом ими супе. Примус весело гудит под котлом с подкрашенной жидкостью, заменяющей какао. По мере того, как гости согреваются, у них пробуждается чувство юмора — мы перекидываемся остротами, но сегодня все преимущества на нашей стороне; авария в той палатке и вынужденный уход от родных пенатов — неисчерпаемая тема шуток. Вдруг кто-то заводит песню, остальные хором ее подхватывают, вмиг заглушая шум примуса. Поют несколько часов. Но вот свет начинает меркнуть, и холод берет верх над действием какао и супа. Поющих одного за другим пробирает дрожь, невольно все начинают думать, какая трудная предстоит ночь, и тут становится не до песен...

Двое в одноместном спальнике! Даже сама мысль об этом мучительна и ни у кого не вызывает желания шутить. Шутки посыплются на следующий день, когда ночь благополучно закончится, а пока что ее близость наводит на грустные размышления. Но делать нечего, каждый из нас готовится приютить у себя еще одного человека».

В таких условиях злосчастная партия, не терявшая присутствия духа, вступила в одну из самых ужасных зим, сотворенных Господом Богом... Они страшно голодали, ведь ветер не только мешал образованию морского льда в заливе, но и делал его берега почти недоступными для тюленей. Случались, правда, и праздники, например, в тот день, когда Браунинг заметил и убил тюленя, и в его желудке мы обнаружили тридцать шесть «не переваренных рыбин, вполне пригодных для пищи». Какие радужные перспективы открылись перед зимовщиками! «Тю-

лени со съедобной начинкой нам больше не попадались, но мы не теряли надежды на встречу с такими экземплярами, и охота превратилась в азартную игру. Впредь, при виде тюленя кто-нибудь восклицал: «Рыба!», — и все наперегонки бросались к животному».

Они ели ворвань, на ворвани варили пищу, ворванью заправляли лампы. Одежда и вещи пропитались ворванью; сажа покрывала темным слоем их лица и руки, спальные мешки, печи, стены, потолок; забивалась в горло, раздражала глаза. Пропитанная ворванью одежда не удерживала тепла, и вскоре изорвалась настолько, что мало защищала от ветра; зато ее можно было поставить стоймя — так много в ней было жира, хотя зимовщики часто соскребали его ножами и оттирали пингвиными шкурками.

С самого начала зимовщики договорились сохранить оставшийся провиант для весеннего санного похода вдоль берега, так что до весны они должны были питаться мясом тюленей и пингинов, которых сами добывали. Первый случай дизентерии возник в самом начале зимы и был спровоцирован использованием соли из морской воды. Тогда взяли соль из санного рациона и в течение недели клали ее в пищу; она привела все в норму, а со временем они привыкли к соли из морской воды. Только Браунинг, который когда-то болел брюшным тифом, всю зиму страдал от дизентерии. Она бы его наверняка доконала, если бы не его веселый добродушный характер.

В июле дизентерия разразилась с новой силой. Некоторые неприятности доставил им и синдром «пещерной снины» — следствие того, что из-за низкого потолка приходилось сидеть в полусогну-

том положении. В начале сентября группу поразило птомаиновое отравление. Его вызвало мороженое мясо, слишком долго находившееся для оттаивания в «духовке» — так они называли ящик из-под галет, подвешенный над топившейся ворванью печью. «Духовка» висела чуть косо и в ее углу скапливалась старая кровь, влага и кусочки мяса. Вероятно, это в сочетании с супом с душком — вылить его у голодных зимовщиков не хватило духа — и послужило причиной серьезного заболевания. Особенно плохо себя чувствовали Браунинг и Дикасон.

Случались черные дни: например, когда они поняли, что судно не снимет их с берега; когда одолевали тоска, голод, недомогание — все сразу; когда казалось, что тюленина на исходе и придется идти берегом среди зимы — вдруг Аббот разделочным ножом убил двух тюленей, покалечив себе при этом три пальца, и спас положение.

Но бывали и светлые дни, вернее, не такие черные: в день зимнего солнцестояния все так насытились, что на еду не могли смотреть; в другой раз, наконец, без запинки спели Тедеум; или убили несколько пингвинов; или получили из аптечки порцию горчичного пластыря...

На свете не было более веселой и остроумной партии. Во всем они умудрялись видеть комическую сторону, и если сегодня им это не удавалось, то уж на завтра они потешались вовсю.

30 сентября они отправились, как говорили, «домой». Им предстояло пройти с санями вдоль берега около 200 миль, кое-где по морскому льду, который, как мы уже говорили, отсутствовал в районе Убежища Эванс. Надо было,

кроме того, пересечь язык ледника Дригальского — могучее препятствие, угнетавшее всю зиму их воображение. На последний ледяной вал сжатия, вызванный ледником, они поднялись вечером 10 октября и увидели Эребус, от которого их отделяли 150 миль. Все перенесенные тяготы остались позади, впереди зимовщиков ждал мыс Эванс, а морской лед простирался перед ними сияющей бесконечностью.

Дикасон, в начале похода чуть живой из-за дизентерии, вскоре поправился. Браунингу, однако, было по-прежнему плохо; его спасло лишь то, что теперь их рацион состоял из четырех галет, небольшого количества пеммикана и какао — куда более здоровой пищи, чем извечное мясо. Поблизости от бухты Гранит, через месяц после старта, состояние Браунинга настолько ухудшилось, что обсуждался вопрос, не оставить ли его с Левиком на этом месте в ожидании лекарств и подходящей пищи с мыса Эванс.

Однако их невзгодам пришел конец: на мысе Робертс они неожиданно для себя увидели опознавательный знак склада, зарытого Тейлором в прошлом году. Они бросились по-собачьи рвать снег — и о радость! — нашли целый ящик галет, а также масло, изюм, сало. День и ночь они без усталости, никуда не торопясь, жевали, и когда снова вышли в путь, рты их были изранены галетами. Нет сомнения в том, что перемена питания спасла Браунингу жизнь. Двигаясь берегом на юг, они нашли другой склад, а потом и третий. 5 ноября они прибыли на мыс Хат.

«Терра-Нова» прибыла на мыс Эванс 18 января 1913 года, как раз когда все начали го-

товиться к следующей зимовке. Выжившие члены экспедиции весной прибыли на родину. А осенью уже вышла в свет книга Скотта.

Скотту было 43 года, Уилсону — 39, Эвансу — 37, Отсу — 32, Боуэрсу — 28.

Из дневника Р. Скотта:

«Среда, 14 марта. Мы, несомненно, с каждым днем слабеем; все словно стоворились против нас... Хотели, отдохнув, пройти еще сколько-нибудь, но все слишком прозябли, так как северный ветер ни на минуту не утихал, а когда солнце стало садиться, температура понизилась еще больше. Долго возились, готовя ужин впотьмах...

Температура понизилась до -43° [-42°C] при сильном ветре. Надо идти вперед, но разбивка лагеря с каждым разом становится все труднее и опаснее. Мы, должно быть, близки к концу. Бедному Отсу с ногой все хуже. Боюсь даже подумать, что с ним будет завтра. Мы с величайшим трудом спасаемся от обмороживания. Никогда не думал, чтобы в это время года могли быть такие морозы и такие ветры. Вне палатки — ужас. Должны бороться до последней галеты, но уменьшать рационы нельзя.

Пятница, 16 марта или суббота, 17. Потерял счет числам, но вероятнее, кажется, последнее. Жизнь наша — чистая трагедия. Третьего дня за завтраком бедный Отс объявил, что дальше идти не может, и предложил нам оставить его, уложив в спальный мешок. Этого мы сделать не могли и уговорили его пойти дальше. Несмотря на невыносимую боль, он крепился; мы сделали еще несколько миль. К ночи ему стало хуже. Мы знали, что это — конец.

На случай, если будут найдены эти листки, я хочу отметить следующие факты. Последние мысли Отса были о его матери, но перед этим он с гордостью выразил надежду, что его полк будет доволен мужеством, с каким он встретил смерть. Это мужество мы все можем засвидетельствовать. В течение многих недель он без жалоб переносил жестокие страдания, но до самого конца был в состоянии разговаривать о посторонних предметах и это делал охотно. Он до самого конца не терял, не позволял себе терять надежду. Это была бесстрашная душа. Конец же был такой: Отс проспал предыдущую ночь, надеясь не проснуться, однако утром проснулся. Это было вчера. Была пурга. Он сказал: «Пойду, пройду. Может, не сразу вернусь». Он вышел в метель, и мы больше его не видели. Теперь мы знали, что бедный Отс идет на смерть, и отговаривали его, но в то же время сознавали, что он поступает как благородный человек и английский джентльмен. Мы все надеемся так же встретить конец, а до конца, несомненно, недалеко.

Пользуюсь случаем сказать, что до самого конца мы не покидали своих больных товарищей. Что касается Эдгара Эванса, когда у нас положительно не было пищи и он лежал без памяти, то, ради спасения остальных, казалось необходимостью оставить его. Провидение милостиво убрало его в самый критический момент. Эдгар Эванс умер своей смертью, и мы ушли от него только два часа спустя после кончины.

Могу писать только за ланчем, и то не всегда. Холод убийственный: -40° [-40°C] в полдень. Мои товарищи бесконечно бодры, но нам еже-

минутно грозит опасное обморожение. Хотя мы беспрестанного говорим о благополучном исходе, не думаю, чтобы хоть один из нас в душе верил в его возможность.

Мы теперь мерзнем и на ходу и в любое время, не мерзнем только за едой. Вчера из-за пурги мы вынуждены были сделать привал и сегодня продвигаемся ужасно медленно. Стоим в старом лагере № 14, в двух шагах от лагеря Одной тонны. Здесь оставляем наш теодолит, фотографический аппарат и спальный мешок Отса. Дневники и пр., как и геологические образцы, которые мы везем с собой по особой просьбе Уилсона, найдут при нас или на санях.

Воскресенье, 18 марта. Сегодня за ланчем находились в 21 миле от склада. Несчастье преследует нас, но еще есть надежда на лучшее. Вчера опять дул противный ветер и гнал снег нам в лицо; пришлось остановиться. Ветер с NW силой в 4 балла, температура -35° [-37°C]. Нет такого человека, который мог бы справиться с ним, а мы изнурены почти до предела.

Моя правая нога пропала — отморожены почти все пальцы, а еще два года назад я мог похвастаться двумя здоровыми ногами. Теперь лучше всех чувствует себя Боуэрс, но это неважно. И он, и Уилсон все еще рассчитывают выбраться или только делают вид — уж не знаю! В походной печке последний керосин, и то он налит только наполовину. Спирта осталась самая малость. Вот и все, что стоит между нами и небытием. Ветер в настоящую минуту попутный, это, пожалуй, в нашу пользу. Когда шли к полюсу, то такое число миль, какое мы проходим теперь в день, показалось бы нам до смешного ничтожным.

Понедельник, 19 марта. Ланч. Вчера вечером с трудом устроились на ночевку и страшно зябли, пока не поужинали холодным пеммиканом, галетой с кружкой какао, сваренного на спирту. Тогда, против ожидания, согрелись и спали хорошо. Сегодня поднялись с обычной проволочкой. Сани ужасно тяжелы. До склада 15,5 мили, должны бы дойти в три дня. Ну и продвижение! Пищи осталось на два дня, но дров еле-еле хватит на день. Ноги у нас у всех плохи. У Уилсона лучше, чем у других. Всех хуже моя правая нога, левая еще здорова. Нет возможности лечить ноги, пока нет горячей пищи. Лучшее, на что я теперь могу надеяться, это ампутация ноги; но не распространится ли гангрена? — вот вопрос. Погода отдохнуть не дает. Ветер с севера и северо-запада, температура сегодня -40°C .

22 и 23 марта. Метель не унимается. Уилсон и Боуэрс не могли идти. Завтра остается последняя возможность. Топлива нет, пищи осталось на раз или два. Должно быть, конец близок. Решили дожидаться естественного конца. Пойдем до склада с вещами или без них и, может, умрем в дороге.

Четверг, 29 марта. С 21-го числа свирепствовал непрерывный шторм с WSW и SW. 20-го у нас было топлива на две чашки чая на каждого и на два дня сухой пищи. Каждый день мы были готовы идти — до склада всего 11 миль, — но нет возможности высунуться из палатки, так несет и крутит снег. Не думаю, чтобы мы теперь могли еще на что-либо надеяться. Выдержим до конца. Мы, понятно, все слабеем, и конец не может быть далек.

Жаль, но не думаю, чтобы я был еще в состоянии писать.

Р. Скотт.

Последняя запись: Ради Бога, не оставьте наших близких».

А вот выдержки из предсмертных писем, написанных Р. Скоттом.

К миссис Э. А. Уилсон

«Дорогая миссис Уилсон!

Когда это письмо дойдет до Вас, мы с Биллом уже давно окончим свое существование. Мы сейчас очень близки к этому, и я хотел бы, чтобы Вы знали, каким он был чудесным человеком до конца — неизменно бодрым и готовым принести себя в жертву ради других. Ни разу у него не вырвалось ни одного слова упрека мне за то, что я втянул его в эту скверную историю. Он не страдает, к счастью, и терпит только небольшие неудобства.

В глазах его сияет синева утешительной надежды, а его дух умиротворен удовлетворением, которое доставляет ему вера в то, что сам он является частью великих планов Всемогущего. Ничего не могу прибавить вам в утешение, кроме того, что он умер так, как жил, — храбрым, истинным мужчиной и самым стойким из друзей.

Все мое сердце преисполнено жалостью к вам.

Ваш Р. Скотт»

К миссис Боуэрс

«Дорогая миссис Боуэрс!

Боюсь, что это письмо вы получите после

того, как на Вас обрушится один из самых тяжелых ударов за всю Вашу жизнь.

Я пишу в ту минуту, когда мы очень близки к концу нашего путешествия, и оканчиваю его в обществе двух доблестных и благородных джентльменов. Один из них — ваш сын. Он стал одним из самых моих близких и верных друзей, и я ценю его удивительно прямую натуру, его ловкость и энергию. По мере того как росли затруднения, его неустрашимый дух сверкал все ярче, и он оставался бодрым, полным надежды и непоколебимым до конца».

Сэру Дж. М. Барри

«Дорогой мой Барри!

Мы умираем в очень безотрадном месте. Пишу вам прощальное письмо в надежде, что оно, может быть найдено и отослано вам... Прощайте. Я совершенно не боюсь конца, но грустно утратить многие скромные радости, которые я планировал на будущее во время долгих переходов. Я не оказался великим исследователем, но мы совершили величайший поход и подошли очень близко к крупному успеху.

Прощайте, мой дорогой друг.

Ваш навеки Р. Скотт.

Мы в отчаянном состоянии, отмороженные ноги и т.д. Нет топлива, и далеко идти до пищи, но вам было бы отратно с нами в нашей палатке слушать наши песни и веселую беседу о том, что мы станем делать, когда дойдем до дома на мысе Хат.

Позднее. Мы очень близки к концу, но не теряем и не хотим терять бодрого настроения. Мы

пережили в палатке четырехдневную бурю, и нигде нет ни пищи, ни топлива. Мы намеревались было покончить с собой, но решили умереть естественной смертью на посту».

Из писем Р. Скотта, адресованным другим друзьям:

«Хочу сказать вам, что я не был слишком стар для этой работы. Первыми сдали более молодые... В конце концов мы показали хороший пример своим соотечественникам, если не тем, что попали в скверное положение, то хотя бы тем, что встретили его как мужчины. Мы могли бы справиться, если бы бросили заболевших.

Уилсон, лучший из людей, когда-либо существовавших, многократно жертвовал собой ради больных товарищей по экспедиции...

Мы были у полюса и совершили длиннейшее путешествие из когда-либо известных. Истинной причиной, задержавшей нас, является ужасная погода и неожиданный холод к концу путешествия.

Как много я мог бы рассказать тебе об этом путешествии! Насколько оно было лучше спокойного сидения дома в условиях всяческого комфорта!»

Послание обществу

Причины катастрофы не вызваны недостатками организации, но невезением в тех рискованных предприятиях, которые пришлось предпринимать.

1. Потеря конного транспорта в марте 1911 года заставила меня двинуться в путь позже, чем я предполагал, и вынудила нас сократить количество перевозимых грузов.

2. Непогода во время путешествия к полюсу

и особенно продолжительная буря на 83° ю. ш. задержала нас.

3. Мягкий снег на нижних подступах к леднику опять-таки понизил нашу скорость.

Мы настойчиво боролись с этими досадными обстоятельствами и победили их, но это сказалось на уменьшении нашего продовольственного резерва.

Каждая мелочь нашего пищевого довольствия, одежда и склады, устроенные на внутреннем ледниковом щите и на протяжении всех этих долгих 700 миль до полюса и обратно, были продуманы в совершенстве. Передовой отряд вернулся бы к леднику в прекрасном состоянии и с излишками продовольствия, если бы не вышел из строя, к нашему изумлению, человек, гибели которого мы меньше всего могли ожидать. Эдгар Эванс считался сильнейшим человеком из всего отряда.

Ледник Бирдмора не труден в прекрасную погоду, но на обратном пути у нас не было ни единого действительно хорошего дня. Это обстоятельство в связи с болезнью товарища невероятно осложнило наше и без того трудное положение.

Как я уже говорил в другом месте, мы попали в область ужасно неровного льда, и Эдгар Эванс получил сотрясение мозга. Он умер естественной смертью, но оставил наш отряд в расстройстве, а осень неожиданно быстро на двигалась.

Но все вышеперечисленные факты были ничто по сравнению с тем сюрпризом, который ожидал нас на Барьере. Я настаиваю, что меры, принятые нами для возвращения, были вполне

достаточны, и что никто на свете не мог бы ожидать той температуры и состояния пути, какие мы встретили в это время года. На плато на широте 85—86° мы имели -20° [-29°C], -30° [-34°C]. На барьере на широте 82°, на 10000 футов ниже, у нас было довольно регулярно днем -30°, ночью -47° [-44°C], при постоянном противном ветре во время наших дневных переходов. Ясно, что эти обстоятельства произошли совершенно внезапно, и наша катастрофа, конечно, объясняется этим внезапным наступлением суровой погоды, которая, как будто, не имеет никакого удовлетворительного объяснения. Я не думаю, чтобы кому-либо и когда-либо приходилось переживать такой месяц, который пережили мы. И мы все-таки справились бы, несмотря на погоду, если бы не болезнь второго нашего сотоварища — капитана Отса и нехватка горючего на наших складах, причину которой я не могу понять, и, наконец, если бы не буря, налетевшая на нас в 11 милях от склада, где мы надеялись забрать свои последние запасы. Право, едва ли можно ждать большего невезения — это был последний удар. Мы прибыли на 11 миль от нашего старого склада Одной тонны с горючим на одну последнюю еду и с запасом пицци на два дня. В течение четырех суток мы не в состоянии были оставить палатку — буря воеет вокруг нас. Мы ослабели, писать трудно, но я, лично, не жалею об этом путешествии. Оно показало, что англичане могут переносить лишения, помогать друг другу и встречать смерть с такой же величавой храбростью, как и в былое время. Мы шли на риск. Обстоятельства повернулись против нас, и поэтому у нас нет причин жаловаться. Нужно

склониться перед волей провидения, с решимостью до конца делать то, что в наших силах. Но если мы пожелали отдать свои жизни за это дело, ради чести своей родины, то я взываю к своим соотечественникам с просьбой позаботиться о наших близких.

Если бы мы остались в живых, то какую бы я поведал повесть о твердости, выносливости и отваге своих товарищей!

Мои неровные строки и наши мертвые тела должны поведают эту повесть, но, конечно же, наша великая страна позаботится о том, чтобы наши близкие были как следует обеспечены.

Р. Скотт*

ГЛАВА 13 САМЫЙ СТАРЫЙ ЧЕЛОВЕК НА САМОЙ МАЛЕНЬКОЙ ЛОДКЕ**

История мореплавания насчитывает более двухсот мореплавателей-одиночек. Путешествуя по страницам нашей книги, трудно глубоко почувствовать морское путешествие капитанов «ореховых скорлупок» в бурных сороковых широтах или даже в благодатной пассатной зоне с множеством райских островов. Добровольные и дерзкие океанические плавания совершались не только ради прихоти, жажды приключений и спортивных достижений. Главное — это испытание духа, изучение физиологических трудностей и стихийных опасностей в критической

---

* «Последняя экспедиция Р.Скотта»

** Глава публикуется по материалам книги В.И.Войтова «Морские робинзоны». — М.: Мысль, 1971. — 157 с.

обстановке, а также выявление психического и телесного порога человеческих возможностей и последствий длительного неестественного образа жизни. Многие из капитанов-одиночек рисковали жизнью ради спасения сотен людей, погибающих в море.

Так капитан резиновой надувной лодки «Еретик», французский врач Ален Бомбар, пересекший Атлантический океан, своим примером показал, что, «если человек, потерпевший кораблекрушение, будет упорно бороться за свою жизнь, он может долго продержаться в океане».

Для других это был способ самовыражения, стремление к славе или выигрыш крупного пари. Среди одиночных мореплавателей были и такие, которые подняли парус, спасаясь от крушения в «жителейском море». В побуждающем мотиве Джона Колдуэлла что-то от рыцарских времен. На маленьком тендере «Язычник» он, смутно разбирающийся в парусах и в мореплавании вообще, поплыл через Тихий океан, стремясь в Австралию, где его ждала жена Мэри. У Колдуэлла просто тогда не было другого, более простого выхода попасть в Австралию.

Самый главный враг морского робинзона — одиночество. Он плывет совершенно один по безграничным пустынным просторам океана неделями и даже месяцами.

Чтобы как-то разорвать кольцо одиночества, человек начинает говорить вслух или петь, чтобы услышать свой голос. Джошуа Слокам, например, отдавал сам себе команду и тут же докладывал об исполнении приказа. Чичестер с улыбкой замечает, что приобретенная в одиночном плавании привычка — разговаривать с самим собой —

в обществе будет принята как симптом начинающегося безумия: ведь так ведут себя сумасшедшие. «Я так втянулся в эту дурную привычку, что уже не пытаюсь от нее избавиться», — записал он в своем дневнике во время кругосветного рейса на яхте «Джипси-Мот-IV».

Фрэнсис Чичестер, Робин Ли Грэхэм, Ален Бомбар скрашивали одиночество музыкой, слушая радиоприемник или магнитофонные записи. Неудачник кругосветной гонки без остановки англичанин Доналд Кроухорст в часы, когда одиночество одолевало его, подходил к магнитофону и делал подробные записи, рассказывая по возможности бодрым тоном о всех событиях своего плавания. После этого ему становилось легче.

А француз Марин-Мари совершенно не страдал от одиночества. Вообще он убежден, что плавать надо одному. Во-первых, очень трудно подобрать идеального компаньона, который был бы согласен с тобой в выборе курса или любил те же блюда, что и ты. А во-вторых, если даже нет никаких расхождений, то присутствие другого человека все равно вызовет массу волнений. Пока ты отдыхаешь, он бодрствует у руля. Чуть он затих, и ты выскакиваешь на палубу, чтобы убедиться, что партнер не свалился за борт. Некоторые мореплаватели брали с собой кошек или собак. Кошки, пожалуй, лучше. Собаки же обычно страдают морской болезнью и плохо переносят отсутствие пресной воды. Однажды Слокам взял на борт козла, но тот сожрал навигационные карты, и Джошуа с удовольствием сбыл его на острове Вознесения.

Еще одна «прелесть» одиночного плавания —

«молчаливая смерть». Это гибель суденышка и его капитана в результате столкновения со встречным кораблем ночью или во время тумана.

Беда, если одиночный мореплаватель окажется за бортом. Уильям Уиллис на двенадцатый день после выхода из Кальян на плоту из бальсовых бревен «Семь сестричек» пережил самое драматическое происшествие. Около десяти часов утра он решил порыбачить, выпустив метров шестьдесят лески, надеясь поймать дельфина. Вскоре леска стала дергаться. Было похоже, что на крючок попала акула. Так оно и оказалось. Вытащив акулу на плот, Виллис решил освободить крючок из ее зубастой пасти. Крючок стал поддаваться, но акула так отчаянно билась, что Уиллис, потеряв равновесие на скользких бревнах, головой полетел в воду. Стремясь за что-нибудь схватиться, он левой рукой угодил в акулюю пасть, сильно поранив кисть. Вместе с акулой мореплаватель оказался под водой. Вынырнув, он увидел, как плот с распущенными парусами уплывал вдаль. Если бы на плоту был еще человек, об бросил бы конец, а так положение Виллиса было катастрофическим. К счастью, правая рука Виллиса была еще обернута леской, конец которой был закреплен к поперечному бревну на корме плота. Перехватывая леску руками, ему удалось подтянуться к плоту.

После этого Виллис стал выпускать с кормы один или два двадцатиметровых конца.

Многие мореплаватели-одиночки, чтобы предотвратить эту опасность, надевают на себя ременную или нейлоновую «сбрую».

«Все время, пока я нахожусь на палубе, я должен оставаться в ременной сбруе, прикреп-

ленной к страховочному лееру — я обещал это жене, — писал Чичестер. — Кто-то великодушно подарил мне великолепный красно-белый спасательный буй, но беда в том, что, если бы я упал за борт, мне нужно было бы сперва добраться до яхты, вскарабкаться на борт и бросить самому себе этот буй».

Правда, опытные яхтсмены говорят, что у одиночного мореплавателя, оказавшегося за бортом, имеется небольшой шанс на спасение. Его яхта при свободном руле опишет дугу, развертываясь против ветра, и на несколько минут задержится прежде, чем упрется в ветер. Если упавший за борт правильно рассчитает и окажется в конце дуги, то он спасен. Плыть же вдогонку за яхтой абсолютно бессмысленно.

Одиночные океанические рейсы требуют не только огромного напряжения духовных, но и невероятного расхода физических сил.

В течение целых четырех суток Джошуа Слокам не мог помышлять об отдыхе, беспрестанно меняя паруса во время плавания в районе мыса Горн, куда его отбросила буря. Его хлестал град и снег с дождем, кровь текла по лицу. Но какое это могло иметь значение, если ставкой была жизнь.

Ровно семьдесят два часа и не часом меньше отстоял на руле Ален Жербо при подходе к Нью-Йорку.

А как тяжело дался рейс через Атлантику Бомбару!

«Я похудел на 25 килограммов, и мне пришлось перенести немало тяжелых недугов и болезней. Я достиг берега с анемией (5 млн. красных кровяных шариков перед началом пу-

тешествия и 2,5 млн. — по возвращении) и с общим количеством гемоглобина, граничащим со смертельным».

Минуя летописи одиночных плаваний, гибель десятков безвестных и уже успевших прославиться капитанов, расскажем о трагической и наверняка счастливой судьбе одного из них, носившего звание патриарха океана.

В 1954 г. Нью-Йоркский клуб приключений избрал своим почетным членом Уильяма Уиллиса за его замечательное путешествие от гористых берегов Перу до обожженных солнцем песков островов Самоа. Возможно, используя опыт экспедиции «Кон-Тики», Уиллис также сооружает плот из бальсовых бревен. Протяженность маршрута бальсового плота американского моряка составила шесть тысяч семьсот миль. Путь плота целиком лежал в тропических широтах южного полушария. Так же как древние тихоокеанские мореплаватели при плавании с востока на запад, Уиллис использовал попутный юго-восточный пассат, а под бревнами его плота журчали струи Южного пассатного течения, также направленного на запад. Уиллис пишет:

«Это не прихоть и не простое приключение. Я не хочу доказать какую-либо научную теорию или открыть новый путь, чтобы по нему шли другие. Я хочу доказать этим путешествием, что всю свою жизнь шел по правильному пути».

Путешествие началось 23 июня 1954 г. Уильяму Уиллису было 60! (Составителю книги исполнилось два дня от роду.) Чтобы понять, каковы были побуждения Уиллиса совершить необычное плавание, почитаем его дневник:

«Я пришел в мир с крепкой верой в природу и всегда был убежден, что если стану вести деятельную и простую жизнь сообразно ее закону, то смогу еще больше к ней приблизиться и почерпнуть у нее силы. Для меня это дорога к счастью; с самого детства я шел по ней, и прожитые мной долгие годы доказали, что я избрал верный путь. И теперь, пока я еще полон духовных и физических сил, мне хочется подвергнуть себя суровому испытанию, какому должен, по-моему, подвергать себя каждый человек. Сейчас я испытываю себя бесконечным трудом, отсутствием сна и простой, скудной пищей; я отдаю себя на волю стихий, которые мне милы; далее я испытываю себя ужасным одиночеством и, как солдат в бою, непрестанной смертельной опасностью. Эта мысль также вдохновляет меня: возможно, мой опыт когда-нибудь пригодится потерпевшим кораблекрушение». Таково кредо Уильяма Уиллиса.

Надо отметить, что Уиллис приступил к постройке своего плота из семи стволов бальсового дерева, срубленных в эквадорских лесах, не пользуясь чертежами. Точную модель «Семи сестричек» со всеми деталями он держал в голове. По его словам, плот был устроен следующим образом. Ширина кормовой и носовой частей плота была соответственно 6,1 и 5,5 метра.

«Поперек семи основных бревен, составляющих несущую часть плота, я привязал для прочности три мангровых бревна, по одному на каждом конце плота и одно посередине... Затем поперек плота во всю его ширину я уложил семь бальсовых бревен диаметром от 30 до 46 сантиметров. На эти бревна была положена па-

луба, крепко сколоченная из расщепленных пополам стволов бамбука и состоявшая из отдельных щитов...

Далее в переднем мангровом бревне вырубili два гнезда, по одному с каждой стороны плота, в них вставили по балке мангрового дерева длиной в 4,9 метра. Эти балки простирались вперед и были несколько приподняты кверху, а на расстоянии 2,5 метра от центрального бревна они сходились вместе, образуя бушприт*.

На «Семи сестричках» Уиллис, взяв за образец мачты старинных эквадорских и перуанских плотов, установил похожую на раздвинутый циркуль грот-мачту высотой чуть более девяти метров. Фока-штаг не только держал грот-мачту, но также нес кливер или фок, которые могли быть подняты в шторм вместо грота. Задняя мачта высотой около семи метров несла большой треугольный парус. Рулевое управление «Семи сестричек» состояло из штурвала, соединенного с обыкновенным рулем.

Для хранения приборов, одежды, продовольствия и, конечно, для отдыха мореплавателя на палубе плота была сооружена из бамбука, бальсовых досок, пальмовых листьев и оцинкованного железа каюта площадью 1,8x2,5 метра.

Пока «Семь сестричек» не вошли в настоящую зону пассатов, у Уиллиса было много хлопот с управлением плотом. Многие часы проводил он, сидя на деревянном ящике возле рулевого колеса. Только на короткое время, закрепив концами штурвал, он отправлялся в каюту, чтобы подкрепиться. Приготовление обеда не занимало у мореплавателя много времени. Бросив в железную кружку чайную ложку муки и поджаренных

зерен злака куньбуа, произрастающего высоко в Андах, он наливал туда же воду и тщательно размешивал. Густая мучная паста — главное блюдо. На десерт Уиллис съедал две-три чайные ложки черной патоки.

Теперь надо позаботиться и о пассажирах «Семи сестричек». Черная, как смоль, кошка Микки обычно уютно устраивалась на стареньком свитере под лебедкой, а зелено-красный попугай Икки обитал в каюте. Для попугая Уиллис захватил большой запас консервированной кукурузы и риса. С кошкой было вообще просто. Ежедневно на палубу «Семи сестричек» шлепались летучие рыбы, которые составляли основу меню для Микки.

12 июля произошло трагическое событие, о котором уже рассказывалось в начале главы: Уиллис оказался за бортом. К счастью, все окончилось благополучно.

«Сегодня я оказался на волосок от смерти по собственной вине. Увидев, что на крючок попала большая акула, я должен был перерезать леску».

17 июля Уиллис, проводя астрономические наблюдения, вдруг почувствовал острую боль в области желудка. К вечеру боль исчезла, а на другой день появилась опять. Она становилась совершенно невыносимой, и никакие средства не могли ее снять. Почти теряя разум от боли, Уиллис даже хотел провести хирургическую операцию — вырезать ножом больное место. Но усилием воли подавил это безрассудное желание. Да, одинокий мореплаватель в самые трудные и драматические минуты может рассчитывать только на себя, на свою волю и мужество.

И все же он чувствовал, что обречен, и, проявив невероятные усилия, заставил себя написать прощальную записку жене и другую, с указанием последних своих координат, тому, кто первым ступит на палубу его плота.

Наступила ночь, Уиллис лежал на палубе, не имея возможности даже укрыть себя от соленых брызг. Над головой расстилалось бархатное черное тропическое небо с блестящими звездами. Один во всем мире! Один во Вселенной! Потом небо исчезло, наступил тихий, спокойный мрак. Уиллис впал в забытие. Когда он очнулся, то почувствовал облегчение — боль отступила...

Несколько дней мореплаватель приходил в себя после болезни. Хорошо, что в это время «Семь сестричек» подгоняли попутные течения и ветры.

Следующий драматический эпизод плавания Уиллис пережил 6 августа, когда обнаружил, что из жестяных банок, хранившихся под палубой, вытекла почти все пресная вода. Это соленая вода разъела швы банок. Осталось всего сорок литров воды, а до ближайшей суши необходимо пройти не менее сорока пяти — пятидесяти дней под палящими лучами тропического солнца.

И Уиллис решает наряду с пресной водой употреблять для питья также соленую.

«Пройдя на нос к левой стойке мачты, я стал на колени и погрузил белую эмалированную кружку в океан. Наполнив кружку до краев, я поднял ее к светлеющему небу:

— В тебе сила и благо. Ты дашь мне жизнь. Я смело тебя пью!

С этими словами я поднес кружку к губам».

В начале сентября разразился жесточайший шторм, во время которого был в ключья разорван парус. Несколько дней и ночей бушевала стихия, грозя разбить «Семь сестричек», но плот выдержал. И все это время Уиллис не смыкал глаз, не покидал руля. Когда шторм затих, мореплаватель принялся стежок за стежком вдоль разодранных ветром швов зашивать парус.

Так, борясь с невзгодами и непогодой, одиночный мореплаватель упрямо держал путь к островам Полинезии.

5 сентября «Семь сестричек» пересекли меридиан ($142^{\circ}30'$ западной долготы), где «Кон-Тики» закончил свое путешествие. «Семь сестричек» шли дальше на запад.

...Плавание завершилось 12 октября на островах Самоа.

После окончания первого плавания председатель Нью-Йоркского клуба приключений вручил Уиллису диплом, в котором написано: «Почетное пожизненное членство присуждено Уильяму Уиллису в признание его замечательного путешествия на плоту «Семь сестричек» на протяжении 6700 миль от суровых берегов Перу до обожженных солнцем песков Самоа. Один против стихии моря. Мы славим этот дрейф — величайшее путешествие, совершенное одним человеком...»

Уиллису шел тогда шестьдесят второй год. Он совершил подвиг, которого хватило бы, пожалуй, на две жизни. Однако он мечтает о новом, более дальнем рейсе на плоту, намереваясь переплыть Тихий океан в тропических широтах от Южной Америки до Австралии.

И через девять лет он снова в Тихом океа-

не на борту плота под вызывающим названием «Возраст не помеха».

Его новый плот был сооружен из трех металлических понтонов, к которым сверху крепилась рама из шестидюймовых труб. В свою очередь, на раму была настлана палуба из орегонской сосны. Непотопляемые понтоны были заполнены легкой коркообразной массой — полкюретеном.

На «Возрасте не помеха» имелась грот-мачта высотой 11,5 метра. В остальном (если не считать материала) плот мало отличался от «Семи сестричек». Правда, на металлическом плоту было два руля поворота.

Стартовал «Возраст не помеха» 4 июля 1963 года.

Через десять дней Уиллис обнаружил трещины в обоих рулях, в местах, где перо руля сварено с баллером — осью, на которой вращается перо. Опасаясь, что рули не выдержат, мореплаватель взял курс на Гуаякиль. Однако ветры и течения относили плот на север. И Уиллис взял курс на запад к островам Полинезии, надеясь на попутные пассатные ветры и течения, которые понесут плот к заветным островам, даже если выйдут из строя рули.

Шли дни и недели. Вскоре рули стали отказывать и, чтобы их как-то исправить, Уиллису по два-три раза в день приходилось спускаться за борт. Наконец, они отказали совсем.

«Я посмотрел на небо, на море, на рули, болтающиеся в пене волн, и подумал, что с ними я никогда не дойду до Австралии».

Необходимо было принять решение о заходе на какой-нибудь остров, лежащий на пути. Удобнее всего остановиться на Фиджи. Но вне-

запно подули северо-западные ветры, и плот стал дрейфовать к югу.

Через сто тридцать дней со дня отплытия Уиллис увидел землю. Ветер и волны гнали почти неуправляемый плот на рифы, окаймляющие сушу. Еще немного и наступит катастрофа. Уиллис включил рацию. В эфир полетели сигналы бедствия — SOS.

Но в последнюю минуту, когда казалось, что нет спасения, он заметил проход в рифах. А вскоре плот его слегка покачивался в тихих зеленоватых водах лагуны острова Уполу, входящего в состав Западного Самоа. Лишь здесь, на твердой земле, Уиллис узнал, что рация неисправна.

«Я лишь откладываю свое путешествие, но не сдаюсь. Я обязательно доберусь до Австралии», — заявил он.

Возобновить плавание удалось лишь 26 июня 1964 года. Надо сказать, что второй этап транс-океанского рейса проходил в более сложной навигационной обстановке. Значительную часть маршрута от Перу до Самоа отважному мореходу надежными союзниками были юго-восточный пассат и мощное Южное пассатное течение. В западной же части Тихого океана Южное пассатное течение разбивается на отдельные ветви, образуя замкнутые круговороты, а пассат заметно слабеет. Кроме того, в этой части океана щедро разбросаны пригоршни островной пыли — мелких коралловых островков, многие из которых не всегда точно нанесены на карту. Не меньшую опасность представляют и более крупные вулканические острова, обнесенные частоколом из коралловых рифов. Такие рифы в свое время сдержали порыв мореплавателя-одиночки Джона

Колдуэлла. Его яхта «Язычник» разбилась на прибрежных рифах восточнее Фиджи.

Легко представить, какой опасности подвергается дрейфующий плот в океаническом пространстве во время свирепствующих здесь тропических ураганов.

«Но самая большая опасность на пути подстерегала меня у австралийского побережья», — рассказывал Уиллис. Вдоль всего северо-восточного побережья Австралии простирается Большой Барьерный риф — огромное пространство, буквально усеянное обилием коралловых рифов, отмелей, островков.

Хенк Пенниг — школьный учитель из небольшого австралийского поселка — любил в свободное время побродить с женой по берегу реки. Вокруг привычный пейзаж: красно-бурые склоны далекого горного массива с зеленой полосой эвкалиптовой рощи у подножия, мутные воды реки Талли, мангровые заросли по ее берегам в месте впадения в Тихий океан... Тишина, нарушаемая лишь криком морских птиц...

Вдруг на противоположном пустынном берегу реки человек решительно спустился к самой воде и осмотрелся, словно оценивая, где бы можно переплыть.

«Безумец! Этот человек, конечно, не знает, что река кишмя кишит крокодилами», — подумал Пенниг. Через мгновение учитель спустился к воде, где была привязана моторная лодка. Еще через несколько минут Пенниг с женой уже подплывали к противоположному берегу. Незнакомец — высокий старик с усталым обветренным лицом и густой пепельной бородой — протянул Пеннигу руку: «Я — Уиллис из Нью-Йорка».

Грандиознейшее плавание через самый большой океан нашей планеты завершено. Пройдено около одиннадцати тысяч миль. Об Уиллисе пишут во всех газетах мира. Книга отважного плотоводца об этом плавании переводится на многие языки. Плот «Возраст не помеха» становится одной из достопримечательностей Нью-Йорка, он экспонируется близ статуи Свободы. На вопрос корреспондентов: «Что вы собираетесь делать?» — мореход отвечал: «Я поплыву снова. Но теперь это будет Атлантика».

В 1966 году Уиллис на крошечной яхте длиной 3 метра 36 сантиметров прошел сквозь серию штормов Атлантики, но из-за крайне болезненного состояния (грыжа) вынужден был прекратить трансатлантический рейс в районе 56° западной долготы и 40°50' северной широты, где он встретил грузовое судно.

Так же неудачно сложился рейс в 1967 году, когда его в полубессознательном состоянии подобрало польское рыболовное судно. Неугомонный патриарх океана полон оптимизма и в 1968 году предпринимает новую попытку покорить Атлантику.

Рефрижераторный корабль «Янтарный» из Калининграда, имея на буксире траулер с неисправной машиной, направлялся к родным берегам. 21 сентября 1968 г. радисты «Янтарного» приняли от приписанного к порту Лиепая СТР-4486 радиограмму:

«20 сентября наше судно, направляясь к Джорджес-банке, обнаружило полузатопленную одноместную яхту со сломанной мачтой. Людей на паруснике не оказалось. Завели стропы под суденышко, приподняли его, откачали воду и

приняли на палубу. На яхте найдены американский паспорт на имя Уильяма Уиллиса, родившегося в 1893 году, документы, подтверждающие его одиночное плавание через Атлантику из Нью-Йорка в английский порт Плимут, начавшееся 1 мая 1968 г., письмо президента Нью-Йоркского клуба путешественников, неотправленную корреспонденцию...»

СТР-4486, обнаружив израненную дрейфующую яхту и убедившись, что на ней никого нет, тщательно «прочесал» довольно большой район океана. Поиски капитана «Малышки» (так называлась яхта) были безрезультатными.

Тщательное изучение найденных на яхте документов показало, что последняя закладка в Морском астрономическом ежегоднике была сделана 20 июля, а последняя запись координат 17 июля: 26°00' западной долготы, 53°50' северной широты. Правда, позже капитан «Янтарного» обнаружил в журнале еще одну лихорадочную сбивчивую запись, но там даты не было.

...Едва только «Янтарный» встал на внешнем рейде Калининградского порта, как к рефрижератору подошел буксир «Атлант» с большой группой журналистов и фоторепортеров. Всех волновала загадка гибели Уильяма Уиллиса.

Московский журналист В. Стеценко, основываясь на заключениях опытных морских капитанов, писал:

«Состояние рангоута и такелажа яхты после катастрофы говорит о том, что в период плавания яхта попала в условия, когда ветер достигал штормовой силы — грот разорван, мачта переломилась, вероятно, в двух местах — в районе выхода из палубы и выше на расстоянии

одного метра. Это предположение основано на том, что передняя шкаторина грота имеет длину на один метр больше сохранившейся части мачты. Учитывая, что мачта не могла одновременно переломиться в двух местах, а также обилие обрывков тросов, закрепленных на предметы на верхней палубе яхты, можно с определенной вероятностью допустить, что Уиллис после первой поломки мачты пытался закрепить мачту с помощью растяжек.

Теперь мы с большим сожалением можем сказать, что рулевое устройство, узлы крепления мачты и такелаж не выдержали испытания при встрече со штормом: петли руля обломились и руль был утерян, вант-путенсы также обломились, петли крышки люка сорвались.

Можно себе представить семидесятипятилетнего смельчака в океане на трехметровой яхте без руля, без парусов, без «крыши над головой», без пищи, лишенного возможности сообщить о своем бедствии миру».

Итак, катастрофа произошла около 20 июля 1968 г., а советские моряки обнаружили яхту Уиллиса два месяца спустя. Любопытно, что за это время лишенная мачты и руля «Малышка» продрейфовала в океане всего двести сорок миль.

Уиллис боролся. Он заткнул обрывками паруса и одеждой горловину люка, чтобы уберечься от волн, ремонтировал изорванные паруса, пытался взамен утерянного руля поставить новый самодельный (об этом свидетельствуют зарубки на корме яхты). Кстати, капитан «Янтарного» Ю. С. Маточкин предполагает, что мореплавателя во время попытки поставить новый руль легко могла смыть волна. Самым

подходящим для этой операции инструментом является топор, а его-то и не оказалось среди предметов, найденных на «Малышке».

На последних чистых листах судового журнала были обнаружены записи, сделанные топорливой и слабеющей рукой.

Не все удалось разобрать в этом последнем послании:

«Малышка» имеет пробойну сверху... Выкачиваю насосом тонны... Крен судна... высота... ослаблять... я трепещу при мысли... остров Уайт... когда остров Уайт... Человек... следующее число... истощение может довести до безумия... час завершить...ошибаться...затопить... гавань... предел... и немедленно пойти ко дну... проклятье... я имею... передайте Т... солнышко».

Ясно одно, что эти строки написаны, когда положение было критическим и надежда на спасение становилась все призрачнее. Он просил передать своей жене Тедди слова прощания, сам все-таки вышел на палубу, чтобы продолжать дрейф к острову Уайт. До этого острова, лежащего севернее Ирландии, оставалось всего чуть больше трехсот миль. Триста миль из трех тысяч!

Найдутся ли еще такие смельчаки, как старик Уиллис в наше время?..

Не поверите, но найдутся.

Если говорят, что он самоубийца и сумасшедший, а он молчун, одиночка и не молод. Григорий Попов — живая легенда моря, путешественник на доске-серфере. Один из рекордов — 1000 км под парусом на доске, 13 дней не подходя к берегу! Бесконечное круглосуточное напряжение. Если задремал, то холодной ночью —

в воду (привязан к доске и парусу обязательно). Не говоря уж об акулах и ночном холоде Атлантики. Запасы воды — 3 л; из еды — сало, изюм, орехи. По образованию физик, не женат и не был. Новый маршрут: Испания — Питер...

ЧАСТЬ III

ВЕЛИЧАЙШИЕ ОТКРЫВАТЕЛИ

ГЛАВА 14

СЧАСТЬЕ ФРИДРИХА ВИЛЬГЕЛЬМА ГЕНРИХА АЛЕКСАНДРА ФОН ГУМБОЛЬДТА

Придворный проповедник, наследный прусский принц, министры, генералы, дамы высшего света — все собрались у колыбели малыша знатного рода и все, нисколько не веря, по традиции предрекали ему великое будущее. Только на этот раз они не ошиблись, потому что малыша звали Александр Гумбольдт.

Затем было прекрасное образование, богатое наследство, мечта о далеких странствиях...

Вовсе не просто, даже и с деньгами, совершить задуманное. Он собрался вместе с братом в путешествие по Египту, предварительно проехав Италию, а в Вене пришлось задержаться: в Италии шла война. Попытался другим путем попасть в Египет — опоздал: к тем же берегам уже вышел флот Бонапарта. В Париже он познакомился с Луи Антуаном де Бугенвилем, первым из французов, обошедшим вокруг Земли, тот готовился в новое плавание и с истинно французской галантностью пообещал взять с собой, однако Директория молодой Французской республики, отдавая дань уважения семидесятилетнему, хотя и румяному, Бугенвилю, назначает капитаном готовящейся экспедиции Бодена.

Теперь уже сам Бугенвиль со слезами на глазах приводит к Гумбольдту пятнадцатилетнего сына и просит взять с собой в путешествие...

Но и эта мечта развеялась. Экспедицию отменили. И Гумбольдт вместе со своим новым другом, ботаником и врачом Эме Бонпланом, молодым, восторженным человеком, направляется в Тулон, чтобы дожидаться шведского фрегата, шедшего вокруг Европы в Алжир. Шведский посол обещал место на корабле. И здесь неудача: фрегат разбился о скалы близ берегов Португалии и вся команда погибла. Тогда Гумбольдт покупает места на барке, идущем на север Африки, а уж там как-нибудь и в Египет можно добраться. А тут начинается тягомотная проволочка с оформлением паспортов, и барк уходит без них. Вскоре пришло известие: в Тунисе перебили всех французов, прибывших на барке.

Теперь только одна дорога оставалась открытой — через Испанию. И Гумбольдт вместе с Бонпланом предпринимают попытку попасть в испанские владения за океаном. Они огромны, о них ходят легенды, но известно о них науке столько же, как и во времена отчаянных конкистадоров.

Наверное, ему повезло в том, что в Мадриде удалось найти человека, представившего его королю. Королевская чета не без интереса выслушивает горячую речь молодого ученого-иностранца, обещающего то, во что, по сути, он и сам еще не очень-то верил, и Карлос IV принимает благосклонное решение — он допускает Гумбольдта в свои владения в Южной Америке и даже обещает письмо, открывающее двери в глубь континента. Более того, король пре-

доставляет фрегат, который доставит Гумбольта и его спутника к берегам заокеанских владений короны.

В порту Гумбольдт читает на борту название корабля — «Писарро» и, кажется, только именно в этот момент окончательно верит в то, что большая дорога его мечты началась...

Стоял знойный день 5 июня 1799 года. Поднявшись на верхнюю палубу «Писарро», Гумбольдт уловил свежее дыхание ветра, пришедшего с моря.

Через полтора месяца плавания фрегат отдал якорь в бухте Куманы, северной гавани Венесуэлы. Вот и ступил он на землю, о которой столько мечтал...

Гумбольдт спешит записать первые впечатления: «Мы бегаем, как дураки. Первые три дня ни за что не могли взяться. Бонплан уверяет, что сойдет с ума, если чудеса не прекратятся...»

Помедлив, он добавляет: «Я чувствую, что здесь буду очень счастлив».

И все же этот яркий, красочный мир, в котором все необычно, не заслоняет от него главной задачи: пройти вверх по Ориноко к ее истокам и проследить, где она соединяется с Риу-Негру, где-то далеко на юго-востоке впадающей в великую Амазонку. Сезон дождей, начавшийся в верховьях Ориноко и продолжавшийся обычно до декабря, заставил отложить на несколько месяцев экспедицию, и Гумбольдт с Бонпланом продолжали вынужденно наслаждаться беззаботной жизнью на берегу Карибского моря.

Только в феврале 1800 г. они попали в льяносы — степи, почти сплошь поросшие травами. Сезон дождей кончился, раскаленные вет-

ры сожгли, иссушили траву, и, глядя на обнаженную, потрескавшуюся землю, на пересохшие ручьи и реки, путешественники с трудом верят, что когда-нибудь вся эта необозримая равнина вновь покроется пышной растительностью.

В самом центре степей, в одном из небольших поселений, Гумбольдту рассказали о дереве, дающем молоко, похожее на настоящее коровье и цветом и вкусом. Кажется, каких только чудес они не насмотрелись здесь, но молоко из дерева — это уже чересчур! Дерево как дерево, с ярко-зелеными, гладкими листьями по верхней их стороне и темными снизу, напоминает ветвистую яблоню.

Слуга сделал косой, глубокий надрез в коре, и в подставленный сосуд из сушеной тыквы полилась густая жидкость молочного цвета. Гумбольдт с большим удовольствием пил этот необыкновенный напиток...

Но чудеса не кончаются. Проводник обещает показать место неподалеку от городка Калабосо, куда, собственно, они направлялись, где водятся электрические угри. Эти рыбы испускают столь мощный разряд, что могут поразить человека насмерть. Охота на угрей походила на охоту на крупных хищников. Льянерос — индейцы, обитатели льяносов, загнали нескольких лошадей в неглубокую речку, чтобы растревозить зарывшихся в придонном иле угрей. Те не заставили долго ждать, напали на лошадей, и лошади, пораженные током, в панике кинулись на берег, где, тяжело дыша, валились на землю. Гумбольдт внимательно наблюдает, делает предположение, что электрические разряды поражали брюшные нервы, в результате

чего у животных отнимались ноги, и, верный давней своей привычке испытывать все на себе, подвергается действию разрядов угрей.

Придя в себя, он скрупулезно описывает то, что пришлось ему испытать: «Я не помню, чтобы когда-нибудь при разряде самой большой лейденской банки я испытывал более сильный удар, чем тот, который я испытал теперь. В течение всего дня я чувствовал невыносимую боль в коленях, немилосердно болели почти все суставы...»

Он подробно исследует анатомию этих удивительных рыб, отыскивает у них источники тока, объясняет биологическое назначение электрических разрядов. Сделанные наблюдения детально описывает в письмах, и они производят настоящий фурор среди ученых Европы, никогда не пускавшихся в поиски открытий в столь далекий и трудный путь. В сущности, это он, Александр Гумбольдт, пробудил интерес к Новому Свету, какого не было со времен Христофора Колумба.

Но главные открытия ждали его впереди.

В конце марта 1800 года Гумбольдт и Бонплан с пятью индейцами пустились на пироге в плавание вниз по Апуре, сбегаящей с гор к Ориноко. С обеих сторон обступил реку девственный лес, древний, как сама земля. Мириады кровожадных москитов, словно истомившись в бесконечном для них ожидании, с яростью набросились на путешественников. Стаи розовых фламинго, встревоженных появлением пироги, снимались с прибрежной воды.

Через тридцать три дня путешественники прибыли в миссию францисканцев, расположенную в долине Ориноко. Остались позади клокочущие, в белой пене пороги. Здесь, в уединенной миссии,

Гумбольдт ищет — и находит объяснение удивительному, единственному в мире водному каналу Касикьяре*, созданному самой природой, соединяющему бассейн Ориноко и Амазонки. Кажется, вот отсюда, от Касикьяре, разбегаются в противоположные стороны Ориноко и Риу-Негру, несущая свои воды на юго-восток, в Амазонку. Более полувека тянулся в Европе спор о существовании этого водяного моста, и только Гумбольдт, пробравшись в дебри девственных лесов, в глубь континента и собственными глазами увидев загадочный рукав Касикьяре, поставил точку в затянувшемся споре.

А их пирога меж тем все больше стала походить на Ноев ковчег. На ней возвышались клетки с беспокойными обезьянами, с крикливыми птицами, громоздились ящики, в которые был упакован гербарий, собираемый неутомимым Бонпланом. Гумбольдт много работает, вычисляет точное местонахождение слияния Риу-Негру и Ориноко, обследует озеро Гуаяна, считавшееся истоком для многих рек, убеждается, что это вовсе не так, да и размеры озера чуть ли не в сто раз меньше того, как считалось в Европе.

В мае они уже плыли по Ориноко. Гумбольдт, приглядываясь к переменившемуся Бонплану, с тревогой отмечал в нем признаки некоей странной болезни. Его энергия исчезла бесследно, он сделался молчалив, малоподвижен. Позже начались сильные головные боли и острые боли в спине, от которых он страдал больше всего. И страшнее было то, что день ото дня ему делалось хуже... Не в силах, не имея воз-

---

* Касикьяре — классический пример явления бифуркации рек, т. е. соединения двух речных бассейнов.

возможности предпринять что-либо, Гумбольдт в отчаянии смотрел, как угасал его друг.

Только в Ангостуре, уже неподалеку от устья Ориноко, Бонплан смог осмотреть местного врача. Еще через месяц после того, как его свалила с ног лихорадка, Бонплан, почти до неузнаваемости изменившийся, смог подняться с постели.

Однако на этом его испытания и испытания Гумбольдта еще не кончились. Окрепший, обретший былую жизнерадостность Бонплан безнадежно влюбился в индейскую девушку, помогавшую путешественникам в их делах по хозяйству. На глазах пришедшего в ужас друга Бонплан сделал ей предложение, она согласилась, но тут же сбежала с другим возлюбленным. Бонплан, окончательно потеряв голову, кинулся за ней, и Гумбольдт в течение нескольких недель терзался в самых худших предчувствиях.

Бонплан объявился так же неожиданно, как и исчез. В своей погоне он наткнулся на интересное место, забыл о возлюбленной, увлекшись охотой за бабочками и сбором растений. Гумбольдт рад необычайно, спешно собирает вещи — теперь можно ехать на Кубу, где есть надежда попасть на корабль Бодена, идущий в кругосветное плавание.

Путь на Кубу, длиной в сорок четыре дня, проходил с приключениями. Сначала за ними погнался и обстрелял пиратский корабль, потом на борту вспыхнул пожар, а прибыв на место, они узнали, что могли бы и не торопиться: капитан Боден отправился к Южной Америке другим путем, минуя Кубу.

Здесь, на Кубе, друзья подготовили к отправ-

ке в Европу гербарий. Вместе с Бонпланом они аккуратнейшим образом упаковывают коллекции и для большей безопасности делят их на три части.

Позже они возблагодарили судьбу: корабль, на котором была отправлена одна — основная часть коллекции — гербарий, коллекции насекомых, собранные на Ориноко и Риу-Негру, у берегов Африки потерпел крушение и унес на дно все их сокровища.

И снова они в Южной Америке. Двигаясь навстречу ускользнувшему от них судну Бодена, который намеревался обогнуть мыс Горн, Гумбольдт с Бонпланом пересекают северо-западную часть континента по рекам, по узким горным тропам, по болотам, где мулы вязли по брюхо.

В Кито Гумбольдт подымается на кратер Пичинчу, а через месяц — на вулкан Чимборасо, считавшийся в то время высочайшей вершиной мира. На Чимборасо они достигают с Бонпланом высоты 5881 метр. Никто прежде не поднимался так высоко. Всю свою жизнь, даже и в глубокой старости, Гумбольдт гордился тем восхождением.

Бонплан весь отдался своей любимой охоте, вооружившись сачком и лупой, а Гумбольдт собирает и узнает все, что можно узнать о целебных свойствах хинного дерева. Кора его, добываемая в тайных местах, — вся добыча отправлялась в Мадрид, ко двору короля. Простые смертные недостойны лечиться столь ценным снадобьем... Гумбольдт поражается, узнав, как мало собирают этой коры — всего сто десять центнеров в год... Все более интересуясь исто-

рией, он выясняет, что в глубокой древности хинином, называемым тогда кинакином, инки умели исцелять больных лихорадкой. То, что новым было для европейцев, индейцы знали всегда. Гумбольдт предлагает разведение хинных деревьев в землях других континентов, чей климат может оказаться благоприятным для них.

Семнадцать дней работают Гумбольдт с Бонпланом в бассейне реки Амазонки; один неутомимо охотится за растениями, другой ведет наблюдение за спутниками Юпитера, определяет расстояние до Луны, вносит исправления в старую карту. Потом они вновь направляются к Андам, останавливаются в Кахамарке, где некогда был удушен несчастный король инков Атахуальпа.

Готовясь к встрече с Тихим океаном, Гумбольдт пишет в дневнике: «Мое заветное желание увидеть Тихий океан с высоких хребтов Анд было неразрывно связано с впечатлениями детства, когда я еще мальчиком увлекался рассказами о наполненном приключениями походе Васко Нуньесе де Бальбоа».

Они увидели берег океана вовсе не таким, как ожидали увидеть: день шел за днем, а перед ними по-прежнему расстилалась пустыня. Редкие растения, встречавшиеся в этих местах, казались совершенно сухими, хотя воздух был влажным. Небо постоянно скрывали низкие тучи, солнце появлялось лишь к вечеру, да и сам океан раскатывал здесь мрачные, тяжелые волны.

Для Гумбольдта все это — загадка. Он много размышляет об этом — дорога располагает к тому — и все-таки разгадывает тайну странной

пустыни. Узкий и длинный участок берега омертвел потому, что его омывает мощное холодное течение, идущее к северу. Вот почему здесь не бывает дождей, а земля иссохла и омертвела.

Позже это течение назовут именем его открывателя — Александра Гумбольдта*, именем человека, умевшего видеть то, что оставалось невидимым для взоров других.

В первых числах декабря 1802 г. Гумбольдт с Бонпланом уже стояли на борту корвета, вышедшего из Кальяно и взявшего курс на север, к мексиканскому берегу. Гумбольдт не знал еще, что слава опередила его и что он возвращается в цивилизованный мир всемирно известным ученым. Его письма, отосланные с Кубы и из Южной Америки, коллекции, собранные с риском для жизни вместе с Бонпланом и отправленные в Европу, заставили говорить о южноамериканском континенте. О Гумбольдте уже знали и в Мексике и встретили его там как триумфатора. Потом они с Бонпланом вновь попадают на Кубу, прихватывают часть коллекции, собранной на Ориноко и оставленной Гумбольдтом в Гаване на сохранение, и вновь возвращаются в Америку — на этот раз в Северную. Томас Джефферсон, президент, наслышанный о путешествиях Гумбольдта, приглашает его. Гумбольдт ездит по стране, по-прежнему собирает коллекции, изучает жизнь народов, их прошлое — все для него важно и интересно, а в августе 1804 г. сходит на берег Бордо. Пять лет он не видел Европы.

За его судьбой следили не только ученые. В газетах прошли сообщения о том, что Гум-

---

* В настоящее время более употребительно название «Перуанское течение».

больдт расстался с жизнью в плену у кровожадных индейцев, что он бесследно исчез в джунглях где-то на Амазонке, что его насмерть поразила желтая лихорадка, что корабль, на котором он возвращался в Европу, разбился неподалеку от африканского берега, а он жив и здоров, и ему всего 35 лет.

Результаты огромны. Он составил целый атлас карт областей Южной Америки, о которых вовсе ничего не знали географы. Он астрономически точно обозначил на картах сотни различных пунктов, в том числе крупнейшие города и столицы. Изучая горы на континенте, он создал метод профилей, с помощью которого развязал сложнейшую систему Анд — метод, без которого вряд ли мыслят теперь свою работу геологи и геодезисты. Он создал первую геотектоническую карту материка, поведал о реальных запасах полезных ископаемых, проделал бесчисленное множество метеонаблюдений, не потерявших своего значения и до сих пор.

Его биологические исследования различных американских животных — электрических угрей, кайманов, обезьян-ревунов, обладающих самой громкой глоткой на свете, — все эти исследования произвели настоящий фурор в науке. А его коллекция растений, содержащая более трех тысяч новых видов, открыла ботаникам Европы мир, о существовании которого они и не подозревали!

Но главное, пожалуй, даже не это. Он зримо видел связь жизни океанов и материков, растительного мира и земли, животных со средой обитания. Связь не случайна. Он пишет: «Одна из задач всеобщего землеведения состоит в срав-

нении природных свойств отдаленных областей и в сопоставлении результатов...»

Он обладал поразительным даром и мог проследить этапы развития от одного какого-то факта к явлению, а из самого явления выйти к закону, все обобщающему.

Теперь, после возвращения, пришло время более глубокого осмысления увиденного. Он должен уединиться, засесть за письменный стол, но средства, почти две трети всего состояния, ушли на путешествие. Бонплан был беден, и на его материальную помощь Гумбольдт никогда не рассчитывал. А из оставшихся денег половину пришлось уплатить за издание будущих книг. Так что денег у него оставалось только-только чтобы прожить. Бонплан вовсе не знал, как свести концы с концами, пока друг ему не помог...

Слава Гумбольдта осветила выход из положения. Прусский король, желая выказать свое отношение к заслугам исследователя, возвел его в звание камергера и определил приличествующее тому содержание, позволяющее без заботы о хлебе насущном погрузиться в работу над книгой.

С Бонпланом решилось все проще. Еще раньше, в Париже, Гумбольдта представили Бонапарту, и тот, наслышанный о достижениях немца и о том, что, говоря о славе, их нередко теперь ставили вместе, снисходительно бросил во время аудиенции: «Так вы занимаетесь ботаникой? Моя жена тоже».

Император был и к чужой славе ревнив, но Жозефина, его жена, действительно серьезно интересовалась ботаникой, и через нее Гумбольдт выхлопотал для Бонплана превосходное место смотрителя императорского ботанического сада.

Наконец он засел за стол и начал писать «Картины природы». Четким почерком вывел он на первой странице: «Мрачным душам по преимуществу предназначены эти страницы. Кто хочет укрыться от бури жизни, тот охотно последует за мной в чащу лесов, через необозримые степи и на высокие цепи Анд».

В то время он замышляет еще одно путешествие — по странам, которых не знает совсем, и в первую очередь по России. Русский министр торговли, граф Румянцев, сделал ему предложение посетить Россию, Гумбольдт сразу же зажегся, размечтался, желая увидеть Байкал и поработать на его берегах, потом отправиться на далекую Камчатку и подняться хотя бы на один из ее вулканов. Наверное, читал он — не мог не читать замечательное «Описание земли Камчатки» Степана Петровича Крашенинникова, давным-давно уже переведенное и вышедшее отдельными книгами в Берлине. Но пришел 1812 год, Бонапарт вторгся в пределы России и который уж раз помешал Гумбольдту отправиться в задуманное путешествие.

Только через семнадцать лет он смог поехать в Россию. В Петербурге и Москве его встречали как всемирную знаменитость — пышно, торжественно, его принимают в почетные члены Московского университета — старейшего из всех русских университетов. И гостеприимства на него изливается столько, что в полной растерянности он пишет брату Вильгельму: «Нельзя ни на один момент остаться одному; нельзя шагу ступить без того, чтобы вас не поддерживали под мышки, как больного».

Владимир, Муром, Казань, Пермь, потом

Уральские земли, Сибирь, кружной, долгий путь в Астрахань, путешествие по Каспийскому морю — всего за 23 недели проехал он почти пятнадцать тысяч верст, и вновь экипаж прикатил его в Петербург.

Николай, по примеру европейских монархов, принимает его, произносит слова, к которым Гумбольдт привык: «Ваше появление в России вызвало громадные успехи в моей стране. Вы распространяете жизнь повсюду, где вы проходите». И велел поднести соболью шубу в подарок.

С Бонпланом они расстались в 1816 г. и, хотя оба жили еще очень долго, больше не виделись. В том, что Бонплан уехал навсегда в Южную Америку, как это ни покажется странным, виноват был Наполеон. Он расстался с Жозефиной, и Бонплан сразу же потерял ее покровительство. Что для него могла сделать опальная императрица... Бонплан выехал в Буэнос-Айрес, чтобы вступить там в должность директора музея, а на континенте полыхала война, смысл которой никак не мог дойти до него, он и в плен попал, будучи тяжело раненным, не понимая, что происходит.

Девять лет европейские друзья несчастного Бонплана, и Гумбольдт первый из них, тщетно боролись за его освобождение. Он был мучеником, пострадавшим неизвестно за что. И когда пришла весть о том, что Бонплан наконец на свободе, в Европе прокатилась волна ликования. На бедного ботаника посыпались почести, о которых он и не помышлял, верный друг его Гумбольдт и в этом сыграл немалую роль: орден Почетного легиона, орден Красного Орла, ему дали пенсию, позволяющую безбедно жить и работать. Впрочем, он никогда не требовал от жизни многого.

А в глубокой старости, совершенно уже одряхлевший и опустившийся старик, живущий со своей многочисленной смуглокожей семьей на заброшенном ранчо, неохотно принимает профессора Аве-Лаллемана, биографа Гумбольдта и, путая французский и испанский языки, уверяет гостя, что друг его молодости украл открытия, сделанные им, Эме Бонпланом...

Гумбольдт, когда узнал об этом, был потрясен...

Работал Гумбольдт до последнего часа. Он видел, понимал, что угасает, но спокойствие не изменяло ему. Сказал как-то: «Старики быстро мчатся к смерти... А я прожил так долго, что почти утратил чувство времени...» А когда его спросили, как может объяснить он свое долголетие, ответил: «Лучший рецепт долгой жизни — это путешествия. Ничто так не укрепляет здоровья, как лишения долгого и трудного пути».

Он умер во сне, и похоронили его с королевскими почестями. Такова история подлинного счастья.

ГЛАВА 15

В ЛАБИРИНТАХ НЕПОЗНАННОЙ АФРИКИ

60-летний Давид Ливингстон был сражен тяжелой тяжелой болезнью; он находился в окружении верных друзей, готовых на все ради него.

Тело Ливингстона похоронено на родине, в Вестминстерском аббатстве — усыпальнице королей и великих людей. Его друзья, бывшие некогда слугами, преодолев почти полторы тысячи миль за десять с лишним месяцев, пройдя

через огромные трудности и едва не лишившись собственных жизней, вынесли тело Ливингстона на побережье Индийского океана вместе с его дневниками и материалами, накопленными за семь лет экспедиции.

Сердце Ливингстона навсегда осталось в земле Африки захороненным на окраине деревушки Читамбо, где оно отсчитало последние удары замечательной жизни.

Давид Ливингстон родился в Шотландии в 1813 г. Отец его был беден. В жизни пришлось пробиваться самостоятельно. В двадцать три года, основательно подготовившись, Ливингстон поступает в колледж, а еще через пять лет получает диплом врача. По поручению Лондонского миссионерского общества — он тогда еще верил, что проповедуя христианство, будет нести людям добро, он уезжает в Южную Африку, в Капскую колонию.

Получилось так, что врачебной практикой ему пришлось заниматься много больше, нежели миссионерской работой, и прибегать к лекарствам гораздо чаще, чем к Библии.

По-разному относились к нему люди, его окружавшие. Соотечественники — с нескрываемым неодобрением, поскольку Ливингстон все чаще и чаще пренебрегал обязанностями миссионера, а темнокожие охотники и земледельцы почти боготворили его, веря в его чудодейственную силу.

В конце концов он, не желая сносить более враждебное отношение голландских колонистов — буров и косые взгляды своих соотечественников, вынужден был начать поиски нового места для миссии. В 1849 г. он направился

на север, преодолел знойную равнину Калахари и вышел на берег Озера Нгами, которого ни один европеец еще не видел.

Как знать, не в этот ли день, когда Ливингстон стоял на берегу обширного озера, зародилась в нем мысль о том колоссальном пространстве, что открывалось за озером Нгами и о котором в Европе решительно ничего не было известно.

Через два года, уже окончательно оставив миссионерскую деятельность, он обошел озеро Нгами, продвинулся на север и достиг среднего течения Замбези. Лихорадка, знакомая всякому открывателю, стоящему на пороге большой тайны, уже охватила его.

В 1852 г. он отправился в свое первое большое путешествие. Уже знакомой дорогой он достиг берегов Замбези, поднялся вверх по ее течению почти до самых истоков, преодолел обширный водораздел между рекой и Конго, ступил на землю Анголы и вышел на берег Атлантического океана. После этого Ливингстон повернул на восток, в глубь континента, вдоль Замбези, и через четыре года после начала путешествия вышел на берег Индийского океана, завершив первое в истории пересечение Африки параллельно экватору. Но главным достижением той экспедиции было даже не это, а то, что все течение Замбези, одной из четырех великих рек континента, впервые легло на карту. Это было выдающимся успехом неудавшегося проповедника.

Через два года он вновь пошел на Замбези — видно, что-то в этой реке неудержимо увлекало его. Или, может быть, незавершенной он считал свою работу. За шесть лет исследований он полностью закончил изучение бассейна Замбе-

зи и, что оказалось наиболее важным, нанес на карту очертания огромного озера Ньяса, о котором европейские географы знали только то, что оно существует.

Теперь Ливингстон мог подвести предварительные итоги своих путешествий по Южной Африке. Ему удалось составить как бы объемную карту этой части континента, ранее неисследованной совершенно. После его экспедиций внутренняя часть Южной Африки вырисовалась как колоссальная тарелка. Ее дно — обширная равнина, плато, а возвышающиеся по мере удаления от середины края горы круто обрываются со стороны побережья. Но и это еще не все. Ливингстон описал климат мест, где он побывал, собрал множество новых сведений о животном и растительном мире пройденных им областей, а они были огромны. Он сделал так много, на что вначале никак не рассчитывал. В Европе его давно уже знали и говорили как об одном из самых серьезных исследователей Африки.

Но его беспокоила одна тайна, к которой он даже и близко еще не подступался. Испокон века загадка истоков Нила не давала покоя исследователям. Еще Геродот и Птолемей тщетно пытались ее разрешить, собирая всевозможные сведения о Ниле от разных народов, но все эти сведения были столь обрывочны, противоречивы, что вопрос не прояснялся, а, наоборот, даже запутывался, уводя все дальше и дальше от истины.

Джон Спик открыл в 1858 г. огромное озеро, лежащее как раз на экваторе, назвал его Викторией, желая увековечить имя своей королевы, и высказал предположение, что из этого озера вытекает Нил. Однако это было всего лишь до-

гадкой. До ответа было еще далеко. Только во время своего второго путешествия вместе с Джеймсом Грантом, Спиду удалось доказать свою правоту. Ливингстон ничего об этом не знал: как раз в это время он странствовал по Замбези.

Казалось бы, делу конец — больше не о чем спорить, но кабинетных ученых Европы столь внезапное, окончательное решение никак не устраивало.

Вот почему Ливингстон отправился в новую экспедицию — в поиски новых истоков Нила, в путешествие, ставшее для него последним. Шел 1866 год.

В конце января, после плавания по Индийскому океану, длившегося почти месяц, Ливингстон прибыл из Бомбея на остров Занзибар. Он выполнял почетное поручение английского губернатора и должен был передать великолепный корабль, на котором он прибыл, в дар султану Занзибара. Само собой, Ливингстон рассчитывал на поддержку султана в предстоящем своем путешествии. В сопроводительном письме губернатора тоже говорилось об этом: «Ваше высочество уже знакомо с добрыми целями жизни и трудов доктора Ливингстона, и я уверен, что Ваше Высочество будет и дальше оказывать ему внимание и покровительство, которые Вы уже проявили в прошлом, и что Ваше Высочество даст указания о предоставлении доктору Ливингстону в Ваших владениях всяческой помощи...»

Выгрузив на берег материка припасы и снаряжение, Ливингстон принялся энергично готовиться к выступлению. Нужно было все хорошенько проверить, найти двадцать носильщиков, еще и

еще раз продумать, где можно пополнить запасы продуктов.

В конце марта он оставляет на страницах дневника такую запись: «Как сильно даже физическое удовольствие, доставляемое путешествием по дикой неисследованной стране! Когда бодро шагаешь по местности, тысячи на две футов возвышающейся над уровнем моря, мускулатуре придается упругость, свежая здоровая кровь омывает мозг, мысль работает ясно, глаза становятся зоркими, шаг твердым и дневные физические усилия делают отдых по-настоящему приятным».

Трудности начались едва ли не с первых шагов. Сначала экспедиция ступила на равнину, напоминавшую выжженную солнцем пустыню. А под сухой коркой, тонкой и ломкой, лежал слой воды, и верблюды, несшие груз, волы и ослы стали проваливаться по самое брюхо.

Прошло всего несколько дней, и животные экспедиции подверглись новой опасности — их перекусали мухи цеце. Против укусов небольших насекомых противоядия не было, и животные через несколько недель почти неминуемо должны были погибнуть. Ливингстон, зная это, поспешил.

Потом началась лихорадка, свалившая с ног многих людей. Только стараниями доктора Ливингстона удалось их спасти. А вскоре отряд вошел в джунгли — такие густые, что не удалось сделать ни шагу без помощи топора, которым люди маконде пользовались с большой сноровкой.

Стволы стояли так тесно, что обойти их не представлялось возможным.

Как-то в конце июня доктор Ливингстон стол-

кнулся с такой находкой, которая заставила его содрогнуться. На пустынной тропе, привязанная за шею к дереву, висела мертвая женщина. Местные жители объяснили, что у нее не осталось сил поспевать за караваном работорговцев, и ее повесили, чтобы она не досталась другому владельцу.

Не раз еще встречались ему тела мертвых рабынь, брошенных там, где прошел невольничий караван.

Ливингстон достал свой дневник, раскрыл на странице, на которой стояла дата: 26 марта. Прочел: «Сейчас, накануне выступления в новое путешествие по Африке, я чувствую радостное возбуждение: когда путешествуешь со специальной целью улучшить положение негров, каждое твое действие облагораживается... Мы закладываем начало распространению среди них знаний о том народе, через посредство которого их страна станет со временем просвещенной и освободится от работорговли».

Отряд Ливингстона продолжал медленно продвигаться на запад, вверх по течению реки Рувумы, к ее верховьям, откуда доктор рассчитывал выйти к озеру Ньяса. Медленно, потому что все труднее и труднее становилось выменивать пищу у местных царьков. Сами они питались изысканной пищей, один вид которой вызывал у доктора отвращение: совершенно гнилое слоновье мясо, слизистые грибы, которые приходилось долго вываривать из-за яда, в них содержащегося, деликатесные лепешки из комаров кунгу, роящихся в несметных количествах. Только иногда, за непомерно высокую плату, удавалось достать немного бобов и зерна, пару

птиц, служащих скорее приправой к несъедобному слоновьему мясу.

В довершение всяких лишений случилось несчастье, сыгравшее роковую роль в судьбе Ливингстона. Как-то, уже в конце января 1867 г., двое из нанятых носильщиков бежали, прихватив один из ящиков, показавшийся им наиболее ценным. Мало того, что эти двое служили переводчиками в той стране, где шла экспедиция, они лишили доктора самого ценного, чем он обладал, потому что в том ящике были все лекарства. Потеря двух ружей, патронташа, запаса пороха и муки, с которыми доктор рассчитывал продержаться до ближайшей деревни, — это все еще ничего, но потеря лекарств грозила обернуться огромным несчастьем.

Ливингстон сначала предпринял поиски ящика, уверенный в том, что грабители, вскрыв его, немедленно бросят — зачем им порошки непонятого назначения. Но разве найдешь что-либо в густом лесу под непрерывным тропическим ливнем, смывающим любой оставленный след... Потом он даже стал убеждать себя, что, может, эта кража и к лучшему, поскольку вместе с лекарствами, предназначенными для племен, живущих на севере, исчезнет и подозрение и недоверчивость этих людей, больше всего на свете боящихся колдовства и волшебных явлений. Он это знал на собственном опыте.

Все-таки лекарства понадобились гораздо быстрее, чем он ожидал. Ливингстон чувствовал себя все хуже и хуже, быстро росла неодолимая слабость, изматывала мучительная головная боль и ноющие боли в суставах. Полный ассортимент симптомов ревматической лихорад-

ки — болезни, которой он никогда на болел и которой теперь, без каких-либо средств борьбы с нею, боялся.

Но как только болезнь отступала, Ливингстон снова пускался в дорогу. Молва о белом человеке, который стреляет только на охоте и умеет исцелять, далеко опережала его.

В середине июля 1868 года, проводя исследование к юго-западу от Танганьики, Ливингстон открыл большое озеро Бангвеоло и несущую свои воды на север реку Луалабу, пронизывающую череду округлых озер. Стоя на берегу Бангвеоло, Ливингстон, измученный лихорадкой, благодарил судьбу, давшую ему возможность дойти сюда и окинуть взглядом озеро, которого ни один европеец прежде не видел.

Здесь Ливингстон задержался на несколько дней — проделал астрономические наблюдения, определил широту озера, его размеры. Записал в дневнике: «Думаю, что я значительно преуменьшаю размеры Бангвеоло, полагая его длину равной ста пятидесяти, а ширину восьмидесяти милям». Кроме того, он обследовал и всю прилегающую местность, истоки двух небольших рек, горный хребет, тянущийся с юго-востока на юго-запад. Он хотел было плотнее заняться и Луалабой, выяснить, в какую из великих рек несет она воды — в Нил или Конго, но слабость им овладела настолько, что пришлось отказаться от мысли о походе в неизведанный край.

Превозмогая растущую боль в груди, слабость, преодолеваемую с великим трудом, Ливингстон двигался на восток. Частый кашель с кровью, не прекращавшийся ни днем, ни ночью, заставлял с тревогой думать о легких. А

он-то думал всегда, что именно легкие в его организме крепче всего... Слабость и бред стали его постоянными спутниками.

Подошел новый 1869 г., и первые два месяца Ливингстона несли на китанде — носилках, все это время служивших ему кроватью. Достигнув озера Танганьики, он отправляет письмо в селение Уджиджи, где уже побывал, с просьбой помочь в переправе. Только в Уджиджи он рассчитывал получить надлежащее питание и нужные лекарства.

Припасы, оставленные Ливингстоном в этом селении, были разграблены. Лекарства и часть консервированных продуктов, которые ожидалось с побережья, вообще не дошли и оказались в тринадцати днях пути от Уджиджи. Из запасов тканей, служивших для доктора средством существования, поскольку только в обмен на материю можно достать что-нибудь из съестного, украдено три четверти. Но и то, что осталось, поддержало его. Впервые после долгого перерыва с наслаждением пил он чай и кофе, из старой, четырехлетней давности муки испекли хлеб — пусть горьковат он, но все равно восхитителен!

Мягкое фланелевое белье, найденное среди оставленных вещей, спасало изъеденную язвами кожу, превосходный калькуттский чай тоже, казалось, обладал целебными свойствами. Кашель прекратился, и Ливингстон стал находить в себе силы для коротких, всего в полмили, прогулок. Он быстро уставал, но дух становился бодрее.

Из Уджиджи была налажена кое-какая связь с побережьем Индийского океана — местные арабы иногда отправляли небольшие караваны со слоновой костью и с рабами в обмен на вся-

кие нужные им товары. Ливингстон решил воспользоваться случаем, чтобы отправить несколько писем — он не без оснований подозревал, что в Англии о нем беспокоятся. Начался период дождей, выходить из дома было некуда, доктор, приводя в порядок свои дневники, уселся за письма.

А арабы, на которых он так надеялся, выдумывали всякие невероятные предлоги, чтобы отказаться от писем. Ливингстон понимал: боялись они, что из писем станет известно о краже, в которой они, несомненно, были замешаны. Боялись и разоблачения той роли, которую они играли в здешней работорговле, а отношение к ней доктора Ливингстона хорошо было известно.

В те дни Ливингстон записал в дневнике: «Уджиджи — притон самой худшей породы работорговцев. Работорговцы, каких я встречал в Урунгу и Итаве, были просто джентльмены; работорговцы в Уджиджи, как и работорговцы из Килвы и португальцы, самые подлые из подлых. Их торговля не торговля, а система последовательных убийств; они отправляются в поход, чтобы грабить и похищать людей, каждая торговая экспедиция представляет собой просто набег».

Постепенно Ливингстон окреп и, не теряя времени, занялся продолжением обследования озера Танганьика в районе Уджиджи.

Собрался пойти на юг по озеру, но никак не удавалось найти нужные лодки, местный вождь не давал и людей, а если и давал, то лишь на короткую часть пути и за непомерно высокую плату. А Ливингстон уже ждать не может, он спешит — слишком долго его в цепях держала болезнь, ему не терпится поскорее попасть в

страну племен маньюэма. Но и северные земли привлекают не менее — ведь именно там скрывается решение загадки большого Нила, если, конечно, та река, которая, как он предполагает, является притоком Нила, а не Конго.

И все же 3 июля 1869 г. Ливингстон выступил в поход в страну маньюэма. К середине сентября он достиг большой излучины Луалабы, где река течет широко.

Люди племени маньюэма оказались гордыми, независимыми. Рабов у них не было, и они с презрением смотрели на тех, кто людьми торговал. Они с огромным интересом разглядывали белого человека, расспрашивали о той земле, в которой он живет, задавали такие вопросы, которые поневоле вызывали улыбку доктора: например, умирают ли люди в его стране и есть ли у них буанга — талисман против смерти. Маньюэма накормили гостя лакомым блюдом из поджаренных крылатых муравьев. Доктор нашел блюдо вполне приемлемым.

Красота страны маньюэма поразила его. Множество незнакомых плодов, невиданные птицы и такое количество обезьян, что кажется, будто весь этот рай создан специально для них.

Однако любопытство людей маньюэма порой было просто несносным. Ни минуты они не оставляли пришельцев в покое. Даже по ночам бдительные хозяева являлись в хижину, где спал Ливингстон, грубым ударом палки отворяли дверь и долго стояли молча в проеме. Люди не верили, что можно пройти так далеко в чужую страну только из желания увидеть ее, а когда доктор попытался объяснить, что он, как и другие купцы, пришел в страну маньюэма за слоновой кос-

тью, ему опять не поверили, почли за уловку: слонобая кость здесь не ценилась.

А в соседней деревне жили иные люди — сердечные, добрые, совсем не похожие на тех, с которыми Ливингстон встречался за день до того. Не сразу нашел доктор отгадку: недоброжелательные маньюэма жили в деревне, где росли пальмы, а в деревнях, стоящих на открытых местах, обитали добрые люди. Пальмовое вино, как коварный волшебный напиток, преображал мирных, спокойных людей и делал их неузнаваемыми... Большинство из них никогда не видели белых, но из суеверия считали, что вместе с ними приходит несчастье.

И снова болезнь скрутила доктора. На этот раз появились симптомы холеры.

Но ничто — ни развивающаяся болезнь, ни грязное податливое месиво под ногами, ни потоки воды, низвергавшейся с неба, не могут остановить его. Упрямо, преодолевая препятствия, Ливингстон движется к цели. Луалаба увлекает его.

Только три человека идут теперь вместе с ним. Все остальные изменили ему. Ливингстон слаб, но трудности пути делит со своими помощниками. В один день — переправа за переправой — одолели четырнадцать рек. Шли по узким извилистым тропам, вьющимся по зарослям от деревни к деревне. А сил совсем не осталось. Он не мог уже без помощи перелезть через огромное дерево, упавшее поперек тропы, не мог перейти реку вброд, даже если вода доходила всего до груди.

Ноги, изъеденные язвами, отказались служить... И теперь, когда до Луалабы — этой так

и нерешенной загадки — оставалось всего семь дней пути, Ливингстон вынужден был отступить. Больной, в непрерывных тяжелых раздумьях возвращался доктор в Уджиджи.

В те дни написал в дневнике: «Я немного благодарен старику Нилу за то, что он так спрятал свои истоки — все «теоретики-открыватели» остались ни с чем. Всем истинным исследователям я искренне сочувствую и лишь с сожалением должен неодобрительно говорить о мнениях, высказанных моими предшественниками».

Он сделал все, что мог и теперь возвращался.

Много позже, когда его самого уже не было, в записной книжке, исписанной рукой Ливингстона, нашли такие строки: «Переверните и увидите каплю утешения, обнаруженную, когда я болел в стране маньюэма разъедающими язвами на ногах, в августе 1870 года». И дальше на обороте: «Рассказ об экспедиции на Замбези и ее притоке и об открытии озер Ширва и Ньяса». Этот рассказ — вырезка из какой-то газеты — был прислан Ливингстону из Англии вместе с чаем, он, не читая, припрятал, и вот теперь, находясь в бедственном положении, случайно нашел. Он читал совершенно больной, одинокий, в такой дали от дома, что и представить трудно, и испытывал странное чувство, позволяющее хотя бы на время позабыть о невзгодах...

«Немногие достижения в наши дни произвели столь большое впечатление, как то, которое принадлежит бесстрашному исследователю и миссионеру, пересекшему без помощников Африканский континент в экваториальной области. Его непритязательная простота, гибкий ум, неукротимая смелость... образуют соединение

качеств, редко встречающееся в одном человеке. Все единодушны в том, что доктора Ливингстона нужно считать одним из самых выдающихся путешественников нашего и любого другого столетия».

Ливингстон не знал, что в то время, когда он читал эти строки, так его поддерживавшие, в Англии уже два года его считали погибшим.

Вот тут и появился в поле зрения один человек, которому суждено было отправиться на поиски исчезнувшего Ливингстона, найти его и вместе с ним продолжить исследования.

Этого человека звали Генри Мортон Стэнли.

Имя Джона Роулэндса вряд ли кому-нибудь что-то скажет. Имя Генри Мортон Стэнли, выдающегося исследователя Африки, известно всем. А между тем эти два имени принадлежат одному человеку. Человеку, который отправился на поиски исчезнувшего доктора Ливингстона, каким-то чудесным, непостижимым образом нашедшему его и совершившему впоследствии большие открытия. Как Роулэндс стал Стэнли — отдельная история, которую мы пропустим.

По воле судьбы, Генри был репортером и много путешествовал. Стэнли захватило предложение, сделанное его издателем Беннетом. Конечно же, ему хотелось найти Ливингстона — живого или мертвого, но даже если бы поиски не увенчались успехом, открывалась возможность пройти неисследованную часть Африки и рассказать об этом в газете. Не всякий журналист устоял бы перед таким блестящим соблазном.

В январе 1871 года Стэнли был уже на острове Занзибар, у восточного берега континента,

откуда, как он знал, начинал путь Ливингстон. Опросив многих арабских купцов, когда-то имевших дело с исчезнувшим доктором, Стэнли выяснил, что Ливингстон собирался к Танганьике и, что вполне возможно, если он жив, конечно, следы его можно найти в Уджиджи, на восточном берегу этого озера.

21 марта караван, собранный Стэнли, отправился в путь. Почти двести человек сопровождали его. Не будем вдаваться в подробности поисков. Важно одно — Ливингстон был найден, но состояние его было критическим.

После того, как первые волнения встречи улеглись и Стэнли почти уже смирился с той скудностью, в которой он нашел Ливингстона, американец рассказал доктору, что во всем мире многие его считали погибшим. И добавил, что это Джеймс Гордон Беннет-младший выложил на экспедицию для поисков Ливингстона более четырех тысяч фунтов, если он жив, а если умер, то велел доставить его кости на родину.

С появлением Стэнли для Ливингстона началась новая жизнь.

Прежде он ел от случая к случаю и то, что придется, теперь он смог питаться пищей, к которой привык, и через неделю почувствовал себя настолько окрепшим, что заявил Стэнли о своей готовности продолжить путешествие. Они решили пойти на север озера Танганьики, чтобы выяснить, соединяется ли оно с озером Бейкера — озером Альберта, как утверждали арабы. Сам Ливингстон не сомневался в том, что у Танганьики есть где-то сток, и, возможно, этот сток дает начало Белому Нилу.

Но путешествие это не получилось. Они обсле-

довали несколько небольших рек, впадающих в Танганьiku, прошли на пирогах по реке Лусизе и сделали предположение, что свои воды она несет в Луалабу. И все. У Стэнли началась жестокая лихорадка, и, несмотря на все усилия доктора, имевшего богатейший опыт, болезнь развивалась неудержимо. С ноября по февраль Стэнли трепали сильнейшие приступы и довели его до такого состояния, что ему пришлось отказаться от каких бы то ни было планов продолжить исследования.

Они расстались 14 марта 1872 г. Больше им встретиться не суждено. Вместе со Стэнли Ливингстон отправляет свой дневник, запечатанный пятью печатями, на которых оттиснута американская золотая монета.

Ливингстону совсем немного осталось жить. Здоровье его столь сильно было подорвано, что доктор уже отказался от надежды на полное свое выздоровление. Он только стремился собраться с силами и довершить начатое.

Последние недели его несли на носилках, а в дневнике, который он старался вести несмотря ни на что, все чаще и чаще у него доставало сил только поставить дату...

На каменной плите, венчающей его могилу в Вестминстерском аббатстве, высечены слова: «Преданными руками по суше и по морю перенесенный покоится здесь Давид Ливингстон, друг человечества, родившийся 19 марта 1813 года в Блантайре, умерший 1 мая 1873 года в Илала, в деревне Читамбо.

В течение 30 лет его жизнь была посвящена неутомимым усилиям евангелизации туземных племен, исследованию неоткрытых земель, борьбе с гнусной работорговлей в Центральной Африке».

Ливингстона не стало. Но остался Стэнли, который его дело продолжил.

В конце 1874 г. Стэнли, основательно поддержанный американской «Нью-Йорк герольд» и английской «Дэйли телеграф», отправился в свое первое трансафриканское путешествие. Задачи, перед ним стоявшие, были значительны: он задался целью пройти по всему течению Конго и поставить последнюю точку в ответе на загадку об истоке Белого Нила. Он понимал, что если сумеет завершить дело, начатое Ливингстоном и его предшественниками, имя его навсегда войдет в историю открывателей Африки.

Экспедиция приняла небывалый размах. Стэнли купил разборное судно, для переноски которого требовались сотни носильщиков, и в ноябре, высадившись подле Занзибара на восточном берегу Африки, во главе огромного отряда более чем в триста солдат и носильщиков направился на северо-запад, к Виктории. Где-то там, у берегов этого озера, прятал Нил свою большую загадку...

Через три с лишним месяца пути Стэнли вышел на берег Виктории — величайшего озера Африки. Собрав судно, он обошел озеро, впервые исследовал его, описал и положил на карту его очертания. Он установил, что главным истоком Виктории является Кагера и что ее-то, видимо, и следует считать верховьем Нила. Чтобы убедиться в этом, он внимательно осмотрел берега, ища другой исток великой реки, но ничего не нашел и лишь уверился в своем предположении.

Потом Стэнли двинулся на юг — к Танганьике, открыл по пути озеро Эдуарда, горный массив Рувензори, увенчанный покрывалом из вечных снегов, добрался до Танганьики, за семь

недель обошел это озеро по воде и нанес на карту точные его очертания. Отсюда он пошел на запад сначала по долине Луамы, впадающей в открытую Ливингстоном Луалабу, а потом через непроходимый тропический лес.

Он шел по Луалабе с каким-то особым чувством, предвещавшим некие события решающей важности. Он не представлял еще, к какой именно водной системе река относится, но надеялся, что в конечном счете она окажется главным истоком Нила, как, собственно, и предполагал Ливингстон. И тогда наконец с этим вопросом вопросов, мучившим столько поколений исследователей и стольким из них стоившим жизни, в том числе и самому Ливингстону, будет покончено. И сделает это он, Генри Мортон Стэнли.

А Луалаба, после того как текла прямо на север, вдруг круто повернула на запад. Сразу за экватором, после водопада, который с тех пор так и остался водопадом Стэнли. Неподалеку от тех мест она приняла в себя воды реки Итимбири и устремилась в сторону, противоположную той, где еще могли бы находиться истоки Белого Нила. Нет. Луалаба с Нилом не связана. Скорее всего Луалаба не что иное как Конго.

Стэнли понимал: такое открытие стоит не меньше открытия истоков великого Нила.

Однако это надо было еще доказать.

Купив у работорговца-араба восемнадцать больших лодок и силой захватив свежих носильщиков, Стэнли пустился вниз по Луалабе. Пройдя всю ее гигантскую дугу, с огромными трудностями обходя по суше пороги, он привел наконец измученный, истощенный отряд в устье Конго. Здесь великая река вливалась мутные

воды в голубую лазурь океана. Трансафриканская экспедиция завершилась. Это случилось 8 августа 1877 года, через 999 дней после того, как Стэнли вышел из Занзибара. И только 109 человек из 369 прошли весь путь до конца.

Заслуги Стэнли несомненны. Он пересек Африку в экваториальной полосе, почти не известной. Он обследовал два великих африканских озера — Викторию и Танганьiku. Он прошел всю Конго, вторую по величине реку континента — от верховья Луалабы до ее устья в Атлантическом океане.

В последний раз он отправился в Африку в 1887 г., на этот раз его миссия носила военный характер. В самой южной, экваториальной провинции Судана, где правил английский губернатор Эмин-паша, прокатилась волна восстаний, и Стэнли во главе сильного отряда выступил паше на помощь. Этот журналист и исследователь с одинаковым мастерством владел и пером, и винтовкой. И то и другое было у него всегда под рукой.

Поход был опасным и изнурительным. Они уже прошли устье Нгоклы — северного притока Конго, обогнули сушей водопады Панга, когда на них напали туземцы, вооруженные луками с отравленными стрелами. Даже слабого укола, легкой царапины было достаточно, чтобы раненый мог считать себя обреченным. И противоядия от этих стрел не было. Носильщики Стэнли, пока отряд продвигался в девственном лесу, исчезали, будто их поглощали плотоядные растения, и ноши их дополнительной тяжестью ложились на плечи других... Временами даже сам Стэнли, человек с железными нервами, приходил в отчаяние, видя, как тают силы отряда...

18 августа он написал в дневнике: «В течение 44 дней мы почти ежедневно шли по 8 часов в сутки, и если бы делали по 3 км в час, мы давно были бы на берегу озера; но пришлось каждый шаг прорубаться сквозь кусты, и вместо того, чтобы отдыхать теперь на берегах озера, мы едва прошли одну треть пути. Что делать? Предаваться отчаянию? — Тогда, значит, ложись и жди смерти, откажись от борьбы и оставь всякие мечты о будущем!

Наши раненые что-то долго не поправляются...»

20 августа: «Молодой Саади, раненный стрелой 14-го числа, впал в столбняк; судя по этому, яд, употребляемый дикарями, должен быть растительного происхождения. У Хальфана шея и позвоночный столб совсем не сгибаются».

21 августа: «Хальфан и Саади умерли после ужасной агонии... Саади был ранен в правое предплечье — самый пустячный укол, как бы от вязальной спицы; один из товарищей высал ему рану, а я промыл ее теплой водой и забинтовал. Но на четвертый день с утра на него напал столбняк, и мы ничем не могли вывести его из этого ужасного состояния.

Еще несколько дней такой омерзительной жизни, ухаживания за больными, созерцания предсмертных мучений пораженных столбняком, прислушивания к их глухим стонам, общего отчаяния, голодовки, тревоги и необъяснимом отсутствии друзей и товарищей, предположений о возможной гибели трехсот человек, — я и сам не выдержу и свалюсь. Я сознавал, как отчаяние постепенно овладевало мною. Величайшей страстью моей жизни было, как мне кажется,

стремление к успеху в подобных предприятиях, а между тем вот уже несколько дней, как я сомневаюсь в возможности конечного успеха дела».

Тем не менее Стэнли свою миссию выполнил.

В конце ноября 1889 г. сильно поредевший отряд Стэнли, но вместе с освобожденным Эмином-пашой, вышел к Индийскому океану. В этот раз Стэнли пересек весь Африканский материк в обратном направлении — с запада на восток.

Стэнли уже давно знаменит. Его имя все чаще и чаще звучало в Америке и в странах Европы после того, как он отыскал пропавшего доктора Ливингстона. Теперь же, когда он сам стал самостоятельным исследователем, дважды пересек Африку в экваториальных широтах, обследовал два озера — Викторию и Танганькику, все главное течение Конго от верховий до устья, когда открыл реку Кагеру — важнейший исток Виктории, теперь он и сам стал в ряд выдающихся исследователей Африки. Рядом с доктором Ливингстоном, которого он всегда почитал и которого полюбил с того дня, как увидел его. А ведь, в сущности, Стэнли был почти полной противоположностью доктору Ливингстону...

Но границы бассейна Конго еще скрывались в непролазных дебрях лесов и в лабиринте непройденных гор. Найти эти границы должны были уже другие.

Этим другим стал русский исследователь Василий Васильевич Юнкер. Но это уже другая история.

Пожалуй, еще с древних финикийян и карфагенян начинается история изучения северо-западной части Африки. Именно они первыми достигли устьев рек Сенегала и Гамбии. Однако известна была поначалу лишь береговая линия материка. О том, что лежало в глубине, существовали самые неправдоподобные вымыслы. Известно и то, что где-то там лежит большая река Нигер, но считалось, что она впадает... в Нил. Мнение это поддерживал, например, знаменитый римский ученый Плиний-младший, который обосновал свой вывод тем, что и в той и в другой реке были якобы одни и те же растения и животные.

А всерьез западные берега Африки стали изучать лишь в конце XV века. Именно тогда португалец Диегу Кан прошел вдоль значительной части западного африканского побережья и открыл устье реки Конго. Но внутренние области материка по-прежнему оставались почти неизвестными. Зато был полный простор для предположений, и согласно одному из них Нигер должен был течь на запад и разделяться на две реки: Сенегал и Гамбию. Английский исследователь майор Гаутон сделал попытку установить географическую истину, но пропал без вести где-то в африканских джунглях.

Почему, собственно, именно Нигер так привлекал внимание европейцев? Причина проста — берега Африки уже были освоены ими, на побережье существовали колонии, но самые бога-

* Настоящая и последующая главы публикуются по материалам книги Малова В.И. «Затерянные экспедиции». — М.: Просвещение, 1980. — 127 с.

тые африканские страны лежали в глубине материка. Оттуда к океанскому побережью шли караваны, несущие слоновую кость, страусовые перья, кожу, воск, золотой песок. На берегу происходил обмен с европейскими торговцами.

Эти загадочные богатые страны лежали, как рассказывали владельцы караванов, на берегах большой реки. Рассказывали они и о том, что на ней стоял богатейший город Томбукту. Город, о котором среди европейцев уже начали ходить легенды.

В конце 60-х годов XVIII века для разгадки тайны Нигера много сделал шотландец Джеймс Брюс. Он предположил, что Нигер впадает в Атлантический океан. Но вместе с тем он утверждал, что река, беря начало где-то в центре Африки, течет на запад, чтобы потом — здесь Брюс повторял давнее неверное представление — разделиться на две реки: Сенегал и Гамбию.

А как было на самом деле? Это и должен был выяснить Мунго Парк*: определить, где находятся истоки и устье этой легендарной реки, узнать направление ее течения и достичь города Томбукту.

Его первое путешествие в Африку началось 22 мая 1795 года. Торговый парусник, вышедший из Портсмута, достигнув северо-западных берегов Африки, вошел в устье Гамбии. Здесь уже некоторое время существовали английские поселения. От них-то и предстояло шотландскому врачу отправиться в неизведанную глубь страны. Ко-

---

* Двадцатичетырехлетний шотландский хирург Мунго Парк, направленный в Африку самым председателем Лондонской ассоциации и участником походов Джеймса Кука сэром Джозефом Бэнксом. До этого Парк работал в Индии.

рабль, доставивший путешественника в Африку, бросил якорь в порту небольшого городка, где шотландец пересел на небольшое судно, которое стало подниматься вверх по течению Гамбии.

Экспедиция была совсем малочисленной. Как оказалось, сэр Джозеф Бэнкс, глава Ассоциации, человек очень богатый, в этот раз проявил скупость. Организация путешествия Манго Парка обошлась ему лишь в двести фунтов стерлингов. Для экспедиции были куплены два осла и лошадь. Только два человека сопровождали шотландца. Его старшим товарищем был американский негр; когда-то его продали в рабство и увезли в Америку, но он чудом спасся и теперь возвращался на родину.

12 февраля 1796 года маленький караван экспедиции Парка добрался-таки до столицы королевства Каарты Кеммы. Король Даизи Курраби принял путешественника сразу же; он сидел на земляном возвышении, покрытом шкурой леопарда.

У Мунго Парка уже был опыт общения с африканскими владыками: путешественник подробно рассказал о своих планах и выразил с помощью красочных, цветистых оборотов свой восторг тем, что случай позволил ему посетить такую великую державу, как Каарта. Как обычно, он закончил свой рассказ просьбой о помощи на дальнейшем пути. Донако Даизи Курраби, встав с леопардовой шкуры, отрицательно покачал головой.

Причиной отказа было однако совсем не то, что белый человек чем-то не понравился королю. Напротив, в Кемме ему все были искренне рады, встретили его приветливо и радушно. А помочь

путешественнику король отказался потому, что опасался за его жизнь на дальнейшем пути: дело в том, что накануне приезда Парка в Кемму король получил своеобразную «дипломатическую ноту» от владыки соседнего королевства Бамбарры — чернокожий гонец из столицы Бамбарры привез железные сандалии. Согласно принятым здесь дипломатическим канонам, это обозначало не что иное, как объявление войны, а сами эти сандалии намекали королю, что скоро они понадобятся ему для того, чтобы спастись от непобедимых бамбаррских воинов.

А ведь «большая река» как раз и проходила через Бамбарру... Даизи Курраби счел путешественника своим почетным гостем и, значит, несет ответственность за его безопасность. Совет короля был таков: вернуться в Коссон и дожидаться там окончания войны между Каартой и Бамбаррой. Затем, как только будет восстановлен мир, возвращаться в Кемму, и тогда Мунго Парку будет оказано полное содействие.

Несколько мгновений король и Мунго Парк пристально смотрели друг на друга, и в голове путешественника сразу пронеслось очень многое: король, без сомнения, искренен и выполнит свое обещание, но... Но в Коссоне тоже сейчас идет война, и к тому же приближается сезон дождей, который неминуемо задержит экспедицию надолго... а если пойти на север, через маврское королевство Людо-Мар, то можно проникнуть в воинственную Бамбарру не из Каарты, ее военного противника...

Он отправился в путь и вскоре был уже на территории Людо-Мар.

Значительную территорию Северо-Западной

Африки населяли мавры. Они были разделены на несколько государств, которыми управляли шейхи. Строгих границ между государствами не было. В основном мавры занимались скотоводством. Беспрестанные набеги на соседей позволяли им обзаводиться тканями, железом и хлебом. Это был храбрый, воинственный народ.

В европейцах, все дальше проникающих в Африку, мавры видели прежде всего врагов. Чувствовали — и не без оснований, конечно, что приход алчных, жестоких, не останавливающихся ни перед чем людей может грозить им многими бедами. Взамен они платили европейцам фанатичной ненавистью, и путешественник должен был быть готов ко всему. Опасность грозила не только ему самому — всем тем, кто сопровождал европейца, проникшего в земли мавров.

Парк впервые столкнулся с диким фанатизмом и ненавистью. Позже в своей книге он написал: «...свистали, ухали, плевали в лицо... сказав, что я христианин и что по одному сему предлогу все мои вещи принадлежат ученикам пророка». Шотландский путешественник был жестоко ограблен. Переводчик Парка Джонсон был настолько потрясен случившимся, что умолял его вернуться. Парк отпустил его, а сам отправился в путь вместе лишь с маленьким негр-тенком Дембой. По дороге их схватил конный отряд мавров. Чужеземца-шотландца повезли к шейху Людо-Мара Али.

Почти неделю ехал Мунго Парк по окраине Сахары, пока отряд мавров не привез его в королевскую «резиденцию». А сама «резиденция» представляла собой множество шатров, сделанных из грубошерстной ткани, основой которой

была козья шерсть, а между шатрами пасся скот: козы, коровы, верблюды.

И здесь шотландца ожидал крайне нелюбезный прием: в густой толпе его бесцеремонно дергали за одежду, награждали тумаками, сбивали шляпу. С трудом Парк добрался до шатра шейха Али. Внутри его ожидал столь же плохой прием: приближенные шейха начали бесцеремонно рыться в его карманах, чуть ли не разорвали одежду, желая убедиться, что тело Парка везде такое же белое, как и лицо, и даже пересчитывали пальцы на его руках. Похоже, их удивляло то, что Парк такой же человек, как они, только не медно-коричневый, а белый. Ночью Парк спал на подстилке, брошенной прямо на песок, и до утра ему не давала покоя толпа разгневанных людей. Потом его поселили все-таки в отдельной хижине, но под строгой охраной. У хижины постоянно толпились мавры, выкрикивая угрозы.

Лишь один только друг появился у путешественника в «резиденции» шейха — десятилетний сын Али. Он-то и поведал белому чужестранцу, что у короля был специальный совет, где решалась его дальнейшая судьба. Предложения не были однообразными — убить пришельца, отрубить ему руки, выколоть глаза. Но его все-таки решили оставить живым и невредимым.

А некоторое время спустя, когда начался сезон дождей, Мунго Парка свалила лихорадка. В промежутках между приступами болезни он нашел в себе силы учиться писать по-мавритански; говорить он начал еще раньше. Болезнь продолжалась долго, к тому же и самого пленника, и его верного слугу Дембу мавры все хуже и хуже кормили.

Наконец Али получил весть о том, что воинственный король все той же Бамбарры ведет свое войско к границам Людо-Мара. Не отличавшийся храбростью Али приказал свернуть лагерь и уходить на север. Когда караван достиг густого леса неподалеку от города Бубакер, Али решил сделать остановку.

Пожалуй, еще никогда за все время своих скитаний в Африке — им уже исполнилось полгода — шотландец не испытывал такой жары, как в мае 1796 года во время стоянки возле города Бубакер.

Здесь у него появилась возможность бежать, и, похитив коня, он скрылся в лесу.

Можно многое рассказать о том, что пережил Мунго Парк в следующие дни. Он страдал от жары и жажды, терял сознание от голода.

5 июня он добрался до крошечного африканского городка Сегу. По измученному виду белого человека, по его истрепанной одежде дружелюбные негры назвали его «самым бедным человеком на свете». Его щедро накормили, дали приют, рассказали о том, как надо добраться до «большой реки», а он решил дойти до нее во что бы то ни стало.

Едва отдохнув, Мунго Парк снова отправился в путь. Теперь он был легок. В каждом селении Парка встречали радостно и приветливо.

Это были земли королевства Бамбарры, чей монарх отличался такой воинственностью.

20 июля 1796 года ранним утром путешественник наконец увидел перед собой «большую реку».

Наверное, это были самые прекрасные мгновения во всей жизни шотландского врача и пу-

тешественника, подобного ему не случилось испытывать ни раньше, ни потом.

Первое географическое открытие Мунго Парка было неожиданным — Нигер, как оказалось, нес свои воды не на запад, как предполагали, а на восток. А раз так, значит он не имел никакого отношения ни к Гамбии, ни к Сенегалу; раньше считалось, что он разделяется на эти две реки... Куда же в таком случае было направлено течение Нигера, и где кончалась великая река?

Воинственный и заносчивый король Бамбарского королевства, у которого Мунго Парк хотел попросить оказать содействие на дальнейшем пути, отказал в аудиенции, однако прислал некоторое количество местных денег — просверленных и нанизанных на бечевку раковин, служивших монетой на всем протяжении Нигера — и приставил к Парку проводника.

Нигер оказался оживленной рекой, на его берегах стояло много негритянских городов.

Парка опять лихорадило, но несмотря на болезнь, он несколько дней плыл вниз по Нигеру на лодке, которую ему подарил африканец рыбак, и наносил на клочок бумаги, сверяясь с компасом, направление течения великой реки.

30 июля 1796 года шотландский путешественник отправился в обратный путь.

Восемь лет спустя Мунго Парк отправился во второе путешествие по Нигеру. Оно было совсем не похожим на первое.

Уже не двести фунтов было отпущено на экспедицию, а в двадцать раз больше. Уже не бедный хирург, никому не известный, отправлялся в путь, а путешественник, чью книгу о его

первой экспедиции читали не только в Англии, но и в других странах. (В 1806—1808 годах она вышла в двух частях и в Санкт-Петербурге под названием «Путешествие во внутренность Африки».) И уже не безоружный исследователь соби-рался вновь к Нигеру, а глава целого отряда, основной силой которого было тридцать пять солдат.

И Мунго Парк был теперь совсем иным: не двадцатичетырехлетний юноша, а умудренный жизненным опытом человек.

В состав второй экспедиции входили худож-ник Скотт, врач Андерсон, четыре плотника и солдаты. Экспедиция была хорошо вооружена.

В конце марта 1805 года экспедиция выса-дилась с английского судна на Зеленом Мысе. Здесь были построены лодки; на них Мунго Парк со своими спутниками вошел в устье Гам-бии. Парк позаботился и о проводнике — для этого он пригласил добродушного африканца-мандинга, довольно богатого торговца, которо-го европейцы называли Исааком.

Когда пришло время готовиться к сухопут-ному путешествию на восток, к Нигеру, Мунго Парк снарядил большой караван вьючных ос-лов. Однако снаряжение каравана заняло мно-го времени, и к моменту выхода начался сезон дождей. Мунго Парк начал свою экспедицию в самое неудачное время.

Позже, когда в Англию были доставлены письма и дневники Парка, первые из них были бодрыми и полными оптимизма. Но уже из этих писем можно было понять, что в действитель-ности путешествие проходило неблагоприятно.

У многих европейцев началась лихорадка.

Когда путешественники отделились от Гамбии, они стали страдать от жажды. Вьючные животные падали. Потом экспедиция оказалась в землях, принадлежавших маврам, и здесь она была встречена крайне враждебно. Но в этот раз мавры имели дело уже не с одним человеком, а с хорошо вооруженным отрядом. Мунго Парк отдавал приказ стрелять, и между европейцами и маврами то и дело происходили вооруженные столкновения.

Но 18 августа 1805 года Мунго Парк снова увидел перед собой прозрачные воды Нигера, струящиеся в лучах африканского солнца.

Однако радость от новой встречи с «большой рекой» была, наверное, совсем не такой, какую он испытывал в прошлый раз. Тогда он был один — сейчас стоял во главе отряда и отвечал за многих людей. А из тех, кто отправился в путь вместе с ним, до Нигера дошли лишь шесть солдат и один плотник. Остальные погибли от лихорадки или в стычках с маврами. Болезнь не пощадила ни Скотта, ни Андерсона.

Еще один день экспедиция Парка шла берегом Нигера вниз по течению. Потом с помощью местного африканского вождя англичане принялись делать из большой туземной лодки «шхуну», укрепляя на ней мачты для парусов и наращивая борта.

Отряд измученных людей справился с этой работой лишь через несколько месяцев. Когда же пришло время поднимать паруса, в экспедиции было только пять человек: сам Манго Парк, четыре солдата. Их сопровождали еще трое африканцев — нанятых Парком слуг. И перед отплытием Манго Парк отправил с проводником к

побережью все дневники, которые вел во время экспедиции, и письма.

Шхуна пошла вниз по течению, и с тех пор долгое время никто ничего о Манго Парке не слышал. Человек, первым из европейцев увидевший Нигер, пропал без вести, подобно многим своим предшественникам.

Лишь в 1808 году, обеспокоенный долгим отсутствием вестей от путешественника, губернатор Гамбии, только-только официально провозглашенной английской колонией, послал на поиски Манго Парка бывшего проводника экспедиции Исаака. После долгих поисков ему удалось найти некоего Амати Фатума — это был один из тех трех людей, что сопровождали Парка в его плавании по «большой реке». И по рассказу Фатума стало известно о том, что произошло с маленьким отрядом.

Уже с первых дней плавания Манго Парка, точно так же как и во время сухопутной экспедиции, стали преследовать несчастья. На территории воинственного Бамбаррского королевства шхуну осыпали копьями и стрелами с трех больших лодок. Когда солдаты отбили эту атаку, близ шхуны появились еще несколько лодок с десятком воинов. Но огнестрельное оружие помогло европейцам одержать победу в этом сражении. А когда шхуна пришла в деревню Кармасса, Парку стало известно, что его ждет еще одно нападение. Однако надеясь на силу оружия своего малочисленного отряда, он приказал плыть дальше. Амади Фатума он отпустил перед этим, и о том, что произошло дальше, Фатум узнал лишь несколько дней спустя.

Возле города Буса Нигер пересекали пороги, заставляя воду вскипать водоворотами и мчаться вперед с огромной скоростью. Когда шхуна проходила под скалой, нависающей над Нигером, ее забросали сверху камнями, на европейцев обрушился град стрел. Двое солдат погибли мгновенно. Сам Мунго Парк и другой солдат бросились в воду и оба исчезли в бурлящих водах. Последний оставшийся на шхуне солдат был захвачен в плен. А тело Мунго Парка напрасно искали потом в воде. «Большая река», к которой так стремился путешественник-шотландец, не отдала его.

Но он первым прошел там, где не случалось бывать никому из европейцев. Он установил географическую истину, первым проплыв почти по всему течению реки, о которой прежде строили лишь домыслы. Он проложил путь для многих других исследователей Африки — для англичанина А. Ленга, продолжавшего исследования Нигера, для его соотечественников У. Аудни, Д. Депхема и Х. Клаппертона, впервые пересекших Центральную Сахару, для братьев Ричарда и Джона Лендеров, которые окончательно разрешили загадку Нигера и в 1833 году нанесли на карту его течение от истоков до устья. Он был примером и для более поздних исследователей Африканского материка, в том числе и для русских географов Е. П. Ковалевского, который одним из первых указал правильное географическое положение истоков Белого Нила, и В. В. Юнкера, изучавшего северо-восточную Африку.

И своей жизнью он доказал еще одну очень важную истину.

Один, не вооруженный ничем, он претерпел величайшие невзгоды, но добился своей цели.

Он погиб, когда пришел в чужие земли с оружием, надеясь на то, что оно ему поможет.

ГЛАВА 17

«ЗАТЕРЯННЫЙ МИР» ПОЛКОВНИКА ФОСЕТТА

Пожалуй, судьба исследователя, о котором пойдет речь, покажется самой загадочной, если сравнить с судьбой любого другого участника затерянных экспедиций. Уже более шестидесяти лет ищут хоть какие-либо сведения о постигшей его участи, и пока не найдено ничего. Впрочем, следы Перси Фосетта действительно найти очень трудно: ведь место его исследований — один из тех «затерянных миров», которыми так богата Южная Америка и о которых когда-то ходило столько легенд.

Цейлон (ныне — Шри-Ланка) — вот место первых путешествий молодого англичанина. Он приехал сюда в 1886 г., окончив до этого военное артиллерийское училище. Почти двадцать лет, которые Фосетт провел на Цейлоне, получив назначение в город Тринкомали, были тем временем, когда определялись его устремления, его цели, склонности. Он становился спортсменом, увлекшись парусным спортом до такой степени, что даже сам сконструировал две гоночные яхты и получил патент на открытый им новый принцип сооружения судов, известный под названием «ихтоидная кривая». Так он стал еще и изобретателем.

Кроме того он серьезно изучает традиции и культуру народа Цейлона, его древние памятники и мечтает о дальних дорогах.

В 1906 г. ему представилась возможность резко изменить свою жизнь, чтобы добиться всего этого — новых ярких впечатлений, новых дорог, независимости. Пускай относительной, но все-таки независимости. Правительство Боливии попросило Королевское Географическое общество Великобритании прислать опытного топографа, чтобы установить точные границы на стыке трех стран — Боливии, Перу и Бразилии. Причина? Именно в этих местах росли каучуковые деревья, которые стали, особенно после открытия способа вулканизации каучука, настоящим богатством; надо было точно определить, какая часть этого богатства принадлежала Боливии, какая — Перу, какая — Бразилии.

Выбор пал на полковника Перси Фосетта.

В том районе, куда он направился, до тех пор не был почти никто из исследователей. Многие, например реки, было нанесено на карту лишь по догадке, практически очень мало было известно об индейских племенах, издавна обитавших здесь. Во время первой своей экспедиции, в 1906—1908 годах, Фосетт произвел топографическую съемку значительного района и наметил трассу железной дороги, которую предполагалось провести здесь между двумя поселками, а также он впервые исследовал и нанес на карту верхнюю часть реки Акри — реку Явериху, исследовал верховья другой реки — Абунан. Это были ценные, весомые географические результаты.

Вторая экспедиция Фосетта началась в 1908 г. Тогда он уточнил истинное местоположение Вер-

ди, притока реки Гуапоре. Это было трудное путешествие: река оказалась крайне извилистой, путь вдоль нее занял больше времени, чем предполагалось, съестные припасы кончились...

Но не стоит, наверное, подробно рассказывать об этих и пяти последующих путешествиях Фосетта по Южной Америке. Они были похожи одно на другое. И хотя все они дали немалые географические результаты, сам Перси Фосетт назвал их подготовкой к самой главной экспедиции своей жизни, к путешествию на поиски древнейшей цивилизации Земли.

1925 год — вот год последнего путешествия Фосетта. А за все предыдущие, начиная с 1906 г., у него было достаточно времени для того, чтобы изучить Южную Америку настолько, чтобы считать ее почти своей родиной. И все больше и больше увлекаться легендами о затерянных где-то в бразильских джунглях древних городах.

Перси Фосетт безраздельно поверил в то, что где-то в глубине непроходимых лесов есть памятники цивилизации, существовавшей раньше, чем какая-либо другая, о которой никому ничего не было до этого известно.

«...В отдаленнейшие века коренное население Америки жило в стадии цивилизации, значительно отличавшейся от существующей ныне. Вследствие множества причин эта цивилизация выродилась и исчезла, и Бразилия является страной, где еще можно искать ее следы. Не исключено, что в наших пока что мало исследованных лесах могут существовать развалины древних городов».

Так написал некогда «один выдающийся бразильский ученый». Но кто именно? Почему-то Фосетт, приводя такое высказывание в своих записках, не называет его имени. В чем тут дело? Не в том ли, что путешественник-мечтатель, не всегда умея отличить правду от выдумки, слишком многое принимал на веру просто потому, что ему хотелось верить? Легенду, изобилующую самыми фантастическими сведениями, он считал вполне достоверным историческим свидетельством.

Впрочем, легенды и предания о древнейших городах на территории Бразилии, которые собрал Фосетт, могли бы тогда вскружить голову и человеку куда менее увлекающемуся. Это только сегодня, когда с карты Южной Америки стерты последние белые пятна, его стремление искать следы древнейшей цивилизации может показаться бесконечно наивным. Это только современные исследования доказали, что даже в самых «затерянных мирах» нет городов, которые можно было бы считать древнейшими на Земле. А тогда о «затерянных мирах» было известно так мало, что можно было поверить всему. Легенды же, собранные Фосеттом, разного рода свидетельства, казалось бы, подтверждали гипотезу, которая увела его в последнее путешествие. Вот, например, одно из свидетельств, которое Фосетт безоговорочно принял на веру...

Еще с XVI века португальцы, колонизировавшие Южную Америку, верили в то, что где-то в непроходимых джунглях, на северо-востоке территории современной Бразилии, находятся богатейшие серебряные рудники индейцев. На поиски их, движимые алчностью, не раз ухо-

дили экспедиции конкистадоров. Большой частью они бесследно пропадали в лесах, а если и возвращались, то участники похода, оставшиеся в живых, еще долго вспоминали отравленные стрелы индейцев, подстерегавших пришельцев на глухих лесных тропах.

Об истории одной из таких экспедиций и рассказывалось в старинном документе, который Перси Фосетт обнаружил в Рио-де-Жанейро, — долгое время он пролежал на полках какого-то архива. Неразборчивая рукопись на португальском языке оказалась порванной во многих местах, записи на некоторых страницах были сделаны столь небрежно, что их совершенно нельзя было понять, даже имен большинства участников похода не сохранилось, но и то, что уцелело, давало все-таки возможность получить представление о том, как проходило это одно из путешествий в поисках серебряных рудников, относящееся к 1743 г.

Целых десять лет продолжались скитания этого отряда в джунглях дикой страны. Пришло время, и португальцы решили возвращаться назад к прибрежным селениям, где жили их соотечественники.

Через пятьдесят миль они вышли к большому водопаду и здесь, в скалах, нашли следы горных разработок. Везде были разбросаны куски богатой серебром руды. Может быть, это и были те самые легендарные серебряные рудники, которые до того искали в течение десятилетий?

Португальцы пошли дальше, запоминая все ориентиры мест, чтобы потом не сбиться с пути, и наконец, завершив десятилетние скитания, вновь вернулись к освоенным местам. Едва

только придя в себя после бесконечных, изнуряющих душу и тело скитаний, один из участников похода написал о найденном городе обстоятельный отчет — эту-то рукопись и нашел века спустя Фосетт — и послал его вице-королю дону Луис-Перегрину-де-Карвахо-Менезес-де Атаиде. Но вице-король, наместник португальской колонии, не стал предпринимать новой экспедиции в затерянный город. Во всяком случае, ничего об этом не известно, и старинный документ долгие десятилетия пролежал на полках архива.

Фосетт поверил ему безоговорочно, а насколько он достоверен на самом деле? Ведь даже и в кратком пересказе рукописи можно найти немало противоречий, которые заставляют усомниться в правдивости автора. Вот, например, хотя бы такое: если центр города оказался наиболее пострадавшим от землетрясений, каким же образом могла сохраниться целой и невредимой высокая колонна на площади, а ведь автор утверждает, что вдобавок на ней стояла еще статуя юноши?.. Скорее всего в основе рукописи, найденной Фосеттом, лежала лишь одна из легенд, которые щедро создавали сами же европейские пришельцы, так страстно желавшие, чтобы где-то в бразильских джунглях действительно были древние города с погребенными в них несметными сокровищами. И нельзя сказать, чтобы эти легенды создавались совершенно на пустом месте, в основе их лежали какие-то реальные сведения о городах древних инков. Одним из таких городов был, например, Мачу-Пикчу. Но сведения достоверные — они были, несомненно, и в рукописи, найденной Фосеттом, — переплетались в этих легендах с самыми невероятными фантастическими

подробностями. Главной же подробностью неизменно оставалась одна — золото, несметное, невиданное количество золота. Потом, с течением времени, этим легендарным городам на территории Бразилии стали приписывать и небывалую древность — древнейшие города древнейшей на Земле цивилизации...

Вот что написал Фосетт однажды: «Я ставил своей целью поиски культуры более ранней, чем культура инков, и мне казалось, что ее следы надо искать где-то дальше на востоке, в еще не исследованных диких местностях... Я решил... попытаться пролить свет на мрак, окутывающий историю этого континента. Я был уверен, что именно здесь скрыты великие секреты прошлого, все еще хранимые в нашем сегодняшнем мире...»

Он собрал схожие легенды о некоторых других затерянных в бразильских джунглях древнейших городах.

К 1925 году полковник Перси Фосетт был уже не молод. Казалось бы, самое время подумать об отдыхе, доме. Но так уж устроен человек, и в особенности такой непоседливый человек, каким был мечтатель Фосетт.

За время, что Фосетт прожил в Англии, дома, вернувшись из седьмого путешествия по Южной Америке, жажда новой дороги, нового путешествия все сильнее охватывала его. Но, должно быть, старея, мечтатель теперь и во время путешествия не хотел порывать полностью с родным домом — спутником для восьмого похода он избрал своего старшего сына Джека. Был ли он таким же мечтателем, как сам отец? Неизвестно, но, во всяком случае, Перси

Фосетту удалось увлечь его своей бесконечной верой в древнейшую цивилизацию Земли. А лучшего спутника для путешествия он, пожалуй, не мог бы и желать. «Все, кто пошел бы со мной, должны были бы обладать отличной тренировкой, а таких найдется из тысячи один, не больше», — написал отец. Но именно этим «одним из тысячи» как раз и был его сын.

Крепкий, тренированный молодой человек — ему едва перевалило за двадцать, для которого физическая форма была превыше всего, отличный спортсмен. К тому же наделенный разносторонними способностями, что подтвердилось и во время подготовки к экспедиции. Джек легко освоил португальский язык, которому учил его отец, и столь же легко научился владеть инструментами для топографической съемки. Вдобавок, он имел недюжинные способности художника, и перед началом экспедиции усердно тренировал руку. А в довершение всего ему не составило никакого труда привыкнуть к вегетарианской пище — зная, что на трудном пути придется, может быть, голодать, Перси Фосетт стал приучать к этому своего сына заранее.

А третьим участником экспедиции — по плану полковника экспедиция была малочисленной — стал школьный товарищ Джека Фосетта — Рэли Раймел.

Накануне восьмого путешествия Фосетта в Южную Америку остро встала проблема денег. Прежде, когда он вел чисто географические исследования, их финансировали государственные учреждения, теперь же приходилось рассчитывать на себя. Но Фосетт — все-таки его имя было достаточно известно к 1925 году — сумел

заинтересовать идеей своей новой экспедиции различные научные общества, а кроме того, продал право публикации всех посылаемых им известий Североамериканскому газетному объединению. Теперь он был не только исследователем, но и специальным корреспондентом ряда американских газет, который должен был посылать корреспонденции о своей собственной экспедиции. Можно было отправляться в неизведанное.

Впрочем, сначала путь проходил по хорошо изученным, освоенным местам. Лишь после города Куяба экспедиция должна была попасть в «затерянный мир».

Осталось немало свидетельств о том, как проходило начало восьмого путешествия Фосетта, — многие подробности сохранили письма, адресованные Брайну Фосетту, младшему сыну или жене Перси Фосетта. Их писали и сам полковник, и Джек. Стоит привести некоторые из них, чтобы живо представить, что чувствовали путешественники в эти первые дни.

Джек Фосетт 5 марта 1925 года написал из Куябы: «Вчера мы с Рэли опробовали винтовки. Они бьют очень точно, но производят страшный шум...

Говорят, что покинув Куябу, мы войдем в местность, покрытую кустарником, и через день достигнем плато. Потом пойдет низкорослый кустарник и трава — и так всю дорогу, до поста Бакайри. Через два дня пути от поста нам попадется первая дичь».

14 апреля полковник Фосетт не скрывает своей радости: «После обычных задержек, свойственных этой стране, мы наконец готовы от-

правиться через несколько дней. Мы выходим, глубоко веря в успех...»

Чувствуем себя прекрасно. С нами идут две собаки, две лошади и восемь мулов. Наняты помощники...

До нашего приезда тут стояла чудовищная жара и шли дожди, но теперь становится прохладнее — близится сухой сезон.

...Не так давно, когда я впервые привлек внимание к Мату-Гросу своей деятельностью, образованному бразильцу совместно с армейским офицером было поручено нанести на карту одну из рек. Работавшие у них индейцы рассказывали, что на севере существует какой-то город, и вызвались провести их туда, если они не боятся встречи с ужасными дикарями. Город, как рассказали индейцы, состоит из низких каменных зданий и имеет много улиц, пересекающихся под прямым углом; там будто бы есть даже несколько крупных зданий и огромный храм, в котором находится большой диск, высеченный из горного хрусталя.

На реке, которая протекает через лес, расположенный у самого города, есть большой водопад, и грохот его разносится на много лиг вокруг; ниже водопада река расширяется и образует огромное озеро, воды которого стекают неизвестно куда. Среди спокойных вод ниже водопада видна фигура человека, высеченная из белого камня (может быть, кварца или горного хрусталя), которая ходит взад-вперед под напором течения.

Это похоже на город 1753 года (т.е. на город, о котором шла речь в старинной португальской рукописи, найденной Фосеттом), но

место, указываемое индейцами, совершенно не совпадает с моими расчетами...»

17 мая 1925 года Джек Фосетт написал: «Сегодня мы сфотографировали несколько индейцев племени механаку, разумеется, снимки будут отосланы Североамериканскому газетному объединению. На одном из них четверо индейцев стоят с луками и стрелами у небольшого ручья, протекающего недалеко от джунглей. Я стою вместе с ними, чтобы показать разницу в росте. Они едва доходят до моего плеча. На другой фотографии индейцы нацеливают стрелы на рыбу в реке. Луки здесь больше, чем те, что были у нас дома в Ситоне, и имеют длину выше семи футов, стрелы — шесть футов; но этот народ не отличается особой силой — я легко натягиваю тетиву вровень со своим ухом».

20 мая 1925 года Перси Фосетт рассказывает в письме о первых трудностях, что подстерегали экспедицию: «Мы добрались сюда (до поста Бакайри) после нескольких необычных перипетий, которые дали Джеку и Рэли отличное представление о радостях путешествия... Мы трижды сбивались с пути, имели бесконечные хлопоты с мулами, которые падали в жидкую грязь на дне протоков, и были отданы на съедение клещам. Как-то раз я далеко оторвался от своих и потерял их. Когда я повернул назад, чтобы их найти, меня застала ночь, и я был вынужден лечь спать под открытым небом, используя седло вместо подушки; меня тотчас же обсыпали мельчайшие клещи...

Джеку путешествие идет впрок. Беспokoюсь за Рэли — выдержит ли он наиболее трудную часть путешествия. Пока мы шли по тропе,

одна нога у него от укусов клещей вся опухла и изъязвилась...»

Наконец, 29 мая 1925 года Перси Фосетт отправляет вместе с одним из индейцев, возвращающимся в цивилизованные места, еще одно письмо: «Писать очень трудно из-за мириадов мух, которые не дают покоя с утра до вечера, а иногда и всю ночь. Особенно одолевают самые крошечные из них, меньше булавочной головки, почти невидимые, но кусающиеся, как комары. Их тучи почти не редуют. Мучения усугубляют миллионы пчел и тьма других насекомых. Жалящие чудовища облепляют руки и сводят с ума. Даже накомарники не помогают. Что касается противомоскитных сеток, эта чума свободно пролетает сквозь них!

Через несколько дней мы рассчитываем выйти из этого района, а пока расположились лагерем на день-другой, чтобы подготовить возвращение индейцам, которым больше невмоготу и не терпится выступить в обратный путь. Я на них не в обиде. Мы идем дальше с восемью животными — три мула под седлами, четыре вьючных и один вожак, заставляющий остальных держаться вместе. Джек в полном порядке, с каждым днем он крепнет, хотя и страдает от насекомых. Сам я весь искусан клещами и этими проклятыми пиум, как называются самые мелкие из мушек. Рэли внушает мне тревогу. Одна нога у него все еще забинтована, но он и слышать не хочет о том, чтобы вернуться назад. Пока у нас достаточно пищи и нет необходимости идти пешком, но как долго это будет продолжаться — не знаю. Может случиться так, что животным нечего будет есть. Едва ли я выдержу путешествие лучше,

чем Джек и Рэли, но я должен выдержать. Годы берут свое, несмотря на все воодушевление.

Сейчас мы находимся в Лагере мертвой лошади, в пункте с координатами 11°43' южной широты и 54°35' западной долготы, где в 1920 году у меня пала лошадь. Теперь от нее остались лишь белые кости. Здесь можно искупаться, только насекомые заставляют проделывать это с величайшей поспешностью. Несмотря ни на что, сейчас прекрасное время года. По ночам очень холодно, по утрам свежо; насекомые и жара начинают наседать с полудня, и с этого момента до шести часов вечера мы терпим настоящее бедствие.

...Нечего опасаться неудачи...»

И это письмо, полное оптимизма, несмотря на все описываемые невзгоды, оказалось последней вестью о восьмом путешествии мечтателя Перси Фосетта. Вместе со своими молодыми спутниками полковник Фосетт бесследно затерялся в непроходимых бразильских джунглях.

Ни одна из многочисленных экспедиций, правительственных или же снаряженных на свой страх и риск, не смогла добавить к этой истории ни одного достоверного факта. И по сей день в глухих бразильских лесах не найдено хоть какого-нибудь следа путешественника и мечтателя Перси Фосетта.

Время от времени, правда, появлялись сенсационные слухи о том, что кому-то случалось видеть самого Фосетта или его спутников в какой-либо глухой индейской деревушке, всплывали на свет и записанные кем-нибудь рассказы самого Фосетта о том, что помешало ему про-

должить путешествие — чаще всего пленение индейскими племенами. Увы, проверка таких слухов каждый раз устанавливала, что они не имеют под собой достоверных источников.

Сам он накануне своего последнего путешествия говорил: «Если нам не удастся вернуться, я не хочу, чтобы из-за нас рисковали спасательные партии. Это слишком опасно. Если при всей своей опытности мы ничего не добьемся, едва ли другим посчастливится больше нас. Вот одна из причин, почему я не указываю точно, куда мы идем.

Пробьемся ли мы, возвратимся ли назад или ляжем там костью, несомненно одно: ключ к древней тайне Южной Америки и, возможно, доисторического мира будет найден тогда, когда эти старые города будут разысканы и открыты для научного исследования. Что эти города существуют — я знаю...»

Пока же бесспорным остается только одно: древнейшую цивилизацию мира он не нашел, — современные исследования доказали, что ее и не могло быть в Бразилии, но зато навсегда оставил свое имя в истории изучения внутренних областей Южной Америки*.

ГЛАВА 18

ВЕЛИКИЙ ОХОТНИК ЗА РАСТЕНИЯМИ

В поисках полезных растений, которые можно было бы переселить на наши земли, он путешествовал по всему земному шару. Однажды

---

* Глава публикуется по материалам книги: Малов В.И. Затерянные экспедиции. — М.: Просвещение, 1980. — 127 с.

академик Прянишников приблизительно так выразился о нем: «Он гений и мы не осознаем этого только потому, что он наш современник». В биологии его считали своим Менделеевым. Он мог изъясняться на 22 языках и диалектах. Старейшина отечественных географов, многолетний бессменный президент Географического общества, Ю. М. Шокальский так отзывался о нем, о своем преемнике:

«Академик, путешественник, где он только не успел побывать: и на Памире, и в Эфиопии, и в Центральной Азии, и в Японии, о Европе я уже не говорю. Вот теперь он в Америке. Заграница его тоже хорошо знает, а это тоже важно. А главное, самое главное, я ему верю. Это человек дела и долга».

Это было в 1931 году в Советской России. Речь шла об академике Николае Ивановиче Вавилове. Действительно, прав был Прянишников, гений Вавилова можно будет сполна оценить лишь через многие десятилетия. Широта научных интересов Николая Ивановича Вавилова была поистине поразительна: крупный генетик, селекционер-теоретик, агроном, ботаник-растениевод, путешественник. Сегодня же можно сказать: Вавилов — самый выдающийся путешественник-охотник за растениями на протяжении всей истории человечества. Только в 1926 году он успел побывать и изучить растения в Сирии, Палестине, Алжире, Тунисе, Марокко, Египте, Франции, Италии, Греции, на Кипре, Сицилии и Сардинии.

Зачем и для чего надо собирать бесчисленные гербарии и сотни тысяч пакетов с семенами растений и злаков?

В начале прошлого века Александр Гумбольдт не без горечи говорил, что место происхождения тех растений, которые сопровождают человечество с его раннего детства, покрыто таким же мраком, как и родина большинства домашних животных. «Мы не знаем родины хлебных злаков — пшеницы, ячменя, овса, ржи...», — отмечал ученый.

Полвека спустя швейцарец Декандоль выдвинул казавшееся весьма разумным предположение: у всех культурных растений должны быть дикие предки. Значит, надо хорошенько поискать их. Места находок сохранившихся «дикарей» и определяют прародину пшеницы, овса, кукурузы.

Привлекательная простотой, гипотеза эта, однако, не получила крепких подпорок опыта: родословное дерево некоторых наших кормильцев осталось без корней, поиски их диких предков оказались безуспешными.

А без правильного ответа на вопрос о происхождении культурных растений трудно было успешно решать многие важные практические задачи. Одной из них была так называемая интродукция — выращивание на полях какой-либо страны или области растений из других мест.

Охоту за растениями для этой цели давно вели американцы. Новый свет при этом заимствовал весьма многое в России.

«Богатство полей Канады и Соединенных Штатов в значительной мере обязано хлебным злакам нашей страны», — говорил Вавилов.

Ему приходилось бывать в Вашингтоне, в главном центре агрономической разведки, которой руководил департамент земледелия. Там

еще хорошо помнили Марка Карльтона и его русские находки.

Карльтон жил в штате Канзас. Он заметил, что твердые сорта пшеницы, семена которых привезли в Америку переселенцы-сектанты, бежавшие от преследования царских властей, куда лучше местных переносят капризный климат. Тогда Карльтон сам поехал в Россию, долго колесил по засушливым местам нашей страны и отовсюду отправлял посылки в Америку. Особенно много было в них «кубанки» и «Харьковской красной пшеницы». У киргизских юрт в Тургайской степи американец покупал зерно, которое, по его выражению, могло бы прорасти и дать урожай хоть в пекле ада.

Вернувшись в Соединенные Штаты, Карльтон принялся распространять новые сорта. Его крупную фигуру в привезенной из России войлочной мужицкой шляпе видели на тысячах ферм в засушливых степях.

Вскоре Карльтону не было нужды убеждать кого-либо, кроме чиновников из департамента земледелия. Русские твердые сорта пшеницы сами постояли за себя. В 1919 г. потомки выходцев с полей России заняли треть всех посевов пшеницы в стране.

Когда Вавилов был в Соединенных Штатах, Марк Карльтон, забытый всеми, уволенный из департамента земледелия, доживал последние горькие дни в одном из маленьких городков Перу.

Кроме Карльтона, по земному шару путешествовало много других американцев — охотников за растениями. Они занимались сбором семян в долинах Янцзы и Лены, доходили до сибирской тундры и азиатских пустынь.

Но исследованиям американцев недоставало направляющей, главенствующей идеи.

Вавилов стремился установить первичные области распространения культурных растений. Он считал весьма важным найти такие очаги, где они на заре земледелия были введены в культуру из местной флоры или занесенных из других стран видов и форм.

Он считал, что для возникновения крупного очага изначальное богатство местной флоры должно сочетаться с развитием в этом месте древней цивилизации. Другими словами, там должны быть исходный растительный материал и прилежные человеческие руки.

Но всегда ли совпадают эти условия? Нет. Например, древняя земледельческая культура Египта не смогла бы развиваться, если бы ее основой были лишь растения песчаных отмелей или болот, появляющихся после разлива Нила. Еще в доисторические времена в Египет были завезены растения с соседних территорий, входящих, по определению Вавилова, в более обширные Средиземноморский и Переднеазиатский очаги.

В Ленинграде, в возглавляемом Вавиловым Всесоюзном институте растениеводства, были созданы огромные коллекции культурных растений мира, поистине золотые россыпи для селекционеров. Эти коллекции непрерывно пополняли экспедиции, снаряжаемые с точно разработанной целью.

Из хроники блокадной зимы в стенах Всесоюзного института растениеводства:

«От голода умер хранитель риса Дмитрий Сергеевич Иванов. В его рабочем кабинете остались тысячи пакетиков с рисом.

За своим письменным столом умер хранитель арахиса и масличных культур Александр Гаврилович Щукин. Разжали мертвые пальцы — на стол выпал пакет с миндалем. Щукин готовил дублет коллекции, надеясь самолетом переправить его из Ленинграда на Большую землю.

Умерла от голода хранительница овса Лидия Михайловна Родина».

Люди не просто охраняли коллекцию. Они должны были поддерживать ее в «рабочем состоянии». Боясь, что мороз повредит некоторые образцы, жгли в печах столы и стулья. Спасая уникальную коллекцию картофеля, высаживали по весне клубни на «ничейной земле», простреливаемой фашистами. Воевали с крысами.

Из воспоминаний доктора сельскохозяйственных наук Вадима Степановича Лехновича:

«На здание института началось нашествие крыс. Голодные грызуны ухитрились сбрасывать с полок коробки с семенами. Ударяясь о пол, те раскрывались, и крысы набрасывались на драгоценное зерно. Пришлось принимать экстренные меры. Обессиленные от голода люди снимали с высоких стеллажей коробки — жесть обжигала холодом, к ней нельзя было прикоснуться, перевязывали шпагатом, соединяли по девять штук (такая тяжесть крысам уже не под силу) и снова ставили по местам. Так было спасено 120 тысяч коробок».

Коллекция Всесоюзного института растениеводства была известна всему миру. Когда кончилась война, о ней вспомнили в Европе и Америке. Вспомнили, как еще об одной невосполнимой потере. Судьба сокровищ, собранных Вавиловым и его сотруidниками, не вызывала сомнений.

«...Обезумевшие от голода ленинградцы съели знаменитую коллекцию», — писал английский профессор Дарлингтон.

По его представлению, могло быть только так. Он просто счел излишним наводить какие-либо справки.

Теперь возьмем книгу Н. И. Вавилова «Пять континентов» и почитаем отрывки из главы о его путешествии по Японии. Поверьте, что и сегодня, несмотря на наши обширные знания об этой стране, описания Вавилова читаются как свежая «ботаническая» информация. Итак:

«После путешествия в Западный Китай, в ноябре 1929 г., мы направились в Японию...

Самое поразительное в Токио, как и во всякой стране, — это бесконечное разнообразие растительных форм, служащих для тех или других целей. С изумлением видит европейский посетитель множество видов и родов растений, которых он не встречал никогда в жизни, которых нет и в Юго-Западной Азии. Перед нами самые многочисленные виды бамбука, съедобного в разных формах, китайский ямс, огромное разнообразие редьки, репы, корнеплодов, горчицы, японский съедобный лопух, водяной каштан, лотос, стрелолист, водяной орех, съедобные луковицы лилий. Самые причудливые и разнообразные формы капусты, представленной множеством видов, оригинальные овощи, такие как «удо», ревень, китайский многолетний лук, цзю-цзай, стеблевой салат «уйсун», оригинальные мелкие баклажаны, крупные огурцы, съедобная люфа, съедобные хризантемы «шисо», клубеньковая спаржа и другие.

Фруктовые Японии представлены необычайными формами. Например, китайская груша, по-

крытая характерными чечевичками. Она разной величины, почти округлой формы и отличается от европейской груши более водянистой консистенцией. Во всяком случае, это совершенно особый вид, обособленный от европейской груши. Затем идут японская и китайская слива, китайская вишня, китайская айва, особые орехи, восточно-азиатские каштаны, множество эндемичных цитрусовых, в том числе канканы, а также японская хурма, локва.

Наряду с этим на базаре всевозможные виды рыб разных цветов, множество моллюсков, асцидий, трепангов. Ясно, что здесь мы среди новой флоры и фауны, в особом мире, значительно отличающемся от мира Юго-Западной Азии. Японец любит разнообразие...

В любой гостинице, в какой бы глубокой провинции ни остановился путешественник, он видит необычайную чистоту и опрятность, множество красивых своеобразных вещей, обязательно садик с карликовыми деревьями, с причудливыми пнями...

Переправившись на пароходе на остров Хоккайдо, мы едем на север по железной дороге, а затем на автомобиле в город Саппоро...

По свидетельству профессоров Саппоро, рис возделывается и на Южном Сахалине, доходя почти до 50—60°. Это самые скоро созревающие формы риса. Во что бы то ни стало надо их получить для наших северных районов рисовой культуры. Но, в отличие от американцев и европейцев, японцы проявляют большую скупость. Фактически мы получаем отказ. Указывают на необходимость получения специального разрешения от правительства. Словом, начина-

ется обычная история — известная дипломатическая волынка. Впоследствии мы получили необходимый сахалинский рис в большом количестве на имперской японской выставке в Корее, где были представлены все части страны.

Рис Японии представлен преимущественно бело-цветковыми формами. Как показали дальнейшие исследования, здесь можно видеть целую гамму переходов риса от поздних до скороспелых сортов, продвигающихся до самого крайнего севера Японии.

На острове Хоккайдо возделывается хмель. На базарах продают множество плодов актинидии, напоминающей по вкусу крыжовник. Мы не встречали ее здесь в культуре. По-видимому, она распространена только в диком виде...

Своеобразные условия японского климата и интенсивность японской селекции привели к тому, что и завезенные сюда из Юго-Восточной Азии, Индии и даже Америки виды культурных растений приобрели большие изменения. Мускусная тыква, несомненно завезенная сюда из Америки, сделалась мелкой, скороспелой, покрытой характерными бородавками. Баклажан, по-видимому завезенный из Юго-Западной Индии, отличается исключительной мелкоплодностью. Трудно перечислить всевозможные пряные и лекарственные растения.

Направляемся в Сидзуоку, главный чайный район Японии. Это лесной район. Хвойные леса из криптомерии, всхолмленная местность, красноземы. На хорошо разделанных участках бесконечно тянутся шаровидные, тщательно подстриженные чайные кусты. Сбор чая производится при помощи особых ножниц...

Путешествуя около Киото, изучая земледелие, мы могли наблюдать своеобразную культуру стрелолиста, возделываемого ради поражаемых головней корневищ. Сами по себе непораженные стебли мало съедобны. При поражении они становятся более сочными, приобретают особый вкус и являются одним из обычных видов питания как китайского, так и японского населения.

Одной из задач нашего путешествия было обязательно видеть остров Сахурадзима — родину сахурадзимской редьки — этого шедевра мировой селекции...

Нельзя было лучше выбрать время. Начинаясь копка редьки, и мы увидели необычайную картину. Лучшие экземпляры сахурадзимской редьки достигали пуда* и более весом. На тачках, при помощи которых убирали урожай, умещалось по два, по три экземпляра редьки. Издали можно было принять эти овощи за крупных поросят. Потом в Сеуле, Корее, на выставке мы видели редьку, достигшую 2 м длины, выросшую на легких прибрежных почвах. Мы исходили остров, десятки деревень, пытаюсь понять, каким образом возникло такое чудо. По-видимому, все дело в плодородных базальтовых рыхлых почвах, большом уходе и в упорной селекции...

Так же как и китайский очаг земледелия, Япония характеризуется большим числом растений, включая как представителей умеренной субтропической, так отчасти на юге и тропической зоны. Растительная, как и животная пища японца и китайца, особенно последнего, чрезвычайно разнообразна по своему составу: побеги

* 1 пуд = 16 кг.

различных бамбуков, множество культивируемых водяных растений, включительно до злака, возделываемого ради поражаемого головней листового влагалища, съедобный лопух, оригинальные виды капусты, редьки, множество блюд из сои, заменяющих мясо, до сыра «тофу» включительно, масса плодов во всех видах приготовления. Таков обычный состав растительной пищи китайцев и японцев.

По богатству эндемических видов культурных растений Япония и Китай выделяются среди других древних земледельческих очагов мира. Причем эти виды, как правило, представлены огромным числом разновидностей. Разнообразие сои, фасоли «адзуки», хурмы, цитрусовых буквально определяется тысячами легко различимых форм. Если учесть, кроме культурных растений, огромное число используемых в Китае диких растений, можно до известной степени понять, как могут здесь существовать сотни миллионов населения».

Почти как и все истории о великих путешественниках, история о великом охотнике за растениями имеет трагический конец. Во время научной экспедиции по Западной Украине 6 августа 1940 г. «враг народа» Н. И. Вавилов был арестован. Все-таки как несправедлива судьба к людям такой величины! Или это их неизбежный удел? 26 января 1943 г. Николай Иванович скончался. О том, как ему в этом помогли, остается только догадываться.

Верно одно, что в этой книге имя Вавилова не могло быть пропущено. И то, что мы узнаем о нем, для многих оставалось тайной.

Эта глава могла бы по праву своего содержания оказаться в первой части нашего повествования. Но чтобы обозначить не столько эпохальность этого открытия, сколько имена открывателей, глава причислена к третьей части книги.

Речь пойдет о многочисленных открытиях в Южном полушарии в ходе трехсотлетних поисков современной Антарктиды и окончательном решении загадки Южной земли русскими мореплавателями. О том, как это начиналось и как закончилось, расскажут отрывки из книги С. С. Узина.

Основываясь на учении о шарообразности Земли, древние греческие и римские ученые приходили к выводу, что в Южном полушарии расположен крупный материк, который должен «уравновешивать» материковые массы Северного полушария.

Ученые различно представляли себе этот материк. Наиболее близок к истине был Помпоний Мела*, утверждавший, что Южная земля со всех сторон омывается океаном. Клавдий Птолемей, считавшийся в течение многих столетий непрекращаемым авторитетом в области географии, придерживался противоположной точки зрения: мирового океана не существует, и, следовательно, не океан омывает Южный материк, а, напротив, суша Северного и Южного полушарий окружает со всех сторон море, являющееся, таким образом,

* Помпоний Мела — римский географ, известный своим трудом «Chorographia», написанным в 40—44 гг. н. э. Был последователем теории шарообразности Земли и деления ее на пояса.

внутренним бассейном. По теории Птолемея, экваториальные пространства земли представляли собой безжизненные пустыни, преодолеть которые выше сил человеческих; поэтому он считал, что Южный материк недосыгаем.

Несмотря на противоречивые мнения, географы древности сходились в предположении, что Южная земля имеет очень большие размеры и сильно вытянута в широтном направлении.

Первую попытку решить проблему Южной земли предприняли испанцы, обладавшие в ту пору самым мощным флотом. Наличие неизвестной земли к югу от пролива, которым прошла экспедиция Магеллана из Атлантического океана в Тихий, а также открытие в 1527 г. испанским мореплавателем Сааведрой острова Новая Гвинея, который был принят за северную оконечность Южного материка, казалось им убедительным свидетельством справедливости гипотезы античных географов.

Однако вовсе не стремление убедиться в правильности или ошибочности предположений о наличии большой материковой массы в южных широтах побуждало испанских мореплавателей совершать длительные и зачастую опасные походы. Нет! Неутолимая жажда легкой наживы толкала их на поиски новых земель.

В ту пору многие области Южной Америки были уже окончательно завоеваны испанцами. Одной из таких обширных и богатых колоний была Перу. Перуанские плантаторы и владельцы серебряных рудников нуждались в новых рабах — местные индейцы, превращенные в невольников, не выдерживали адских условий труда и вымирали. Предполагалось, что в рай-

онах северной (тропической) оконечности Южного материка, как и на Новой Гвинее, живут черные люди, которых можно перевезти в Перу и заставить работать на рудниках и плантациях. Мечтали колонизаторы и о золоте, которое, вероятно, найдется на Южном материке; ради него готовы были на любую авантюру.

В конце 1567 г. вице-король Перу снарядил экспедицию в составе двух кораблей под начальством Альваро Менданья для поисков в Южном море островов, якобы открытых неким перуанским мореплавателем незадолго до покорения Перу испанцами.

Продвигаясь в западном направлении, экспедиция наткнулась на небольшой остров, лежащий у 6° южной широты (принадлежащий, по всей вероятности, к архипелагу Эллис), а вскоре обнаружила большую группу островов, именуемых ныне Соломоновыми. Такое название архипелаг получил видимо потому, что Менданья, вернувшись из плавания, утверждал, что он открыл сказочно богатую страну Офир, откуда царь Соломон, согласно библейскому преданию, черпал легендарные сокровища.

Спустя четверть века Менданья снова отправился в плавание.

Путь второй экспедиции пролегал несколько южнее — примерно по десятому градусу южной широты. Направляясь к знакомым уже Соломоновым островам, Менданья обнаружил новый архипелаг, который назвал Маркизскими островами. Свое пребывание здесь испанские мореплаватели озаменовали привычной для них кровавой расправой над местным населением.

Истребив множество островитян, Менданья

двинулся дальше на запад. Экспедиция открыла группы островов Сан-Бернардо (ныне острова Гемфри) и Санта-Крус. Попытки отыскать архипелаг, обнаруженный в первом плавании, не дали результатов. Менданья вскоре умер, а командование принял португалец Педро Фернандес де Кирос, который привел корабли в Мексику.

По возвращении Кирос с упорством фанатика утверждал, будто в этом путешествии было доказано существование Южного материка, и строил планы новой экспедиции. Он отправился в Испанию и принялся соблазнять испанских вельмож и богатых купцов баснословными сокровищами Южного материка, но потерпел неудачу. В то время у Испании были иные заботы: появились опасные соперники, которые все более и более теснили испанский флот на морских путях — голландцы и англичане.

Кирос перебрался в Рим, надеясь получить поддержку у папы и снарядить экспедицию с помощью главы католической церкви. Соблазненный посулами красноречивого авантюриста, «святой отец» не устоял и обещал свою помощь.

В конце 1605 г. из перуанского порта Кальяно на поиски легендарного Южного материка вышла флотилия в составе трех кораблей, возглавляемая Киросом.

Экспедиция поднялась к 20° южной широты, затем направилась на север и на исходе второго месяца плавания встретила какие-то острова. Вскоре на пути кораблей оказалась новая группа островов — часть архипелага Туамоту. Продолжая двигаться на запад, после долгих блужданий, мореплаватели оказались в виду большой (так вообразил Кирос) земли — гори-

стой, покрытой пышной растительностью, с многочисленными селениями, раскинутыми по склонам гор и вдоль побережья. Корабли вошли в живописную бухту.

Кирос торжествует: наконец-то он открыл Южную землю! Золото непрерывным потоком хлынет в его кладовые! Не будет забыт и римский «благодетель», придется кое-что и ему уделить. А тем временем можно сделать благочестивый жест: Кирос именуется обретенный им «материк» Южная земля Духа Святого (Эспириту Санто), а на берегу бухты закладывает город Новый Иерусалим.

Однако Кироса ждет горькое разочарование: самые тщательные поиски не обнаруживают даже малейших признаков желанного золота. Рухнули планы мгновенного обогащения. Среди участников экспедиции поднимается ропот. Во влажном тропическом климате лихорадка валит с ног мореплавателей.

На одном из кораблей Кирос тайно покидает злополучную землю и возвращается обратно в Перу, где объявляет, будто он открыл новый огромный материк. По его словам, там есть в изобилии все, что необходимо для легкой, беззаботной жизни. «Я могу сказать на основании фактов, что нет на свете страны более приятной, здоровой и плодородной; страны, более богатой строительным камнем, лесом, черепичной и кирпичной глиной, нужной для создания большого города, с портом у самого моря и притом орошаемой хорошей, текущей по равнине рекой, с равнинами и холмами, с горными кряжами и оврагами; страны, более пригодной для разведения растений и всего того, что производят Европа

и Индия... — доносил Кирос в докладной записке испанскому королю. — Из всего сказанного мною неопровержимо вытекает, что имеются два континента, стоящие отдельно от Европы, Азии и Африки. Первым из них является Америка, открытая Христофором Колумбом, вторым и последним на земле — тот, который я видел и который прошу исследовать и заселить».

Тем временем корабли, брошенные Киросом, покинули Эспириту Санто и под командованием Луиса Торреса обошли вокруг... открытой земли; это был лишь небольшой остров (один из островов Новогбридского архипелага)... Мореплаватели направились к северо-западу и достигли побережья Новой Гвинеи. Продвигаясь вдоль ее южного берега, Торрес обнаружил пролив, преодолеть который удалось с большим трудом: множество подводных скал ежеминутно угрожало кораблям гибелью.

Торрес убедился, что Новая Гвинея — остров, а вовсе не северная оконечность Южного материка, как это до сих пор предполагали. Правда, на юге виднелись смутные очертания какой-то неизвестной земли, но Торрес даже не пытался обследовать ее берега.

В конце XVI и начале XVII века на океанских дорогах появились новые охотники за сокровищами — англичане, занявшиеся, подобно испанцам и португальцам, безудержными колониальными захватами и ограблением заморских народов.

Английские пираты рыскали по морям и океанам в поисках новых земель, попутно грабя торговые корабли. За эти «подвиги» морские разбойники удостоивались в Англии дворянских титулов.

Одним из таких титулованных пиратов был

Фрэнсис Дрэйк, совершивший в семидесятых годах XVI столетия кругосветное путешествие. Выйдя в плавание в 1578 г., Дрэйк проследовал вдоль побережья Южной Америки и достиг южной ее оконечности. В описании этого путешествия упоминается эпизод, имеющий непосредственное отношение к вопросу о Южном материке: «На седьмой день (сентября) сильный шторм помешал нам войти в Южное море*... в одном градусе к югу от (Магелланова) пролива. Из залива, названного нами заливом Разлуки Друзей, нас отогнало на юг от пролива до 57 с третью параллели, на широте которой мы стали на якорь среди островов».

Судя по рукописной карте, видимо, составленной Дрэйком и хранящейся в Британском музее, на которой нанесена небольшая группа островов южнее Магелланова пролива с многозначительной надписью: *terra australis bene cognita* («хорошо известная южная земля»), Дрэйк поторопился приписать себе открытие Южного материка, хотя по его же утверждению то была лишь горсточка островов.

Однако до действительного открытия легендарной Южной земли прошли еще столетия.

В начале XVII века за поиски этой земли принимаются и голландцы. Некоторые голландские купцы, вывозившие ценности с островов Малайского архипелага, были заинтересованы в изыскании нового пути к островам Пряностей; это их избавило бы от неприятных встреч с флотом опасного конкурента — недавно возникшей Ост-Индской компании.

Такой путь мог лежать к югу от островов,

* Так называли в те времена Тихий океан.

которые Дрэйк громко именовал «хорошо известной южной землей».

Амстердамский купец Лемэр организовал экспедицию, в задачу которой входили поиски пути из Атлантического океана в Тихий в обход Магелланова пролива. Мореплаватели были глубоко убеждены в существовании на юге австралийского материка и решили во время плавания заняться его поисками. Пройдя мимо Магелланова пролива и вдоль восточных берегов Огненной Земли, экспедиция обнаружила новый залив; с запада его ограничивала оконечность Огненной Земли, а на востоке виднелся высокий снежный берег неизвестной земли. Не колеблясь, голландцы решили, что перед ними часть Южного материка. Они проследовали на запад, стремясь быстрее установить очертания «материка». Долгое время после этой экспедиции, открытую ею землю, названную Землей Штатов, принимали за северный выступ южного континента, пока не выяснилось, что голландцы видели лишь незначительный остров, покрытый снегом и ледниками.

В 1642 г. из Батавии (ныне Джакарта, столица Индонезии, на острове Ява) отплыла экспедиция Абея Тасмана. Он спустился к югу и, продвигаясь в широте 45—49° на восток, достиг неизвестной земли, которую назвал Вандименовой (о. Тасмания). Осмотрев берега живописного острова, голландцы продолжали плавание на восток. И опять через некоторое время их взорам открылась какая-то земля. Определив ее местоположение, Тасман пришел к заключению, что это — часть Земли Штатов, открытой в 1615 г. экспедицией Лемэра к югу от Огненной Земли. В действительности Тасман находился у берегов

Новой Зеландии. Продвигаясь в дальнейшем на север, экспедиция достигла новой Гвинеи и, обогнув ее с севера, возвратилась в Батавию.

На картах появились очертания (правда весьма приблизительные) огромной территории. Для острова она слишком велика; возможно это и есть пресловутый южный континент, безуспешно разыскиваемый мореплавателями?! Однако для материка, который должен «уравновешивать» огромные континентальные массы Северного полушария, территория эта безусловно мала. К тому же на востоке и юго-востоке лежит еще одна земля, размеры и очертания которой пока не удалось установить. Вполне вероятно, что, соединяясь с Землей Штатов, она-то и образует Южный материк.

Примерно так размышляли в середине XVII века ученые и мореплаватели.

Поиски неведомой Южной Земли продолжались. Все южнее и южнее проникали корабли. Новые отряды западноевропейских искателей наживы и приключений пересекали воды Индийского и Тихого океанов в надежде отыскать загадочную землю. Миф о ее сокровищах принимался за реальность. Ради грядущего обогащения, которое сулило открытие этого материка, западноевропейские мореплаватели отправлялись в дальние плаванья, терпели лишения, голодали, болели, умирали. И каждый поход голландцев, англичан, французов приносил тяжелое разочарование: никому не удавалось раскрыть загадку.

Голландский адмирал Якоб Роггевен, плававший в 1721 г. в южной части Тихого океана, тоже возымел намерение найти Южный материк. Случайно корабль подошел к неизвестно-

му дотоле, цветущему острову, названному Роггевеном островом Пасхи. Ограбив и истребив его население, белые разбойники сочли свою миссию законченной и вернулись в Голландию.

В 1738 г. из французского порта Лориан вышли два корабля под командованием Лозье де Буве. Они взяли курс на юг — туда, где незримо смыкались воды Атлантического и Индийского океанов. Там должна была находиться «земля Гонневиля» — мифическая земля, существование которой связывалось с наличием в Южном полушарии крупного материка.

После шестимесячных блужданий в океане глазам мореплавателей внезапно открылся скалистый, покрытый снегом берег неизвестной земли. Буве поспешил в Европу с торжественной вестью, что ему удалось, наконец, достигнуть берегов Южного континента. Но время показало ошибочность этого скороспелого суждения.

Спустя несколько лет неудача постигла и англичан. На поиски Южного материка английское правительство отправило командора флота Джона Байрона, деда знаменитого английского поэта. Однако кроме открытия нескольких островов в группе Туамоту и архипелагах Токелау, Манахики и Гилберта, экспедиция ничего не добилась.

Английское адмиралтейство снарядило новую экспедицию во главе с Уоллисом и Картеретом. Перед ними поставили все ту же задачу: во что бы то ни стало найти Южный материк, а попутно захватывать все вновь открытые земли и объявлять их английскими владениями.

Пройдя Магеллановым проливом в Тихий океан, корабли разделились. Уоллис, маршрут которого пролегал несколько севернее, побывал на

нескольких островах архипелага Туамоту, на острове Таити и на архипелаге, получившем позднее наименование островов Общества. За все время плавания этот корабль не заходил южнее двадцатой параллели. Не добился успеха и Картерет.

На обратном пути в Англию Картерет встречал в Атлантическом океане экспедицию французского мореплавателя Бугенвиля, который также возвращался из просторов Тихого океана после безуспешных попыток отыскать Южный материк.

Спустя два года французы вновь попытались проникнуть в неизведанные пространства южных широт Тихого океана. В 1769 г. экспедиция, возглавляемая Сюрвилем, направилась к побережью Индии. Достигнув порта Пондишерри, колонии французов на восточном берегу Индостана, и оставив там товары, экспедиция проследовала к Филиппинским островам.

Побывав у берегов Земли Штатов (Новая Зеландия), корабли пересекли Тихий океан и достигли берегов Южной Америки.

Так еще одна попытка закончилась безрезультатно.

Очередная французская экспедиция отправилась в 1771 г. Ей предстояло повторить маршрут Буве и отыскать в южной части Атлантического океана легендарную «землю Гонневиля».

И вот на 49°20' южной широты мореплаватели узрели некую землю. Подобно многим своим предшественникам, руководитель экспедиции Кергелен впал в ошибку, вообразив, будто он достиг Южного материка, безуспешно разыскиваемого в течение двух столетий. «Земли, которые я имел счастье открыть, — восторжен-

но писал он, вернувшись из плавания, — по-видимому, образуют центральный массив антарктического континента... Нет сомнения, что в ней будет найдено ценное дерево, минералы, рубины, драгоценные камни, мрамор».

Но земля, открытая французами, оказалась островом, никаких драгоценностей там не было и в помине. Единственным утешением для Кергелена могла служить мысль о том, что со временем этот остров получит его имя.

Об изысканиях Южного континента великим Джеймсом Куком мы хорошо осведомлены (глава 9). Поэтому, минуя этот знаменательный в географии период, подойдем непосредственно к разгадке тайны «Южной Земли».

Минуло сорок с лишним лет после возвращения Джеймса Кука из его второго плавания в южных морях. Наступило XIX столетие, и на просторах трех океанов появились корабли российского флота.

Одна за другой уходили из Кронштадта кругосветные морские экспедиции. Жители Рио-де-Жанейро и Нагасаки, Явы и Кантона впервые увидели у своих берегов корабли под русским флагом. Россия властно заявляла о себе.

Крузенштерн и Лисянский, Головин, Коцебу, Лазарев, Панафидин и многие другие совершали дальние морские походы, открывали новые земли, обследовали неизученные области Тихого океана, обогащали науку ценными научными наблюдениями и исследованиями.

4 июля 1819 г. жители Кронштадта провожали в далекое и трудное плавание к Южному полюсу российские шлюпы «Восток» и «Мирный».

Согласно инструкции морского министерства,

руководители экспедиции — капитан 2-го ранга Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и лейтенант Михаил Петрович Лазарев должны были проследовать в южные воды Атлантического океана к островам Южной Георгии и Земле Сандвича, исследовать их и приложить все усилия, чтобы проникнуть возможно дальше на юг.

Экспедиции категорически предписывалось продолжать изыскания до тех пор, пока это будет в человеческих силах. «Он (Беллинсгаузен) употребит все возможное старание и величайшее усилие для достижения сколько можно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли и не оставит сего предприятия иначе, как при неожиданных препятствиях.

Ежели под первыми меридианами, под которыми он пустится к югу, усилия его останутся бесплодными, то он должен возобновить свои покушения под другими, и не упуская ни на минуту из виду главную важную цель, для коей он отправлен будет, повторяя сии покушения ежечасно как для сткрытия земель, так и для приближения к Южному полюсу*». Так говорилось в инструкции морского министерства.

Было предусмотрено, что в зимние месяцы экспедиция не сможет вести исследования в высоких широтах, и это время намечалось посвятить плаваниям в экваториальной и тропической зонах Тихого океана. Но как только наступит весна, т.е. к концу 1820 г., «1-я дивизия снова отправится на юг: к отдаленнейшим широтам, возобновит и будет продолжать свои исследования по прошлогоднему примеру с таковою же

---

* Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом море. — М., 1949.

решимостью и упорством и проплывет остальные меридианы для совершения пути вокруг земного шара, обратясь к той самой высоте, от которой дивизия отправилась, под меридианами земли Сандвичевой».

Таким образом, экспедиции вменялось в обязанность совершить кругосветное плавание по малому кругу, по возможности не выходя пределов субполярной и полярной зон, где русские мореплаватели предполагали искать Южный материк, существование которого отвергалось Куком и его последователями.

По прошествии пяти с лишним месяцев экспедиция оказалась в виду острова Южная Георгия. Обогнув его с южной стороны и уточнив координаты некоторых пунктов острова, корабли направились к «Земле Сандвича». По пути к ней русские моряки открыли архипелаг островов, получивший наименование де Траверсе. Отдельным его островам были присвоены имена участников экспедиции: Завадовского, Лескова, Торсона (впоследствии переименованный в остров Высокий).

«Земля Сандвича», как установили русские исследователи, состояла из нескольких островов, оконечности которых Кук в свое время ошибочно посчитал за выступы одной земли и на карте обозначил как мысы с соответствующими наименованиями.

Моряки «Востока» и «Мирного» сочли несправедливым заменять английские названия, данные Куком, русскими, хотя имели для этого весьма веские основания. «Капитан Кук первым увидел сии берега и потому имена им данные, должны оставаться неизгладимыми... По сей причине я

называю сии острова Южными Сандвичевыми островами, — писал Беллинсгаузен в своем труде о плавании в Южный океан.

Русские исследователи явили пример истинного благородства, уважения к заслугам представителей других народов. Характерно, что англичане не последовали этому примеру и позднее без всяких на то оснований заменили все русские названия Южных Шатландских островов, а английское адмиралтейство поспешило «узаконить» этот бесцеремонный и грубый акт.

Проведя необходимые измерения, позволившие определить истинное положение и очертания Южных Сандвичевых островов, «Восток» и «Мирный» повернули на юг, приступив к выполнению основной задачи плавания.

Вскоре были встречены первые льды, затруднившие дальнейшее продвижение на юг. Приходилось то отходить к северу, чтобы избежать угрозы сжатия плавающими льдами, то идти к востоку в надежде найти более свободный путь на юг. Наконец кораблям удалось пересечь Южный полярный круг и 16 января 1820 г. подойти в широте $69^{\circ}25'$ и долготе $2^{\circ}10'$ западной. Всего лишь в двадцати милях к югу простирался берег Южного материка (та часть его, которая в настоящее время носит название Земли принцессы Марты), но отважные мореплаватели из-за густых туманов и непрерывно идущего снега не могли видеть его. «...Весь горизонт покрылся пасмурностью при снеге и дожде», — отмечал Беллинсгаузен в своем дневнике.

Трижды русские корабли пересекли Южный полярный круг, трижды упорно и решительно

штурмовали ледовые барьеры Антарктического материка, подходя к его побережью, но не видя его за сплошной завесой тумана.

В южных широтах появились признаки приближения зимы. Экспедиция вынуждена была прервать свои поиски и направиться в более теплые тропические районы Тихого океана.

В конце октября 1820 г. Беллинсгаузен и Лазарев снова повели свои шлюпы к полярному кругу.

Снова появились льды, снова сплошная пелена снега и дождя закрывала горизонт, умножая опасности плавания, но отважные моряки не отступали и забирались все дальше на юг, стремясь отыскать заветную *terra australis*.

Так продолжалось несколько недель. И вот настало 10 января 1821 г. В этот день произошло знаменательное событие — взорам русских мореплавателей предстал желанный берег, земля!..

«...В 3 часа пополудни со шканцев увидели к ОЗО в мрачности чернеющее пятно. Я в трубу с первого взгляда узнал, что вижу берег, но офицеры, смотря также в трубы, были разных мнений... Солнечные лучи, выходя из облаков, осветили сие место, и ко всеобщему удовольствию, все удостоверились, что видят берег, покрытый снегом; одни только осыпи и скалы, на коих снег удержаться не мог, чернелись... Ныне обретенный нами берег подавал надежду, что непременно должны быть еще другие берега, ибо существование токмо одного в таком обширном водном пространстве нам казалось невозможным». Так описал Беллинсгаузен замечательное открытие.

Земля, обнаруженная на $68^{\circ}57'$ южной широты и $90^{\circ}47'$ западной долготы, оказалась островом; ему дали имя Петра I.

Плавание продолжалось. Путешественники с удвоенной энергией вели поиски, словно предчувствуя близкий успех... Действительно, не прошло и недели, как они увидели очертания какой-то новой земли. Погода в этот исторический день — 17 января — стояла на редкость ясная.

«В 11 часов утра мы увидели берег; мыс оно-го, простирающийся к северу, оканчивался перешейком от других гор, имеющих направление к SW., выходит широта высокой горы, отделенной перешейком $68^{\circ}43'20''$ южная, долгота $73^{\circ}9'36''$ западная», — с удовлетворением записал Беллинсгаузен в свой дневник.

На карте появилось новое обозначение: берег Александра I. Беллинсгаузен пояснил: «Я называю обретение сие берегом потому, что отдаленность другого конца к югу исчезла за предел зрения нашего... Внезапная перемена цвета на поверхности моря подает мысль, что берег обширен, или, по крайней мере, состоит не из той только части, которая находилась перед глазами нашими».

Предположение это блестяще подтвердилось последующими исследованиями: берег Александра I является неотъемлемой частью Антарктического континента, отделенной от основной материковой массы лишь незначительным, круглый год скованным льдом.

Русские исследователи первыми достигли Южного материка и приподняли покров тайны, на протяжении трех столетий волновавшей умы

западноевропейских мореплавателей и ученых. Великий подвиг моряков «Востока» и «Мирного» составляет одну из блестящих страниц в истории географических открытий.

Совершив беспрецедентный по длительности и трудности поход вокруг Антарктического материка, русские корабли, неоднократно подходившие к нему вплотную, определили своим маршрутом его примерные очертания.

Вопрос о существовании *terra australis* был решен окончательно и, вопреки утверждению Кука, решен положительно.

ЧАСТЬ IV

ГЕОМИРАЖИ И НЕСУЩЕСТВУЮЩИЕ ОТКРЫТИЯ

Помимо прочих тайн и загадок, связанных чуть ли не с каждым знаменательным путешествием или географическим открытием есть еще три классических источника возникновения этих тайн и геомифов. Это чистая фантазия несправимых романтиков и лжегероев, ложная интерпретация или преувеличение действительных сообщений и ошибки самих исследователей, которые всегда остаются людьми. В большинстве же случаев таинственность событий обеспечивает сочетание всех этих причин. К сожалению, прошли те времена, когда первозданные географические мифы и легенды что-либо значили в истории представлений о нашем мире. Теперь заметнее различие между правдой и вымыслом, а чтобы вымышленный остров из романа перебрался на карту — совсем невероятно. Например, плохое зрение сэра Джона Росса сегодня вряд ли могло бы стать причиной появления целой гористой цепи, поскольку коллективные приборные исследования исключают эту возможность.

Тем не менее, в истории несуществующих открытий есть одна привлекательная сторона — реальные люди, их достойные и бесславные деяния и новые открытия на пути к геомиражам длиною в сотни и тысячи лет. Не всегда географические объекты, нанесенные на карту были реальными. И все же они были!

Величайший из ученых античного мира Клавдий Птолемей впервые изобразил Землю в виде проекции шара на плоскость, но и он во II веке новой эры достоверно представлял себе лишь контуры Европы, а Ливию протянул до Южного полюса, соединил ее с юго-восточной Азией и показал на своей карте Индийский океан замкнутым морем.

В эпоху феодализма, вплоть до XIII века, карта мира не пополнилась сколько-нибудь существенно новыми сведениями, если не считать повышения самой техники картографирования, более точного изображения морских путей и побережий на портоланах благодаря применению в мореходстве компаса.

Содержание мировой физической карты начало усиленно изменяться с XIII века. Толчком к этому послужили сведения, поступавшие в Европу от норманнских и ирландских мореплавателей, открывших ряд островов в Атлантике; о внутренних областях восточной Европы и Азии узнали из рассказов многочисленных посольств на Восток (Рубрука, Пьяно Карпини), а особенно из книги Марко Поло, написанной после четвертьвекового путешествия в Каракорум и Китай с последующим плаванием вдоль южных берегов Азии. Книга Поло открывала широкие горизонты для картографов. Благодаря ей, границы мира расширились вплоть до Тихого океана, на картах появился могучий меридиональный горный хребет Блор в Центральной Азии и Сибири, стали вырисовываться восточные окраины Азии и возник мифический пролив Аниан, со временем смещенный картографами далеко к северу и разделивший Азию и Америку.

В XIV и XV веках с развитием плавания португальцев в Атлантике, открытием островов Зеленого Мыса, Мадейры и Азорских, с распространением христианства на эти и более северные острова, с идеологической борьбой внутри самой христианской церкви и возникновением новых орденов в ней, их обособлением и враждой между собой, перед началом испанского мореходства и надеждой найти «промежуточные» станции на пути в Индию на картах появляются гипотетические земли. Изображение их на карте основывалось отнюдь не только на географических открытиях, но и на непроверенных слухах, нередко распространявшихся церковниками для привлечения паствы (вроде Земли Святого Иоанна, острова Святого Брандана и др.), а иногда в результате ошибок мореплавателей, а то и прямого надувательства картографов предприимчивыми лгунами.

На карте мира Фра-Мауро 1439 года уже показано немало островов и в Атлантическом океане и в «Индийском море», как действительно известных, так и неправдоподобных. На карте Тосканелли, известной Колумбу, в Атлантическом океане обозначены острова Бразил, Азорские, Мадейра, Гомера, Канарские, Зеленого Мыса, Антильские, Святого Брандана, а на западе — Японские (Зипанго) и множество других. Как видно из перечисления, многие острова достоверны, а некоторые ныне на карте мира отсутствуют.

В начале XVIII века на карте Тихого океана, в центральной части его северного сектора, изображалась обширная Земля Гамы, которую безуспешно разыскивала, но так и не обнару-

жила Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга и Алексея Чирикова. В XX веке советским полярникам пришлось выяснять местоположение, казалось бы, правдоподобных островов Андреева и Земли Санникова, но, как только оказалось, что их нет в природе, они, естественно, тут же исчезли и с карты.

Теперь откроем книгу канадского филолога и исследователя старинных карт и древней английской литературы Раймонда Рамсея «Открытия, которых никогда не было». Конечно, недостатки кабинетных изысканий Рамсея и неумышленное незнание русской литературы в этой области — налицо. Однако то, что Рамсей смог выудить из исторической и географической пыли, вполне достойно нашего внимания. Опять пример. Рамсей ссылается на книгу Чарльза Хепгуда «Карты древних морских кораблей», в которой высказывается предположение о том, что около десяти тысяч лет назад, до эпохи последнего оледенения, якобы существовала очень развитая культура мореплавания, когда весь мир был исследован и закартирован, в том числе и Антарктида. Об этом позже и подробнее. Рамсей говорит, что по своей склонности к романтике он хочет верить в «ошеломляющую теорию» Хепгуда, хотя и с осторожностью, но все же в связи с нашумевшей картой Пири Рейса находит в своей книге место для упоминания об этой довольно «неправдоподобной» теории.

Далее, с помощью отрывков из книги Рамсея коснемся волнующих историй несуществующих открытий.

По слухам, дошедшим до испанских конкистадоров, была известна древнеиндейская церемония, называемая испанцами *El Hombre Dorado* (золотой человек).

Символ триумфа — сверкающая позолота, нанесенная на обнаженного человека, посвящаемого в вожди, смывалась в озере, куда потом бросались приношения — золото и драгоценные камни.

По странному капризу судьбы этот торжественный ритуал небольшого индейского племени в отдаленном уголке Южной Америки вырос до размеров грандиозного географического мифа. Понятие «эльдorado» вошло в языки всех цивилизованных народов. Миф же об Эльдorado стал источником многих легенд.

Один из испанцев, Себастьян де Белалькасар, соратник Писарро, был направлен в северные районы для разгрома перуанцев, все еще оказывавших там сопротивление. Белалькасар разбил перуанцев близ Кито, в нынешнем Эквадоре, и вот там-то один индеец и рассказал ему о земле Попаян, лежащей еще дальше к северу, о ее народе, муисках, отмечавших избрание нового вождя церемонией с «позолоченным человеком». К этому времени индейцы уже знали, что лучший способ избавиться от испанцев — это наплести им небылицы о золоте и направить их по ложному следу.

В конце 1535 года Белалькасар со своим отрядом выступил из Кито, направляясь на север, на поиски людей, которые могут позволить себе швыряться золотом. Что случилось потом, не

совсем ясно, так как источники расходятся. Но общий ход событий, видимо, таков: прежде, чем Белалькасар достиг страны муисков, она была захвачена и покорена экспедицией, возглавляемой Гонсало Хименесом де Кесадой, которая прибыла с севера, с Карибского побережья. Эта авантюра не принесла сокровищ, зато присоединила новые земли к испанской короне. Белалькасару пришлось убедиться, что его опередили.

В это же время в стране муисков появилось и третье лицо — немецкий авантюрист, наемный солдат Николай Федерман с остатками отряда, выступившего из Венесуэлы еще до упомянутых событий (по некоторым источникам, за 5 лет). Таким образом, страна Эльдорадо оказалась захваченной тремя различными группами, относящимися друг к другу с подозрением. Посоветовавшись между собой, предводители отрядов договорились предоставить королю Испании решение вопроса об их притязаниях на эту землю. В конце концов Белалькасар был назначен губернатором провинции Попаян — ныне одного из штатов в южной Колумбии.

Племя муисков со своим необычным и красочным обрядом, при котором нового вождя покрывали позолотой, было одним из племен народа чибча. Всего за несколько лет до прихода Белалькасара оно было покорено более могущественным племенем, называвшим себя чибча богота (по имени этого племени названа нынешняя столица Колумбии), и этот обряд больше не соблюдался.

Испанцам не понадобилось много времени, чтобы уяснить истинное положение дел. У побежденных муисков уже не было своих вождей, в честь которых совершались жертвоприноше-

ния золотом. К тому же они, как и все чибча, сами золота не добывали, а получали то небольшое, что требовалось им для ритуальных целей от торговли с перуанцами. Еще хуже было то, что небольшое горное озеро Гуатавита, где совершались жертвоприношения, имело около 120 метров глубины и было недоступно для ныряльщиков, так что золото на дне его было утрачено безвозвратно. То Эльдorado, которое впервые получило это название, оказалось совершенно невыгодным предприятием, и было не удивительно, если бы легенда о нем угасла уже тогда, оставшись лишь незначительным эпизодом в истории Южной Америки.

В то время как чибча богота завоевывали родственников им муисков, индейцы тупинамба на отдаленном юго-восточном побережье Бразилии находились в состоянии религиозного экстаза. Среди них появился пророк, призывавший народ последовать за ним на запад, где, по их поверьям, был рай — Земля без Бедствий. Переход продолжался девять лет. Тысячи тупинамба с трудом пробирались через безлюдные районы Мату-Гросу и высокие Анды и, наконец, в 1539 году закончили поход в Чачапояс, в северном Перу.

Испанцы набросились с расспросами на этих пришельцев из неведомых им земель и узнали многое, что помогло уточнить их карты. Полученная информация оказалась полезной для дальнейших исследований. Но больше всего испанцев интересовали сведения о богатых царствах и полных золота городах в неисследованных глубинных областях, и тупинамба рассказывали обо всем, что тем хотелось услышать, или, во вся-

ком случае, давали такие ответы, которые испанцы истолковывали в оптимистическом духе.

Таким образом, сложилась новая легенда об Эльдорадо, вернее, Эльдорадо предстало перед испанцами в новом обличье, превратившись из El Hombre Dorado (золотого человека) в El Dorado (золотую страну). Это эффектное название казалось подходящим для всех золотых земель, которые еще предстояло открыть.

Сыграв роль в этой истории, тупинамба почти сразу же уходит в тень. Некоторые из них поселились на побережье Перу, но большинство убедилось, что Перу под властью испанцев мало похоже на Землю без Бедствий, и постепенно потянулось обратно, на свою родину на побережье Бразилии, где впоследствии возник город Рио-де-Жанейро. И по сей день там много индейцев тупинамба, более или менее сохранивших чистоту крови.

Можно сказать, что исследования северо-западной части Южной Америки покончили с поисками «реального» Эльдорадо, порожденного описанной выше церемонией индейцев муисков. Зато начали множиться мифы. Испанские власти сами содействовали живучести мифа об Эльдорадо, он был им на руку.

К середине XVI столетия период завоеваний в испано-американской истории подошел к концу. Были основаны города и гасиенды, были созданы своего рода правительство и регулярная испанская армия. Дни военных авантюр прошли, настала пора колонистов, плантаторов, рудокопов и предпринимателей. Однако большинство отщепенцев из отрядов первоначальных завоевателей еще болтались без определенной цели. Их

было полно в каждом испанском поселке: стареющие, непригодные к труду головорезы, они проводили время в попойках, потасовках, воровстве, буянили и были угрозой для всех порядочных женщин. Когда они слишком досаждали, их легко можно было собрать под командованием какого-нибудь достаточно крутого офицера и отправить куда-нибудь в глушь на поиски Эльдорадо. Это давало временную передышку, и при благоприятном повороте событий некоторые из них обратно не возвращались. К тому же всегда имелась вероятность того, что они что-нибудь откроют.

Около 1541 года история об Эльдорадо оказалась связанной с другим районом, расположенным довольно далеко от Боготы и реки Мета. Экспедиция из Венесуэлы во главе с немцем Филиппом фон Гуттенем столкнулась с могущественным племенем омагуа из юго-восточной Колумбии и была разбита. Внушительная мощь этого народа породила фантастические преувеличенные рассказы о столице омагуа, впервые увиденной и описанной фон Гуттенем, и около 1558 года была подготовлена новая экспедиция, которая ознаменовала собой окончательный и бесславный распад испанского конкистадорства.

Во главе этой злосчастной экспедиции стоял Педро де Урсуа. Но это предприятие было ему не по плечу. Еще неопытный офицер, он не был достаточно решительным, чтобы управлять командой головорезов. Он собирался пройти из Перу водным путем по реке Уальяга вниз по течению до реки Мараньон, которая, сливаясь с Укаяли, образует Амазонку, и плыть по ней через всю Южную Америку до побережья Атлантики, ра-

зыскивая по пути богатые золотом города и прислушиваясь к рассказам о них аборигенов.

Но беда была в том, что беззаботная жизнь в городских условиях, очевидно, разнежила авантюристов и отбила у них охоту приспособливаться к лишениям и однообразию джунглей. Их плавание не приносило результатов. Они не находили золота и все больше разочаровывались. Однажды произошла драка, во время которой был убит помощник Урсуа. Урсуа неразумно разрешил создавшуюся ситуацию: он обещал убийцам неприкосновенность в случае признания своей вины, но, когда они сознались, он их повесил. Это был не лучший способ создания себе авторитета среди низких, опасных людей, и вскоре стали возникать серьезные трудности.

Главной фигурой последующих событий был Лопе де Агирре, головорез и негодяй, в прошлом отличившийся участием в нескольких попытках мятежа в Перу.

Агирре стал вождем мятежников и возглавил заговор с целью убийства Урсуа. Однако это убийство было скорее мщением, чем подлым мятежом, так как мятежники вместо Урсуа немедленно избрали командиром другого молодого офицера регулярной испанской армии — Фернандо де Гусмана.

Хотя Гусман больше приходился по душе своему окружению, у него был один недостаток: он верил в Эльдorado или по крайней мере в то, что он обязан его разыскивать. Но у старого закоренелого бунтовщика Агирре к этому времени появились собственные притязания более практического характера. Он разжег еще одну интригу, убил Гусмана, взял командование отрядом в свои

руки и провозгласил себя «генералом Мараньона». Жалкие экс-конкистадоры теперь оказались под властью человека себе подобного, который мог с ними справиться. Они энергично продолжали начатые поиски, но не Эльдорадо, а территории, пригодной для создания собственной независимой империи. Каким курсом они следовали, осталось неясным. Возможно, что они плыли по Амазонке до Атлантического побережья, но если принять во внимание место их окончательного прибытия, то представляется более вероятным, что они проплыли вниз по Амазонке только до ее слияния с Риу-Негру, а затем проследовали вверх по течению последней до Ориноко.

Наконец, в 1561 году пиратская банда вошла в Карибское море и пристала к острову Маргарита у побережья Венесуэлы. На острове был небольшой гарнизон, и завоевать его было нетрудно. Агирре убил губернатора и всех офицеров и несколько месяцев управлял островом. Но закаленные сторонники Агирре не выдерживали, и почти ежедневно кто-нибудь из них дезертировал. Несмотря на это, обезумевший завоеватель попытался вторгнуться в Венесуэлу. Испанские регулярные части, сдерживавшие натиск осаждающих, значительно уступали им по числу, но у людей Агирре не было желания участвовать в этой битве. Они почти все дезертировали, части, находившиеся в обороне, легко одержали победу, и кровавая жизнь Агирре окончилась, как следовало ожидать, в битве.

Это была последняя официальная попытка испанских властей организовать поиски Эльдорадо. Ее исход бросил мрачную тень и на сам миф об утопающей в золоте стране. По-видимо-

му, у испанского населения Южной Америки сложилось впечатление, что любое предприятие, связанное с Эльдorado, приводит к несчастью.

Эльдorado жило своей особой жизнью: о нем носились всевозможные слухи, сообщалось в донесениях, рассказывалось в историях и мемуарах, но его нельзя было обнаружить на долготах и широтах. Однако с историей об Эльдorado вскоре слилась другая легенда — легенда о Маноа. Маноа стало красоваться на карте, великолепное и манящее.

Хотя фиаско Агирре официально дискредитировало Эльдorado, все же еще находились люди, не потерявшие веры в него. Одним из них был Антонио де Беррео, уважаемый гражданин Боготы. В 1584 году, более чем через двадцать лет после авантюры Агирре, он направился вниз по течению реки Ориноко в поисках иллюзорной страны золота. Он совершил две попытки. Первая из них была безрезультатна, вторая как будто не без успеха. Золота он, конечно, не нашел, но получил следующую важную информацию от индейцев: оказалось, что «подлинное» название того Эльдorado, которое ищут испанцы, — Маноа.

Беррео узнал, что существует большое озеро, называемое Парима, где-то к юго-востоку от Ориноко, а на его берегу стоит утопающий в золоте город Маноа — та сказочно богатая страна, которую испанцы безнадежно искали, пробираясь через горы и лесные дебри на запад.

Помощник Беррео, Доминго де Вера, был направлен в Испанию, чтобы провести необходимую подготовку. Это потребовало времени, а кроме того, слухи об Эльдorado, которые раньше не

выходили за пределы испанских владений, достигли Европы и распространились там. Тем временем де Берreo был назначен губернатором острова Тринидад. Наконец, в 1595 году де Вера с несколькими кораблями в сопровождении войска более чем в две тысячи человек отбыл из Испании, чтобы обнаружить подлинное местонахождение иллюзорного Эльдорадо. Экспедиция де Веры встретилась с Берре на Тринидаде и продолжила свой путь без него до побережья Венесуэлы, где она высадилась на берег. Однако большинство ее участников были новичками, прибывшими прямо из Испании, а не теми опытными покорителями джунглей, какими были конкистадоры, поэтому они не вынесли трудностей и опасностей, связанных с пребыванием в тропических джунглях, а те немногие, что выжили, ничего не нашли.

В том же году из Плимута, независимо от де Веры, вышел англичанин Уолтер Рэлей. Его экспедиция обрушилась на Тринидад вскоре после отплытия де Веры. Рэлей ограбил город Сан-Хосе (ныне Порт-оф-Спейн) и взял в плен губернатора Берreo. Потребовалось немного времени, чтобы де Берreo выболтал все, что слышал о большом озере и городе, утопающем в золоте, который известен теперь под своим «подлинным» названием — Маноа.

Рэлей поплыл к устью Ориноко, но не успел еще далеко отойти, как ему доложили, что приближается испанский флот. Рэлею пришлось отказаться от своего намерения и вернуться в Англию.

В следующем, 1596 году он принимал участие в военных действиях британских войск у Кадиса, но ему тем не менее удалось послать

одного из своих друзей, Лоренса Кеймиса, в Южную Америку. Каким путем пробирался Кеймис и что он на самом деле видел и слышал, нам не известно, но он вернулся в Англию и рассказал о большом озере (по его словам соленом), называемом Парима. Он указал, что озеро находится на пути в Маноа.

Рэлею этих сведений было вполне достаточно для того, чтобы создать классический образец неправдоподобной географической литературы, книгу «Открытие обширной, богатой и прекрасной империи Гвиана» с вымышленным описанием «большого, богатого золотом города, который испанцы называют Эльдорадо, а туземцы — Маноа». Позолоченный человек, источник легенды, не был забыт с течением лет, но история о нем зазвучала по-новому. Рэлей связал ее с королем Гвианы и его традициями. Он рассказывал о том, как король Гвианы устраивал оргии со своими придворными. Во время этих оргий слуги должны были раздевать всех участников, «смазывать их сверху донизу белым бальзамом» и покрывать золотым порошком, который они выдували через трубки до тех пор, «пока гости не начинают сверкать с ног до головы, и в таком виде они сидят и пьют группами по двадцать и по сто человек и продолжают это занятие иногда шесть-семь дней подряд». Первоначальная церемония избрания вождя разрослась и превратилась в рассказе Рэрея в ряд продолжительных и непристойных оргий.

С этого момента Эльдорадо исчезает. Испанцы из Южной Америки предприняли еще несколько нерешительных попыток организовать его поиски, но в конце концов разочаровались в самой их

идее. В остальных странах мира никогда до конца не верили в рассказы об Эльдорадо, так как там со здоровым скептицизмом относились к испанским сообщениям (сэр Уолтер Рэлей оказался редким исключением). В результате к концу XVII века Маноа было забыто, а слово «эльдорадо» вошло в большинство западноевропейских языков как символ безнадежных поисков.

И все же стоит упоминания еще одна попытка отыскать Маноа. В 1616 году Уолтеру Рэлею, теперь уже старому опальному узнику Тауэра, удалось убедить короля Якова I в возможности найти все еще не обнаруженный золотой город. Рэлею было разрешено снарядить новую экспедицию, но в связи с политикой мирного сосуществования с Испанией, которую проводил Яков I, он мог это сделать только при условии, что на пути к Маноа не будет посягать на какую-либо испанскую территорию. Во время этого путешествия стало ясно, что счастье изменило Рэлею. Штормы потрепали его флот. Многие из его людей умерли или сбежали при первом удобном случае. Сам Рэлей заболел тропической лихорадкой, а по прибытии на место назначения увидел противостоящие ему испанские войска. Столкновение с ними стоило жизни его любимому старшему сыну. В довершение ко всему этот набег на испанскую территорию дал испанскому послу в Англии повод потребовать наказания Рэлея, и по возвращении на родину ему вновь было предъявлено обвинение в измене, приведшее его в Тауэр, где он был обезглавлен.

Эльдорадо уже не существовало, но все еще оставалось озеро Гуатавита, с которого началась вся кампания. Испанцы сделали несколько неудач-

ных попыток осушить его, и только в 1913 году английской экспедиции, оснащенной современным оборудованием, удалось выкачать озеро и раскопать его дно. Они нашли несколько изделий из золота, но их трофеи скорее носили характер археологических находок, чем богатой добычи. Общая стоимость экспонатов не могла покрыть даже расходов, затраченных на экспедицию. Скрываются ли на дне озера под вековыми илистыми напластованиями еще какие-либо сокровища?

Маноя, второе Эльдorado, впервые появилось на карте, вычерченной Рэлеем, приблизительно в 1596 году. Эта карта предназначалась для неоконченной и неопубликованной рукописи, хранящейся сейчас в Британском музее. Иодок Хондий, голландский картограф, работавший в Англии, опирался на нее при составлении карты Южной Америки в 1598 году. Это была первая из опубликованных карт, на которой было нанесено Маноя. В 1599 году знаменитый фламандский гравер Теодор де Брай опубликовал в Кельне свою «Америку», которая включала детальную и чрезвычайно образную карту Гвианы, очевидно созданную на основе рассказов Рэля, а не на основе карты Хондия.

В картографическом отношении с Маноя-Эльдorado было покончено к 30-м годам XVII века, но озеро Парима продолжало оставаться на картах на протяжении всего XVIII века и часто изображалось как бассейн, питающий Ориноко. К 1802 году весь бассейн реки Ориноко был исследован Александром Гумбольдтом, который доказал, что там нет озер. Но он признал, что реки во время разлива затопляют

такую большую территорию, что слухи об озере могли иметь под собой реальную почву. Начиная с этого момента озеро Парима больше на картах не фигурирует.

Не все сообщения о потерянных сокровищах непременно легендарны: существуют, например, золотые копи Мартиса где-то в центральной части Бразилии. Они разрабатывались какими-то португальцами в XVIII столетии до тех пор, пока рабы-индейцы не восстали и не убили своих хозяев. С тех пор копи так и не обнаружены.

Эта история, по-видимому, соответствует истине, но было бы ошибкой видеть Эльдorado в каждом из слухов, доходящих до нас из недр южноамериканских джунглей. Континент, на котором значительные районы остались не исследованными до сих пор, обязательно должен был сочинить свои небылицы.

Повествования, которые можно рассматривать как продолжение истории Эльдorado, имеют одну отличительную черту: все они говорят о затерянном городе (обязательно полном сокровищ), расположенном у озера или какого-либо крупного водоема, который служит ориентиром, указывающим на его местоположение. Конечно, в этом нет ничего странного, так как люди во всем мире стремились строить свои города у рек или озер. Поэтому история об Эльдorado и последующие мифы, порожденные ею, начиная с озера Гуатавита и до самых последних его вариантов, объединяет одинаковая схема расположения Эльдorado вблизи какого-либо водоема.

Ходят, например, слухи о затерянном городе где-то на пути инков, на дороге, ведущей из

Перу в «страну амазонок», следы которой сохранились. Говорят, что к городу можно подойти только по широкой лестнице, выбитой в скале над пещерой, в которую низвергаются воды, образуя водоворот.

Однако следует признать, что джунгли Мату-Гросу еще не настолько исследованы, чтобы кто-нибудь с уверенностью мог сказать, что в них нет затерянных городов.

ГЛАВА 21

ВЫТЭСНЕННЫЕ С КАРТ

Все началось в VIII столетии в Испании. В 711 году североафриканские мавры завоевали государство вестготов. Их войска с огнем и мечом прошли по современной территории Испании и Португалии вплоть до Пиренеев. Беженцы-христиане вынуждены были скрываться. Есть основание предполагать, что некоторые из них пытались добраться на судах до Канарских островов, а может быть, и до островов Мадейра, о которых до них доходили смутные слухи.

Так возникла легенда, которая просуществовала на протяжении всех средних веков. В ней говорилось о том, что семи португальским епископам с большим числом прихожан удалось бежать и добраться на корабле до какого-то острова в Атлантическом океане, что там они основали семь городов и что в один прекрасный день жители этих городов вернутся и помогут своим соотечественникам-испанцам победить мавров.

Распространились ли эти слухи одновременно с событиями или это предание, возникшее че-

рез века? Сейчас это проверить невозможно. Во всяком случае, легенда об острове Семи городов сохранилась не только в Испании, но, очевидно, стала известна и в других местах. В XII веке арабский географ Идриси упомянул об острове Сахелия в Атлантическом океане, на котором когда-то было семь городов. Города эти просто-яли до тех пор, пока их жители не убили друг друга в междоусобных войнах. К концу XIV столетия на испанских и итальянских картах в Северной Атлантике начали появляться один за другим воображаемые острова — предполагаемые места расположения семи городов. Иногда семь городов обозначали на Бразиле, но чаще на острове Антилия. Французская карта 1546 года была, по-видимому, первой, на которой в Атлантике был помещен специальный остров Семи городов. На этом месте ему предстояло продержаться около полустолетия.

Однако еще до этого на анонимной и недатированной карте, которая в настоящее время находится в Британском музее, относящейся, как полагают, ко времени около 1508 года, обозначено семь городов, расположенных вдоль восточного побережья Северной Америки. Но этот район представлен в искаженном виде таким образом, что берег оказывается скорее южным, чем восточным.

В 1430-х и 1440-х годах ходили слухи о двух экспедициях (возможно, это была одна и та же), которые были сбиты ураганом со своего курса и пристали к острову Семи городов; на этом острове люди якобы все еще говорили на португальском языке и спрашивали у вновь прибывших, по-прежнему ли мавры управляют землей

их предков. В сообщениях и той и другой экспедиции говорилось, что с берегов этого острова был привезен песок, который, как оказалось по возвращении домой, содержит много золота.

Существует и более достоверный документ, а именно просьба некоего Фернана Дулму, написанная в 1486 году и обращенная к королю Португалии Жуану II о дозволении вступить во владение островом Семи городов, но нигде не зафиксировано, было ли в связи с этим что-либо предпринято. Кроме того, в отчете испанского посла в Англии Педро де Аяла 1498 года говорится, что бристольтцы за последние семь лет подготовили одну (или несколько) экспедиций на поиски Бразила и Семи городов. Однако сомнительно, чтобы практичные бристольтские купцы посылали экспедиции в погоню за иберийскими легендами, и то, что испанский посол включил в свое перечисление целей экспедиции Семь городов, возможно, отражает его собственное предположение о том месте, где эти города следует искать.

Можно сказать, что впервые ощутимая связь Семи городов с Североамериканским континентом наметилась в 1528 году. Это был год, когда Панфило де Нарваэс начал осуществлять свою неразумную попытку создания колоний на берегах Мексиканского залива. Экспедиция потерпела неудачу, большинство людей погибло, а те немногие, что остались в живых, попали в плен к индейцам. Среди них был и Альваро Нуньес Кавеса де Вака. История его скитаний, длившихся восемь лет, слишком длинная для того, чтобы рассказывать о ней здесь. Он завоевал симпатии индейцев, выдавая себя за исцелителя. При всяком удобном

случае он пользовался своим положением для спасения попадавших в плен испанцев и, в конце концов, в 1536 году появился на северной границе захваченной испанцами Мексики с тремя людьми, которых ему удалось освободить из индейского плена. Среди них был негр по имени Эстеванико, отщепенец из экспедиции Нарваэса. Пограничная стража подобрала этих бродяг и доставила их в Мехико. Рассказ Кавесы де Вака привлек к себе внимание некоторыми деталями, вроде «горбатого скота» (первое упоминание испанцев о буйволах), но в общем в нем не было ничего, что могло бы возбудить у кого-нибудь желание посетить этот край.

Возможно, что рассказ де Вака, пусть косвенно, послужил толчком к началу исследований юга Северной Америки. Эрнандо де Сото, рассчитывавший найти здесь несметные сокровища, нашел только трудности, вражду и смерть. Де Сото не ставил себе целью поиски Семи городов. Да и нет оснований предполагать, что в это время испанцы всерьез верили в их существование на Американском континенте или что они вообще все еще верили в причудливую древнюю легенду. Но они, несомненно, были убеждены в том, что существуют более богатые индейские царства, которые можно завоевать, и любопытно, что многие легенды северных индейцев, доходившие до них, совпадали с их собственными. Существовала, например, легенда ацтеков о Семи пещерах, находящихся где-то на севере, откуда пришли их предки. Передавался рассказ безымянного индейского раба о его богатой золотом родине и о соседней земле, которую он однажды посетил со своим отцом, где было семь го-

родов, каждый не меньше Мехико, и в каждом из них была улица серебряных дел мастеров.

Человек, на которого пал выбор произвести разведку Семи городов, был уроженец Ниццы, францисканский монах Марко де Ниса. К нему примкнул Эстеванико, негр, о котором упоминалось выше, предложивший свои услуги в качестве разведчика. Эстеванико, нищий и голодный, уже пересек эту страну с де Вака, а теперь возвращался туда с шиком в сопровождении эскорта индейцев. Он разоделся в царственный наряд из перьев, ракушек и бирюзы, набрал целый гарем индейских девушек и весело проводил время. Жизнь его была беспечной, но короткой, так как он, очевидно, восстановил против себя индейцев, и они его убили. Это было в 1539 году.

Еще в начале путешествия Эстеванико условился с монахом Марко о том, что будет передавать известия о своих находках через индейских гонцов. Если он что-нибудь обнаруживал, он должен был отправлять со своим курьером крест, соответствующий размерам открытия. Приблизительно к тому времени, как Эстеванико лишился жизни, его посланник-индеец добрался до монаха Марко с крестом в рост человека — условленным сигналом, означавшим, что Эстеванико обнаружил нечто, равное ацтекскому городу Мехико. Посланный сообщил со слов Эстеванико, что тот достиг страны Сивола с семью большими и богатыми городами и Марко следует немедленно приступить к исследованию страны.

Так появилась Сивола. Это было первое зафиксированное название этой страны. Возможно, что оно происходит от индейского поселка под назва-

нием Shi-no-na, от слова, которое на языке ацтеков значит «буйвол», а может быть это плод богатой фантазии Эстеванико или все вместе взятое.

То, что случилось позднее, слишком хорошо известно и не требует подробного изложения. Посещение монахом Марко страны Сивола, его возвращение в Мехико и доклад о том, что он видел, и огромные экспедиционные силы Франсиско Васкеса де Коронадо в 1540 году выступили в поход с намерением обследовать страну в поисках богатых городов.

Они вскоре нашли страну Сивола, о которой докладывал монах Марко. Там было немного бирюзы, но не было никаких ослепительных сокровищ из золота и драгоценных камней. Сообщения монаха Марко были опровергнуты, и последующие историки долго считали его лжецом.

Исследование района Аризоны — Нью-Мексико привело к открытию в числе других интересных мест Большого Каньона, но никаких богатых царств обнаружено не было. Миф о Сиволе рассеялся почти в момент своего появления. Возможно, что экспедиция Коронадо сразу же вернулась бы обратно, если бы не один индеец, которого члены экспедиции почему-то прозвали «Турком». Он рассказал им о своей родине, которую называл словом, воспринятым испанцами как Кивира.

По рассказам Турка Кивиру стоило посетить. Она находилась где-то на северо-востоке, по ней протекала река в две мили шириной, в которой обитали рыбы, размерами не уступавшие лошадям, а по поверхности реки плыли роскошные галеры. Ее жители ели на золотой посуде, а верховный вождь проводил свой дневной отдых

под деревом, увешанным маленькими золотыми колокольчиками, которые убаюкивали его своим нежным звоном. Если эту историю выдумал Турок, то его воображению можно позавидовать.

Коронадо двинулся на северо-восток и лучшую часть года обшаривал страну в поисках Кивиры. В конце концов Турок под сильным нажимом сознался, что все рассказанное было вымыслом. Индейцы страны Пекос поручили ему навести испанцев на ложный след, чтобы избавиться от них и ослабить до такой степени, чтобы они уже не могли угрожать этим районам, если смогут туда вернуться. Коронадо приказал повесить Турка (его солдаты дюжинами сжигали индейцев у столбов, но сам Коронадо, по-видимому, был довольно «гуманным» для конкистадора):

Несмотря на такой оборот дела, Коронадо провозгласил эту территорию испанской, назвал ее Кивира и вернулся в город Мехико, где его ожидал довольно холодный прием. Надежды на то, что будут найдены Семь городов были так велики, что неудача лишила Коронадо геройского ореола. Его сообщение о Кивире принесло разочарование, но это слово тем не менее вошло в обиход.

Тем временем экспедиция де Сото все еще продолжала продвигаться на восток и, видимо, разошлась с Коронадо всего на несколько миль. В 1542 году де Сото умер, и его лейтенант Луис Москосо де Альварадо взял на себя командование. Ему удалось убедить грозивших ему индейцев, что де Сото в очередной раз отправился на небо, но что он скоро вернется. Таким образом он выиграл время, и ему удалось уйти на запад в современную Оклахому и Техас. Это были

неисследованные территории, на которых еще могли таиться богатые царства, к тому же они находились на пути в Мехико. Альварадо подобрал несколько человек Коронадо, оставших в пути, и, не найдя желаемого, вернулся к реке Миссисипи, а затем в Мехико. Так закончились реальные поиски Сивола и Кивиры.

В 1622 году Генри Бриггс, профессор Оксфордского университета, рассказывал о «больших государствах Сивола и Кивира», в которых есть «большие города с большим количеством жителей, чьи дома, как говорят имеют пять этажей, а внутри — колонны из бирюзы». Бриггс поместил Сивола на своей карте, которая была опубликована в 1625 году. После этого Сивола исчезла с карт, но ее название сохранилось в истории Америки как объект поисков Коронадо. На этом кончается история Семи городов и Сивола. Но Кивира еще долго продолжала существовать, хотя и в ином виде.

Ричард Хаклюйт — издатель серии «Важнейшие плаванья, путешествия и открытия английской нации на море и на суше» дает некоторое представление о фантастической информации, распространявшейся об этом воображаемом царстве: «... и Фрэнсис Васкес отправился в Тигуэкс, который стоит на берегу большой реки. Там они узнали об Аксе и Кивире. Там, рассказывали они, был вождь, чье имя было Татарракс, с длинной бородой и длинными волосами....Они решили отправиться туда, намереваясь провести зиму в такой богатой стране, какой, по слухам, была эта...

Кивира находится на сороковых градусах широты; это умеренная страна, в ней очень хорошая вода и много слив, травы, шелковицы,

орехов, дынь и винограда.... Люди облачаются в шкуры буйволов и оленей. Они [исследователи] видели корабли у морского берега, на носках этих кораблей — большие птицы из золота и серебра, они подумали, что корабли из Китая или Китая, потому что матросы показали нашим людям знаками, что они плыли тридцать дней».

«Фрэнсис Васкес» — это Коронадо, который во время своих исследований никогда не приближался к побережью и, уж конечно, никогда не сообщал такой бессовестной лжи. За эту небылицу несет ответственность Гомара.

Что касается остального, то верно, что район Калифорнии — Орегона, то есть район Кивиры, имеет умеренный климат, там действительно хорошая вода и много травы, есть сливы, орехи и дыни, но для винограда немного холодновато. Что же касается шелковицы, то упоминание о ней, возможно, подсказано все растущим в то время интересом к производству шелка, так как на самом деле этой район ею никогда не славился. Нельзя отрицать, что в исторические времена китайские джонки пересекали Тихий океан и достигали американского берега, но китайские суда, описанные здесь, следует рассматривать как чистейший вымысел.

За девять лет до того, как была опубликована книга Хаклюйта, Фрэнсис Дрейк побывал на северном побережье Калифорнии, получившем название Новый Альбион, и не нашел никакого следа Кивиры. Но это ничего не изменило.

В 1598 году некий Эдвард Райт создал карту, на которой Кивира продолжала занимать старое место к северу от мыса Мендосино, а Но-

вый Альбион, который тоже был на ней обозначен, был помещен еще дальше к северу, при этом Райт ссылаясь на Дрейка как на один из источников информации.

Наконец, в 1672 году Кивира в последний раз ощутимо вторглась в дела людей.

Уроженец Перу испанский авантюрист Диего де Пеньялоса распустил слух, что он возглавлял экспедицию, которая отправилась из Санта-Фе и достигла по суше реки Миссисипи. Пеньялоса был губернатором Нью-Мексико, но он поплатился за то, что посылал неблагоприятные рапорты об обращении францисканцев с индейцами. Могущественный религиозный орден добился его смещения с поста и отъезда в Мехико, где он предстал перед судом инквизиции и три года пробыл в тюрьме. Это озлобило его и возбудило в нем мстительность; он отправился в Англию и предложил план нападения на слабо защищенный район техасских рудников. Но у короля Карла II было и без того достаточно забот, и он использовал Пеньялосу как орудие в своей дипломатической игре с королем Франции Людовиком XIV.

При французском дворе Пеньялоса нашел внимательных слушателей. Его речи привели к тому, что когда в 1672 году граф де Фронтенак был направлен на пост губернатора в Новую Францию, он отдал приказ принять меры к созданию французской базы в устье Миссисипи (чтобы ликвидировать испанский контроль над берегом залива), а также искать внутренние водные пути, по которым можно было бы добраться до Кивиры.

Косвенно предложения Пеньялосы привели к длительному оживлению французских поисков

возможных трансконтинентальных водных путей. Конечной целью поисков было королевство или по крайней мере город Кивира. Несмотря на то, что ее перестали принимать всерьез в других странах, действия Пеньялосы во Франции привели к тому, что на французских картах Кивира была закреплена как стандартное обозначение тихоокеанского прибрежного района, до которого французы надеялись добраться во что бы то ни стало. Мнимое королевство Кивира было забыто, но город Кивиру продолжали условно наносить на карты. Насколько удалось проследить, последним своим появлением на карте около 1752 года она обязана Филиппу Бошу, французскому географу. Кивира появилась на его карте, посвященной исследованиям Верандри в северо-западной Америке.

В конце концов предполагаемый район Кивире был досконально исследован в период между 1788—1793 годом двумя английскими капитанами — Джоном Мирсом и Джорджем Ванкувером — и американцем Робертом Греем (первый американский шкипер, совершивший путешествие в Китай). Никто из них не нашел ни малейшего подтверждения существования Кивире, миф о которой к этому времени и без того уже никто не принимал всерьез.

Затем в 1806 году Льюис и Кларк в конце своей экспедиции по исследованию запада открыли мощную реку, которую назвали Орегон, не зная о том, что четырнадцать лет назад Роберт Грей уже обнаружил ее устье и назвал ее в честь своего корабля Колумбией. Это название сохраняется и по сей день. Происхождение названия «Орегон» не известно, но оно было в

ходу с середины XVIII столетия и служило для обозначения большой реки, которая по слухам, существовала где-то в западной части континента*, поэтому исследователи, очевидно, предположили, что они открыли именно ее.

В конце концов ей было официально присвоено ее прежнее название Колумбия, но название «Орегон» снова выплыло и стало применяться для обозначения прилегающего района, который стал одной из первых освоенных территорий дальнего американского Запада. Так легендарная Кивира была вытеснена с карт.

ГЛАВА 22

КУРЬЕЗЫ СТРАНСТВУЮЩЕГО ОСТРОВА

Сотни лет огромный и холодный остров Гренландия существовал в нереальных границах, в которых он существует на современных картах. С этим связана третья и последняя история Р. Рамсея, включенная в настоящий сборник.

Названия «Исландия» и «Гренландия» всегда вызывали желание задуматься над ними. Как могло случиться, что место, обычно не покрытое льдом, назвали Исландией (Ледяной землей), а суровую бесплодную арктическую пустыню — Гренландией (Зеленой землей)? Что касается Исландии, то здесь наиболее вероятны две теории: одна из них состоит в том, что викинг Флоки,

---

* Впервые о ней упомянуто в прошении, отправленном в 1765 году королю Георгу III неким Робертом Роджерсом, предпринявшим безуспешную попытку получить средства на организацию экспедиции с целью открыть реку, «называемую индейцами Ouagicjn».

который открыл этот остров (или, возможно, сделал повторное открытие) в 870-е годы, обратил внимание на прибитый к северному берегу паковый лед (редкий, но возможный случай); вторая исходит из предположения, что древние скандинавские поселенцы умышленно дали своей новой родине непривлекательное название, чтобы отвадить тех, кто совершал пиратские набеги.

Название «Гренландия» объясняют так: Эрик Рыжий дал его открытой земле, чтобы привлечь к ней перспективных колонистов. Но это звучит не очень убедительно. Каким бы ни был Эрик мошенником, трудно поверить, чтобы он захотел так бессовестно и откровенно обмануть группу преданных ему воинов-скандинавов, среди которых он собирался жить, оставаясь их предводителем.

Чтобы установить истинное происхождение этого названия, нам, возможно, придется возвратиться к временам античного Рима. Римский писатель I века нашей эры Плутарх знаменит главным образом своей «Книгой биографий», но он писал и другие произведения, в число которых входит и книга, озаглавленная «Лицо на Луне», — один из сборников эксцентричной информации, которую, видимо, любили римляне. В этой книге он приводит высказывание некоего Деметриуса, одного римского служащего, прожившего несколько лет в Британии. Деметриус якобы рассказал ему, что британцам известен остров, лежащий на западе, который они на своем языке называли как-то вроде «Кронос».

Представление об острове, называемом «Кронос», хорошо сочеталось бы с традиционными греко-римскими концепциями, состоящими в

том, что Крон, развенчанный отец Зевса, лежит, скованный вечным сном, где-то на одном из западных островов. Вероятно, авторитета Плутарха, процитировавшего Деметриуса, было достаточно, чтобы обогатить римскую географию островом Cronia в Атлантике.

Существуют данные о том, что скандинавы, жившие в Исландии, знали о существовании Гренландии до 982 года, но только в 982 году Эрик Рыжий предпринял первые серьезные исследования этой страны. Будучи еще молодым человеком, Эрик отправился со своим отцом из Норвегии в Исландию, страну, которая в то время считалась перспективной. Но когда они туда прибыли, оказалось, что вся плодородная земля разобрана, а во главе общества стоят старые поселенцы, которые косо смотрят на вновь прибывших. Отец Эрика вскоре умер, а самому Эрику в конце концов удалось получить участок земли, но соседи его не признавали. Образ жизни исландцев того времени был грубым и жестоким, а лучшим другом каждого из них был собственный меч. Дважды Эрик зарубал человека в поединке. В обоих случаях это, видимо, была самозащита, но у него не было влиятельных друзей, и оба раза его приговаривали к изгнанию: в первый раз на один год, во второй — на три.

Когда произошел второй инцидент, все его богатство составлял корабль и верные слуги, и он решил отплыть на запад, чтобы исследовать острова, находящиеся в этом направлении, возможно «шхеры Гунбьерна», теперь уже несуществующие. Усилия его не пропали даром. Он открыл обширный остров Гренландию и создал на нем колонию. Когда три года изгнания про-

шли, он вернулся в Исландию для вербовки новых колонистов.

Утверждения Адама Бременского в период средневековья привели к мысли, что Гренландия — это полуостров Европы или район, связанный с Европой длинным мостом суши.

На первой карте Клавуса 1427 года изображен только восточный берег Гренландии. Местоположение его правильно, и рисунок береговой линии поразительно точен; но его Гренландия — это западный конец длинного, закругленного в виде петли моста суши, который простирается далеко на север от Исландии и соединяется с берегами Северной Европы к востоку от Белого моря. Это неверное представление о Гренландии в дальнейшем нашло свое отражение на многих более поздних картах.

Клавус большую часть своей сознательной жизни прожил в Италии и оказал большое влияние на картографов Средиземноморья. Он создал в 1467 году еще одну карту, на которой были показаны оба берега Гренландии. Эта карта поразительно точно воспроизводит местоположение Гренландии и ее форму, но связь Гренландии с северным побережьем Европы все еще сохраняется.

Попытка Клавуса примирить противоречивые свидетельства Адама Бременского была принята не всеми. На знаменитой «карте Винландии» примерно 1440 года, открытие которой в 1965 году произвело сенсацию, показана правильно размещенная Гренландия, с правильными очертаниями, правда, довольно маленькая и не связанная с Европой. Однако некоторые ученые считают это издание более поздним. Еще раньше, года через

три после появления первой карты Клавуса в 1427 году, один из представителей французского духовенства, Джиломе де Филастре, выпустил в свет новое издание Птолемея, в котором он доказывал, основываясь только на названиях, что Гренландия должна находиться к югу от Исландии, «несмотря на то, что Клавус описал эти северные районы и составил их карту, на которой они показаны соединенными с Европой».

Генуэзская карта 1447 года вслед за Клавдием Клавусом изображает Гренландию, соединенную с Европой.

Карта Фра-Мауро 1459 года (первая европейская карта, на которой показана Япония и весьма точно изображены очертания Африки) изображает Гренландию в виде вытянутого к западу мыса северной Скандинавии.

Каталонская карта приблизительно 1480 года с изображением удлинённой *Illa Verde* (буквальный перевод: «Зеленая земля») на широте Ирландии, связанной с островом Бразил.

На глобусе Мартина Бехайма 1492 года Гренландия вновь представлена в виде арктического полуострова к северу от Норвегии.

На карте Иоганна Руйша около 1495 года маленькая земля *Gruenlant* помещена к западу-юго-западу от Исландии.

Хуан де ла Коса на своей карте 1500 года представил Гренландию в виде скопления маленьких островков к северу от Исландии.

В этом хаосе невозможно представить себе никакой системы. Дело в том, что географы XV столетия, очевидно, просто не знали, где находится Гренландия и что это такое; источники информации, которыми они пользовались, были путан-

ными и противоречивыми, и все зависело от того, каким из них предпочел воспользоваться тот или иной картограф. Норманнская колония в Гренландии прекратила свое существование к середине столетия; последняя запись, свидетельствующая о контакте с ней, содержится в одном из папских посланий 1418 года, из которого видно, что церковные службы там еще производились. Если учесть возможные способы коммуникации того времени, будет не удивительно, что в кругах главных географов Средиземноморья Гренландия за пятьдесят лет отсутствия всякого контакта могла превратиться в почти забытое «не-что» на краю совершеннейшего «ничто».

Но хотя Гренландия ушла из-под контроля, она не была забыта. По меньшей мере два Папы, Николай V в 1448 году и Александр VI в 1492 году, выражали свою озабоченность по поводу этого самого дальнего христианского мира. Путешествия для повторного открытия этой страны были неизбежны, и было ясно, что инициатором их будет Датско-Норвежское королевство, откуда вышли первые гренландские поселенцы.

Первое из этих путешествий, о котором есть лишь смутные письменные свидетельства, является наиболее туманным из всех путешествий, когда-либо проделанных с целью исследования; оно известно лишь по скудным ссылкам, появлявшимся то тут то там через много лет после самого события, главным образом на картах XVI столетия. Точно не известно, состоялось ли это путешествие в 1472 или 1476 году, и неясно, кто его возглавлял. Современные историки считают, что этими людьми были Дидрик Пининг и Ханс Потхорст, два известных норвежс-

ких капитана, но большинство древних карт приписывают руководство этим плаванием некоему Иоанну Скольвусу, который, по мнению датского географа Корнелиса Витфлита, был поляком. В Португалии в это время идет самый разгар великой эры открытий, когда был найден путь в Индию вокруг южной оконечности Африки, но португальцы не теряли интереса и к северным путям. Генрих Мореплаватель проводил политику развития добрых отношений с датчанами для того, чтобы воспользоваться их большим опытом плавания в северных морях, и возможно, что экспедиция 70-х годов XV столетия в значительной мере стимулирована португальцами. Немало датчан участвовало в португальских исследованиях африканских берегов, взамен этого в арктическом плавании 1470-х годов принимали участие два португальца: Жуан Ваш Кортириал и Альвару Мартинш Омен.

Куда именно направлялась эта экспедиция, осталось неясным. Нет сомнений в том, что она посетила Гренландию; весьма вероятно, что она прошла дальше, останавливаясь в других районах арктической Америки.

Потом трое сыновей Кортириала истратили все состояние семьи на поиски земли, которую посетил их отец. В 1500 году младший сын, Гашпар, возглавил путешествие, которое оказалось неудачным; затем в 1501 году еще одно, стоившее ему жизни. Но на этот раз два из его кораблей возвратились с известием о повторном открытии Гренландии и о «Земле Лабрадор». Во почему этот северный район Америки носит португальское название.

Гашпару Кортириалу необходимо отдать дол-

жное за его подлинное второе открытие Гренландии. Его старший брат Мигель в 1502 году отправился в плавание, для того чтобы войти в фактическое владение этими землями, но тоже пропал без вести.

Открытие Кортириала сразу же повлекло за собой географические последствия. С карт была немедленно удалена прежняя предполагаемая Гренландия к северу от Норвегии, ее возвратили на старое место, и она заняла правильное положение в западной Атлантике.

Дальнейшая история «странствующей» Гренландии относится главным образом к области картографии, поэтому мы кратко перечислим экспедиции, которые ее разыскивали. Главным результатом путешествия Кортириала было то, что Гренландию отняли у датчан и передали португальцам, но португальцы не довели дело до конца, и Гренландия осталась без хозяина. Король Дании Христиан II проектировал путешествие в Гренландию в 1513 году, но обстоятельства помешали ему осуществить свой план; но то же самое произошло и в 1522 году, когда король Фредерик I планировал подобное же путешествие. В 1578 году Фредерик II наконец послал экспедицию под командованием некоего Магнуса Хеннингсена, который видел берег Гренландии, но не высаживался на него. Это было приблизительно в то же время, когда Мартин Фробишер высадился в южной Гренландии, принял ее за Фрислендию и завладел ею, как Западной Англией.

С этого времени Гренландия стала территорией, довольно хорошо известной во всем мире. Различные английские экспедиции в поисках Северо-западного прохода изучили ее берега по край-

ней мере до 75° северной широты. В начале XVII столетия датчане несколько раз выходили в плавание; четыре из этих путешествий вел Джеймс Холл, англичанин, у которого в 1612 году был штурманом на корабле Вильям Баффин. Холл был убит в незначительной стычке с гренландскими эскимосами. На протяжении XVII и XVIII столетий Гренландия была местом охоты на моржей и тюленей, известным китобоям всех национальностей. Но только в 1721 году в результате плавания миссионера Ханса Эгеде права Дании в Гренландии были восстановлены. Эгеде отправился в путешествие с надеждой отыскать остатки потерянной и к тому времени наполовину легендарной скандинавской колонии, чтобы проповедовать там христианство протестантского толка, но не обнаружив ее, он остался среди эскимосов. За этим, в 1832 году последовало путешествие Вильгельма Граа, представителя датского флота; во время этого путешествия были обнаружены следы древних скандинавских поселений и подтверждено право претензий Дании, которое с тех пор продолжало оставаться в силе.

История с Гренландией имеет небольшое продолжение, связанное с ее ближайшим соседом — о. Шпицберген.

В 1596 году датский мореплаватель Виллем Баренц, направляясь на восток в поисках Северного морского прохода, увидел берега земли, которую он назвал Шпицбергеном и принял за часть Гренландии. Сам Баренц не дожил до конца путешествия, но члены его экипажа привезли с собой отчет, результатом которого было очередное перемещение Гренландии.

Как уже говорилось, сообщение об открытии

и колонизации Шпицбергена русскими проникло в Европу за сто лет до путешествия Баренца, и тогда считали, что Шпицберген — это Гренландия. Но поскольку в то время повсеместно предполагали, что Гренландия — часть Северной Европы, примыкающей к России, то это никак не повлияло на географические концепции.

Ко времени Баренца в результате арктических путешествий к северу от Европы теория о мосте суши утратила популярность, но возможность того, что Гренландия простирается далеко на восток и что Шпицберген — часть ее территории, еще не была исключена. Если бы эта концепция подтвердилась, то древний мост суши мог бы получить фактическое обоснование.

Перес в своей книге описывает много путешествий в «Гренландию», имея в виду Шпицберген, а также некоторые путешествия в ту Гренландию, которую мы знаем теперь. То есть оба эти района он рассматривает как одну территорию.

Когда стали известны богатые места охоты на моржей и тюленей, а также изобильные места рыбной ловли у Шпицбергена, этот остров превратился в лакомый кусок, на который сразу нашлось много охотников. Сначала право на эту территорию принадлежало голландцам, поскольку они открыли ее и дали ей наименование. Во время английской экспедиции 1613 года часть Шпицбергена была захвачена англичанами и названа «Новая Земля короля Якова», но это название так и не удалось закрепить. Кроме того, некоторые англичане начали высказывать необоснованное утверждение, что архипелаг якобы был фактически открыт в 1553 году, задолго до Баренца, Хью Уиллоуби во время путешествия

в поисках Северо-восточного прохода. Многие упорно настаивали на том, чтобы Шпицберген был переименован в «Землю Уиллоуби», но чаще всего они называли его Гренландией.

Соперничество англичан и голландцев, претендовавших на Шпицберген, привело к замысловатому дипломатическому маневрированию, но, когда голландцы постепенно установили эффективный контроль над гаванями, англичане смирились. К 1640-м годам голландцы полностью контролировали воды Шпицбергена и нещадно эксплуатировали их. На побережье были созданы обширные предприятия по засолке рыбы и выработке ворвани и появился известный арктический город Смиренбург, где рабочих обеспечивали жильем и всем необходимым, где в течение одного короткого летнего сезона бурлила жизнь, а деньги текли рекой. Затем во время долгой зимы он пустел и в нем оставались лишь немногие — постоянный обслуживающий персонал, подготавливающий все к очередному сезону. А весной сюда возвращались.

На картах XVII столетия Шпицберген обычно изображался сдвинутым к западу, в сторону Гренландии. Предполагалось, что они — одно целое, однако к этому времени уже не принято было изображать связывающую их гипотетическую береговую линию.

К 1670-годам прежде богатейшие рыболовные и охотничьи угодья начали истощаться в результате чрезмерной эксплуатации. Голландцы стали посещать воды Шпицбергена все реже и реже, и Шпицберген лишился хозяина на два с половиной столетия, пока Норвегия в 1925 году не закрепила своих притязаний на этот остров.

Тем временем голландский шкипер Виллем де Вламинг в поисках новых мест охоты на тюленей отправился на север вокруг Шпицбергена. Это плавание явилось доказательством, что Шпицберген не связан с Гренландией. Вламингу случайно удалось доплыть до широты $88^{\circ}10'$, самой высокой из северных широт, достигнутой кем-либо из европейцев до 1827 года, когда экспедиция Вильяма Парри в поисках Северного полюса достигла широты $82^{\circ}45'$.

К началу XVIII столетия стало ясным различие между Шпицбергенем и Гренландией, и Гренландия, хоть ее берега были еще плохо изучены, заняла приблизительно правильное место на карте. И все же ей предстояло еще несколько перемещений.

Гренландия утвердилась на своем месте только в XX веке. Но даже и после этого ее положение уточнялось, а старые концепции еще не совсем утратили свою популярность. Шотландский исследователь Рудмос Браун в 1920 году обратил внимание на то, что охотники на тюленей на его родине все еще называют Шпицберген «Гренландией».

Наконец, остается упомянуть еще о двух более или менее современных «странствиях» Гренландии.

В 1194 году во время одного из странствий где-то к северу от Исландии была открыта земля, которую называли Свальбард. Весьма вероятно, что это была какая-то часть восточного берега Гренландии или же грозный скалистый остров, ныне называемый Ян-Майен. Но, начиная с 1890-х годов, семь столетий спустя после ее открытия, правительство Норвегии офи-

циально настаивало, что Свальбард — это Шпицберген, и приводило этот довод в качестве основной причины для предъявления прав на владение этим островом, ссылаясь на то, что первыми его открыли скандинавы. Такое отождествление, мягко выражаясь, весьма сомнительно. Но в 1925 году Лига Наций ратифицировала притязания Норвегии на Шпицберген.

ГЛАВА 23

ПРИЗРАКИ ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА

На протяжении почти двухсот лет продолжались поиски земли в Центральной части Восточно-Сибирского моря. Это была Земля Андреева, состоявшая из ископаемого льда и, возможно, скрывающаяся под поверхностью океана, размытая океанскими водами. На этой гипотезе остановились и успокоились отважные путешественники и исследователи Арктики.

Если помните слова из песни: «Призрачно все в этом мире бушующем», то наверняка вспомните и фильм «Земля Санникова». В этой главе пойдет речь еще об одном призраке Арктики — Земле Санникова. Как это было на самом деле, а не в кино, расскажут отрывки из книги С. В. Узина «Загадочные земли»*.

В 1808 году для изучения Новосибирских островов отправилась экспедиция в составе М. Ф. Геденштрома, землемера Кожевина и промышленника Якова Санникова. Одновременно Геденштром намеревался выяснить, существует ли Земля Андреева.

---

* Узин С.В. Загадочные земли. — М.: Географгиз, 1950.

В течение двух лет (1809—1810 гг.) исследователи несколько раз побывали на островах Фаддеевском, Котельном и Новой Сибири и сделали описание значительной их части.

Помимо ценных сведений, собранных путешественниками об очертаниях Новосибирского архипелага, его характере и природе, в их сообщениях упоминались какие-то новые земли, расположенные, якобы, к северу от архипелага.

Сведения эти исходили от Якова Санникова. Исследуя в 1810 г. остров Новую Сибирь, Санников пересек его с юга на север и, достигнув побережья, усмотрел на горизонте, примерно в пятидесяти километрах, очертания гористой земли. Попытка достигнуть ее не удалась: путь вскоре преградили большие разводья; огорченный промышленник был вынужден вернуться.

Вскоре на остров прибыл Геденштром и, подобно Санникову, усмотрел на северо-востоке нечто, напоминающее землю. Он также пробовал пройти по льду в направлении замеченной земли, но на пути оказалась полынья, преодолеть которую не было никакой возможности. В следующем, 1811 году изучение Новосибирских островов продолжалось при деятельном участии Санникова. Посетив острова Фаддеевский и Котельный, он обошел их вдоль всего побережья.

Находясь на северном берегу острова Котельный, Санников опять увидел в отдалении землю. «На северо-запад, в примерном расстоянии 70 верст, видны высокие горы» — отмечено событие в описании Геденштрома. На составленной им карте Новосибирского архипелага изображены две земли, усмотренные Санниковым — к северу от острова Новая Сибирь и к северо-западу от Ко-

тельного. Так на географической карте впервые появились контуры таинственной Земли Санникова и возникла новая проблема Арктики, над решением которой тщательно бились многие исследователи на протяжении более столетия.

Следующая попытка достигнуть земель, обнаруженных Санниковым, была предпринята спустя почти десять лет. Чтобы уточнить очертания побережья Восточно-Сибирского моря, адмиралтейство снарядило два отряда во главе с Ф. П. Врангелем и П. Ф. Анжу. Отряд лейтенанта Анжу должен был описать побережье между реками Яной и Индигиркой и произвести новую геодезическую съемку Новосибирских островов, а также попытаться достигнуть земель, увиденных Санниковым, и описать их.

В марте 1821 г. Анжу со своими спутниками переправился на собаках по льду на остров Котельный. Достигнув его северной оконечности, исследователь двинулся по льду в северо-западном направлении. Ему удалось пройти около 70 километров, но нигде не было видно никаких признаков земли, погода была ясная и видимость достаточно хорошая. Продолжать путь на северо-запад помешала обширная полынья.

Закончив съемку острова Котельного, отряд перебрался на расположенный восточнее остров Фаддеевский. Анжу не оставлял мысли узнать истину о землях, виденных Санниковым, и пытался пройти с северного побережья острова по льду как можно дальше к северу, но лед был тонок, и это вынудило путешественника повернуть назад.

Будучи вторично на острове Фаддеевском в 1822 г., Анжу с северо-западного мыса усмотрел «на 20° синеву, совершенно подобную видимой от-

даленной земле». Он отправился туда и прошел около 20 километров, но этого ему показалось достаточным, чтобы убедиться в своем заблуждении: то была не земля, а нагромождение торосов.

Как будто ошибка Анжу несомненна, и о какой-либо земле в этом районе говорить не приходится. Однако путешественник отмечает, что с мыса Бережных, крайней северо-западной оконечности острова Фаддеевский, он видел следы нескольких диких оленей, терявшиеся в направлении виденной им синевы. Анжу удалось проследить их почти на всем своем пути по льду.

Куда еще могли вести эти следы, как не на какую-нибудь землю? Иных предположений быть не могло. Движение животных на север можно было объяснить только тем, что они рассчитывали найти там достаточно корма и условия для нормального существования.

Анжу считал, что земель, виденных Санниковым, можно достигнуть, используя лодки, так как несколько севернее Новосибирского архипелага океан свободен ото льдов.

После экспедиции Анжу проблема Земли Санникова на длительное время была предана забвению; сложилось мнение, что и Санников, и Геденштром оказались жертвами оптического обмана, столь обычного в полярных широтах. Поэтому на протяжении шестидесяти лет, до восьмидесятых годов XIX столетия, ни в одном из трудов, касающихся арктических исследований, даже не упоминались земли, обнаруженные Санниковым.

Возможно, эта проблема еще долго оставалась бы забытой, если бы не еще одно событие, возродившее интерес к Земле Санникова.

В 1880 г. в Северном Ледовитом океане дрей-

фовала со льдами «Жаннетта», экспедиционное судно экспедиции лейтенанта де Лонга. К маю 1881 г. корабль оказался в северо-западной части Восточно-Сибирского моря, северо-восточнее Новосибирских островов.

Здесь глазам путешественников неожиданно предстал остров, не обозначенный ни на одной из имевшихся на корабле карт. «Земля! Оказывается, что здесь, кроме льда, есть и нечто иное», — записал в своем путевом дневнике де Лонг. Остров назвали Жаннетта — по имени судна, которое тем временем продолжало дрейфовать. Через несколько дней на горизонте показались очертания еще одного острова, оказавшегося сравнительно небольшим; его назвали островом Генриетты.

Спустя несколько дней, во время мощного ледового сжатия, «Жаннетта» была раздавлена. Участники экспедиции высадились на лед и двинулись на юг, к Новосибирским островам, намереваясь добраться затем до побережья материка.

Ровно через месяц после начала санного перехода по льду путники заметили третий остров, который также не был обозначен на карте. Определив его координаты и присвоив ему имя Беннетта, участники экспедиции побрели дальше на юг. До Новосибирских островов им оставалось сравнительно немного.

Обнаружение «неизвестных» островов экспедицией «Жаннетты» имеет прямую связь с землей, обозначенной на карте Геденштрома к северу от островов Новая Сибирь и Фаддеевского. Выяснилось, что координаты острова Беннетта, наиболее близкого к Новосибирским островам, полностью соответствуют месторасположению

земли, усмотренной в 1810 г. Яковом Санниковым с северного побережья острова Новая Сибирь.

Русскому промышленнику, а не участникам экспедиции «Жаннетты» принадлежит честь открытия острова Беннетта; их заслуга состоит лишь в том, что они побывали на этом острове.

Невольно возникал вопрос: если подтвердилось существование одной из земель, увиденных Санниковым, то, вероятно, имеется и другая — та, которая была замечена русским промышленником к северо-западу от острова Котельного. Во все не исключено, что при тщательно организованных поисках эта земля, как и остров Беннетта, превратится из гипотетической в реальную.

К такому выводу пришел секретарь Русского Географического общества А. В. Григорьев. Он предложил организовать поиски Земли Санникова — именно той, которая была усмотрена на северо-востоке от Новосибирского архипелага. Ученый подчеркивал, что остров Беннетта оказался лежащим на значительно большем расстоянии, чем это представлялось Санникову.

Прошло несколько лет, и мнение А. В. Григорьева получило новое подтверждение. В 1886 г. Российская академия наук снарядила экспедицию для обстоятельного изучения островов Новосибирской группы. Исследования этого архипелага отрядами Геденштрома и Анжу не давали исчерпывающего ответа на многие вопросы, интересовавшие русских ученых; в частности, оставалось неясным географическое и геологическое строение Новосибирских островов.

Ранней весной, когда лед был еще достаточно крепок, экспедиция переправилась на Ляхов-

ские, а оттуда на Новосибирские острова, где развернула обширные исследования.

Геолог Э. Толль, один из руководителей экспедиции, обосновавшись на острове Котельном, занялся здесь геологическими изысканиями и периодически совершал поездки на соседние острова.

В спокойный августовский день, обходя северо-западное побережье острова Котельного, Толль был поражен внезапно открывшейся на горизонте картиной: вдали на северо-западе вырисовывались очертания гористой земли! Исследователь много раз проверил, не ошибается ли он. Сомнений не было: земля! Толль записал в своем дневнике:

«Горизонт совершенно ясный. Вскоре после того, как мы снялись с устья реки Могур-уряк, в направлении на... 14—18° ясно увидели контуры четырех гор, которые на востоке соединялись с низменной землей. Таким образом, сообщение Санникова подтвердилось полностью. Мы вправе, следовательно, нанести в соответствующем месте на карту пунктирную линию и написать на ней: Земля Санникова».

Уверенность Толля в том, что Земля Санникова действительно существует, подкреплялась еще и свидетельствами его спутника — эвенка Джергели, который также неоднократно видел эту землю с острова Котельный.

Стремление посетить Землю Санникова, ступить на ее почву и доказать реальность этого острова целиком овладело Толем. Он энергично добивался организации специальной экспедиции для поисков Земли Санникова. Академия наук приняла решение снарядить такую экспедицию и поставила во главе ее самого Толля.

За несколько лет до того, как он со своими

спутниками отправился в плавание, попытку исследовать район Земли Санникова предпринял полярный путешественник Фритъоф Нансен. Его экспедиция на корабле «Фрам» намеревалась пройти вдоль арктического побережья на восток в район севернее Новосибирских островов, вступить там в массив дрейфующих льдов и вместе с ними пересечь центральную часть Полярного бассейна. Нансен надеялся, что «Фрам» пройдет в непосредственной близости от Северного полюса, а быть может и через самый полюс. В действительности дрейф «Фрама» проходил не выше 86° северной широты.

В сентябре 1893 г. «Фрам» достиг района к северо-западу от Новосибирских островов и оказался именно в тех местах, где должна была находиться Земля Санникова. Нансен внимательно наблюдал за горизонтом: не появится ли земля или какие-нибудь признаки ее? Участники экспедиции неоднократно отмечали перелеты птиц — гаг, чибисов, куликов и появление на льду неподалеку от корабля многочисленных следов песцов, а нередко и самих животных. Одно время в район судна чуть ли не ежедневно наведывались белые медведи.

Все это — и стаи птиц, летевших с севера на юг, и обилие животных в большом отдалении от Новосибирского архипелага — наводило на мысль, что где-то неподалеку расположена земля, по всей вероятности, Земля Санникова. О близости суши свидетельствовали и небольшие глубины, отмеченные экспедицией «Фрама» в этом районе. Казалось бы, вот-вот появится Земля Санникова, но ничего, кроме нагромождения торосов, путешественники не обнаружили, а позднее, ког-

да наступила полярная ночь, надежда найти сушу была окончательно потеряна.

О том, что «Фрам» одно время находился в непосредственной близости к Земле Санникова, Нансен отметил в своем дневнике. Однако все доказательства реальности этой земли носили косвенный характер. Нансену тоже не удалось увидеть Землю Санникова. Больше того, «Фрам» прошел в районе, где по определению Толля она должна была находиться, но не обнаружил ее.

Значит, или Санников и Толль ошибались по существу, или неправильно определили расстояние от острова Котельного до виденной ими земли, значительно его преуменьшив.

Не допуская мысли, что он подвергся оптическому обману, Толль решил, что Землю Санникова надо искать несколько севернее того места, где он первоначально предполагал ее расположение.

Летом 1900 года экспедиция Толля на корабле «Заря» отправилась из Петербурга к далеким Новосибирским островам. В сентябре 1901 года, после вынужденной зимовки во льдах Карского моря, «Заря» подошла к району поисков — 77 параллели севернее острова Котельного. Туманы и сплошные льды не позволили провести исследования к северу, и экспедиция повернула к острову Беннетта, предполагая зазимовать на нем. Однако подойти к острову не было никакой возможности из-за тяжелых льдов. Прежде, чем отправиться к Новосибирским островам, Толль сделал новую попытку пробиться дальше на север. На 77°32' северной широты «Заря» была остановлена непроходимыми льдами; и опять ничто здесь не говорило о близости земли.

В июле 1902 года Толль, обследовавший ос-

трова Новосибирского архипелага, решил вместе с астрономом Ф. Зебергом, промышленниками В. Гороховым и Н. Протодяконовым пойти на остров Беннетта, чтобы ознакомиться с ним и продолжить оттуда поиски Земли Санникова.

Лишь в августе следующего года специально посланная поисковая партия нашла на острове Беннетта записку, в которой исследователь довольно подробно характеризовал геологическое строение и скудный животный мир острова. О Земле Санникова в записке говорилось следующее: «...Пролетными птицами явились: орел, летевший с S на N, сокол — с N на S, и гуси, пролетавшие стаями с N на S. Вследствие туманов, земли, откуда прилетели эти птицы, также не видно было, как и во время прошлой навигации Земли Санникова».

Толль и его спутники погибли, пытаясь в ноябре 1902 г. совершить опасный поход по льдам с острова Беннетта на Новосибирские острова.

Проблема Земли Санникова продолжала оставаться нерешенной.

Со смертью Толля Земля Санникова лишилась самого упорного своего защитника. Сам исследователь до последней минуты не сомневался в реальности виденной им с острова Котельного земли, допуская, что он мог лишь ошибиться в определении расстояния до нее. Впоследствии точка зрения Толля приобрела сторонника в лице академика Владимира Афанасьевича Обручева.

Свидетельства Якова Санникова, Джергели и Толля, видевших с острова Котельного землю в северном и северо-западном направлениях; указания Нансена о встреченных им в этом райо-

не во время плавания на «Фраме» животных (песцах и медведях) и о пролетах птиц; аналогичные наблюдения Толля во время экспедиции 1901 года; обнаруженные Толлем к северу от Новосибирских островов незначительные морские глубины (в пределах 10—20 морских сажен), — все это говорило, что к северу от Новосибирских островов должна находиться земля.

Учитывая неудачи всех экспедиций, искавших Землю Санникова, В. А. Обручев считал, что обнаружить ее можно вернее всего с помощью авиации.

В начале 1938 г. над районом Земли Санникова несколько раз пролетели самолеты воздушной экспедиции под началом А. Д. Алексеева, посланной к дрейфующим в Восточно-Сибирском море ледокольным пароходам «Садко», «Седов» и «Малыгин». Экипажи воздушных кораблей пристально осматривали в полете бесконечные ледовые пространства, надеясь увидеть среди них признаки суши. Однако до самого горизонта во все стороны простирались ледяные поля, кое-где пересеченные полосками и змейками разводьев. Эти полеты развеяли последнюю надежду найти Землю Санникова. Теперь можно считать, что вопрос решен окончательно: Земли Санникова не существует.

В 1944 г. самолеты арктической авиации снова посетили пустынные районы к северу от Новосибирского архипелага. Эта воздушная разведка была предпринята по просьбе академика В. А. Обручева, который до последнего времени не хотел мириться с мыслью, что Земли Санникова не существует.

И опять летчики принесли неутешительную

весть: разведка не обнаружила ничего такого, что говорило бы о наличии какой-либо земли в обширном исследованном районе.

Но как же объяснить утверждения Санникова, Толля и Джергели, что они явственно видели очертания земли? Как объяснить явления, наблюдавшиеся экспедициями «Фрама» и «Зари»? Что это было — ошибка, случайность, заблуждение?

Многочисленные исследования, проводившиеся на протяжении ста лет, показали, что и Новосибирские, и Ляховские острова, а также часть побережья материка, лежащие против этого архипелага, в значительной степени состоят из ископаемого льда, который подвергается довольно быстрому разрушению. Систематические наблюдения многочисленных полярных станций говорят, что процесс размывания ископаемого льда проходит чрезвычайно интенсивно. В результате такого разрушения происходит обильное отложение песчанистого материала, который подвергается в морских водах «сортировке» и оседает неподалеку на дне океана.

Такому разрушению подверглись, например, остров Васильевский, лежавший к западу от острова Котельного, и остров Семеновский. Известно, что от острова Васильевского к 1936 г. осталась лишь небольшая банка; сам остров, состоявший из ископаемого льда, был полностью смыт и исчез в океане. Острову Семеновскому уготована такая же участь: через несколько лет там, где разбивали походные палатки пытливые арктические исследователи, смогут пройти морские корабли; этот остров вслед за Васильевским скроется в пучине Северного Ледовитого

океана. Площадь обреченного участка суши уменьшается, можно сказать на глазах: ежегодно океан отнимает у острова Семеновского 1 км². территории.

Естественно возникает мысль: не была ли поглощена океанскими водами и Земля Санникова?

Исследователи выяснили, что песчанистые отложения простираются на сто с лишним километров к северу и северо-востоку от острова Котельного. Могли ли они быть занесены сюда с Новосибирского архипелага? Нет, для этого расстояние слишком велико. Значит отложения могли появиться лишь в результате происшедшего здесь разрушения какой-то суши, состоявшей, как и Новосибирские острова, из ископаемого льда. Окончательное разрушение этой суши произошло сравнительно недавно, так как заиления не было обнаружено. По всей вероятности, разрушительный процесс происходил здесь еще интенсивнее, чем южнее, в Новосибирском архипелаге; этому способствовало проникающее из моря Лаптевых теплое течение.

И Санников, и Толль, и Джергели не заблуждались; видимо во времена их путешествий какие-то участки суши еще поднимались над уровнем океана и их посещали животные и птицы. А спустя какое-то время, когда здесь начались воздушные разведки, процесс разрушения уже был завершен, и Земля Санникова скрылась навеки.

ЧАСТЬ V

ТАЙНЫ ВОЗДУШНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ И НЕПРИСТУПНАЯ АРКТИКА

В этой части сборника мы расскажем о том, как проходили первые опыты покорения земных пространств с помощью воздухоплавания. Сначала это были простые воздушные шары, затем дирижабли и, наконец, большая авиация. Единственным и обязательным условием составления этой части нашей книги является таинственность и трагизм тех воздушных экспедиций, о которых сейчас пойдет речь. Отрывки из книги Д. А. Алексеева и П. А. Новокшенова, а также З. М. Каневского помогут нам в этом. Как нельзя кстати мы приведем здесь слова великого путешественника, норвежца Руала Амундсена, загадочно погибшего во время воздушной спасательной экспедиции между 70° и 80° с. ш. Ледовитого океана: «Для исследователя приключение — не более как следствие скверной плановой разработки, приведшей его к тяжким испытаниям. В другом случае приключение для него — неприятное доказательство той истины, что ни одному человеку не дано предвидеть все случайности будущего».

Перенесемся в прошлое. В 1610 году алхимик Ян Гельмонт установил существование газов, а в 1766 году английский химик Генри Кавендиш открыл и исследовал водород. Но практические опыты с водородом уже для целей воздухоплавания впервые провел в 1781 году физик Тиберิโอ Кавалло; ему, однако, не удалось найти материи,

через которую не просачивался этот легкий газ. «Пузыри, — читаем мы в его записке, поданной в Лондонское Королевское общество, даже такие тонкие как рыбы, оказались тяжелее воздуха и поэтому непригодны. Мне так и не удалось сделать легкий и прочный пузырь, хотя я пробовал вдвухать горючий газ и в густой раствор резины, и в густой лак, и в масляную краску. Переходя от одной попытки к другой, чтобы добиться успеха в своем опыте, я употребил, наконец, лучшую китайскую бумагу. Но и тут меня ждало разочарование: оболочка не наполнялась, газ проходил через поры бумаги, подобно тому, как вода проходит через решето...» Трудности, с которыми столкнулся Кавалло, испытали на себе и братья Монгольфье. Это и навело их на мысль использовать вместо водорода горячий воздух.

Аэростат французского профессора Шарля, наполненный водородом, поднялся в воздух девять дней спустя после полета Розье и Арланда на монгольфьере. Но перед этим профессор физики изрядно потрудился над решением все той же проблемы: как удержать легкий газ в оболочке? Первые опыты были просто плачевны. Для заполнения шара, который с трудом поднимал всего 8 килограммов, Шарлю пришлось израсходовать 500 кг железа и 250 кг серной кислоты! В конце концов не обошлось без помощи братьев Робер: после длительных экспериментов они все же разработали газонепроницаемую материю. И только после этого водородные аэростаты-«шалеры» завоевали себе «место под солнцем» и вскоре потеснили «монгольфьеры».

Так начиналась история воздухоплавания. Но тогда ни профессор Шарль, ни его ближайшие

последователи не представляли перспективы своих начинаний. Сейчас же аэрокосмическая съемка и картографирование — это передовые географические исследования, о которых и не мечтали даже самые великие географы и исследователи нашей планеты. Однако эта тема достойна целой книги, а мы вернемся к пионерам воздухоплавания, большинство из которых нашли свое последнее пристанище на морском дне, вечных льдах или раскаленных песках Сахары.

ГЛАВА 24

ЗАГАДКА АРКТИЧЕСКОЙ СМЕРТИ

«В поисках пресной воды два матроса — Карл Тусвик и Олаф Сален наткнулись случайно в каменистой тундре на проступающую из-под снега брезентовую лодку, доверху нагруженную вещами. Рядом в беспорядке валялись ящики и жестянки с продовольствием, шведский флаг, пустые сани — всего 115 различных предметов снаряжения. Сомнений не было: они попали на след шведской полярной экспедиции, которая в июле 1897 года вылетела на воздушном шаре в направлении Северного полюса и пропала без вести. После кропотливых раскопок возле невысокой каменистой гряды нашли труп, наполовину вмерзший в лед. На куртке сохранилась монограмма в виде буквы «А». Это были останки Соломона Андре — руководителя экспедиции*. На его груди лежал дневник, хорошо сохранившийся, несмотря на разрушительное действие влаги.

---

* С.А. Андре (1854—1897) в 1893—1895 гг. совершил девять полетов в одиночку на воздушном шаре «Свеа».

Рядом стояли примус, наполовину заполненный керосином, и кастрюлька с остатками пищи. Неподалеку моряки заметили в расщелине скалы холм из камней, под которым оказались останки еще одного человека. По инициалам на одежде выяснили, что это — Нильс Стриндберг — самый молодой из аэронавтов. Но что же случилось с третьим членом экипажа аэростата?»

После сенсационной находки в Арктике норвежский фоторепортер Кнут Стуббендорф добрался на рыболовном судне «Белый медведь» до последней стоянки Андре и нашел тело еще одного участника экспедиции — Кнута Френкеля. Но вначале немного о самом руководителе трагической экспедиции.

Инженер Соломон Август Андре закончил высшую техническую школу в Стокгольме, увлекался физикой и начинал работать чертежником на механическом заводе. Затем уехал в Соединенные Штаты и, чтобы не умереть с голода, работал ночным уборщиком в шведском павильоне на Всемирной выставке в Филадельфии. Здесь, на родине знаменитого воздухоплателя Визе, он получил первые уроки по воздухоплаванию от самого мэтра. После возвращения на родину он настолько сильно увлекся Арктикой, что вынужден был продать собственный бизнес — механическую мастерскую. Его изобретение — это гайдропы — канаты, держащие воздушный шар на определенной высоте и паруса, управляющие шаром.

«...План Андре «появился на свет» 16 марта 1894 года. Многие шведы уже знали Андре. Несколько лет назад он покориł соотечественников своими смелыми полетами на шаре «Свеа»

в одиночку. Сорокалетний инженер патентного бюро поделился с известным полярным исследователем Адольфом Эриком Норденшельдом своей заветной мечтой — отправиться к Северному полюсу на воздушном шаре».

Эта идея была высказана еще более полувека назад, и энтузиасты воздухоплавания искренне полагали, что полярные условия совершенно идеальны для полетов. За прошедшие годы появилось много подобных проектов, но все они по разным причинам (в основном за недостатком средств) так и остались на бумаге. Известный французский воздухоплаватель Сивель в 1872 году разработал проект аэростата объемом 18000 кубических метров и диаметром 34 метра, который должен был поднимать 10 человек с продовольствием и снаряжением. Поскольку в полярных путешествиях необходимо экономно использовать каждый кубический метр водорода, то для удержания аэростата на определенной высоте и уменьшения потери газа Сивель изобрел специальный компенсатор, который представлял собой герметическое кольцо, наполненное воздухом. При изменении высоты объем воздуха в компенсаторе оставался неизменным и выполнял роль автоматического балластного устройства.

Интересный проект предложили в 1890 году французы Безансон и Эрмит. Аэростат объемом 16000 кубических метров, названный ими «Сивель», должен был транспортировать целый полярный домик, изготовленный из ивовых прутьев. В нем было достаточно места для пяти человек, восьми ездовых собак и продовольствия на 80 суток. Домик был снабжен полозьями и легко превращался в передвижной.

В Географическом обществе план Андре не встретил серьезных возражений и его одобрили. Разногласия возникли только по вопросу о возможном направлении ветров в околополюсном районе. В те годы сведения о погоде в Арктике были крайне скудными. Больше было догадок и предположений. Андре надеялся на благоприятный ветер и хотел за шесть суток долететь до Шпицбергена, через полюс до Сибири или Берингова пролива, где предполагал встретить китобойные суда. Кроме того, он решил оснастить аэростат системой парусов, испытанных еще на «Свеа», позволяющей шару выдерживать заданный курс независимо от направления ветра.

Нужные средства были собраны за несколько месяцев. Большие суммы пожертвовали «динамитный король» Альфред Нобель и известный полярный меценат барон Оскар Диксон. Аэростат объемом около 5000 кубических метров изготовил французский фабрикант Анри Лашамбр — видный специалист в области воздухоплавания. Шар поднимал трех человек со снаряжением и мог держаться в воздухе более 30 суток. Верхнюю часть оболочки сделали из трех слоев пролакированного шелка. В гондоле, сплетенной из испанского камыша, известного своими исключительно упругими свойствами, находилось спальное отделение и фото-комната. Андре собирался заняться фотографическим картографированием и прямо в полете проявлять собранный материал. Большую часть времени аэронавты намеревались проводить на крыше гондолы, защищенной от ветра брезентовыми полотнищами. Запасы продовольствия находились в несущем кольце. Три каната-гайдропы разной длины дол-

жны были автоматически удерживать шар на высоте 150—200 метров; если он снижался, канаты ложились на землю, облегчая таким образом его вес. Сообщения на Большую землю Андре намеревался передавать с почтовыми голубями, помеченными специальными клеймами, и сбрасывать пробковые буи с записками. Оригинально решалась проблема приготовления пищи в полете. Кухонный аппарат подвешивался на несколько метров ниже гондолы и дистанционно приводился в действие. Горение контролировалось с помощью зеркала.

Летом 1896 года экспедиция отправилась к Датскому острову, расположенному на северо-востоке Шпицбергена, примерно в 110 км от полюса. Там был построен ангар для аэростата. Многие хотели лететь вместе с Андре. В спутники он выбрал двадцатилетнего Стриндберга — прекрасного фотографа и физика, и метеоролога Нильса Экхольма.

Но полет в том году так и не состоялся. Не дождавшись попутного ветра, Андре вернулся в Швецию. На обратном пути он встретился с Фритьофом Нансеном, только что вернувшимся из легендарного дрейфа на «Фраме». Нансен заявил, что достаточно изучил воздушные течения в Арктике, чтобы «смело усомниться в успехе воздушной экспедиции на полюс». Осенью из состава экспедиции вышел Экхольм. Он пришел к выводу, что шар не отвечает необходимым требованиям безопасности и полет заведомо обречен.

Но неудачи не сломили Андре. Его убежденность и настойчивость обезоруживали самых больших скептиков. Он помнил о 7 миллионах соотечественников, которые верили в его успех.

Следующим летом Андре вновь отправился на Шпицберген. Место Экхольма занял двадцатисемилетний инженер Кнут Френкель.

В конце июня шар, который назвали «Орел», был собран и наполнен водородом. «...Он теряет каждый день около 45 кг своей подъемной силы, — сообщал Стриндберг в письме к своей невесте Анне Шасльер, с которой обручился незадолго до отправления экспедиции, — но мы сможем проплыть более месяца. Когда мы достигнем самой северной точки, то будет совершенно безразлично, куда нас понесет ветер. Если и придется покинуть шар, мы не будем считать себя погибшими. У нас есть ружья, сани и провизия на четыре месяца. Подобное путешествие не пугает меня. Самое худшее будет, если мы дурно будем себя чувствовать во время зимовки».

11 июля задул наконец долгожданный сильный южный ветер. Посоветовавшись со своими спутниками, Андре распорядился подготовиться к полету. В последний раз он тщательно осматривает аэростат. Подвешивает корзины с голубями. Передает последние телеграммы. Короткое прощание. Пожелания счастливого пути. Матросы перерезают канаты, удерживающие шар. «Орел» взмывает в вверх, но несколько секунд спустя после взлета его неудержимо тащит ветром прямо в бурлящие воды залива. Гондола едва не касается поверхности моря, затем шар наконец поднимается и вскоре превращается в едва заметную точку...

15 июля шкипер норвежского судна «Алкен» подстрелил почтового голубя. Записка Андре, датированная 13 июля, не вызывала серьезного беспокойства. Правда, за два дня шар продвинул-

ся к северу всего на 250 км и летел на юго-восток. Но в запасе у аэронавтов был еще месяц.

...Миновал год, а от шведов все не было никаких известий. Через несколько лет к берегам Исландии и Норвегии прибило пять буйков, но ни в одном из них не было информации, которая могла бы раскрыть тайну исчезновения экспедиции. Только в двух из них оказались краткие сообщения с координатами шара через несколько часов после вылета. На Земле Короля Карла, около Шпицбергена, был найден самый большой «полюсный» буюк, Андре мечтал сбросить его над вершиной планеты, но и он оказался пустым. Это давало основание предполагать, что буйки сбрасывались вместе с балластом и как балласт. Зачем это делалось никто не знал.

Свой дневник Андре хранил особенно тщательно. Перед смертью завернул его в шерстяной свитер и спрятал под курткой. Карандашные записи прекрасно сохранились и поведали, какие жестокие испытания выпали на долю этой мужественной тройки. Сразу же после старта события стали разворачиваться вовсе не так, как мечтал Андре. Сначала были утеряны гайдропы, а позднее напрочь вышел из строя нехитрый механизм управления из канатов и парусов, и «Орел» превратился в свободно парящий воздушный шар. Но Андре и его друзья, несмотря на неудачи, не собирались просто так сдаваться.

Сбросив часть драгоценного балласта, «Орел» вновь поднялся примерно на 600 метров. Стриндберг принялся фотографировать дрейфующие льдины, на которые они чуть не сели. Потом сбросил над островом Фогельзанге деревянный

ящик с прощальным письмом к своей невесте. Экспедиция решила продолжать полет.

«Орел» пробыл в воздухе немногим более 60 часов, и все это время капризные полярные ветры носили его взад-вперед над Северным Ледовитым океаном. Утром 14 июля аэронавты выпустили газ из оболочки и спустились на льдину. До Северного полюса оставалось не более 800 км. Но несколько последних часов, проведенных в воздухе, были кошмаром для экипажа. Шар терял высоту, и, чтобы уменьшить его вес, с него сбрасывали не только балласт, но и вещи, в том числе и те самые буйки, которые нашли через несколько лет.

Сотни раз аэростат ударялся о лед, гондола неистово трещала от ударов, на поверхности оболочки выросла белая шуба из инея. Это явление, серьезные последствия которого недооценил Андре, было хорошо знакомо арктическим мореплавателям, чьи корабли зачастую опрокидывались под огромной тяжестью ледяных наростов на мачтах и снастях. Весь балласт на «Орле» был уже сброшен, и у экипажа не было никакой надежды прорваться сквозь низкие плотные облака к солнцу, лучи которого могли растопить ледяной панцирь, нагреть газ и увеличить подъемную силу.

Вот и пришло время высаживаться на лед. Но ситуация не казалась безнадежной. Аэронавты хорошо подготовились к возможному санному путешествию. Они выгрузили из гондолы сани, меховую обувь, небольшую брезентовую лодку, продовольствие. Неделя прошла в мучительных раздумьях. Потом тройка покинула аэростат и взяла курс на юго-восток, к мысу Флора на Земле Франца-Иосифа, где заранее было заготовле-

но аварийное хранилище провианта на случай непредвиденной посадки экспедиции.

В Арктике разгар лета. Полыньи и разводья чередуются со второшенными ледяными полями. Передвигаться по такой местности с тяжелым грузом мучительно трудно. И экипаж принимает решение разгрузить сани, избавившись от лишних припасов. По этому случаю был устроен настоящий пир, и друзья постарались наесться впрок. С этого времени они решили пополнять запасы еды тюлениной и медвежатиной.

Теперь тащить сани было легче, но местность становилась более труднопроходимой. Дневник Андре пестрит жалобами на тяжелую дорогу. Приближаясь к краю дрейфующих льдов, члены экспедиции все чаще натывались на огромные, в несколько метров ширины трещины.

Вновь и вновь приходилось доставать складную лодку и перевозить в ней по очереди трое саней через узкие «проливы» во льду. Время от времени то один, то другой участник экспедиции проваливался в воду на предательски тонком льду. Утомительное однообразие переходов несколько скрасила охота на медведей, которых Андре в шутку называл «передвижным мясным магазином» и «лучшими друзьями полярных исследователей».

День 4 августа выдался чудесным. Но погода не радовала путешественников. Подтвердились худшие опасения. Дрейфующие льды, по которым они с трудом пробирались на юго-восток, к Земле Франца-Иосифа, все это время относилось к западу. Они прошли по льду уже 160 километров, но лишь на 48 километров приблизились к конечной цели своего путешествия.

Андре писал в дневнике, что отряд единогогласно решил взять курс на Семь островов, севернее Шпицбергена. Они прикинули, что за пять или шесть недель смогут добраться до суши. Но по иронии судьбы, когда они изменили направление и пошли на юго-запад, льды стало отходить на юго-восток, потом на север и, наконец, на северо-запад. Физические силы аэронавтов были не исходе. У Френкеля и Стриндберга хронический насморк, болят ноги, и они все чаще вспоминают тихие радости, ожидающие их дома. Стриндберг давно уже забросил письма к невесте и теперь ограничивается короткими замечаниями в записной книжке. Каждый молча тащит сани с грузом в сто с лишним килограммов — непосильная ноша для сорокатрехлетнего Андре, долгие годы просидевшего за письменным столом.

К несчастью, начала ухудшаться погода. Кончилось короткое арктическое лето. Уменьшились дни, темные ночи стали холоднее. Целых трое суток, с 15 по 17 сентября, аэронавты не могли выйти из палатки из-за свирепой метели. Но самое ужасное — путешественники поняли, что их неудержимо несет на юг, между Шпицбергеном и Землей Франца Иосифа. И они в который раз пересмотрели свои планы. «Мы признали необходимость примириться с зимовкой во льдах».

Несколько дней члены экспедиции потратили на охоту, чтобы запастись достаточно пищи на зиму. Потом принялись строить ледяной дом, в котором им предстояло провести ближайшие полгода. К этому времени Белый остров был уже недалеко, но Андре не горел желанием высаживаться на негостеприимной пустынной

земле, усыпанной голыми камнями. Две недели подряд аэронавты вырубали ледяные блоки для постройки своего дома. Но работе не суждено было завершиться: 2 октября льдина раскалывается прямо у стены их жилища. Стало ясно, что лед не представляет собой безопасное зимнее убежище. Тогда они собрали вещи и вновь двинулись к Белому острову. Вскоре отряд высаживается на юго-западной оконечности, которая теперь называется мыс Андре, и разбивает свой последний лагерь.

Второй дневник Андре начал вести уже на твердой земле, но заполнил всего пять страниц, а 7 октября записи неожиданно обрываются.

Первым загадочно умирает Стриндберг. Кое-какие его личные вещи были найдены потом в карманах Андре и Френкеля. Они освобождают из-под груза сани, перевозят тело товарища к расселине и заваливают камнями. И вот что странно: Андре, отмечавший в своем дневнике самые незначительные события, ни единым словом не упоминает о его смерти! Может быть он потрясен случившимся или... не решается доверить дневнику свои мысли? А сколько дней еще прожили Андре и Френкель? Андре не возобновляет записи, и нам остается предположить, что их не менее загадочная смерть произошла вскоре после смерти Стриндберга.

...Поздней осенью 1930 года останки аэронавтов на канонерке «Свенскунд» — той самой, что 33 года назад доставила их на Датский остров, — отправили в Швецию и торжественно захоронили. Этим как бы подводится черта под еще одной трагедией...

Официальная версия гибели аэронавтов —

«смерть от холода во время сна», несмотря на кажущуюся на первый взгляд очевидность, явно находилась в противоречии с известными фактами. На это сразу же обратили внимание многие полярные исследователи. Все, что было найдено на Белом острове, считали они, свидетельствует: два главных врага многих полярных экспедиций — холод и голод — не были непосредственной причиной гибели аэронавтов. И вот почему. Тела Андре и Френкеля обнаружили не в спальном мешке. В октябре температура воздуха на острове не опускалась ниже -10°C , примус, когда его нашел Хорн, был в полной исправности. Имелся в изобилии плавник и сто коробков со спичками. В лагере Стуббендорф обнаружил медвежьих шкуры, и у аэронавтов было достаточное количество теплой одежды. Конечно, качество ее оставляло желать лучшего, однако Нансен и Иогансен во время своей зимовки на Земле Франца Иосифа находились в гораздо худших условиях. Среди вещей — нетронутые жестянки с продовольствием. Винтовки в полной исправности, масса патронов. А сам Андре в дневнике отмечал, что после удачной охоты экспедиция обеспечена свежим мясом до самой весны. При вскрытии трупов членов экспедиции не обнаружилось следов насильственной смерти или костных переломов, так что о нападении на них хищных животных говорить не приходится. И тем не менее гибель...

Выдвигалось много предположений и догадок, порой самых нелепых и фантастических. Утверждали, что три исследователя стали жертвами «полярной болезни» — невыносимого психологического состояния, которое возникает у не под-

готовленных для пребывания в Арктике людей, что привело к самоубийству.

В книге «Нерешенные загадки Арктики» известный полярный исследователь Вельямур Стефансон подробно разработал все выдвинутые версии и гипотезы.

Как погиб Стриндберг? По мнению Паллина, автора книги «Загадки Арктики», он, возможно, утонул во время преследования на льду медведя. «Безусловно, — отмечает Стефансон, — это было наиболее опасное время года, когда можно было легко провалиться под воду. Толстый покров нового снега скрывал молодой лед, покрывающий полыньи, делая их неотличимыми от остального льда». Сам он еще в 1930 году высказал мысль, что Андре и Френкель умерли в результате отравления окисью углерода, выделявшейся при работе примуса. Хорошо известно, что при неполном сгорании керосина образуется угарный газ. В условиях плохой вентиляции или ограниченного пространства это может привести к смертельному исходу. Опасность усугубляется тем, что окись углерода не имеет запаха. Признаки отравления появляются внезапно, и, чтобы избежать опасных осложнений или смерти, надо действовать немедленно. А в Арктике даже кратковременная потеря сознания может привести к замерзанию.

Можно насчитать немало косвенных свидетельств, говорящих в пользу этой гипотезы. Примус на Белом острове нашли с закрытым воздушным клапаном. Кроме того, он часто отказывал в работе. Палатка аэронавтов, изготовленная из оболочки шара, была полностью газонепроницаемой. Судя по последним записям в дневнике

Андре, на острове 7 и 8 октября бушевала метель, и путешественники вынуждены были все время находиться в палатке, то есть именно в тех условиях, которые способствуют скоплению газа, опасному для жизни. По мнению начальника медико-химического отдела НИИ судебной медицины, могло иметь место и хроническое отравление аэронавтов окисью углерода в течение пешего перехода по льдам. Целый ряд болезненных симптомов, отмеченных в дневнике Андре, в том числе судороги в икроножных мышцах и слабость, характерны именно для подобного типа отравлений.

Как свидетельствует история полярных путешествий, никто из полярных исследователей не застрахован от отравления угарным газом. Стефансон приводит подобный случай из своего полярного опыта. Едва избежал смерти и Руал Амундсен, когда работал в палатке, обогреваемой примусом. Он долгие годы не мог оправиться от последствий отравления. Случай хронического отравления отмечал и У. Херберт — руководитель британской трансатлантической экспедиции 1968 года. Однако только непосредственный анализ крови погибших аэронавтов на содержание окиси углерода в гемоглобине позволил бы полностью подтвердить или опровергнуть гипотезу Стефансона...

Холод мог погубить Андре и его товарищей, если они были больны и поэтому сильно ослабели. Хотя аэронавты находились за Северным полярным кругом, все же они не были застрахованы от тех болезней, которые подстерегают человека в «цивилизованном» мире. Например, от обычного пищевого отравления. Три путеше-

ственников были достаточно осторожны, чтобы не потреблять в пищу медвежью печень, богатую витамином А, но не смогли избежать другой опасности...

В 1952 году датский врач Эрнест Адам Трайд опубликовал книгу «Они умерли на Белом острове», в которой доказывал, что смерть аэронавтов последовала в результате заболевания трихинеллезом. Внимательно изучая дневник, он обратил внимание на симптомы загадочного заболевания: приступы рвоты, расстройство желудка, постоянный насморк, нарывы на теле, причем не только на плечах, натертых веревками от саней, но и под мышками, на бедрах и на ступнях. Потом сопоставил записи о самочувствии путешественников с клиническими признаками трихинеллеза и обнаружил поразительное совпадение. Это заставило Трайда отправиться в Стокгольм, в музей Андре. Среди экспонатов удалось найти кости белого медведя с незначительными засохшими остатками мяса и при микробиологическом исследовании обнаружить возбудителей трихинеллеза...

Изучением трихинеллеза занялись лишь после второй мировой войны. Было выяснено, что эта болезнь спорадически возникает среди морских млекопитающих, эскимосских собак и полярных медведей. Большая эпидемия трихинеллеза разразилась в 1947 году среди населения Западной Гренландии. Приблизительно 300 гренландцев заразилось, 33 умерло.

Возбудителями этой болезни являются небольшие личинки, которые можно видеть без микроскопа натренированным глазом. Они могут попасть в организм человека, если он съест

плохо приготовленное мясо. Личинки размножаются, разносятся потоком крови по всему телу, внедряются в мышцы, в том числе и сердечную, и в тяжелых случаях приводят к внезапным инфарктам. Известно, что аэронавты убили тридцать медведей. По меньшей мере половина из них, как считает Трайд, была заражена.

Но могло ли это привести к их одновременной гибели, определенно утверждать невозможно. Клиническая практика свидетельствует, что люди по-разному переносят эту болезнь, причем процесс развивается более активно в молодых организмах.

Следствием трихинеллеза часто бывает сильная слабость. Если это обстоятельство имело место, то аэронавты могли замерзнуть. Вот как Трайд пытается описать их последние дни. Стриндберг внезапно упал и умер от разрыва сердца, которое было изъедено личинками. Вероятно, это случилось после 7 октября. Перед этим аэронавты много поработали, переезжая на остров. Андре и Френкель настолько ослабели, что не могли вырыть могилу. Тело положили в расщелину, завалили камнями и могилу ничем не отметили. Ни имени, ни даты... Смерть Стриндберга произвела на них тяжелое впечатление. Они не знали, что произошло с их товарищем, не могли понять, чем больны они сами и почему силы покидают их. Лежали в палатке и ждали смерти. Андре, чувствуя ее приближение, позаботился о дневнике. А когда умер Френкель, у него уже не было сил вынести его труп из палатки.

Можем ли мы считать, что Трайд окончательно установил причину смерти Андре и его спутников? Объясняет ли его версия всю совокупность

имеющихся фактов? Судя по всему, нет. Крупная эпидемия трихинеллеза среди белых медведей этого района Арктики несомненно была бы замечена другими экспедициями. Любопытная деталь: на Белом острове среди экспедиционного снаряжения был обнаружен ящик с геологическими образцами. Вряд ли тяжело больные люди стали бы заниматься научными исследованиями.

Долгое время существовала и еще одна версия внезапной смерти Андре и Френкеля в палатке, последовавшей якобы в результате схода лавины с ледника Белого острова. Но когда обнаружили лагерь экспедиции, ледниковая кромка находилась от него в целом километре. За 33 года, прошедшие со времени исчезновения аэронавтов, кромка ледника, как показывают исследования гляциологов, не могла переместиться на такое большое расстояние. Ведь потепление Арктики, наблюдаемое с начала нашего века, и связанное с ним повсеместное отступление ледников на Земле Франца Иосифа, Шпицбергене и Новой Земле почти не коснулись Белого острова!

Вопрос о причинах гибели экспедиции Андре остается открытым. Сегодня нельзя с полной определенностью отдать предпочтение какой-либо из рассмотренных гипотез. Аэронавты могли погибнуть от отравления окисью углерода, как считает Стефансон, от трихинеллеза, как думает Трайд, от холода или от всех трех причин одновременно. Жаль, что у нас нет окончания второго дневника Андре: это прояснило бы дело.

«Скоро ли появятся у нас последователи? — записал Андре в дневнике, когда «Орел» парил над бескрайними просторами Ледовитого океана. — Сочтут ли нас сумасшедшими или после-

дуют нашему примеру? Мы испытываем горделивое чувство. Мы считаем, что спокойно можем принять смерть, сделав то, что мы сделали...»

ГЛАВА 25 ОТ УДАРА МОЛНИИ?

Полеты этого дирижабля привлекли внимание всей Франции. Из уст в уста передавалось имя тридцатилетнего командира Дюплесси де Гренедан, которому, несмотря на молодость, доверили гигантский воздушный корабль. Опытный офицер из старинной бретонской семьи командовал в первую мировую войну боевым дирижаблем, правда значительно меньшего размера. Вот история, освещенная очерком Д. А. Алексеева и П. А. Новокшенова.

Дирижабль «L-72» — один из трех новейших фирмы «Цеппелин». Построен в 1920 году и передан Франции в счет репараций. Длина — 226,5 метра, диаметр — 24 метра. Полная нагрузка — 52 тонны. Сорок человек экипажа. Шесть двухсотшестидесятисильных моторов «майбах» позволяют развивать скорость до 130 километров в час. Французы, зачеркнув номер, крупно написали на борту — «Диксмюде». В память о фламандском городе, дважды стертом с земли. Впервые пожаром, без малого шестьсот лет назад. И вторично — в 1914 году во время боевых действий. «Диксмюде» — отныне символ возрождения города и Франции.

Воздушный лайнер вызывал восхищение везде, где бы он только не появлялся. Подавлял зрителей своими размерами и многими деталя-

ми конструкции. Решетчатый «скелет» корпуса с матерчатой оболочкой скрывал в себе целый удивительный мир. По длинному коридору можно было пройти от носа до кормы дирижабля. Над головой в полумраке колыхались шестнадцать баллонов с водородом — удивительные «крылья» корабля. За ними следят особенно пристально: достаточно малейшей утечки газа, одной искры... и ревущее пламя в считанные секунды поглотит труд тысяч людей. По обеим сторонам коридора помещения для команды, кладовые для провизии и снаряжения, баки для горючего. По трапам через люки в оболочке можно пройти к моторным гондолам, взобраться на «спину» воздушного мастодонта, пройти к его рулям, спуститься в пассажирскую гондолу и посидеть на мягких диванчиках.

Старт ранним утром 18 декабря 1923 года с военно-воздушной базы Кюэр близ Тулона был проведен без лишней огласки. Погрузили продовольствие, парашюты, спасательные пояса. Кроме экипажа в специальную пассажирскую гондолу поднялись десять офицеров. Из них трое — представители генерального штаба.

Присутствие на судне высокопоставленных лиц всегда вызывает у командира чувство некоторого неудобства. В этот раз тем более. Генеральный штаб навязывал свою схему коммуникаций в глубь Африки, облегченную, но, на взгляд Дюплесси, непродуманную. Сам он настаивает на лучшем обеспечении полетов. В пустыне надо строить промежуточные базы, мачты для швартовки и многое другое.

За десять часов полета дирижабль благополучно пересекает Средиземное море и после корот-

кой остановки на военно-морской базе в Бизерте делает гигантский бросок на юг (почти на 2000 километров), в глубь Французской Сахары.

Африка уже видела дирижабли. Под командованием капитан-лейтенанта Бокхольта «L-59» с 15 тоннами боеприпасов и снаряжения совершил рейд из Болгарии в Восточную Африку. Полет продолжался 95 часов. Немцы не долетели, вернулись из-под Хартума. Поступило ложное сообщение, что гарнизон капитулировал.

19 декабря в 16 часов 30 минут дирижабль «Диксмюде» достигает затерянного в песках военного поста Айн-Салах, разворачивается и берет курс на север.

...Утром 21 декабря на всех радиостанциях, следивших за «Диксмюде», усталые дежурные доложили: «Никаких вестей». В штабах появилась тревога. Специалисты в сотый раз анализировали маршрут, вникали в метеосводки. Подключилась разведка и контрразведка. Но и к вечеру позывных дирижабля не удалось поймать никому.

Минула ночь и утром 23 декабря из Бизерты вышел крейсер. Задание — осмотреть залив Габес у берегов южного Туниса. Штабные специалисты были склонны считать, что — «Диксмюде» бедствует в том районе.

Неприятное известие просочилось в прессу, и, к досаде военных, за поисками следил уже весь мир. Сведения поступали самые противоречивые.

Вечером 27 декабря на стол военного министра легла телеграмма. Помрачневший министр долго вчитывался в короткий текст. Спрятал телеграмму в папку самых срочных дел и отдал

распоряжение всему поисковому флоту отправиться к южной Сицилии. Утром министр попросил аудиенции у главы государства.

... Шторм утих. Темное ночное море колыхалось мертвой зыбью. Рыбалка в такие ночи бывает неожиданной. Двое сицилийских рыбаков поймали такое, что, едва подтащив сеть к берегу, старик рыбак перекрестился. Военный был в полной форме. И, судя по изувеченному телу, не был просто утопленником.

О находке сообщили его преосвященству аббату Арена. Он лично осмотрел скорбную находку. В документах, извлеченных из внутреннего кармана куртки, значилось: капитан-лейтенант французских военно-морских сил Дюплесси де Гренедан. Были при нем и часы. Их стрелки замерли в 2 часа 27 минут 30 секунд.

Аббат известил мэрию. Об исчезновении французского дирижабля там уже знали и телеграфировали в Рим. Вскоре приехала группа итальянских и французских офицеров. Тело тщательно осмотрели и в металлическом гробу отправили в Тулон.

Никаких официальных сообщений относительно дальнейшей судьбы дирижабля не было. Да его и найти не могли. Газеты строили различные, порой самые разноречивые догадки. А аббат, как один из первых свидетелей, счел христианским долгом написать отцу Дюплесси.

«Чиакка, 5 февраля 1924 года.

...Я внимательно осмотрел тело Вашего сына. Первый раз это было в 6.30. Оно было завернуто в сеть, среди рыбы и водорослей. Он был одет, правая рука в перчатке, левая голая. Шинель была застегнута на пуговицы, так же как и кур-

тка... Добавлю, что труп был со сломанными ногами и позвоночником...»

На теле были не только эти повреждения. Комиссия в Тулоне описала и многие другие. По ним косвенным образом пытались уяснить, что же случилось с дирижаблем.

Находка рыбаков сузила район поисков. Тральщики бороздили прибрежные воды. Все с нетерпением ждали новых сообщений. Но дни проходили за днями, а подобрали какую-то мелочь. Миноносец «Бамбара» 11 января доставил в Тулон клапан дирижабля, меховую куртку, кусок деревянной командирской гондолы и электрические провода, извлеченные около мыса Сан-Марко с помощью драги. Рыбаки нашли ящик с бисквитами, карты, да еще два сплюсненных бака с метками «Диксмюде». Морское министерство вынуждено было сообщить, что интенсивные розыски не дали никаких результатов.

Комиссии по расследованию — их было две — попали в затруднительное положение. Они пришли к выводу, что один из крупнейших в мире дирижаблей полностью сгорел от удара молнии. Действия командира признали правильными: к конструкции дирижабля, а также ко времени полета претензий не предъявили...

На двух крупнейших верфях мира — Цеппелина и Шютте-Лянца с 1900 по 1924 год построили 139 дирижаблей жесткого типа. Из них благополучной оказалась судьба лишь трех десятков. Отслужив очень короткий срок, в среднем около года, они были разоружены и мирно прекратили существование. Восемь были разбиты бурями. Восемь потерпели аварию по различным причинам. И двадцать четыре сгорели.

Дирижабли горели и в небе, и на земле; в ангарах и при маневрировании около причальных мачт; едва покинув ангар и после длительного перелета; уже наполовину втиснув свое огромное тело в ворота ангара. Их сбивала артиллерия и расстреливали летчики юрких «ньюпоров» и «форманов» как учебные мишени. Громадные емкости с водородом — до 70000 кубических метров — вспыхивали от самых ничтожных причин. Эта статистика, очевидно, и дала повод французским комиссиям предать «Диксмюде» огню. И лучше всего — от молнии. Так проще.

...Успокоились газеты. Прекратились запросы в палату депутатов. И все же по большому счету официальная версия гибели дирижабля в районе южной Сицилии не получила достаточно убедительного признания. Не очень укрепила ее и находка спустя четыре месяца в том же районе останков радиотелеграфиста Гийома. И даже находка (еще через два месяца) на юго-западном побережье Корсики, возле местечка Проприано, бутылки с запиской: «У нас вышел весь бензин, и мы во власти страшного урагана. Экипаж «Диксмюде» шлет Франции последнее «прости».

Записка не несла принципиально новой информации, выходящей за рамки фактов, отобранных комиссиями. И все же она стоит того, чтобы к ней присмотреться. Когда же и кто ее написал? Написана торопливо, карандашом, на клочке бумаги. В материалах, которыми мы располагаем, нет никаких упоминаний о том, что записка подвергалась графологической экспертизе. А ведь в личных делах тех, кто исчез на «Диксмюде», есть образцы их почерков.

Наверное, стоит обратиться к опытным графологам-криминалистам и установить авторство.

Воды Средиземного моря отличаются прозрачностью. Глубины в этом районе не более 50 метров. И никаких следов огромного остова дирижабля, личных вещей экипажа. Двигателей. Аппаратуры. Наконец, куда исчезли тела 48 других членов экипажа? Ведь горели впоследствии и более крупные дирижабли «Рим» и «Гинденбург». И раньше пылало много дирижаблей. И всегда оставался металлический решетчатый каркас. Водородное пламя очень быстрое, и остов не успевает ни сгореть, ни сильно оплавиться.

Основные свидетельские показания, которыми руководствовались комиссии, основывая свою версию, таковы:

«Выйдя из дома во втором часу ночи, отправился к пляжу. Вдруг огромная молния ударила в тучу. Сразу же за тучей зажегся сильный красный свет. Несколько секунд спустя за тучей (?) последовательно упали три горящие массы, а потом четвертая, поменьше, на запад от первых. Дул очень свежий западный ветер. Обломки, опустившись на поверхность моря, испускали дым и быстро гасли...»

«...Я увидел сильное пламя, которое опускалось и поднималось три раза. Я решил, что это сигнал тревоги. Пламя скрылось за мысом Сан-Марко, а свет был еще некоторое время...»

«...Я увидел сильное пламя очень высоко в небе, которое опускалось и исчезло за холмами. В очаге света я не заметил никакого тела...»

И никто из свидетелей точно не назвал, что же именно падало и опускалось. Ночные сильные грозы на юге особо впечатляющи. В ту грозовую

ночь за облаками могли полыхать дальние зарницы и летать шаровые и совсем редкие чечеточные молнии. Остановившись на варианте «удар молнии и пожар», комиссии посчитали другие гипотезы и прочие факты неверными и не укладывающимися в схему, малосущественными.

Теория надежности в те годы делала первые робкие шаги. И тем не менее методом проб и ошибок нащупывались пути создания специализированных дирижаблей. Таким специализированным был и «Диксмюде L-72». Немцами он предназначался для высотных (свыше 6000 метров) бомбардировок Лондона. Рассчитан на короткое (не более одних-двух суток) пребывание в воздухе. Столько же могли непрерывно работать и моторы «майбах».

Французы, получив «Диксмюде», словно старались бросить вызов всем прочностным параметрам дирижабля. Провели некоторые доработки. Поставили пассажирскую гондолу, установили дополнительные баки для горючего — нагрузка на каркас, и без того ослабленный. Полеты с большой нагрузкой и на дальние расстояния, эксплуатация двигателей на износ. И наконец, этот странный полет с экипажем, значительно превышающим штатное расписание в зимнее, беспокойное время, в районе, где приземлиться такому гиганту практически невозможно. Признать ошибки эксплуатации, подготовки, обеспечения ее безопасности — значит положить пятно на военное ведомство. И выбирается проверенный путь — виновата стихия.

Сразу же после катастрофы маститые немецкие дирижаблестроители в открытую заговорили о том, что так тщательно пытались утаить комиссии по расследованию.

«Последний полет «Диксмюде», — заявил профессор Парсеваль, — проходил без прежних тщательных приготовлений. По израсходовании всего горючего дирижабль был вынужден выкинуть весь балласт и мог превратиться в свободный воздушный шар. Потом поднялся на большую высоту, где газ расширился и вытек, и затем начал спускаться вниз. Остановить падение такого крупного дирижабля практически невозможно...»

«Заставляет задуматься и тот странный факт, что из гондолы выпало тело одного командира, — отметил Гуго Эккнер, строитель «Цепелинов». — Я считаю, что часть моторов, которые нуждались в отдыхе и обслуживании после двухдневной работы, отказала еще в горах Алжира...»

Учитывая веские мнения немецких специалистов и дополнительные расследования, можно сказать, что же произошло в ночь с 20 на 21 декабря 1923 года.

После изменения курса вечером 20 декабря дирижабль мог уйти на юго-восток в пустыню, переждать бурю и вновь лететь по плановому курсу в город Алжир. Такое решение было бы самым разумным, если бы в пустыне были полевые лагеря базирования с причальными мачтами и запасами горючего. Совсем недорогие, как того требовал Дюплесси. Остаться же в пустыне, где на сотни километров нет ни единого человека, без горючего, а значит с неуправляемым дирижаблем, было равносильно его потере. Оставалось единственное, что и предпринял Дюплесси — медленно отступать к Тунису в надежде пришвартоваться в Бизерте.

Но ураган оказался сильнее, чем предпола-

гал командир. Дирижабль «проскакивал» Бизерту. Ветер менял румб, все более задувая с северо-запада, и Дюплесси меняет решение: развернуться к Италии и уходить как можно скорее. К этому времени, возможно, вышли из строя моторы, и дирижабль стал добычей ветра. Этим и можно, наверное, объяснить, почему расстояние от Бискры до Сицилии «Диксмюде» пролетел меньше, чем за семь часов.

Дирижабль находился уже в центре урагана, скорость которого достигала 90—110 километров в час! Ветровые нагрузки на корпус составляли (из-за огромной парусности дирижабля) сотни тонн. И корпус не выдержал. Да он и не был рассчитан на такие экстремальные погодные условия. Разлом мог произойти в передней части дирижабля, между командирской и пассажирской гондолами.

Известно много случаев разрушений дирижаблей в воздухе. Так погибли: английский дирижабль «R-38» в 1921 году, американский «Шенандоа» в 1925 году, в позже — в 1930 году — английский «R-101». Свидетели гибели «R-38» (по характеристикам близкого к «Диксмюде») показывали, что дирижабль согнулся пополам. После этого были видны две отдельные падающие половины, причем носовая часть горела ярким пламенем. Среди оставшихся в живых был и командир дирижабля, который находился в командирской гондоле. Он получил опасные ожоги. Трое из спасшихся находились в хвостовой части. Из 49 человек в живых осталось пятеро.

...Рвется ажурный корпус «Диксмюде». Носовая часть дирижабля, объята пламенем, вместе с командирской гондолой, в которой было, конеч-

но, минимальное количество людей — три-четыре человека, падает в море. (Ее остатки совершенно случайно обнаружили десять лет спустя недалеко от берега, возле местечка Мэнфи.) Дюплесси получает те смертельные ранения, которые позже отметят медики, осматривавшие его тело. Они заключили, что на него обрушился удар огромной силы. Как будто командир с размаху ударился о какое-то твердое препятствие. И вместе с тем на теле и обломках нет следов ожогов. На руке Дюплесси была перчатка, и это давало повод утверждать, что в момент катастрофы он находился на своем посту у открытого люка кабины.

Облегченный и теперь уже неуправляемый «Диксмюде» становится игрушкой ураганного ветра. Как это было пятью годами раньше с его двойником «L-50» после неудачного налета на Лондон. Северо-восточнее Парижа он задел гондолой за землю. Гондола оторвалась, и почти весь экипаж французы взяли в плен. Облегченный дирижабль с несколькими мотористами, продрейфовав над Францией, унесся в Средиземное море и бесследно исчез. Такая же участь в 1928 году постигла дирижабль «Италия». Возвращаясь с Северного полюса, он внезапно отяжелел и жестко коснулся льда. Гондола оторвалась. Шестерых членов экипажа вместе с оболочкой унесло ветром, и дальнейшая их судьба неизвестна. Об этом мы еще расскажем.

Куда могло отнести неисправный «Диксмюде»? И мы снова обращаемся к фактам, которые комиссии отбросили как не согласующиеся с их версией. Что это за факты? Ну скажем, почти сутки спустя после того, как остановились часы командира, сигнал бедствия с дири-

жабля заметил командир итальянского пакетбота «Порт Александретта», который следовал курсом Неаполь — Бенгази. По его словам, «Диксмюде» летел на восток со скоростью почти 200 километров в час. Вечером того же дня с судна «Ландскнехт» ясно видели огни дирижабля над тунисским побережьем. В 500 километрах к югу от Сицилии. По сведению наблюдателей, огни исчезли за горной цепью к востоку от поселка Меденине.

И уж на взгляд комиссий совсем невероятным выглядело свидетельство часового с поста Айн-Салах. 26 декабря он увидел «Диксмюде» более, чем в 1000 километрах от места, где подобрали труп командира! А бедуины видели дирижабль в 200 километрах южнее Айн-Салаха... Видели дирижабль и солдаты пустынного поста французской армии в Сахаре. Гарнизон был предупрежден о возможном появлении дирижабля.

Вероятность появления дрейфующего дирижабля в центре Сахары была велика. Возникает вопрос, а почему же за эти дни никто из пленников «Диксмюде» не воспользовался парашютом? На первый взгляд так и надо было поступить. Но первый день дирижабль дрейфовал над морем, последующие — над пустыней. Кто же решится покинуть хотя и неуправляемый, но дрейфующий при слабом ветре дирижабль и очутиться один на один с пустыней, по которой рыщут до конца не усмиренные племена? Так, вероятно, и влекло их ветрами, пока, потеряв подъемную силу, дирижабль не опустился где-то в обширном пустынном районе плоскогорья Ахаггар южнее или юго-восточнее Айн-Салаха.

Как и океан, пустыня подолгу хранит свои

тайны. Во время налета на Севастополь 27 июля 1916 года бесследно исчез в Черном море дирижабль фирмы Шютте-Лянца. Приблизительно в то же время, что и «Диксмюде», исчез над Сахарой легкий английский самолет. Поиски были организованы широко. А нашли самолет случайно уже в шестидесятых годах. Мало поврежденным. Под крылом от палящего зноя прятался мумифицированный труп. Рядом — дневник. Очень подробный. Трагический. Писался до последней минуты и с полным сознанием неизбежной смерти.

Возможно лежат рядом с разрушенным временем, полузасыпанным остовом «Диксмюде» и дневники французских воздухоплателей. Как знать, что написано в них с того момента, когда земля получила последнюю радиограмму за дни неторопливого дрейфа от места, где море поглотило их командира.

ГЛАВА 26

СТРАННЫЙ СОЮЗ ПОЛЯРНЫХ КРЫЛАТЫХ «ВОЛКОВ»

В этой истории нет человеческих жертв в результате воздушных катастроф во время покорения новых земель. Здесь нет тяжелых последствий легкомысленной и авантюрной плановой разработки дальнего полета и даже суровых испытаний на выживание.

Но во всей этой истории схлестнулись характеры трех отважных полярных летчиков, что привело к трагизму ситуации, хранившей загадку 50 лет.

Все началось с того, что американские летчики Ричард Бэрд и Флloyd Беннет 9 мая 1926 года вылетели из Китая на Шпицберген и спустя 16 часов, пролетев над Северным полюсом, возвратились героями. Полет проходил нормально, если не считать, что в масляном баке правого двигателя была течь! Но крылатая тень скользит над льдом. Беннет за штурвалом. Бэрд (он и командир и штурман) непрерывно ведет навигационные наблюдения. Инструментов немного. Солнечный компас, прибор для определения ветрового сноса, секстант да пара хронометров. Почти как в эпоху Великих географических открытий. Никаких локаторов, радиопеленгаторов. В авиации они появятся позже.

Беннет пишет записку, предлагает экстренную посадку. Бэрд медлит, пристально вглядываясь в капли масла и одновременно не спускает глаз с манометра. Стрелка еще показывает нормальное давление. Но риск велик.

Через 8 часов 26 минут «Жозефина Форд» достигает полюса. Последние тщательные астрономические наблюдения. Самолет делает широкий круг. Несколько фотоснимков однообразной пустыни, кинокадры. «Мечта жизни сбылась», — записывает Бэрд в дневнике.

Таков свободный пересказ доклада Ричарда Бэрда Национальному географическому обществу. Больше никаких прямых свидетельств достижения полюса нет. Как нет, впрочем, и прямых улик, оспаривающих победу.

Затем был обратный путь с попутным ветром и теплая встреча на «Шпице»*. «Мы схватили

---

* Шпицберген — главная стартовая площадка для покорения Северной вершины Земли. — примеч. составителя.

обоих летчиков в свои объятия, — вспоминает Руал Амундсен, — и расцеловали их в обе щеки. Никто из нас не спросил: — Были ли вы на полюсе? Это само собой подразумевалось, исходя из времени полета». Бэрд и Беннет от усталости почти валяются с ног, единственное желание спать, спать, спать. А на первые полосы крупнейших газет мира уже набирают жирные заголовки и портреты героев.

Сразу же выступают оппоненты — в основном, скандинавы. Главный мотив: коротко время полета, «Жозефина Форд», пожалуй, не могла за пятнадцать с половиной часов преодолеть 2540 километров. Тем более вроде бы барахлил мотор.

Спустя двое суток после возвращения американцев над вершиной земного шара величественно проплывет дирижабль «Норвегия», и на вопросы репортеров, почему Бэрд опередил, Амундсен лаконично ответит: «Мы преследовали иную цель. Рекорды нас не интересовали».

И как-то незамеченной большой прессой пройдет смерть от воспаления легких тридцативосьмилетнего Флойда Беннета весной 1928 года. Сыворотка, доставленная в госпиталь маленького канадского городка Мурри-Бей, где метался в бреду снятый с дальнего перелета Беннет, немного опоздала...

А Бэрд потрясен. Потерять лучшего друга! Когда его самолет достигнет Южного полюса, вместе с флагом вниз полетит камень с могилы национального героя Флойда Беннета, похороненного со всеми воинскими почестями на Арлингтонском кладбище.

Пройдут еще годы и после смерти теперь уже адмирала Бэрда, тридцать лет спустя после по-

лета, шведский профессор Гест Лильеквист зажжет тайну этой истории своей статьей в журнале «Интеравиа» «Была ли «Жозефина Форд» над Северным полюсом?». Профессор утверждает, что Бэрд и Беннет до полюса не долетели, так как истинная скорость самолета и погодные условия якобы не соответствовали данным, представленным Бэрдом.

Американский журналист Ричард Монтегю пишет в 1971 году нечто вроде географического детектива: «Полюса, океаны и пилоты». Замысел дать сводку о героике сверхдальних перелетов двадцатых — тридцатых годов в конце концов сводится к проблеме — был ли Бэрд над полюсом? Монтегю снова поднимает статью Лильеквиста. К ней добавляет выдержки из автобиографической книги одного из полярных авиаторов, которому покойный Флойд Беннет якобы признался, что «Жозефина Форд» до Северного полюса... не долетела.

Монтегю прибегает к свидетельству настоящего «полярного волка» Берндта Бальхена. Он, Бальхен, и есть автор второй книги-автобиографии «Пойдем со мной на север», появившейся в 1958 году.

О Бальхене и его книге разговор особый. Книга по отношению к Бэрду вроде бы доброжелательна. Если бы не ее первая редакция, которую раскопал Монтегю.

Обвинения Бэрду строятся на трех пунктах. Первый — время полета не соответствует техническим возможностям самолета. Второй — фактические погодные условия иные, чем приведенные Бэрдом в отчете. Третий — в высшей мере странное «признание» унтер-офицера Флойда Беннета.

Что представляет собой самолет фирмы «Фоккер»? По современным понятиям — конструкцию весьма хрупкую и миниатюрную. И мощность трех его моторов была вполтину слабее, чем один двигатель «Ан-2». Бэрд остановился на «фоккере VII-3м», так как он обладал необходимым радиусом действия и мог при нужде лететь на двух моторах. Максимальная скорость «фоккера» — 200 километров в час, крейсерская — 170. Но профессор Лильеквист указывает иные скорости и выводит их (это его явная ошибка) из анализа других самолетов данного типа; полетов разной протяженности, которые имели разные цели, задачи, и скорость в которых от полета к полету сильно колебалась. Лильеквист объединяет эти тенденциозно подобранные полеты и свою «истинную» скорость. Примечательно, что автор не использовал в своих отчетах данных летных заводских испытаний фирмы Фоккера. Наиболее точны все же эти паспортные данные. Ничуть не рекламные, как утверждает Лильеквист, а скромно заниженные. Ведь такой легкий самолет поднял вес, который не отважилась рекомендовать даже сама самолетостроительная фирма. Паспортные характеристики и надо брать за основу. Им отчет Бэрда не противоречит.

Аргумент номер два. Синоптическая обстановка. Сам выбор очень узкого интервала времени полета, когда в высоких широтах уже светло, ясно, но нет еще хмурости арктического лета, говорит о продуманности всего мероприятия.

Над околополюсным пространством 9 мая размещался антициклон. С этим никто не спорит. Лильеквист лишь расходится с Бэрдом в оценке ветрового режима. Из отчета Бэрда яв-

ствуует: до полюса их сопровождал слабый восточный ветер, вблизи полюса — штиль и на обратном пути — попутный ветер. Отсюда и разность во времени полета: до полюса 8 часов 26 минут, обратно — 7 часов 13 минут.

Синоптики подтвердили правильность данных Бэрда.

Национальный комитет, рассматривавший полетные документы, проверил все построения и вычисления Ричарда Бэрда и подтвердил факт достижения Северного полюса.

На этом вопрос обвинения Бэрда можно было бы считать исчерпанным. Если бы не третий «аргумент»...

И тут надо подойти осторожно. Как мог Беннет ни за что ни про что выдвинуть столь серьезное обвинение, ко всему прочему и на самого себя?

Надо сказать, что перед вылетом «Жозефины Форд» Амундсен выделил из своей экспедиции для помощи американцам расторопного и толкового помощника — лейтенанта Бернта Бальхена. Двадцатипятилетний Бальхен вполне оправдал доверие своего шефа, за что был приглашен самим Бэрдом в Штаты. Там же, в Америке, внимание Бэрда к Бальхену внезапно угасает, да так, что лейтенанта не приглашают на торжества награждения.

С Беннетом же отношения Бальхена сложились самые дружеские и они работают вместе, испытывая самолеты фирмы «Фоккер». Это обстоятельство использует проныра журналист Монтегю, утверждая, что потом, в черновике книги Бальхена есть признание ему Беннета, что они с Бэрдом не долетели до полюса!..

На одном из торжеств по случаю 50-летия первого полета братьев Райт встречаются адмирал Бэрд — ему уже под 70 и полковник Бальхен (ему за 50). Адмирал приглашает полковника отойти в сторону. Он хочет что-то сказать. Бальхен торжествует. Неужели признание! Да, и будет снята натянутость их отношений. В конце концов имеет значение теперь тот давний полет? Черт с ним.

Но адмирал «срывается». Он говорит грубо. Их ссору слышат журналисты. Опять сенсация. Сцепились герои!

Это была их последняя встреча. Спустя три года, в 1957 году адмирал, увенчанный всеми возможными наградами, степенями и званиями, умирает.

Бальхен пишет мемуары. Рукопись, которую он показал семейству Бэрдов, в числе которого был и сенатор, брат покойного адмирала, подверглась правке. И лишь после смерти сенатора Монтегю рискнул предать гласности эту первоначальную редакцию книги Бальхена.

Кстати, Монтегю приводит также слова Кору Беннет, якобы сказанные Бальхену в день похорон ее мужа. Мол, смерть Флойда — лучший подарок Бэрду.

И опять намеком. Снова никаких прямых указаний. Толкуйте как удобнее.

А если уж Кора Беннет знала кое-что такое, мы вправе бы ожидать, что в книге воспоминаний, которую она издает в 1932 году после смерти Флойда Беннета, это будет сказано.

Но в книге Кору Беннет об этом ни слова. Так был ли разговор по возвращении с Арлингтонского кладбища? Не «реконструировал» ли его Бальхен много лет спустя так же, как и ночной

разговор с самим Беннетом в гостинице? И по той же причине?

А спросить полковника честно и прямо уже нельзя. Он умер, пережив своего командира на шестнадцать лет. Последний из странного союза трех. Единственный, кроме двух, имевший наиболее близкое отношение к загадке. Или к ее загадочной тени, рожденной национальным соперничеством, честолюбием, подогретым пресой, ищущей сенсаций в шероховатостях, несовершенстве человеческих характеров, которые она помогает гипертрофировать до уродливости, делающей невозможным простое человеческое общение. И тем более высокую дружбу.

ГЛАВА 27

ЗАГАДКИ И ТРАГЕДИИ КРАСНОЙ ПАЛАТКИ

Одной из самых потрясающих и таинственных воздушных трагедий Арктики несомненно является гибель экспедиции генерала Нобиле на дирижабле «Италия». Следует добавить, что лучшей интерпретации расследования загадок этой эпопеи, чем у писателя Зиновия Каневского не найти. Потому и обратимся к его книге «Загадки и трагедии Арктики».

В те самые дни начала мая 1926 г., когда совершали свой самолетный рейс к Северному полюсу американцы Бэрд и Беннет, на тех же шпицбергенских берегах готовилась к старту крупная воздушная экспедиция на дирижабле. Ее инициаторами были норвежец Руал Амундсен, американский предприниматель (и летчик)

Линкольн Элсуорт и итальянский конструктор дирижаблей полковник Умберто Нобиле, ставший после полета генералом. Именно по его проекту была построена «Норге» («Норвегия»), на ней экспедиция совершила редкостный по тем временам беспосадочный перелет по маршруту Шпицберген — Северный полюс — Аляска. Произошло это между 11 и 13 мая 1926 г.

Миновало еще немного времени, и вот уже сам Нобиле, один, без многоопытных соратников, задумывает следующую экспедицию к Северному полюсу на новом дирижабле, получившем имя «Италия». Обо всем, что случилось дальше, о событиях лета 1928 г., гибели «Италии» и половины членов ее экипажа в катастрофе, о лагере итальянцев в дрейфующих льдах и Красной палатке, о спасательном рейсе советского ледокола «Красин», героических полетах экипажа полярного летчика Чухновского, возвращении к жизни обреченных на смерть людей и триумфальной встрече красинцев на большой земле — обо всем этом написаны десятки книг на разных языках, сняты документальные ленты и художественный фильм «Красная палатка».

Остались также воспоминания самых главных участников событий 1928 г., начиная с генерала Нобиле и руководителя спасательных операций профессора Самойловича. Все последние шестьдесят с лишним лет человечество помнит и осмысливает трагедию во льдах и, кажется, тут уж «ни убавить, ни прибавить». Однако всякий, кто в той или иной мере соприкасается с историей тех дней, непременно обнаруживает нечто новое, неожиданное, много-

значительное, каким-то непостижимым образом ускользнувшее от внимания предшественников.

Начнем сначала. Зачем генералу Нобиле потребовалось спустя два года после трансарктического полета «Норге» вновь отправляться на Северный полюс? Сам он отвечает в своих книгах достаточно резонно, «Я — азартный конструктор и путешественник, я построил аналогичный «Норге» дирижабль и захотел провести на нем собственную экспедицию, выполнить детальные исследования в Центральной Арктике и высадить на полюсные льдины научный десант» (как бы прообраз будущей дрейфующей станции «Северный полюс»). В одной из книг генерал сделал даже такое самокритичное признание: «Ни возражения друзей, ни советы близких, взывавших к моему благоразумию, не могли возобладать над моим честолюбием».

Здесь надо иметь в виду, что после триумфа «Норге» между Амундсеном и Нобиле произошла тяжелая ссора, каждый рьяно приписывал себе успех перелета. Покоритель Северного и Южного полюсов Амундсен с нескрываемым презрением отзывался об «этом красавчике с генеральскими эполетами», не знающем и не понимающем Арктики, ее льдов и ее ветров, ее неписаных суровых законов. Самолюбивый авиаконструктор, в свою очередь, не без оснований полагал, что именно благодаря его мастерству пилота (а Руал Амундсен тогда, в 1926 г., от души воздавал ему должное) экспедиция на «Норге» достигла великой цели.

Вероятно, задуманное Нобиле предприятие имело не только научно-исследовательские, но и политические мотивы.

Надо признать, что на родине у воздухоплателя имелось немало недругов и среди них — генерал Итало Бальбо, один из руководителей авиации, личность, очень близкая к Муссолини. Он никогда не скрывал своего резко отрицательного отношения к Нобиле, вредил ему, где мог, а когда разыгралась трагедия, сделал все, чтобы унизить и без того отчаянно пострадавшего человека.

В экспедиции на борту «Италии» приняли участие четырнадцать итальянцев, чешский физик Франтишек Бегоунок и молодой шведский геофизик Финн Мальмгрен, участник полета на «Норге» и крупной арктической экспедиции Амундсена на судне «Мод» в 1922—1925 гг. И вот вам воистину фатальное совпадение: накануне вылета дирижабля из Милана была выпущена открытка, на которой фотографии всех шестнадцати участников располагались в два ряда, по восемь в каждом, и в результате оказалось, что весь верхний ряд погиб, нижний уцелел...

А между тем о возможной катастрофе заговорили еще до отлета дирижабля из Италии, причем имеются в виду не те, кто злопыхательствовал и «каркал», проча беду, а доброжелательно настроенные специалисты. Одним из первых, если не самым первым, был советский исследователь Арктики, директор Института по изучению Севера профессор Рудольф Лазаревич Самойлович, которому предстояло вскоре возглавить спасательный рейс ледокола «Красин». Он забил тревогу по поводу возможного несчастья в марте 1928 г., за два месяца до начала воздушной экспедиции!

Будучи в научной командировке в Берлине, Самойлович познакомился и долго беседовал с

Нобиле. В это же время там находился Фритъоф Нансен и другие известные полярники, воздухоплаватели, ученые, но по-настоящему насторожился один Самойлович. Его не могли не встревожить планы молодого, явно тщеславного генерала, уверенного успехом предыдущего полета на полюс. Советского исследователя беспокоили намерения Нобиле высадить десант на 90-й параллели (или как вариант — на побережье совершенно безлюдной Северной Земли). Рудольф Лазаревич немедленно написал письмо в Ленинград своим коллегам и попросил ознакомить с содержанием этого письма Александра Петровича Карпинского, президента академии наук СССР. Самойлович сообщал, что задуманная Нобиле операция крайне рискованна, что люди, высаженные на лед, почти обречены на гибель, потому что вряд ли потом их удастся обнаружить и взять на борт дирижабля: неумолимый и непредсказуемый дрейф увлечет их бог знает куда.

Мало кому известно, что информация директора Института Севера возымела конкретные последствия. Академик Карпинский собрал наиболее авторитетных знатоков Арктики и обсудил с ними вопрос о тех мерах, какие следует предпринять в Советском Союзе, если Нобиле попытается осуществить задуманное. В несколько пунктов на побережье Ледовитого океана и на берегах высокоширотных островов были экстренно направлены группы сотрудников Института Севера, которым поручалось организовать в случае необходимости поиски попавших в беду аэронавтов.

«Италия» пролетела над Северным полюсом, как и планировалось, 24 мая 1928 г., а через сутки потерпела катастрофу, упав на дрейфую-

щий лёд. Причиной аварии стало, скорее всего, оледенение дирижабля, хотя полной ясности в этом нет, и даже сам конструктор оказался не в состоянии поставить определенный диагноз. Десять человек оказались выброшенными из дирижабля при ударе gondoly о лёд, шестерых унесло ветром вместе с оболочкой «Италии», и минут через двадцать в той стороне, где скрылось то, что осталось от воздушного корабля, вверх взметнулся столб черного дыма. Очевидно, все шестеро погибли.

Из десяти человек, очутившихся на дрейфующем льду, один был мертв, несколько получили ранения и переломы. Еще одному предстояло умереть позже. Сильнее других пострадал командир: у него были сломаны рука и нога, повреждена голова. Сломал руку и швед Мальмгрен, что, однако, не помешало ему сперва подстрелить белого медведя и снабдить всю группу свежим мясом, а затем отправиться вместе с двумя итальянцами, Цаппи и Мариано, к ближайшим островам архипелага Шпицберген, чтобы связаться с людьми и организовать помощь.

К счастью, при катастрофе на лёд выпала рация, но бортрадисту «Италии» Бьяджи долгое время не удавалось наладить радиосвязь с внешним миром. На Шпицбергене не слышали сигналов бедствия из Красной палатки, но в эфир круглосуточно передавались сообщения о том, что к выходу во льды готовятся одновременно несколько спасательных экспедиций. У обитателей дрейфующего лагеря имелось достаточно провианта, чтобы продержаться до их прихода. Едва ли не самым загадочным, поражающим воображение событием тех дней явилась сама

отправка спасательной экспедиции: ледокол «Красин» не плавал перед тем полтора года, его собирались ставить на консервацию, топки его были погашены, трюмы пусты, команда расформирована, и тем не менее корабль был подготовлен к тяжелому и опасному полярному рейсу всего за четверо суток семь часов и сорок семь минут! Достаточно привести лишь один документ. В бесконечном списке грузов первой необходимости значилась строчка: «Оружие и патроны. Берется достать Самойлович».

Связь с дирижаблем оборвалась 25 мая, через несколько суток начал активную деятельность Комитет помощи. 3 июня двадцатилетний тракторист, а по совместительству киномеханик и радиоловитель Николай Шмидт из глухого села Вознесенье-Вохма (нынешней Костромской области) и его семнадцатилетний приятель Миша Смирнов внезапно услышали среди шума и треска в эфире сигналы бедствия из Арктики. Слабенький передатчик Бьяджи издавал едва различимый писк, принятый текст оказался крайне неразборчив, координаты перепутаны, но самое главное было понятно. В Москву из дальнего костромского леспромхоза полетела в Общество друзей радио срочная телеграмма Николая Шмидта (своего передатчика у него тогда не было).

Миновали еще сутки, и московский радиоловитель Иван Палкин сумел не только расслышать, но и запеленговать итальянский радиопередатчик — льдина с бедствующими обрела точные координаты. Уже через неделю Комитет помощи решил послать в район катастрофы целую армаду ледокольных и научных кораблей: «Красина», «Малыгина», «Г. Седова», «Персея». На двух из

них имелись аэропланы: экипаж Чухновского на «Красине», экипаж Бабушкина на «Малыгине». Главное действующее лицо всей операции — ледокол «Красин» — ушел из Ленинграда ранним утром 16 июня 1928 г.

На призыв, донесшийся из Красной палатки, откликнулся почти весь мир. Среди стран-спасателей почему-то не оказалось ни США, ни Великобритании.

А вот поведение итальянских властей невозможно оценить во всей полноте до сих пор. Создается впечатление, будто они действовали по принципу «чем хуже — тем лучше», едва ли не желая гибели своим же согражданам, во всяком случае генералу Нобиле... Можно воспроизвести восклицание Итало Бальбо, только что узнавшего о потере связи с дирижаблем: «Так ему и надо!». Дальше — больше: всем военно-воздушным атташе при итальянских посольствах в разных странах были срочно даны инструкции препятствовать любым проявлениям симпатий как к самому Нобиле, так и к его экспедиции!

Но и это еще не все. Поразительное практическое бездействие итальянских авиаторов — вот на что обратили тогда же внимание во многих государствах. Лишь один Умберто Маддалена сбросил со своего гидросамолета несколько пакетов с аварийными припасами на льдину Красной палатки, и больше пилоты-итальянцы ничем не помогли соплеменникам. Правда, три итальянских летчика погибли на обратном пути со Шпицбергена на родину уже после завершения спасательных работ. Погиб и норвежско-французский экипаж гидросамолета «Латам», на борту которого находился Руал Амундсен.

Еще одна неожиданность — участие норвежца в эпопее 1928 г. Он, мы знаем, за два года до этого рассорился с Нобиле, но едва пришли первые вести об исчезновении дирижабля и Амундсена спросили, не собирается ли он принять участие в поисках, он ответил красиво и гордо: «Без промедления!» и, не раздумывая, бросился на помощь к недругу. Можно даже сказать, врагу. Потому ли, что рядом с Нобиле были другие, в том числе любимец Амундсена геофизик Мальмгрен? Или потому, что слишком уж беспощаден он был раньше к итальянскому воздухоплавателю, слишком нетерпим к его человеческим слабостям?

А может, болела совесть, тяжко раненная еще в далекие годы, когда он, Руал Амундсен, никого не оповестив заранее, тайком явился в Антарктику, чтобы опередить конкурентов-англичан и первым в истории достичь Южного полюса? Полюса-то он достиг и вернулся домой триумфатором, а вот англичане во главе с капитаном Робертом Скоттом так и не пришли на базу, на побережье, после того, как вслед за норвежцами тоже побывали в заветной точке. «Я пожертвовал бы славой, решительно всем, чтобы вернуть его к жизни, — записал позднее Амундсен, имея в виду бывшего соперника. — Мой триумф омрачен мыслью о его трагедии. Она преследует меня».

Долгие шестнадцать лет, с 1912 по 1928, его душу бередили тяжелые, скорбные воспоминания. И когда настал решительный час, он произнес: «Без промедления!». Как рассказывали потом те, кто видел в эти мгновения старого полярника, «никогда его лицо, изрезанное глубокими морщинами... не было таким мужественным. Когда он произнес эти слова, вокруг

его головы, казалось засиял ореол». 18 июля гидросамолет «Латам» вылетел из норвежского города Тромсе на север.

Перед самым отлетом Руал Амундсен покончил со всеми земными делами. Судя по некоторым публикациям, он распродал вещи, расплатился (чуть ли не впервые в жизни!) с кредиторами — так ведут себя те, кто предвидит, предчувствует собственную неминуемую гибель. Вопреки здравому смыслу, вопреки им же самим выработанным железным арктическим правилам безопасности он отправился в свой последний полет с бутербродами в кармане вместо полноценного аварийного пайка, да еще вдобавок, как и в 1910 г., ни единой душе не сообщил о предполагаемом маршруте! А ведь возможных маршрутов было три: к Красной палатке, к группе Мальмгрена, двигающейся по льду к Шпицбергену, и к тому гипотетическому месту среди дрейфующих полей; где вознесся к небу столб дыма — там чудом мог уцелеть кто-нибудь из группы Алесандрины, из тех шестерых, кого унесло ветром вместе с оболочкой дирижабля.

В какую именно точку устремился Амундсен? Возьму на себя смелость сказать, что об этом мы уже никогда не узнаем. Через 1 ч 40 мин после взлета радиосвязь с «Латамом» оборвалась, он погиб где-то в Баренцевом море, не долетев до берегов Шпицбергена. Несколько месяцев спустя волны прибили к северному побережью Норвегии один из поплавков гидросамолета.

Генерал Нобиле, узнав об исчезновении Амундсена, нашел в себе силы признаться вслух: «Он победил меня...»

Побежденный, израненный, униженный ко-

мандир «Италии» был вывезен из ледового лагеря шведским пилотом Лундборгом. Вывезен первым и единственным — это не укладывалось в воображении, этого не могли понять ни спасатели, ни даже самые неискушенные в морской этике люди: может ли капитан раньше всех покинуть тонущее судно, как посмел он бросить на произвол судьбы пятерых своих товарищей?! Масла в огонь подлили итальянские газеты, самым невинным тоном сообщавшие: «Нам не известны причины, по которым генерал Нобиле был вывезен первым».

Но! Разве шведскому летчику не было дано четкого распоряжения взять на борт именно Нобиле и никого иного (машина могла вместить только одного пассажира)? И разве не противился генерал, не упрасивал Лундборга эвакуировать первым механика Чечони, потому что у него сломана нога? Того самого Чечони, который потом, уже в Италии, во время разбирательства дела Нобиле в «суде чести», беспардонно клеветал на бывшего командира, охотно и льстиво поддакивал тем, кто утверждал, будто генерал прямо-таки оттолкнул от самолета страдальца Чечони, чтобы только спастись самому и спасти свою собаку (на льдине жила маленькая собачка Нобиле, которую, по лживым показаниям механика, «оголодавшие» обитатели Красной палатки намеревались съесть»).

Комиссия, разбиравшая в 1929 г. дело Нобиле, осудила его за нарушение «кодекса чести итальянского офицера». Зато поведение Цаппи и Мариано, двух других итальянских офицеров, ушедших вместе с Мальмгреном за помощью к ближайшей земле, было расценено как «заслу-

живающее признания», ибо оно «делает честь флоту, и Италия может гордиться такими образцовыми сыновьями». Чем же возвеличили свою родину эти двое?

В самом конце мая группа Мальмгрена, как стали ее с тех пор называть, отправилась в путь, Превозмогая острую боль в сломанной руке, тридцатилетний шведский ученый, единственный в экспедиции полярник со стажем (три года плавания с Амундсенем на «Мод»), повел Цаппи и Мариано к Шпицбергену. 11 июля с борта самолета Чухновского, взлетевшего на поиски этого отряда с ледяного поля, в котором стоял в тот момент «Красин» поступила радиограмма, вызвавшая бурное ликование красинцев: «Мальмгрен обнаружен широте 80 градусов 42 минуты долготы 25 градусов 45 минут тчк Небольшом остроконечном торосе... двое стояли с флагом третий лежал навзничь тчк». Затем в радиограмме сообщалось, что самолет взял курс на Красную палатку, но найти ее не удалось из-за внезапно сгустившегося тумана. Чтобы не рисковать машиной, пришлось совершить вынужденную посадку на торосистом поле, причем в конце пробега у «юнкерса» снесло шасси, оказались также сломаны два винта из трех. А заканчивалась эта поистине историческая радиограмма словами, и сегодня вызывающими прилив гордости за наших летчиков: «Все здоровы тчк Запасов продовольствия две недели тчк Считаю необходимым Красину срочно идти спасать Мальмгрена».

В радиосообщении с борта самолета была, увы, единственная, но печальная неточность: на ледяном осколке находились в тот момент лишь двое, тот, что «лежал навзничь», не мог быть

третьим — за человеческую фигуру летчики приняли валявшуюся на льду одежду. Когда на следующий день, 12 июля, «Красин» подошел к ледяному полю, на котором ждали спасения два итальянца, льдина имела площадь всего десять на восемь метров и через считанное время, буквально через несколько минут, должна была прекратить свое существование вместе с Цаппи и Мариано... На взволнованные вопросы о Мальмгрене Цаппи сперва пробормотал что-то по-итальянски и указал рукой вниз под лед, а затем отчетливо сказал по-французски, обращаясь к Самойловичу: «Это был настоящий человек. Он умер месяц тому назад».

Гибель Финна Мальмгрена стала, несомненно, главной трагической загадкой всей экспедиции Умберто Нобиле. «Что случилось с молодым шведом, умер ли он собственной смертью, был ли брошен спутниками или случилось самое страшное — каннибализм?» Теме этой, по всей вероятности, суждено звучать еще долго.

Высокие инстанции Италии признали поведение Цаппи и Мариано безукоризненным, и если бы не явная неспособность «этого выскочки» Нобиле руководить столь сложной экспедицией, то вообще бы ничего не случилось и господин Мальмгрэн в том же 1928 г. счастливо сочетался бы намеченным браком со своей невестой Анной, внучкой знаменитого шведского полярного исследователя Нильса Адольфа Эрика Норденшельда!

Но слишком велик груз подозрений, возникших сразу же после того, как Цаппи и Мариано (последний пребывал в крайне тяжелом состоянии, вскоре пришлось ампутировать ему отмороженную ногу) дали первые показания на борту «Красина».

По словам итальянцев, дрейф упрямо относил их от земли, уже через две недели Мальмгрен окончательно сдал, упал на снег и объявил, что дальше не ступит ни шагу. Он требовал оставить его, категорически отказывался от пищи (а она, и это чрезвычайно важное обстоятельство, у них тогда еще имелась, уходя из Красной палатки, каждый взял с собой около двадцати килограммов продовольствия). Итальянцы, утверждал Цаппи, вынуждены были уступить.

Они вырубili для товарища углубление во льду, чтобы его не заметил белый медведь. Перед прощанием Мальмгрен передал им свой компас с просьбой вручить его матери в Стокгольме, и эта грустная церемония впоследствии состоялась. После чего двое ушли, а Мальмгрен, по их мнению, сразу же заснул от истощения и больше уже не проснулся — легкая смерть...

Что тут сказать? Подобное, как говорится, вполне могло иметь место. Однако красинцам тотчас бросилось в глаза, что Цаппи и выглядит, и экипирован гораздо лучше, чем его спутник, о чем тогда же судовым врачом Средневским был составлен подробный акт. У доктора сложилось впечатление, что здоровый и бодрый Цаппи на протяжении всего маршрута объедал и обделял обоих — и Мариано, и Мальмгрена. По всем признакам, голодал он куда меньший срок, чем второй итальянец, и резко отказался от промывания желудка, на чем настаивал красинский медик.

Самойлович в книге «На спасение экспедиции Нобиле» не пытается уйти от обсуждения жуткого вопроса: был ли каннибализм? Нет, решительно заявляет профессор, «здесь, на мой взгляд, он не имел места хотя бы потому, что группа при

выходе имела месячный запас провизии. Мальмгрен был оставлен окончательно через пятнадцать дней. Таким образом, у его спутников оставался еще достаточный запас продовольствия (тут уместно сделать замечание о том, когда именно и в каком состоянии был оставлен швед, мы знаем исключительно со слов Цаппи, а позволительно ли столь безоглядно верить его рассказу?). Можно ли думать при таких обстоятельствах о каннибализме?». Далее автор сетует на то, что авторитетная комиссия, разбиравшая в Италии дело Нобиле, была вполне властна пролить свет на события, «которые и до сих пор продолжают волновать многие сердца, однако, к сожалению, кроме постановления комиссии, другие материалы, касающиеся ее работы, не опубликованы».

...В архиве Осовиахима в Москве, где хранятся документы, связанные с походом «Красина» на спасение итальянцев имеется одна невинная на первый взгляд радиограмма Самойловича, отправленная им с борта «Красина» в Москву 13 июля 1928 г., на другой день после того, как спасенные оказались в безопасности. Рассказывая с их слов обо всем, что они пережили, начальник советской экспедиции, в частности, сообщает: «Мариано был накануне смерти и завещал Цаппи съесть его, когда он умрет».

Исключительной значимости слова! Они позволяют кое-что предположить.

Судя по всему, Мариано опасался своего соплеменника (это заметили многие красинцы). И боялся, очевидно, не без оснований. Очень может статься, что в свое время они не просто оставили Мальмгрена умирать в ледяной нише — наверное, у них все же могло возникнуть желание...

воспользоваться телом несчастного. Вероятно, в этой невыносимой ситуации между ними произошло нечто вроде спора: дождаться ли им естественной смерти Мальмгрена или... Можно полагать, что Мариано всячески хотел оттянуть страшную минуту, а Цаппи настаивал на том, чтобы действовать без промедления. Вот почему Мариано счел необходимым добавить к своему душераздирающему завещанию чрезвычайно важные для него слова: он оставлял Цаппи свой труп, не еще живое тело!

Утверждать сегодня что-либо безоговорочно было бы кощунством. Тем более, что на сей счет имеется недвусмысленное мнение Самойловича, знавшего о тех событиях много больше кого бы то ни было. Но и здесь есть что добавить.

Однако много лет назад, когда Каневский приступал к работе над книгой о профессоре Самойловиче, ему пришлось подробно беседовать с его вдовой Еленой Михайловной, и он не мог, естественно не поинтересоваться ее мнением о гибели Мальмгрена. Реакция вдовы была совершенно неожиданной:

«Господи! Конечно, они его съели, об этом не может быть двух мнений! Ну что вы мне рассказываете о Рудольфе Лазаревиче, о его рассуждениях — знаю я все, о чем он писал в книге. Да не верьте ему, Родоль (так она назвала мужа) был удивительным добряком, не мог он себе позволить ославить этих «героев» на весь белый свет, но уж мне-то он не раз с ужасом говорил о них как о законченных людоедах! А когда мы с ним в 1929 году были в Италии и нас там по-королевски принимали, этот субъект, Цаппи, пренеприятнейшая личность, прислал нам в отель официальное

приглашение на обед, представляете?! Меня тогда прямо-таки передернуло, я воочию увидела этот «обед» по-каннибальски... Нет, нет, даже не напоминайте мне об этом мерзавце!»

Вероятно, командор Цаппи был неприятной личностью. Чего стоит, например, его выходка на борту «Красина» чуть ли не на следующий день после спасения. За обоими итальянцами трогательно ухаживал весь экипаж. Особенно старался красинский фельдшер Щукин. Однажды он обратился к своему пациенту со словами «товарищ Цаппи», и нужно было слышать реакцию больного:

«Я для тебя не «товарищ», а «господин Цаппи»! — рявкнул тот на ломаном русском языке.

Понятно, что никакой симпатии к подобному субъекту испытывать не станешь, и все-таки это еще не основание, чтобы выносить окончательный приговор по делу «Цаппи — Мариано — Мальмгрен».

В тот же день, 12 июля, когда «Красин» подобрал двух погибающих, ледокол подошел ко льдине с Красной палаткой и спас еще пятерых. Через несколько суток корабль был уже неподалеку от того места, где его ждал экипаж Чухновского. Вскоре самолет «Красный медведь» был поднят на палубу «Красина», и ледокол двинулся к одной из шпицбергенских бухт. Там стояло итальянское судно «Читта ди Милано», на котором чуть ли не в качестве арестанта находился генерал Нобиле. Туда и перешли все спасенные, эпопея завершилась.

Хотя, если говорить по-деловому, до конца было еще очень далеко. «Красин» продолжал поисковые работы, он пытался вести розыски

«Латама», а также шестерых, унесенных ветром, подходил к побережью Земли Франца-Иосифа, где решено было соорудить хижину из бревен в надежде на то, что сюда могут прийти люди из группы Алессандрини. Как бы попутно красинцы оказали помощь экипажу и пассажирам попавшего в аварию германского парохода «Монте-Сервантес» и лишь в первых числах октября вернулись в Ленинград, где их встречала двухсоттысячная толпа восторженных земляков.

Завершая рассказ о страшном, приведем примеры арктических курьезов.

В те самые дни, когда шла борьба за жизнь итальянских воздухоплателей, муниципалитет городка, в котором проживал радист Бьяджи, разыскивал его по всему белому свету, и успокоились чиновники мэрии лишь после того, как прозвучал сигнал SOS из Красной палатки. Адресат был, таким образом, найден, и на его имя ушла налоговая квитанция за оставленную дома собаку!

Еще один забавный документ. В записке, адресованной в домоуправление дома № 59 по Большой Пушкинской улице, комиссар ледокола «Красин» П. Ю. Орас убедительно просит домовые власти не вселять посторонних жильцов в квартиру № 5, поскольку владелец ее тов. Самойлович Р. Л. «экстренно выбыл из Ленинграда... для оказания помощи Нобиле», — так прямо и написано, без какой бы то ни было иронии! Как не вспомнить здесь «Золотого теленка»: ведь там гражданин Гигиенишвили самовольно взламывает дверь в комнату полярного летчика Севрюгова, срочно вылетевшего в

страну айсбергов искать исчезнувшую иностранную делегацию!

Загадки и драмы истории, судеб, характеров, взаимоотношений — они волнуют до сих пор, эти вечные, они же «проклятые», вопросы!

ЧАСТЬ VI

НЕВЕРОЯТНОЕ ОЧЕВИДНОЕ

ГЛАВА 28

ЗАГАДОЧНОЕ НАСЛЕДСТВО АДМИРАЛА РЕЙСА

Весьма спорной по интерпретации исторического материала является книга Грэма Хенкока «Следы богов», изданная в Лондоне в 1995 году. Однако, эволюция собранных Хенкоком знаний мастерски раскрывает такие обстоятельства, которые просто не могли не быть рассмотрены в настоящем сборнике. Изложим интересные и загадочные факты, попытаюсь дать им объяснение, насколько позволяют современные знания во все еще тайной области истоков древних цивилизаций.

Чтобы еще раз убедиться, сколь много загадок таит в себе историческое и географическое наследие наших далеких предков, сопоставим некоторые события, описанные счастливым отцом шестерых детей, прекрасным интерпретатором истории Грэмом Хенкоком.

Существование адмирала военного флота Оттоманской Турецкой империи Пири Рейса и его участие во многих морских сражениях XVI века — факт исторический и давно доказанный. Верно также, что на службе у турецкого султана Рейс сделал блестящую карьеру, но, к сожалению, окончившуюся отсечением адмираль-

ской головы по «милости» своих коварных господ в 1554 или 1555 году. Чем же примечательна личность Пири Рейса, сумевшая ярко проявиться из пыли времен? Все дело в том, что адмирал был не только воином. В свое время он слыл исследователем Средиземноморья и новых берегов, крупным специалистом-навигатором и картографом.

В историю же Рейс вошел потому, что оставил после себя одну удивительную карту, нарисованную им на выделанной коже газели в 1513 г. Скрученная в трубку, карта была заброшена и забыта потомками на пыльной полке константинопольской Императорской библиотеки в старом дворце султанов до 1929 г. Как оказалось, карта эта была скопирована Пири Рейсом из более древних источников, найденных адмиралом в той же библиотеке, но в настоящее время утраченных. На карте Рейса изображена истинная (подледная) топографическая картина береговой линии Земли Королевы Мод, ныне скрытая под толщей антарктического льда. Как известно, никто до 1513 года до берегов современной Антарктиды не доплывал. Тогда откуда карта-первоисточник? Или, может быть, это картографические фантазии самого Пири Рейса?

Чтобы ответить на эти вопросы, ознакомимся еще с не столь давними событиями, связанными с этой загадкой.

В знаменитой библиотеке конгресса в Вашингтоне, когда все наслаждались рождественскими каникулами 1959 года, в справочном зале работал мистер Чарльз Хэпгуд — специалист по истории науки. Предметом его изучения были средневековые географические карты.

Усилия Хэпгуда не остались напрасными. Вот что он пишет:

«Я обнаружил массу удивительных вещей, которые и не подозревал найти, и несколько карт, изображающих южный континент. И вот однажды я перевернул страницу и остолбенел. Мой взор упал на Южное полушарие карты мира, начертанной Оронтеусом Финиусом в 1531 году, и я понял, что передо мной подлинная, настоящая карта Антарктиды!

Общее очертание континента удивительно совпадает с тем, что изображено на современных картах. Практически на месте, почти в центре континента, оказался Южный полюс. Горные цепи, окаймляющие берега, напоминали многочисленные хребты, открытые в последние годы, причем достаточно, чтобы не считать это случайным результатом игры воображения картографа. Эти хребты были идентифицированы, некоторые — береговые, некоторые — располагались в удалении. С многих из них к морю стекали реки, очень естественно и убедительно вписываясь в складки рельефа. Разумеется, это предполагало, что в момент вычерчивания карты побережье было свободно ото льда. Центральная часть континента на карте свободна от рек и гор, что позволяет предполагать наличие там ледниковой шапки».

Теперь прочтем старое письмо.

*«8-я эскадрилья технической разведки
Стратегического командования ВВС США
База Уестовер, штат Массачусетс*

6 июля 1960 год.

По вопросу: о карте мира адмирала Пири Рейса.

Кому: профессору Чарлзу Х. Хэнгуду Кинский колледж, Кин, штат Нью-Хэмпшир

Уважаемый профессор Хэнгуд,

Ваша просьба оценить некоторые особенности карты мира, составленной Пири Рейсом в 1513 году, была рассмотрена нашей организацией.

Предположение, что в нижней части карты изображен берег Принцессы Марты, относящейся к Земле Королевы Мод в Антарктиде, представляется нам разумным. Считаем, что это наиболее логичное и, по всей вероятности, верное истолкование карты.

Географические подробности, изображаемые в нижней части карты, прекрасно согласуются с данными сейсморазведки, выполненной сквозь толщу ледяной шапки шведско-британской антарктической экспедицией в 1949 году.

Это означает, что картографическая съемка береговой линии была выполнена до оледенения. В настоящее время в этом районе толщина ледника достигает одной мили.

Мы не представляем, каким образом можно согласовать данные этой карты с предполагаемым уровнем географической науки в 1513 году.

*Командир эскадрильи
полковник ВВС США
Гаральд З. Ольмейер*

Таким образом, данные сейсморазведки и аэрофотосъемки стали сенсационными в мире

географов и историков. Начались дебаты, споры, переписка и т.д. Предстояло объяснить эту загадку, состоящую теперь в том, что ледяной щит Антарктического материка в его нынешнем виде имеет возраст в миллионы лет. Получается, что первые картографы антарктического побережья работали во времена, предшествующие появлению нашего биологического вида на Земле. Но нельзя забывать, что на протяжении последнего миллиона лет наша планета испытывала длительные чередующиеся тысячелетиями периоды похолодания и потепления. Поэтому последние геологические исследования этого района свидетельствуют о том, что побережье Земли Королевы Мод и прилегающие территории были свободны ото льда по крайней мере шесть тысяч лет назад! Но даже в этом случае, задолго до известных первых земных цивилизаций, да еще не без помощи вполне совершенной техники картосъемки кем-то была выполнена эта работа. Современная (официальная) историческая наука вряд ли объяснит данное обстоятельство, не прибегнув к помощи таких людей как Грэм Хэнкок и Чарлз Хэпгуд.

После долгих споров и экспертиз стали появляться сведения исторической и геологической науки. В самом общем виде их можно представить следующим образом:

1. Карта Пири Рейса, являющаяся подлинным документом и никоим образом не подделкой, изготовлена в Константинополе в 1513 году.

2. Пири Рейс не мог получить информацию о северном берегу Антарктиды от современных ему исследователей, поскольку Антарктида оста-

валась неоткрытой до 1818 года — более 300 лет со дня, когда он нарисовал свою карту.

3. Свободная ото льда береговая кромка Земли Королевы Мод, изображенная на карте, является величайшей загадкой, поскольку последней датой, когда ее можно было обследовать и нанести на карту, является 4000 год до н.э.

4. Самую раннюю дату, когда такая задача могла быть решена, трудно указать точно, но по-видимому, литораль Земли Королевы Мод оставалась не скрытой подо льдами в течение как минимум 9000 лет — пока ее не поглотил расширяющийся ледник.

5. Истории неизвестна цивилизация, которая имела бы возможность или потребность обследовать эту береговую линию в указанный период между 13000 и 4000 годами до н.э.

Иными словами, главная загадка этой карты 1513 года не столько в том, что изображен континент, открытый в 1818 году, сколько в том, что там можно увидеть береговую линию континента свободной ото льда, который скрыл ее 6000 лет назад и закрывает до сих пор.

Как это можно объяснить? Пири Рейс любезно дает ответ в заметках, написанных его рукой на полях карты. Он говорит, что не несет ответственности за первичную съемку и картографию. Напротив, он признается, что играет роль компилятора и копииста, а его карта базируется на большом числе карт-первоисточников. Некоторые из них были начертаны современниками (включая Христофора Колумба), которые к тому времени достигли Южной Америки и Карибского архипелага; другие же относятся к IV веку до н.э. и более ранним периодам.

Пири Рейс не рискнул высказать предположение об авторстве более ранних карт. Однако в 1963 году профессор Хэпгуд предложил новое и наводящее на размышление решение этой проблемы. Он заявил, что часть карт, которыми пользовался адмирал, и в особенности те, которые, как утверждают, восходят к IV веку до н.э., сами основаны на более ранних источниках, а те — на еще более ранних. По его мнению, имеются неопровержимые доказательства того, что Земля была подробно картографирована до 4000 года до н.э. неизвестной пока, неоткрытой цивилизацией, достигшей высокого технического уровня.

Хэпгуд предполагал, что съемка, произведенная неизвестным нам народом, а затем и выполненные по ней карты передавались от народа к народу, попали к финикийцам и критянам — величайшим мореходам античности. Эти карты были собраны и изучены в великой Александрийской библиотеке в Египте; дальнейшая компиляция выполнялась работавшими там географами. Затем копии этих компиляций и некоторых карт-оригиналов переместились в другие центры просвещения. Одним из таких центров был Константинополь.

Когда же в 1204 году, во время Крестового похода, Константинополь был захвачен венецианцами, карты стали попадать в руки европейских моряков и искателей приключений.

Большая часть этих карт относилась к Средиземному морю. Однако сохранились и карты других районов, в том числе обеих Америк, Арктики и Антарктики. Становится ясным, что древние мореходы путешествовали от полюса до

полюса. Как ни покажется невероятным, древние исследовали Антарктиду, когда ее берега еще были свободны ото льда. Кроме того, ясно, что, у них были все навигационные приборы, далеко превосходившие все, чем обладали люди в античную, средневековую и новую эпохи, вплоть до второй половины XVIII века.

Это обстоятельство свидетельствует в пользу гипотезы о существовании в отдаленные времена цивилизаций, которые впоследствии погибли.

Надо сказать, что энтузиазм Хэпгуда попал под насмешливые и саркастические ухмылки его высокоученых коллег. Впрочем, такое явление имеет обязательную закономерность на протяжении всей истории науки. Тем не менее, человека, опередившего свое время, поддержал сам знаменитый Альберт Эйнштейн. В предисловии к книге, написанной Хэпгудом еще до открытия им карты адмирала Рейса, Эйнштейн писал: «Я часто получаю корреспонденцию от людей, которые хотят узнать мое мнение об этих неопубликованных идеях. Ясно, что эти идеи очень редки, первое же сообщение, полученное мной от господина Хэпгуда, буквально наэлектризовало меня. Его идея оригинальна, очень проста и, если подтвердится, будет иметь огромное значение для всего, связанного с историей поверхности Земли».

С идеей Хэпгуда, высказанной в 1953 году, хорошо согласуется общая глобальная геологическая теория, которая сегодня имеет полное право на жизнь. Согласно этой теории, главной сутью которой является не дрейф материков (теория Вегенера) или тектоника континентальных плит, можно прийти к следующим

кратким и ясным выводам, сформулированным Г. Хенкоком:

1. Антарктида не всегда была покрыта льдом и некогда была намного теплее, чем сегодня.

2. Теплее она потому, что в то время физически не находилась на Южном полюсе, а располагалась примерно в 2000 милях* севернее. Это «выводило ее за пределы Южного полярного круга и помещало в зону умеренного или холодно-умеренного климата».

3. Континент переместился и занял свое нынешнее положение внутри Полярного круга в результате так называемого «смещения земной коры». Этот механизм, который не следует путать с тектоникой плит или дрейфом континентов, связан с периодическими движениями литосферы, внешней коры Земли, как целого «вокруг мягкого внутреннего тела, подобно тому, как могла бы перемещаться корка апельсина вокруг мякоти, если бы ослабела связь между ними».

4. В процессе такого «путешествия» на юг Антарктида постепенно остывала, и на ней мало-помалу, но неотвратимо нарастала в течение нескольких тысяч лет ледовая шапка, пока не приобрела нынешние очертания».

Что касается геологов-ортодоксов, то и по сей день опровергнуть «путешествие» Антарктиды на юг им не удалось. Кроме того, вопрос о механизме, движущем огромный кусок литосферы, был разрешен методом физики, а точнее — механики, и не кем-нибудь, а опять-таки самим А. Эйнштейном. Вот его заключение:

«В полярном регионе происходит постоянное

---

* 1 миля = 1609,3 метра = 1,609 километра.

накопление льда, который размещается вокруг полюса несимметрично. Вращение Земли действует на эти асимметричные массы, создавая центробежный момент, который передается жесткой земной коре. Когда величина такого момента превосходит некоторое критическое значение, он вызывает перемещение земной коры, относительно расположенной внутри части тела Земли...»

Ко всему высказанному в поддержку идеи Хэпгуда, можно кое-что добавить. Так, смещение антарктической плиты (возможно и не только ее) могло произойти в результате космической глобальной катастрофы (столкновение Земли с крупным метеоритом), произошедшей еще ранее, около 10—12 тыс. лет назад. Как известно, такая катастрофа способна была вызвать небезызвестный в истории Великий потоп, смещение оси вращения Земли, появление нового образа Луны, а следовательно, гибель возможных цивилизаций, глобальное потепление климата, таяние материковых ледников и повышение уровня Мирового океана, а также глобальные подвижки литосферы. Процесс подвижек в районе Южного полюса и потепление климата могли растянуться по времени еще на шесть-восемь тысячелетий до появления новых, неизвестных человечеству земных цивилизаций, которые за это время вполне могли развиваться до высокого уровня и успеть погибнуть в очередной космической катастрофе. К сожалению, серьезных документов по делу о погибших и неизвестных цивилизациях не существует. Мы позволяем себе лишь порассуждать, и кто знает, на грани ли фантастики?

Но вернемся к загадочному наследию адмирала Рейса, а затем и карте Оронтеуса Финиуса, созданной немногим позже, в 1531 году.

Чтобы поставить точку в загадке карты Рейса достаточно дать краткую выдержку из книги Хенкока, оставаясь при этом в приятном и волнующем неведении, в тумане которого маячит неуловимая истина времен.

«Карта Пири Рейса, похоже, содержит удивительное подтверждение тезиса о недавнем (в геологических масштабах) оледенении Антарктиды вслед за внезапным смещением земной коры к югу. Более того, поскольку такая карта могла быть вычерчена не позднее 4000 года до н.э., ее последствия для истории человеческих цивилизаций могут оказаться сногшибательными. Ведь принято считать, что до 4000 года до н.э. высокоразвитых цивилизаций не существовало!»

Внимательное изучение карты Финиуса (о которой уже упоминалось в начале главы) доктором Ричардом Стрейчаном из технологического института штата Массачусетс и самим Хэпгудом, привело его к следующим важным выводам:

1. Она была скопирована и скомпилирована из нескольких более ранних карт, вычерченных в разных проекциях.

2. На ней действительно изображены свободные ото льда берега Антарктиды, а именно, Земля Королевы Мод, Земля Эндерби, Земля Уилкса, Земля Виктории (восточный берег моря Росса) и Земля Мэри Бэрд.

3. Как и в случае с картой Пири Рейса, общие очертания и характерные особенности ре-

льефа очень близки к данным сейсмической разведки о скрытой подо льдом поверхности Антарктиды*.

Дополнительно мистер Хэпгуд засвидетельствовал: «Антарктида посещалась, а возможно, и заселялась людьми в то время, когда большая ее часть, если не вся она, была свободна ото льда. Ясно, что это могло иметь место лишь в глубокой древности... Карта Оронтеуса Финиуса позволяет датировать цивилизацию составителей карты-прототипа концом ледникового периода в Северном полушарии».

И еще одно немаловажное свидетельство в пользу рассуждений Г. Хенкока, сформулированное самим Хенкоком, но на неоспоримых фактах:

«Оронтеус Финиус изобразил море Росса там, где сегодня в море сползают огромные ледники Бэрдмора и Скотта, а на карте 1531 года изображены русла рек. Единственным объяснением этого может быть факт, что к моменту создания карт-первоисточников море Росса и его берега не были скрыты подо льдом: «Должна была существовать достаточная поверхность, свободная от льда, выполняющая роль бассейна, питающего реки. В настоящее время и берега, и внутренняя часть континента погребены под ледовой шапкой в милю толщиной, а море Росса скрыто плавучей ледяной кровлей толщиной в сотни футов».

Ситуация с морем Росса является существенным аргументом в пользу того, что некая неизвестная цивилизация занималась картографи-

---

* Эти карты были составлены в ходе Международного географического года (1958) бригадами картографов из разных стран.

рованием Антарктиды в течение долгого периода (когда она была свободна от льда), закончившегося около 4000 года до н.э. Это подтверждается результатами бурения дна моря Росса, которое производилось в 1949 году одной из антарктических экспедиций Бэрда. На кернах четко прослеживаются слои осадочных пород, отражающие состояние окружающей среды в различные эпохи: крупные ледниковые отложения, средние ледниковые отложения, мелкие ледниковые отложения и т.д. Наиболее удивительным является обнаружение слоев мелкозернистых, хорошо перемешанных отложений, принесенных в море реками, истоки которых расположены в умеренных (то есть свободных ото льда) землях...»

Используя радиоизотопный метод датирования, разработанный доктором У. Д. Ури, ученые из института Карнеги в Вашингтоне сумели установить с достаточной точностью, что великие антарктические реки, которые явились источником этих мелкозернистых отложений, действительно текли примерно 6000 лет тому назад, как показано на карте Оронтеуса Финиуса. Только после этой даты, около 4000 года до н.э., «на дне моря Росса стали накапливаться осадки ледникового типа... Керны указывают, что этому предшествовал длительный теплый период».

Продолжая историю карт этого региона планеты, мы еще раз испытываем волнение от волшебного дыхания времени. Для этого разумно проанализировать карты величайшего картографа XVI века Герарда Кремера, известного под именем Меркатора, изучавшего старинные картографические источники.

Оказалось, что Меркатор включил карту Оронтеуса Финиуса в свой атлас 1569 года и в том же году сам изобразил Антарктиду на нескольких картах. На этих картах можно различить на неоткрытом еще материке такие подробности, как мыс Дарт и мыс Герлахера на Земле Мэри Бэрд, море Амундсена, остров Тэрстона вблизи Земли Элсуорта, острова Флетчера в море Беллинсгаузена, остров Александра I, полуостров Палмера (Антарктический), море Уэделла, мыс Норвегия, хребет Регула на Земле Королевы Мод (изображен в виде островов), горы Мюлига-Хофмана (в виде русла реки на берегу Принца Харальда), остров Падда в заливе Лютцова-Хольма и берег Принца Олафа на земле Эндбери. «В некоторых случаях эти подробности более отчетливо узнаваемы, чем на карте Оронтеуса Финиуса, — отмечал Хэпгуд, — и очевидно, Меркатор опирался на иные первоисточники, нежели те, которыми пользовался Финиус».

Филипп Буаше, французский картограф XVIII века, также смог опубликовать карту Антарктиды задолго до того, как южный континент был официально «открыт».

При этом особенностью карты Буаше было то, что она, по-видимому, основывается на картах, созданных еще раньше, причем, может быть, на тысячи лет ранее, чем те, которыми пользовались Меркатор и Оронтеус Финиус. Буаше дает точное изображение Антарктиды того времени, когда она была совершенно свободна ото льда. На его карте дана подледная топография всего континента, о которой мы не имели полного представления до 1958 года,

когда были проведены подробные сейсмографические исследования в рамках Международного геофизического года (МГГ).

Эти исследования лишь подтвердили то, что ранее продемонстрировал Буаше, публикуя свою карту Антарктиды в 1737 году. Основываясь на утерянных ныне источниках, французский академик изобразил в середине южного континента водное пространство, разделяющее его на два субконтинента, лежащие к востоку и к западу от линии, где теперь изображают Трансатлантические горы.

Такой пролив, соединяющий моря Росса, Уэдделла и Беллинсгаузена, несомненно, существовал бы, если бы Антарктида была свободна ото льда. Как показали исследования по программе МГГ-58, этот континент, который на современных картах изображается единым, является на самом деле архипелагом крупных островов, покрытым льдом толщиной в милю.

Пожалуй, добавить что-либо к эволюции знаний, почерпнутых у мистера Грэхэма Хенкока, нечего.

ГЛАВА 29

СТРАШНЫЕ ТРАПЕЗЫ НОВОЙ ГВИНЕИ

Автор строк, составивших эту главу — известный шведский путешественник и писатель Арне Фальк-Рённе. Рассказ пойдет об одном из самых «диких» районов Земли — Новой Гвинее, что в Океании. Мы отправимся туда, где еще во второй половине XX века царили законы каменного века и процветал каннибализм.

Чтобы разогреть интерес уважаемого читателя, прочтем выдержку из книги Арне «Путешествие в каменный век»:

«Во время одного из моих предыдущих путешествий по Новой Гвинее среди наших носильщиков была девушка лет четырнадцати, принадлежавшая к племени форе; две ее старшие сестры незадолго до этого умерли от болезни куру, тайна которой явилась одной из причин, побудивших меня совершить путешествие в этот отдаленный район земного шара. Сегодня, благодаря исследованиям профессора Гайдусека, принесшим ему в 1976 г. Нобелевскую премию по медицине, мы знаем, что болезнь куру возникает из-за того, что дочери съедают мозг умерших матерей. Но тогда, в 1966 г. племя форе только что было, как любили говорить, взято «под контроль цивилизации», и я был среди первых иноземцев, совершивших путешествие по этим местам».

Кстати, эти прекрасные дочери государства Папуа-Новая Гвинея в качестве подвенечной фаты используют вывернутый наизнанку свиной желудок. Но это, что называется «цветочки», «ягодки» же этих мест — охотники за головами. Начнем с наиболее известного случая.

В 1957 г., когда теперешний индонезийский Ириан-Джая был голландской колонией, одно из племен Берега Казуарин напало на людей другого племени. Те плыли на лодках и были смыты в море огромной волной. Несчастливым удалось вплавь добраться до берега, но им предстояло несколько суток идти по вражеской территории, чтобы попасть домой. Их быстро обнаружили и всех перебили. Многих съели, а в качестве тро-

феев охотники за головами унесли 78 голов. Голландский чиновник отправился в деревню, где жило воинственное племя, и приказал вернуть головы жертв. Воины доставили на борт судна огромный мешок и бросили его к ногам Голландца. Из мешка, точно кокосовые орехи, выкатилось тридцать отрубленных голов. Чиновник пригрозил сжечь их мужской дом, если они не принесут остальные головы. И когда те отказались, он приказал обстрелять мужской дом зажигательными снарядами. Но дом не загорелся. Тогда на берег была высажена вооруженная группа, которая сумела поджечь этот дом. Только таким путем удалось получить остальные головы. Именно здесь, чуть севернее, на территории асматов, исчез Майкл Кларк Рокфеллер. Но об этом позднее.

Представитель племени воинов-охотников не терпит отказа. Если он не может тут же убить того, кто ему отказал, то непременно затаит обиду в сердце и не преминет воспользоваться первым же удобным случаем, чтобы рассчитаться с обидчиком. И если он знает имя обидчика, то убийство последнего считается добрым деянием, ибо тем самым он преподносит подарок новорожденному младенцу своего племени. Швейцарский антрополог Пауль Вирц, один из самых мужественных ученых мира, в своей книге об охотниках за головами пишет, что охотники за головами появляются на вражеской территории и совершают ритуал: натирают тело мелом, который приносят из дому, и на рассвете направляются к деревне в криками: «Выходите из своих хижин! Мы пришли за вашими головами! Выходите и сразитесь с нами».

Но прежде, чем убить своих врагов и отрубить им головы с помощью острых бамбуковых ножей соко, они узнают их имена: голова ценится вдвое дороже, если известно, кому она принадлежит. «Скажи мне твое имя, и я тебя не трону! — кричат нападающие мужчинам, укрывшимся в хижинах. Но это лишь военная хитрость — стоит им узнать имя, и они убивают человека, чтобы овладеть его головой. По пути домой воины держат перед собой в лодке трофеи и бесчисленное число раз повторяют имена убитых.

Племена, которые охотятся на людей, называют асматами.

Асматы живут на территории, большую часть которой составляют болота. Они образуются устьями рек, впадающих в Арафутское море, и, подобно мощным щупальцам спрута, высасывают землю из-под кустов и деревьев девственного леса, чтобы в период приливов частично возратить ее обратно. Гигантская низменность заросла непроходимыми джунглями: если прорубить в них тропу, за две недели она полностью зарастет. Тысячи не отмеченных на карте рек прорезают район между реками Торпедобоот на западе и Кути на востоке, Казуариновым берегом на юге и высоченными вершинами Центрального нагорья к северу. Никто не знает, сколько проживает тут асмагов. И хотя индонезийские власти приняли управление бывшим голландским патрульным постом Агатс неподалеку от устья реки Эйланден, эта земля осталась такой же, какой была на заре человечества. Несмотря на наличие миссионерских станций, по-прежнему поступают сообщения об

охоте за головами. Умиротворить здешние племена нелегко, по-видимому, по двум причинам. Когда голландцы во время второй мировой войны вынуждены были покинуть Берег Казуарин, земля асмаатов осталась ничейной. Прошло всего несколько месяцев, и около десятка самых сильных вождей возобновили охоту за головами, которая и сегодня служит излюбленной темой разговоров среди местных племен. Именно тогда они почувствовали, как легко нарушить колониальные порядки, и голландской администрации так и не удалось восстановить их после войны.

Другая причина воинственности местных племен — управление этим регионом индонезийцами. С 1963 г., когда они получили это право, ужесточился административный режим, и тем самым сразу же были перечеркнуты слабые попытки умиротворения, которые предпринимали до них голландцы. В этих местах осталось лишь несколько голландских миссионеров.

Никто, собственно, и не интересовался асматами до тех пор, пока на их земле бесследно не исчез Майкл Кларк Рокфеллер, сын Нельсона Рокфеллера, губернатора штата Нью-Йорк. 18 ноября 1961 г. катамаран с четырьмя людьми на борту следовал от Агатса до деревни Атс, расположенной в узкой части реки Эйланден, которая выше по течению носит название Бетс.

Двое путешественников были белыми — двадцатитрехлетний Майкл Рокфеллер и его голландский коллега Рене Вассинг, а двое других, Лео и Симон, — местные проводники из деревни Шуру близ Агатса. Экспедиция намеревалась

посетить несколько асматских деревень, чтобы собрать этнографический материал для Нью-Йоркского музея первобытного искусства, одним из учредителей которого был Майкл Рокфеллер. Около двух месяцев они ездили по окрестным деревням и выменивали стальные топоры, табак и камни на всевозможные редкие изделия из дерева, характерные для асматской культуры. Особенно их интересовали бисы — деревянные столбики, вокруг которых, по убеждению асматов, собирались духи умерших предков. Разыскивали они также куши — разукрашенные человеческие черепа.

Катамаран состоял из двух пирог — длинных долбленок, скрепленных между собой на манер понтонов на расстоянии двух метров. Между пирогами положены бамбуковые рей, связанные лианами и выполняющие роль палубы, на которой разместилась примитивная бамбуковая хижина для защиты людей от дождя и ветра. На корме был установлен подвесной мотор в восемнадцать лошадиных сил.

Накануне Майкл показал катамаран двум братьям из католической миссии Крозье и сообщил, что катамаран назван именем Чинасапича — самого способного среди асматов резчика по дереву. По словам Майкла, они с Вассингом полностью освоили вождение судна. Правда, он забыл или не захотел добавить, что Роб Эйбринк Янсен, продавший ему в Мерауке катамаран, особо предупреждал не перегружать его и не пересекать устье реки Эйланден. В прилив и отлив течение усиливается, оно обычно вызывает волну высотой до семи метров, и лишенный киля катамаран легко может перевернуться.

Но Майкл Рокфеллер и Рене Вассинг пренебрегли этими предупреждениями и в сопровождении Симона и Лео тронулись в путь. Пока они находились вдали от устья Эйланден, оснований тревожиться не было. Правда, море было беспокойным, но волны набегали неторопливо, и четверке путешественников удавалось удерживать катамаран в нужном положении. Однако наступил момент, когда они заметили, что отлив из Эйландена нагоняет волну. Мотор катамарана слишком слаб, и суденышко относило все дальше в открытое море. С каждой минутой качка становилась опаснее, лодки-понтонны заливало водой.

Майкл управлял мотором, остальные что было сил вычерпывали воду, но она все прибывала. Неожиданно высокая волна ударила в нос и борт, захлестнув катамаран. Мотор заглох. Судно начало тонуть, а высоченные волны грозили вот-вот его перевернуть.

До берега оставалось чуть больше полутора миль. Правда, в этих водах много акул, а в устье реки водятся крокодилы, но для хорошего пловца это не слишком опасно. Однако ни Майкл, ни Рене не хотели покидать катамаран, на котором находились все запасы продовольствия, товары для обмена с местными жителями и киноаппаратура. Они решили отправить Лео и Симона за помощью. Те вылили содержимое двух канистр и, прижав их к себе как спасательные пояса, попрыгали в воду. Никто не тешил себя надеждами, все четверо знали, что на несколько сотен метров от берега тянется полоса болотного ила — слишком густого, чтобы преодолеть его вплавь или на лодке, и

слишком жидкого, чтобы выдержать вес человека. Он, словно зыбучий песок, способен засосать все, что попадет на его поверхность. Во многих местах ил доходит до груди. В довершение всего над болотом бесчисленными тучами вились кровожадные москиты, готовые облепить несчастную жертву. Но если Симону и Лео все же удастся добрать до твердой земли, они рискуют наткнуться на асмагов, которые вряд ли станут с ними церемониться и скорее всего прикончат обоих пришельцев, чтобы полакомиться ими и отрезать головы. Одна надежда, что им крупно повезет и они встретят островитян, дружески относящихся к миссиям в Агатсе, Шуру или Пиримапоане. Только тогда можно рассчитывать на помощь.

Вечером перед катамараном вырастает огромная волна. Майкл и Рене прижимаются к лодкам, но волна настолько велика, что хрупкое суденышко переворачивается. Палуба развалилась, бамбуковую крышу снесло. Провизию, товары, снаряжение смыло за борт. Единственная надежда спастись — крепче держаться за оставшуюся лодку. Но их все дальше относил в море. Ночь прохладная, вода ледяная. Когда забрежжил рассвет, перед глазами у несчастных еще был виден берег, но уже на востоке. И тогда Майкл решается плыть к берегу, считая это последним шансом спастись. Видимо, Симон и Лео погибли или попали в плен к какому-нибудь местному племени. Если хотя бы один из оставшихся в живых не достигнет берега и не найдет помощи, их так далеко унесет в море, что отыскать будет невозможно. Как полагал Рене Вассинг, до берега четыре-семь миль. Но

он неважный пловец. Майкл же отлично плавал кролем. И все-таки Рене решительно возражал против его плана.

Но его доводы оказались бесплодными. Майкл неожиданно схватил красный бензиновый бачок от подвесного мотора, прыгнул с ним в воду и вскоре скрылся из виду. Море разбушевалось, утлое суденышко то и дело проваливалось, и только по прошествии нескольких минут Рене удалось разглядеть береговую линию.

Примерно часов через восемь, когда он уже потерял всякую надежду на спасение, ибо катамаран, вернее, то, что от него осталось, отнесло далеко в Арафутское море, беднягу обнаружил гидросамолет голландских военно-морских сил, высланный на поиски пропавших. Покружив над разбитым суденышком, он сбросил вниз резиновую спасательную лодку. До нее было каких-нибудь 25 метров, но Рене с величайшим трудом добрался до лодки и только тут обнаружил, что она перевернулась вверх дном. Это означало, что он потерял возможность воспользоваться провиантом и веслами. В первый момент Рене утешал себя мыслью, что с самолета засекли его местоположение. Но тут раздался звук, от которого у него на лбу выступили капельки пота, хотя наступил вечер и вода была холодная: из резиновой лодки вышел воздух. На море сгустилась темнота. Рене лежал, погруженный в воду. Остатки катамарана исчезли в волнах, и найти их он уже был не в состоянии. Ночь он провел, держась за лодку, напоминавшую чашу.

Утром появился самолет. Он немного покружил, но, видимо, ничего не обнаружив, взмыл

ввысь и скрылся, и вновь надежда покинула Рене. Когда неожиданно самолет возвратился, пилот несколько раз помахал крыльями в знак того, что обнаружил потерпевшего. Через два-три часа голландская шхуна «Тасман» подобрала его на борт.

Майкл бесследно канул, невзирая на самые тщательные поиски. Весть о его исчезновении была передана по радио. Не прошло и суток, как губернатор Нельсон Рокфеллер вместе с дочерью Мэри на реактивном самолете вылетели в Биак, оттуда через Холландию (Джаяпуру) на небольшом самолете отправились в Мерауке. Далее голландский губернатор Платтеел вместе с Нельсоном Рокфеллером возглавил экспедицию с страну асматов в надежде найти молодого американца в живых. Австралийцы направили вертолеты. Патрульные суда, моторные катера миссионеров и пироги охотников за крокодилами также приняли участие в розысках, прочесывая многочисленные реки и проверяя местные деревни. Но поиски не дали никаких результатов. Восемь дней спустя Нельсон Рокфеллер, понимая, что искать в этих местах пропавшего сына равносильно поискам иголки в стоге сена, вместе с дочерью возвратился в Нью-Йорк.

Что же случилось с Майклом Рокфеллером?

Его считали опытным путешественником по труднодоступным районам Новой Гвинеи. В ходе предыдущей экспедиции он показал, что умеет справляться с трудностями и не терять головы в опасных ситуациях. К тому же он не раз подтверждал свою репутацию отличного

пловца, способного преодолеть сильное течение и достичь берега даже во время отлива. Вместе с тем — это особо отмечал Рене Вассинг — он отличался крайней непоседливостью и нередко форсировал события в ущерб делу.

Такому человеку рискованно путешествовать в одиночку, когда он предоставлен на милость местным племенам. В начале того же 1961 г. он принимал участие в экспедиции гарвардского музея Пибоди к примитивным племенам долины балием, после чего тамошние миссионеры обратились в голландскую администрацию с жалобой: члены экспедиции натравливали местные племена друг на друга ради того, чтобы заснять на пленку кровавые стычки между ними.

Для расследования из Гааги была направлена парламентская комиссия, которая пришла к следующему заключению: неразумно допускать эту экспедицию в глубинные районы страны, ибо всего через два месяца с момента ее прибытия вокруг Курулу (места стоянки экспедиции) начались столкновения между племенами. Семь человек погибло, более десяти было ранено. Отчет комиссии свидетельствовал, что местных жителей снабжали топорами, подстрекали испробовать холодное оружие на воинах другого племени. Все это делалось для того, чтобы члены экспедиции могли снять нужные кадры на пленку.

После завершения названной экспедиции Майкл Рокфеллер снарядил в страну асматов собственную экспедицию. На сей раз ему хотелось раздобыть для музея первобытного искусства изделия из дерева и куши. Голландский чи-

новник в Мерауке не скрывал, что присутствие в этих местах Майкла Рокфеллера во многом способствовало оживлению охоты за черепами. Представители различных деревень приходили к губернатору с просьбой разрешить им охоту за людьми. «Всего лишь на одну ночь, туан!»

Майкл Рокфеллер предлагал им неслыханное вознаграждение — десять стальных топоров! — за голову. И это в местах, где приходится платить очень много за одни только камни для изготовления топора; а за невесту отдают всего один стальной топор. У местных жителей могло сложиться представление, что всины деревни, которой посчастливится раздобыть голову самого Майкла Рокфеллера и украсить ею мужской дом, обретут неслыханную силу и одолеют всех врагов. Сам Майкл был настолько неосторожен, что сообщал асматам свое имя... Они хорошо знали «Майка», а это здесь не менее опасно, чем миллионеру разгуливать по улицам Нью-Йорка. Вместе с Рене Вассингом, который также участвовал в предыдущей, весьма нелегкой экспедиции, он посетил не менее полусотни деревень, где далеко не всегда проявлял достаточно такта и понимания. В июле Майкл и его спутники побывали в деревне Осчанеп, где несколько лет назад голландский патруль открыл огонь по местным жителям. Неудивительно, что те уже имели неоплаченный счет к белым людям. Осчанеп расположен неподалеку от берега, который, как полагают, мог достичь Майкл, если ему удалось бы доплыть туда от того места, где находился катамаран.

Полагают, что Майкл должен был добраться до берега километров на двадцать ниже,

южнее устья реки Эйланден. Этот район кишит крокодилами. Но, ударяя по воде бачком из-под бензина, он сумел бы отогнать их в случае нападения. К тому же и болото здесь не такое глубокое, как в других местах, вряд ли оно его засосало. По свидетельству Яна Смита, миссионера из Пиримапоана, позднее убитого индонезийцами, он был последним, кто имел контакт с Майклом Рокфеллером. Его миссия находилась ближе других к Осчанепу. Позднее он видел островитян, которые несли одежду Рокфеллера и показали ему кости, якобы принадлежавшие молодому американцу. Обо всем этом он писал брату в Голландию. В 1965 г. голландская газета «Де телеграаф» опубликовала эти сведения, но к этому времени Смит не было уже в живых, и уточнить его показания не представилось возможным. Не исключено, что одежда о которой писал Смит, была оставлена Рокфеллером еще во время июльского посещения Осчанепа. Что же касается костей, то установить их принадлежность тому или иному человеку отнюдь не просто.

Однако уже в марте 1962 г., то есть спустя четыре месяца после начала розысков Рокфеллера, другой голландский миссионер, Виллем Хекман утверждал, что Майкл был убит воинами из Осчанепа, которые схватили его, едва он выбрался на берег. В одном из писем семье на родину Хекман сообщал, что жители этой деревни рассказали ему о случившемся и добавили, будто череп убитого находится в мужском доме в Осчанепа. Удивляться тому, что Хекман не расследовал дело дальше, не приходится, ибо вскоре западная часть Новой Гвинеи

(Западный Ириан, ныне Ириан-Джая) отошла к Индонезии и миссионерам разрешали оставаться на своих местах только в случае, если они прекратят публичные высказывания.

И все же трагическая история не заглохла совсем. В 1964 г. беженцы из земли асматов добрались до торгового и административного центра Дару, в австралийском Папуа. Многие из них (около 35 человек) утверждали, будто среди асматов широко распространено мнение о том, что Майкл Рокфеллер был убит воинами Осчанепа, «сварен и съеден с саго».

Впервые деревня Осчанеп упоминается в 1952 г., когда китайцы, охотники за крокодилами, посетили деревушку в надежде выменять у местных жителей саго и трепангов, которых те ловят у берегов. Но, к несчастью, прибыли китайцы на лодках из деревни Омадесеп, враждовавшей с Осчанепом. В возникшей перепалке китайцы приняли сторону омадесепцев. Тогда погибло шесть женщин и двое мужчин из Осчанепа. В декабре 1955 г. голландский патрульный офицер Роб Эйбринк Янсен, добравшись с местными полицейскими до Осчанепа, обнаружил, что жители приготовились к обороне. Поперек реки были навалены стволы деревьев, повсюду установлены ловушки с острыми кольями. Не желая кровопролития, Эйбринк Янсен повернул обратно.

Между тем жители Омадесепа уже познали вкус крови. В 1957 г. им удалось убить семерых воинов из Осчанепа, когда те возвращались домой. Несколько месяцев спустя воины Осчанепа устроили засаду около реки Эвта и убили двенадцать врагов. В мужских домах появлялись

куши, там непрерывно происходили «ндао покумбуи» — церемонии, связанные с охотой за головами. И так как юноша в этих местах может жениться лишь после того, как предъявит воинам отрубленную голову врага, не приходится удивляться, что именно в те годы заключалось столько браков. Мало-помалу страсти улеглись, куши стало меньше. Но в целом, как говорят, для жителей обеих деревень — Омадесепа и Осчанепа — это были «урожайные» годы.

В 1958 г. голландские власти решили положить конец бессмысленной войне. Полицейский инспектор Диас и его помощники арестовали 11 жителей деревни Омадесеп, обвинив их в убийстве осчанепцев. В надежде образумить местных жителей полицейские сожгли мужской дом, изъяли оружие и продырявили боевые пироги.

Тем временем другой патрульный офицер, Лапре, попытался атаковать деревню Осчанеп, чтобы навести там порядок и восстановить власть. Обнаружив, что деревня превосходно защищена, Лапре возвратился за подкреплением. К нему присоединился Диас с отрядом полицейских, вооруженных пулеметами. Им преградили путь свыше двухсот воинов из Осчанепа. Наступающие были вынуждены (во всяком случае, так они утверждали) открыть огонь. Пули сразили многих воинов, и среди них трех близких родичей нового вождя Аяма. Охваченный ненавистью к белым людям, кто бы это ни был, Аям поклялся отомстить.

Убил ли он Майкла Рокфеллера, выполняя клятву?

Сегодня никто не может с достоверностью ответить на этот, как и на другие вопросы: по-

чему экспедиция, направленная на поиски Рокфеллера, не добралась до Осчанепа?

Трое вождей, которые, возможно, могли бы приподнять завесу тайны, — Аям, Фин и Пеп — теперь безмолвствуют. Все трое погибли во время межплеменной войны в 1967 г.

Куши Майкла Рокфеллера, по-видимому, принес деревне Осчанеп великую ману и затмил страх перед новым нападением со стороны воинов Омадесепа.

Чтобы выяснить причины, по которым ведется охота за головами, почитаем рассказ асмата из Сагопо, одной из самых северных деревень (заодно приблизимся к тайне гибели Майкла Рокфеллера).

— Когда я вышел из юношеского возраста и почувствовал себя взрослым, — рассказывает Мбисин, — мои отцы (взрослые воины, живущие в мужском доме) решили, что мне пора выдержать испытание.

— Каким образом ты это почувствовал?

— Я чувствовал, что мне пора иметь женщину, пора придать моему семени мужскую силу. Для этого нужны ан и мужской череп, иначе не удастся выполнить церемонию, связанную с охотой за головами. Я отправился вместе с одиннадцатью отцами. Всю ночь мы плыли по реке, а когда наступило утро, спрятались в тростнике. Мы знали, что недалеко находится деревня Ти, и как раз там мы рассчитывали раздобыть голову.

— А разве вы воюете с жителями Ти?

— Нет.

— Почему же тогда вы собирались убить человека из этой деревни?

— Я же тебе объясняю: нужна была голова, чтобы сделать меня взрослым.

— Жители Ти так же поступают с вами?

— Не знаю. Мы редко узнаем, кто ворует наших людей.

— Когда солнце стояло высоко на небе, мы увидели двух женщин, которые шли в нашу сторону. Но нам нужен был мужчина, и мы боялись, как бы они не подошли слишком близко и не обнаружили нас. В последний момент они повернули в другую сторону. Вслед за ними появились трое молодых мужчин. Они волокли длинный ствол — вероятно, чтобы перебраться по нему через болото. Дерево было тяжелое, они с трудом несли его. Нам повезло: все трое были настолько поглощены своим занятием, что, казалось, позабыли обо всем на свете.

Мы без труда подкрались совсем близко — они думали только о том, как бы протащить дерево, и это занятие было им явно по душе. Тогда мы выскочили из своего укрытия и ударили ближнего мужчину дубиной по голове. Одновременно мы отрезали остальным пути отхода и крикнули, что не тронем их, пусть только скажут имя своего убитого товарища. «Его зовут Бонту! — закричали они в ответ. — О, добрые люди, позвольте нам бежать!»

— И вы отпустили их?

— Нет, не то они быстро привели бы подкрепление. Мы убили их с помощью сок, отрезали у Бонту голову. К счастью, мы не повредили череп. Позднее из него сделали очень красивый куши. Но надо было торопиться, потому что двое мужчин перед смертью сильно

кричали. Мы потащили тело Бонту с собой, забросили в лодку и поплыли вниз по течению вдоль берега, густо заросшего манграми. Здесь мы спрятались на ночь и хорошо слышали, как жители Ти искали нас. Они пришли в бешенство, орали, что нас ждет ужасная смерть. Мне было очень страшно, но еще больше я боялся показать свой страх отцам. Рано утром, до того как забрезжил рассвет, мы уплыли прочь.

Дома в йеу была большая радость. Взрослые мужчины танцевали весь следующий день до самого вечера, а несколько моих отцов разрезали тело Бонту на куски и варили в большой йовсе (земляной печи), которую вырыли посреди площадки перед мужским домом. Кое что перепало и женщинам, но лучшие куски — печень, половой орган — съели отцы. При этом они рассказывали всевозможные истории о том, как угощались мясом других людей, которые в разное время были их жертвами. Мне мяса не полагалось, ведь я не прошел посвящения в мужчины.

В черепе сделали отверстие, просунули в него бамбуковую трубку, и шаман высосал из нее мозг. Мои отцы съели мозг вместе с гусеницами, собранными со стеблей саго, и саговой кашей, очищая во время трапезы череп, наполняя глазницы и ноздри смолой и втыкая в нее ракушки и жемчужинки. Под конец они украсили куши перьями казуара.

Наконец наступил момент, которого я так долго ждал. Всех молодых девушек усадили длинной вереницей. Они сидели раскинув ноги, а я проходил вдоль всего ряда и должен был

остановить свой выбор на одной из них. Я выбрал в жены Мипу. Шаман поместил между ее ног куши, я стоял над ним и, раскачиваясь, приговаривал: «Это Бонту. Он пришел из Ти и останется тут на вечные времена, а ты будешь моей женой, пока я живу на земле». Затем мне велели сесть на самый большой бис, воздвигнутый в честь первого предка. Шаман велел мне раскинуть ноги, куши забрали у Мипу и поставили передо мной. Я должен был три дня и три ночи сидеть на одном месте и не спускать глаз с черепа. Глаза закрывать нельзя, нужду я должен был справлять, не вставая с места.

По прошествии трех суток пирогу разукрасили охрой и мелом, усадили туда молодого Мбисина вместе с куши и провели еще ряд церемоний. Когда он возвратился, то все взрослые женщины, широко расставив ноги, выстроились от берега до самого мужского дома. И лишь после того, как Мбисин прополз под ними, он стал считаться взрослым мужчиной.

— Мой народ занимается этим столько же, сколько существует мир, — продолжает Мбисин. — Мы и сейчас считаем, что ни один мужчина не достоин иметь потомство, пока он не добудет куши для мужского дома своей родной деревни. Но возможно, что мой народ добывает головы лишь там, где еще не побывали люди — котеки со своим оружием.

Пока не доказано, был ли Майкл Рокфеллер действительно убит асматскими воинами и попал ли его череп в качестве куши в одну из окрестных деревень. Об этом можно только строить догадки на основании противоречивых рассказов. Приведем одну из историй. Ее поведа-

ли трое асматов, которые в 1969 г. бежали в Дару из деревни, находившейся, как они утверждали, вниз по течению реки Эвта. В этих местах можно было обнаружить только один населенный пункт — деревню Осчанеп. В 4—5 часах ходьбы от нее на реке Фареч находится деревня Омадесеп. По словам беглецов, Майкла Рокфеллера нашли воины из Омадесепа, охотившиеся в болотах на пук-пуков (крокодилов). Он был очень слаб, и они доставили его в Осчанеп, где он якобы и умер. Соблазн сохранить его голову был слишком велик. Самого Майкла съели, но оставить голову в йеу не решились и спрятали в потайном месте на болотах.

О рассказчиках давно никто ничего не слышал. Возможно, они сами промышляют теперь охотой за головами на реке Флай в Папуа. Сведения их так никто и не проверил. Дарсоно, который много лет провел в Мерауке и считается специалистом в вопросах охоты за головами, никогда не слышал об экспедиции к реке Эвта в поисках головы Майкла Рокфеллера.

— Куши в йеу найти нетрудно, — считает он, — Но кто поручится, что это голова Майкла Рокфеллера?

Впрочем, есть еще один способ проверить судьбу Майкла Рокфеллера. Если среди нынешних асматов в тех местах найдется мужчина 1961-1962 года рождения по имени Майкл (или Майк), то почти наверняка Рокфеллер нашел свое последнее убежище в желудках асматских воинов, а его куши в йеу.

Любовь, женщина, Арктика — тема совершенно особая. И только возвращаясь к «Загадкам и трагедиям Арктики» Каневского, мы сможем «поднять» эту тему и узнать еще одну тайну еще одной женской души.

В 1912 г. в Ледовитый океан почти одновременно отправились несколько русских морских экспедиций. С эпохи Татьяны Прончищевой миновало чуть ли не два века, и вот в составе экспедиций 1912 г. оказались две женщины, две молодые дамы, и обе погибли неизвестно где и когда, и при каких обстоятельствах...

Француженка Жюльетта Жан вместе со своим женихом, полярным геологом Русановым, вышла в море на борту маленького парусно-моторного судна с грозным именем «Геркулес». Ерминия Жданко «увязалась», как шутили матросы из экипажа баркентины (ее также называли шхуной) «Святая Анна», за экспедицией под начальством лейтенанта Брусилова, который не был ей ни мужем, ни женихом. Она «увязалась» и совершила то, что с полным правом можно назвать подвигом.

Дочь одного русского генерала и племянница другого, главы отечественной военной гидрографии, Ерминия Александровна Жданко росла человеком решительным и смелым. Еще во время русско-японской войны, когда ей не было и четырнадцати, она едва не укатила к отцу, чтобы вместе с ним защищать Порт-Артур! Узнав о том, что ее дальний родственник Георгий Львович Брусилов намерен пройти на

своей «Святой Анне» из Петербурга вокруг Скандинавии и дальше, по всему Северному морскому пути (ведя по дороге добычу морского зверя, что, по замыслу Брусилова, окупило бы все расходы на предприятие и даже принесло бы немалую прибыль), девушка загорелась желанием попасть на борт судна. Она собиралась совершить морское путешествие в качестве обыкновенной пассажирки хотя бы до Александровска-на-Мурмане (ныне город Полярное, недалеко от Мурманска), где предполагала сойти на берег. Ей шел тогда двадцать второй год.

Несколько лет назад в одном научном сборнике по проблемам географии и истории Крайнего Севера Д. А. Алексеевым были впервые опубликованы (с некоторыми сокращениями) письма Ерминии Жданко родным. В них она живо, непосредственно, обнаруживая при этом глубокое понимание возникшей ситуации, описала все происходившее «на суше и на море» в связи с плаванием «Святой Анны», а происходило там всякое. Ни в Петербурге, ни в Александровске-на-Мурмане, последнем «оплоте цивилизации» на арктическом маршруте, на борту шхуны по непонятным причинам не явились несколько членов экспедиции. В их числе были лейтенант Андреев, друг детства Брусилова, и, что куда более серьезно, судовой врач. Кроме того, еще во время стоянки в Норвегии со «Святой Анны» неожиданно сбежал судовой механик.

Рассказывая близким, какой превосходный человек Георгий Львович, как бессовестно обманывают его непорядочные люди, Ерминия Жданко, уже успевшая принять близко к сер-

дцу все заботы и огорчения Брусилова, пишет 10 сентября 1912 г. родным: «Этого Андреева я видела на «Святой Анне» в Петербурге. И как-то сразу почувствовала недоверие и антипатию... С Андреевым должны были приехать в Александровск ученый Севостьянов и доктор... но вдруг накануне отхода оказалось, что ему «мамочка не позволили», а попросту он струсил... Между тем, когда об экспедиции знает чуть ли не вся Россия, нельзя допустить, чтобы ничего не вышло... Аптечка у нас большая, но медицинской помощи, кроме матроса, который был когда-то ротным фельдшером, никакой. Все это на меня произвело такое удручающее впечатление, что я решила сделать, что смогу, и вообще чувствовала, что если я тоже сбегу, как и все, то никогда себе этого не прощу».

Необходимо небольшое объяснение. Незадолго до описываемых событий девушка закончила курсы сестер милосердия и, верно оценив критическую обстановку, решительно настроилась занять место судового медика, вакантное в результате дезертирства врача. Положение осложнялось тем, что Ерминия еще не оправилась от какой-то болезни (в одном из писем она успокаивает родителей, уверяя их, будто «не так слаба, как прежде»). К тому же сама ее идея остаться на «Святой Анне» и принять участие в плавании, которое наверняка окажется и трудным, и небезопасным, встретила самое резкое сопротивление Брусилова. Девушка определенно нравилась ему, он успел за недолгое время знакомства убедиться в том, что Ерминия и храбра, и благородна, и бескорытна (она пожертвовала на нужды эк-

спедиции двести рублей из своих личных, достаточно скромных средств, и командир «Святой Анны» не мог не оценить этот поступок), однако ее участию в дальнейшем рейсе он всячески противился. Но в конце концов дал согласие на то, чтобы Мима — так звали ее близкие — послала отцу телеграмму-запрос. Генерал ответил лаконично: «Путешествию Владивосток не сочувствую. Решай сама».

Она «решила сделать что смогу», и дописала письмо от 10 сентября: «Во Владивостоке будем в октябре или ноябре будущего года... Пока прощайте, мои милые, дорогие. Ведь я не виновата, что родилась с такими мальчишескими наклонностями и беспокойным характером, правда?»

Это ни в коем случае не было эффектным порывом экзальтированной барышни, способной на проявление сиюминутного милосердия, — ЕRMиния отчетливо представляла себе, что ждет ее впереди, ведь недаром она указала датой предполагаемого завершения экспедиции конец будущего, 1913 г. Она понимала, что им (и ей в том числе) предстоит по меньшей мере одна зимовка в полярных льдах — дело по тем временам никак не женское. Она не могла не осознавать, что обрекает себя на жизнь среди двадцати трех мужчин, причем в подавляющем большинстве — совсем не ее круга. В последнем письме с дороги, отправленном с острова Вайгач, прорывается тревожное признание: «Сама не понимаю, как хватило сил расстаться...»

«Святая Анна» не пришла во Владивосток ни в 1913-ом, ни в последующие годы. Она вообще не пришла никуда, а бесследно исчезла во

льдах Центральной Арктики, оказавшись во-влеченной в длительный вынужденный дрейф. Шхуну унесло вдоль западных берегов Ямала далеко на север, в высокие широты. Миновали почти два года ледового плена, и в апреле 1914 г., когда судно находилось за восемьдесят третьей параллелью, одиннадцать членов ее экипажа во главе со штурманом Валерианом Ивановичем Альбановым покинули ее, надеясь добраться до ближайшего берега — Земли Франца-Иосифа. До этого архипелага дошли всего несколько человек, и лишь двоим, самому Альбанову и матросу Александру Конраду, посчастливилось спастись: их совершенно случайно обнаружили на одном из островков участники другой русской экспедиции под командованием Георгия Седова (уже погибшего к тому времени при безуспешной попытке штурмовать Северный полюс). Альбанов и Конрад доставили на Большую землю судовые документы «Святой Анны», а через несколько лет штурман выпустил книгу-дневник, где правдиво рассказал обо всем, что пережили они за два года дрейфа и пешего перехода по дрейфующим льдам. Из этого произведения можно узнать все о Ерминии Жданко, вплоть до того момента, когда группа Альбанова покинула шхуну.

На протяжении всего рейса, растянувшегося минимум до весны 1914 г., а скорее всего, до 1915 г., ибо непосредственных угроз для судна в то время не наблюдалось, «наша барышня», как ласково называли ее моряки, неизменно оставалась самым добрым, самым преданным общему делу членом экипажа, самым верным товарищем каждому матросу. Заболева-

ли, сдавали наиболее сильные мужчины — капризничали, ссорились, швыряли в сердцах тарелки с супом чуть ли не в голову «обидчику», выкрикивали непристойности, ввязывались в драки... А она терпела.

Страдая от болезней, былых и приобретенных в плавании и дрейфе, ощущая на себе, юной нежной горожанке, всю силу и власть северной стихии (а она пережила их две, не исключено, даже — три зимовки во льдах), Ерминия Жданко врачевала и утешала, успокаивала и возрождала к жизни павших духом, о чем обстоятельно повествует книга Альбанова. Своим долготерпением и надеждой на благоприятный исход экспедиции она ежедневно, ежеминутно несла облегчение всем остальным.

Была ли на борту «Святой Анны» «полярная любовь»? Некоторые современные авторы, рассказывающие о той драматической экспедиции, приводят слова, якобы произнесенные матросом Конрадом много лет спустя после его возвращения на Большую землю: «Все из-за бабы получилось...» Однако сама эта фраза находится в прямом противоречии с тем, что мы знаем о девушке, в том числе и от штурмана Альбанова. Могли ли возникнуть лирические отношения на борту арктического судна? Конечно, могли, но ничего противоестественного в том нет. Некоторые азартные повествователи говорят об этом, как о свершившемся факте, вот только никак не могут договориться между собой о конкретном объекте девичьей любви!

«Она, несомненно, влюбилась в Брусилова, и он отвечал ей взаимностью», — твердят одни.

«Нет, не скажите, — включаются в разговор другие, — посмотрите на фотографию Альбанова, могла ли такая пылкая натура, как Ерминия, устоять перед обаянием штурмана?» Но ни в письмах с борта «Святой Анны» (будь то письма Брусилова или Жданко), ни в книге Альбанова не содержится никаких намеков на то, что на шхуне возник традиционный «треугольник», приведший в итоге к размолвке между командиром и штурманом.

О самом конфликте достаточно откровенно и убедительно рассказано Альбановым. «Я уходил с судна вследствие возникшего между мною и Брусиловым несогласия... Сейчас, когда я спокойно могу анализировать наши отношения, мне представляется, что в то время мы оба были нервнобольными людьми... Из разных мелочей, неизбежных при долгом совместном житье в тяжелых условиях, создавалась мало-помалу уже крупная преграда между нами. Терпеливо разобрать эту преграду путем объяснений, выяснить и установить недочеты нашей жизни у нас не хватило ни решимости, ни хладнокровия, и недовольство все накоплялось и накоплялось».

Сегодня дать оценку подобным взаимоотношениям куда как просто: обычная психологическая несовместимость, столь типичная практически для любой экспедиции, действующей в трудных условиях. И нет ни малейшей надобности «привлекать» дополнительную любовь, ревность и прочие личные обстоятельства, почему-то вызывающие как у людей пишущих, так и людей читающих повышенный интерес и преувеличенные эмоции.

Главное, однако, в другом. В любом случае Ерминия Жданко проявила в том плавании высшие человеческие качества. Если она любила Альбанова, то пожертвовала чувством (и собою!), осталась с теми, кто нуждался в ее помощи. Если она любила Брусилова, ей, очевидно, пришлось преодолеть величайшее искушение уйти вместе с группой Альбанова — все, что нам известно теперь о ее гордом и твердом характере, убеждает в одном: пассивному ожиданию проблематичного спасения она наверняка предпочла бы активное действие, т.е. поход по льдам к Земле Франца-Иосифа.

Она осталась на шхуне, прекрасно понимая, что и судно, и люди на нем обречены. Так Ерминия Александровна Жданко, первая и, кажется, единственная до сих пор женщина, совершившая по меньшей мере двухлетний высокоширотный дрейф, весной 1914 г. сознательно пошла на смерть ради других.

Судьба «Святой Анны», по-видимому, никогда не прояснится. Совершенно бесспорно, что и шхуна, и оставшийся на ней экипаж погибли, причем вряд ли позднее 1915 г., если учитывать состояние людей, болезни, нехватку продуктов. Впрочем, это вовсе не означает, что само судно обязательно должно было пойти ко дну. Высказывают, в частности, одну гипотезу, кажущуюся поначалу фантастической, однако, как говорится, чем черт не шутит: в 1914 г. разгорелась первая мировая война, и «Святая Анна», вынесенная течениями в Северную Атлантику предположительно в 1915 или 1916 г., могла стать жертвой германской подводной лодки.

А на карте Архипелага Земли Франца-Иосифа появились ледниковый купол Брусилова, мысы Альбанова и Ерминии Жданко.

ГЛАВА 31

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕЗ ШАНСОВ НА УСПЕХ

В этой короткой главе будет рассказано несколько жутких историй, которые действительно произошли с людьми, попавшими по воле случая в экстремальные условия во время путешествий по суше и по морю. С этой целью будут приведены отрывки из очерков, опубликованных в книге «Приключения поневоле» из серии «Странствия и приключения».

Предлагаем «пощекотать» нервы художественно обработанной документалистикой Г. Г. Лятиева:

Английское судно «Ист стар» вело летний китовый промысел в Южной Атлантике близ Фолклендских (Мальвинских) островов. Удача не баловала моряков. Но вот в один из февральских дней 1891 года с «Ист стар» углядели кашалота. Тотчас на воду были спущены два вельбота. Тот, что был порезвей, приблизился к жертве, и сразу два китобоя вонзили гарпуны в спину кита. Внезапно раненое животное, истекавшее кровью, набросилось на вельботобидчика и подбросило его высоко вверх. Восемь китобоев — экипаж посудины, — словно горох посыпались в волны. Но тут подоспел второй вельбот. Его гарпунеры добились кита. Моряки расколошмаченного вельбота были подобраны этой второй лодкой. Но китобоев ока-

залось не восемь, а только шесть. Двоих посчитали утонувшими.

Через два часа кашалот был принайтовлен к борту «Ист стар», моряки начали разделку туши. На эту работу ушел остаток дня и вся ночь. Утром на палубу подняли кровавый желудок кита, и моряки сгрудились вокруг него: всем было интересно, что в нем. (В желудках кашалотов находят огромных рыб, кальмаров, акул и даже несъедобные предметы: поплавки, буи, доски и т.п. — ведь эти млекопитающие не пережевывают пищу, а глотают добычу целиком, хотя их пасть вооружена пятьюдесятью зубами, причем каждый зуб — с килограмм). Боцман топором профессионально вскрыл утробу — и...

Вскрики изумления и ужаса, исторгнутые полусотней просоленных глоток огласили море окрест. Весь в вуали блестящей желтоватой слизи, скрюченный, в желудке покоился их товарищ Джеймс Батли. Да, Джеймс Батли, уже занесенный в вахтенный журнал «Ист стар» вместе со вторым несчастным матросом как «утонувший при добывании кита». Батли был жив, но пребывал в глубоком шоке, сердце его билось. Китобои вынули товарища из «гроба», положили на палубе и стали отливать холодной водой.

Довольно скоро Джеймс очнулся, забился в конвульсиях, бессвязно забормотал. Потрясенные китобои, чуть не плача от жалости, перенесли матроса в кубрик, уложили в постель. Судовой доктор влил Джеймсу в рот добрую порцию универсального лекарственного средства — рома, хорошо укутал его в одеяло, смазал лицо и шею какой-то подвернувшейся мазью.

Батли почти все время спал в те три недели, которые понадобились ему, чтобы прийти в норму. Лишь кожа на участках тела, которые не были защищены одеждой во время исполнения китобоем роли «содержимого китового желудка», была пятнисто-белая, словно обожженная пергидролем, и не заживала.

Свои ощущения «съеденного» Батли товарищам по судну и — по возвращении в Англию — репортерам газет изложил следующим образом. Сразу после того, как он, вывалившись из поддетой китом лодки, с затаенным дыханием оказался под вспененной поверхностью моря, его окружила темень. Затем китобой почувствовал, что его несет куда-то по скользкой, пышущей жаром трубе с периодически сжимающимися стенками. Но скоро ему стало свободнее, труба расширилась, движение прекратилось (это Батли провалился в желудок кита, в его передний отдел). Здесь, в абсолютной темноте и тиши, до моряка дошло с полной ясностью: он живьем проглочен кашалотом, обречен на смерть. В отчаянии и тоске он ползал по едкой жидке желудка, ища выход, но всюду натыкался на нечто вязкое, скользкое, упругое. От жаркого смрада захватывало дыхание.

Запредельный ужас объял Джеймса Батли, и от глубокого шока он потерял сознание. Больше он ничего не помнил. Снова он ощутил себя, когда с отвращением к жизни, с болями во всем организме очнулся на лежаке в кубрике своего китобойца.

На родине Джеймс Батли сразу стал знаменитым человеком, «лакомым куском» для прессы. Публикациям о нем не было конца.

Вот наиболее броские заголовки: «Случай века!», «Невероятно: человек пробыл во чреве кита 16 часов!».

Просвещенный мир разделился на два противоположных лагеря (так всегда бывает при осмыслении экстраординарного случая): верящие и не верящие в подлинность приключения Батли. Можно уважать доводы не верящих. Но надо понять и верящих: действительно, с чего бы это морякам с «Ист стар» вздумалось пойти на обман, измышляя эту историю, да еще торжественно лжесвидетельствовать в ее пользу?

Однако, по мнению некоторых биологов, такой случай возможен, так как матрос был одет в брезентовую одежду, предохранившую его от зубов кашалота и от действия желудочного сока. Кроме того, в желудке млекопитающих всегда имеется воздух, а в бессознательном состоянии человек потребляет очень малые его количества.

Конец истории таков. Джеймс Батли, хотя и с подорванным здоровьем, недолго задержался на берегу. Душа его неудержимо рвалась в море, и он нанялся на небольшое судно, отправлявшееся в далекий рейс. Через пять лет родственникам Батли, совсем еще молодого человека, пришло сообщение о его смерти. Ее причиной стали последствия удивительного приключения поневоле.

А вот «речное» приключение.

...В начале XX века в Центральной Америке к востоку от Венесуэлы и к северу от Бразилии существовало целых три Гвианы: Британская, Нидерландская и Французская. Граница

между нидерландской и французской территориями от океана и на много километров на юг проходила по реке Марони. Это сравнительно широкий и глубокий поток очень мутной воды шоколадного цвета. Достаточно глубокий, чтобы в него могли заходить крейсера тех времен. Один такой крейсер — французский — назывался «Топаз» и нес пограничную службу. Время от времени для пополнения продовольствия крейсер делегировал членов экипажа в поречные селения, не разбирая, где «берег левый, берег правый». С удовольствием входя в контакт с индейцами, моряки покупали у них бананы, кокосы, рис, сладкий картофель. Нравы были на военном флоте Франции всегда свободными, и моряки с «Топаза» не были стеснены в сношениях с аборигенами. Понятно, французские моряки не были бы моряками и главное, французами, если бы чаще и охотнее не общались с представительницами прекрасной половины туземного народа.

Молодость влюбчива — все это знают по себе. И вот второй кок крейсера Гастон дю Барт влюбился в одну индианку. Итак, она звалась Атала, принадлежала к краснокожему племени чамбис и была дочерью колдуна-знахаря. Тот имел еще двоих сыновей, промышлявших охотой и ловлей рыбы. Нечего и говорить, что Атала была необыкновенно хороша собой: будто вылитое скульптором из красной меди лицо с большими черными глазами и маленьким чувственным ртом; копна черных, идущих бисером волос на прелестной головке; гибкое «фигуристое» тело с небольшими торчащими грудками. Вдобавок девушка обладала кротким

и в то же время веселым характером и неумеренной энергией.

Экипаж крейсера очень удивился, когда узнал однажды, что дю Барт собирается жениться на туземке и что та согласна и даже готова ради своего избранника покинуть родные края и уехать в «страну бледнолицых». Устав корабельной службы ВМФ Франции не запрещал морякам обзаводиться семьей, и в один прекрасный день 1902 года дю Барт отправился на берег, обвенчался с Аталой и привез ее на корабль.

Очень скоро мадам дю Барт сделалась добрым гением судна: она убирала помещения, содержа их в образцовом порядке, а в свободное время услаждала песнями слух моряков, разгоня иногда томившую их ностальгическую тоску, или лечила заболевших.

...Через 6 месяцев после свадьбы Атала родила Гастону сына. Рожала индианка на берегу, в своем селении, в хижине отца-колдуна и оставалась там несколько месяцев. И вот Атала захотела вернуться на крейсер. «Топаз» встал на якорь у фарватера реки напротив селения, приветственно гуднул.

Для переправки молодой мамы с грудным ребенком братья Аталы снарядили пирогу. До этого индианка не раз доставлялась на крейсер братьями, поэтому Гастон, наблюдавший теперь, стоя на палубе вместе с другими моряками, за плывущей лодкой, был спокоен, хотя на реке гуляли крутоватые волны. Пирога с Аталой, ее братьями и крошкой-сыном прошла половину пути, когда случилось «кораблекрушение». Лодка налетела на огромное притопленное дерево —

одно из множества постоянно плывущих по Марони — почти встала «на попа».

Горестный вздох, исторгнутый одновременно всеми наблюдателями на крейсере, раздался над рекой. Братья, стоявшие по краям пироги, бросились за борт, чтобы не задавить сидевшую на корме сестру. Атала же от толчка выронила сына, и он тотчас исчез под водой.

Растерянность владела матерью лишь мгновение, за которое она, с безумством в глазах оглядевшись, увидела братьев, плывущих к берегу (они, как и все чамбис, панически боялись) пираний. Затем индианка нырнула вслед за ребенком, который медленно погружался на глубину; медленное погружение обуславливалось тем, что малыш был запеленат в самотканую простынку из растений, слабо намокавших в воде, и драгоценный сверток имел лишь слабую отрицательную плавучесть. В мутной воде ничего, разумеется, не было видно. Неизвестно, что определило успех: интуиция ли матери, позволившая угадать точку ныряния, или нечто в духе понятия «божий промысел», но факт остается фактом: Атала поймала сверток! В несказанной радости она буквально выпрыгнула из воды в обнимку с бесценным комочком жизни. Ребенок не захлебнулся — существует, говорят, у грудничков интуитивная способность безнаказанно пробыть под водой достаточно большое время. И вот уже отважная индианка плывет к крейсеру. Плывет на спине, гребя ногами и держа в высоко поднятых руках сына. Время от времени женщина останавливалась, чтобы оглядевшись, определить, выдерживает ли она направление на «Топаз».

...Гастон дю Барт, увидев, как перевернулась пирога и скрылись под водой его жена и сын, оцепенел и едва не лишился чувств. Но оцепенение длилось недолго, и не успела еще Атала вынырнуть вместе со спасенным чадом, как кок прыгнул в воду с высокого борта и мощными саженками поплыл на помощь своим близким. Тут настала пора опомниться и другим очевидцам драмы. Моряки не канителились: через минуту шлюпка, движимая восемью гребцами, полетела вслед Гастону. Вскоре Атала и Гастон, первая не сильно, а второй здорово покусанные пираньями, вместе со своим первенцем были доставлены на крейсер.

Много позже, почти в тех же местах, о которых мы только что упомянули, произошла драма, достойная пера «острых» киносценаристов.

Англичанин Виктор Норвуд — бизнесмен, путешественник, писатель — 1953—1954 годы провел в Британской Гвиане (Гайана), куда отправился развеять скуку, а если повезет, то и разбогатеть, добывая алмазы и золото. Вначале один, затем с нанятым проводником-индейцем по имени Чарли и наконец вновь один (заболевший и потерявший споровку индеец был съеден крокодилами), Норвуд исходил по болотистой сельве или проплыл на плотках по рекам, которых в Гайане просто невероятное количество, ни много ни мало — тысячу километров.

Возвращался он в цивилизованные районы страны с горсткой собственноручно добытых алмазов и золота, бережно уложенных в поясные сумки. Тогда-то с Виктором Норвудом и

приключилась история, из которой он вышел живым только благодаря отваге и решительности. Дело было так.

В одну из ночей путешественник внезапно пробудился с чувством смутной тревоги. Костер, который он жег вечером, погас, сквозь густую листву сельвы тысячью огоньков призрачно светила луна. Вдруг совсем рядом послышался осторожный шорох, и Норвуд увидел, как темные фигуры перебегают от дерева к дереву. «Индейцы», — решил Виктор и притянул к себе ружье.

— Кто там? Что надо? — громко спросил путешественник по-английски и по-испански.

Несколько секунд неподвижности, а затем из-за деревьев одна за другой появились человеческие фигуры — их было около двадцати, в руках у них сверкали мачете. Норвуд тоже поднялся на ноги, вскинул ружье, не понимая, что нужно от него незнакомцам. Увидев, что англичанин вооружен, бандиты (это были именно бандиты — либо беглые арестанты, либо одичавшие неудачники-старатели), остановились. Они находились уже так близко от Виктора, что тому были хорошо видны их лица и жалкие лохмотья, служившие им одеждой. Вперед выступил высокий худой человек в драном армейском кителе.

— Американец? — спросил он Норвуда по-испански.

— Англичанин. А вы?

Главарь бандитов сделал шаг вперед, путешественник направил на него ствол ружья.

— Но-но, — лицемерно улыбаясь, прохрипел кителеносец. — Мы же хорошие ребята, и мы

друзья англичан. У тебя есть жратва? А то мы голодны как волки.

— У меня нет лишней еды. Я почти все потерял при наводнении (был сезон дождей, и то, что сказал Виктор, соответствовало действительности).

— Ты никак один? — Главварь оглянулся на шайку, и все хищно оскалились. В эту минуту бандиты походили на стаю волков.

Норвуд понял, что эти люди собираются его ограбить и убить, и в подтверждение его догадки двинулись на него.

— Стойте! — крикнул Виктор. — Буду стрелять! У меня вам нечем поживиться! Проваливайте!

Он угрожающе положил вторую, свободную от ружья руку на пистолет, висевший у пояса.

— Неужто так ничего и не найдется у тебя для бедного панчо? Даже песчинки золота? — сказал главварь.

Англичанин промолчал, а шеф-бандит повернулся к подчиненным, выкрикнул на непонятном для Норвуда языке какое-то распоряжение.

В лунном свете мелькнуло мачете. Путешественник инстинктивно нагнулся, но с опозданием: орудие попало ему в голову, нанеся скользящий удар. Мир в глазах Норвуда, помутившись, повернулся на все 180 градусов. По шее заструилась кровь. Виктор разрядил оба ствола в толпу, раздались крики раненых. Уже теряя сознание, погружаясь в тревожную темноту беспомощности, он успел выхватить пистолет и выстрелить прямо в злорадную рожу подбежавшего вплотную главного «волка».

Бандиты подумали, что Норвуд где-то при-

прятал большую часть сокровищ, только поэтому они не прикончили его. «Волки» разожгли громадный костер и, расположившись вокруг, затеяли свару из-за трофеев, предварительно выпив рому. Многие бандиты были пьяны и до этого.

Очнувшись, Виктор с негодованием в душе наблюдал, как они грязно ругались из-за золота и алмазов, доставшихся ему не просто так, а ценой безмерных страданий и лишений. Но жизнь для него была дороже драгоценностей, и он радовался тому, что остался цел. С облегчением он установил, что руки и ноги у него не связаны. Внезапно один из бандитов поднялся и, поигрывая мачете, шагнул в Норвуду — «волк» заметил его шевеление. Виктору не терпелось вскочить на ноги и убежать, но он сдержал себя и сделал вид, что все еще без сознания. Но не так-то легко было провести разбойника. Тот пнул Норвуду в ребра, перевернул ногой на спину и плюнул ему прямо в лицо. Слепая ярость овладела Виктором Норвудом — такого обращения он вынести не мог. Презрев всякую опасность, он вскочил, ударил противника носком сапога в пах, потом со всей силы стукнул ребром ладони по горлу. «Волк» качнулся назад, схватился руками за шею и рухнул прямо в костер.

Норвуд бросился бежать. Бандиты погнались за ним, ругаясь на чем свет стоит. Но так как большинство из них были пьяными, беглецу удалось оставить преследователей далеко позади. Он нырнул в кустарник, пробираясь напролом, пересек небольшой ручей и выскочил на узкую звериную тропу. Но вскоре на ней показались темные фигуры преследователей, и Виктор от-

ступил в тень. Бандиты, шумно дыша, проскочили мимо. Тогда Норвуд направился обратно к костру, намереваясь захватить побольше своего имущества и скрыться. Вдруг в зарослях рядом с ним что-то зашевелилось, и сильным ударом Норвуд был сброшен в ручей, который он в тот момент переходил. Путешественник быстро поднялся, у самого его горла сверкнула сталь мачете. Он невольно вскинул правую руку — острое лезвие порезало ему пальцы. «Волк» снова замахнулся на обезумевшего от боли Виктора, но тот плеснул ему в глаза водой, ударил коленом в живот и кулаком по голове. Рыча от яростного возбуждения, Норвуд вцепился в шею бандита, повалил в ручей. Он держал голову врага под водой до тех пор, пока тот не перестал дергаться и не обмяк. Затем Норвуд вышел на берег, оторвал от своей полуистлевшей рубашки лоскут, обмотал им пальцы.

Вокруг трещали кусты — это бандиты искали его. Но шум погони постепенно отдалялся, и вскоре воцарилась зловещая тишина. Теперь Норвуд мог осмотреть ужасные раны на сильно вспухшей руке: мизинец и безымянный палец перерублены у самого основания и висят на полосках кожи; средний и указательный прорезаны до кости, и лишь большой палец остался невредимым.

Путешественник, соблюдая особую осторожность, пробрался к лагерю. Костер еще горел, но людей не было видно. Греясь около костра, Виктор обмотал полоской от заметно укоротившейся рубашки раненую голову, отрезал подобранным с земли мачете два безнадежных пальца, запеленал потуже заузившуюся ладонь и долго сидел,

с омерзением думая о только что пережитом. «На огромном пространстве практически необитаемых джунглей, где человек подобен иголке в стоге сена, Провидение устроило мне свидание с людьми. Причем не с нормальными, с добрыми намерениями людьми, встреча с которыми могла бы только обрадовать меня. Нет, с законченными негодяями, «волками» — без морали и жалости. В результате я не только лишен добытых с таким трудом драгоценностей, но в одночасье превращен в инвалида. Медикаментов у меня нет, а путешествию еще не видно конца...» — Виктору Норвуду было от чего прийти в отчаяние!

Тем временем рассвело. В страшной тоске путешественник поднялся, обошел вокруг кострища. Только и нашел он что раскрытый, вдавленный в землю футляр от фотопленок да разбросанные фотопленки. Больше Норвуд ничего не обнаружил. Отвратительные люди-волки похитили у него все.

Один в джунглях. До городка Летем на реке Такуту, где начиналась авиатрасса на Джорджтаун — столицу этого края, бизнесмену, путешественнику, писателю предстояла трудная дорога в несколько сотен километров.

Наверняка, в жизни каждого искателя приключений и путешественника случались волнующие и трагические ситуации, о которых можно составить целую книгу.

В самом деле, настоящее путешествие — не для слабых духом и телом. Но нельзя забывать и о том, о чем говорил еще Софокл: «На свете много сил могучих, но сильнее человека нет на свете никого».

Список использованной литературы

Алексеев Д.А., Новокшонов П.А. По следам таинственных путешествий. — М.: Мысль, 1988. — 205 с.

Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. — М.: Изд. Иностранной литературы, 1950.

Блон Ж. Великий час океанов. Т. 2. Атлантический океан; Тихий океан; Полярные моря. Пер с фр. А.М.Григорьева. — М.: Славянка, 1993. — 446 с.

Вавилов Н.И. Пять континентов. — М.: Госизд-во географич. лит., 1962. — 256 с.

В.И.Войтов «Морские робинзоны». — М.: Мысль, 1971. — 157 с.

Казаков Б.И. Осколки Луны. — М.: Знание, 1991. — 144 с.

Каневский З.М. Загадки и трагедии Арктики. — М.: Знание, 1991. — 192 с.

Кублицкий Г.И. Весь шар земной... — М.: Дет. лит., 1986. — 318 с.

Ланге П.В. Великий скиталец: Жизнь Христофора Колумба. Пер. с нем. — М.: Мысль, 1984. — 224 с.

Лебедев Н.К. Завоевание Земли. Популярная история географических открытий и путешествий. Т. 1. М.: Военное изд. ВС Союза ССР, 1947.

Ляtieв Г. Г. Приключения на воде. — Приключения поневоле. — М.: Знание, 1993. — 48 с. (Сер. «Странствия и приключения», № 1—2).

Маклин Э. Капитан Кук. Пер. с англ. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. — 136 с.

Маликин Н.А. «Принципат Августа» (М.-Л., 1949).

Малов В.И. «Затерянные экспедиции». — М.: Просвещение, 1980. — 127 с.

Марков С.Н. Земной круг. Книга о землепроходцах и мореходах. — М.: Современник, 1976. — 623 с.

Маслов А.А. Невозможная цивилизация. — В кн. Мифы исчезнувших цивилизаций. Саратов: «Надежда», 1996. с.342-365.

Митчел М. Эль-Кано. Первый кругосветный мореплаватель. Пер. с англ. — М.: Мысль, 1977. — 191 с.

Пигафетта А. Путешествие Магеллана. Пер. с итал. — М.: Гос. изд.-во географич. лит., 1950.

Последняя экспедиция Р. Скотта.

Приключения поневоле. — М.: Знание, 1993. — 48 с. (Сер. «Странствия и приключения», № 1—2).

Пристли Р. Антарктическая Одиссея. — Л.: Гидрометеиздат, 1989.

Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1982.

Репин Л.Б. Там, за далью... Книга о землепроходцах и о том, как они открывали землю. — М.: Знание, 1991. — 288 с.

Ржосницкий В.Р. Открытие Америки Колумбом. — С.-Петербург: Изд. С.-Петербургского ун-та, 1994. — 93 с.

Свет Я. Джеймс Кук. — М.: Мысль, 1979. — 110 с.

Узин С.В. Загадочные земли. — М.: Географгиз, 1950.

Фальк-Рённе А. Путешествие в каменный век.

Среди племен Новой Гвинеи. Пер. с датск. — М.: «Наука», 1986. — 197 с.

Хенкок Г. Следы богов. В поисках истоков древних цивилизаций: Пер. с англ. — М.: Вече, 1997. — 496 с.

Хенниг Р. Неведомые земли. (пер. с нем.) В 4-х томах. — М.: Изд. Иностран. лит., 1961—1963.

Черри-Гаррард Э. Самое ужасное путешествие. Пер. с англ. — Л.: Гидрометеоиздат, 1991. — 552 с.

Шифман И.Ш. Александр Македонский. — Л.: Наука, ЛО, 1988. — 208 с.

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — “Книги по почте”.

Научно-популярное издание

ТАЙНЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

Автор-составитель *Синякович Сергей Владимирович*

Ответственный за выпуск *Т. Г. Ничипорович*

OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.04.98.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 27,72. Усл. кр.-отт. 28,14. Уч.-изд. л. 19,01.

Тираж 11 000 экз. Заказ 1676.

Фирма «Литература». Лицензия ЛВ № 149 от 14.01.98.

220050, Минск, ул. Ульяновская, 39—11.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.

220013, Минск, ул. Я. Кол.:са, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Энциклопедия тайн и сенсаций

ТАЙНЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

От Атлантики до Инда
Открытие страны пряностей
Дороги и царства ислама
Магеллан, которого мы не знаем
Жизнь и смерть капитана Кука
Крушение Лаперуза
В лабиринтах непознанной Африки
«Затерянный мир» полковника Фосетта
Южная тайна столетий
Вытесненные с карт
Призраки Ладовитого океана
От удара молнии?
Ритуал с позолоченным человеком
Загадочное наследство адмирала Рейса
Страшные трапезы Новой Гвинеи